

Семейная библиотека

ЯН
БЖЕХВА

АКАДЕМИЯ

пана

Кляксы

Семейная библиотека

Ян Бжехва

АКАДЕМИЯ
пана
КЛЯКСЫ

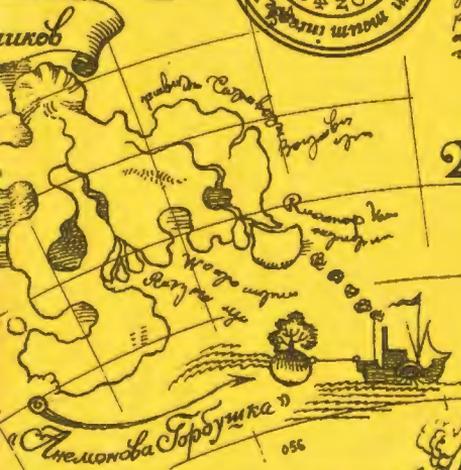

Горы
ручьи
лесная
область
духов.

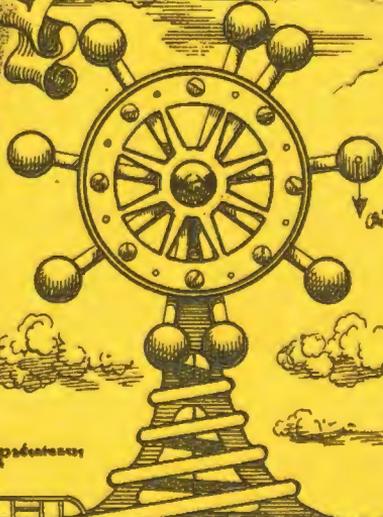

Пашинная зем
преображение дождя
и классификация
Пашинная земля
делается на классы
зависит в первую очередь
от состава и обработки почвы
и от количества влаги
в почве.

27

Сотворенные

Сотворенные

Горы
ручьи
лесная
область
духов.

925

Семейная библиотека

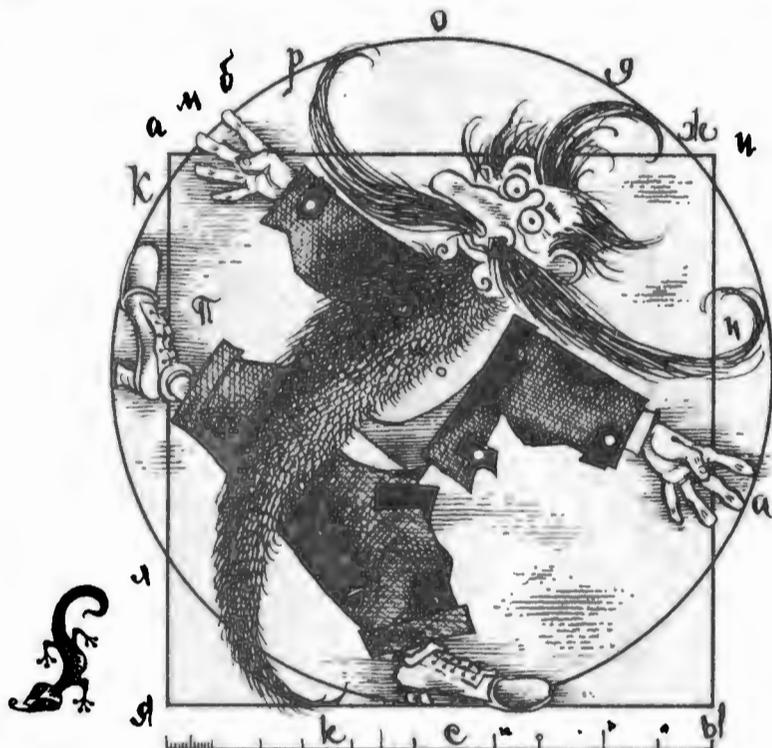

ППО "Интерфейс"
Москва 1994

пан А. КЛЯКСА

ACADEMIA

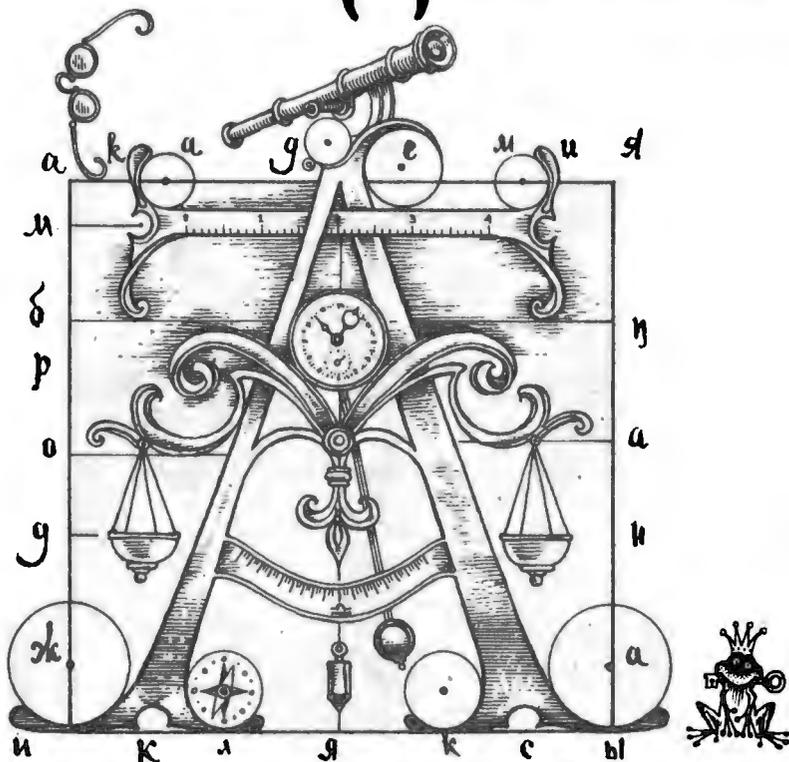
Сочинения
в трёх частях

*Семейная
библиотека*

ЯН БЖЕХВА

АКАДЕМИЯ

ПАНА КЛЯКСЫ

ПЛПО "Интерфейс"

Москва 1994

Ян Бжехва

Академия пана Кляксы. Повести-сказки.

Сост. Д. М. Исаков. — М., ТПО «Интерфейс»,

1994 — 448 с., ил. (Серия «Семейная библиотека»)

В очередную книгу серии «Семейная библиотека» впервые на русском языке вошла трилогия Яна Бжехвы: «Академия пана Кляксы», «Путешествия пана Кляксы», «Триумф пана Кляксы», иллюстрированные художником Г. Кундоусом.

Автор проекта художественного оформления серии «Семейная библиотека» и компьютерная графика Д. Исаков

Художник Г. Кундоус

Техн. редактор и компьютерная верстка В. Томилин

Корректор Е. Дюковлева

Ответственный редактор Э. Лаврова

Финансовый директор Е. Боровикова

©Д. Исаков

©Я. Бжехва

©Худ. Г. Кундоус

©Е. Соколов

©М. Ландман

©Р. Пуришинская

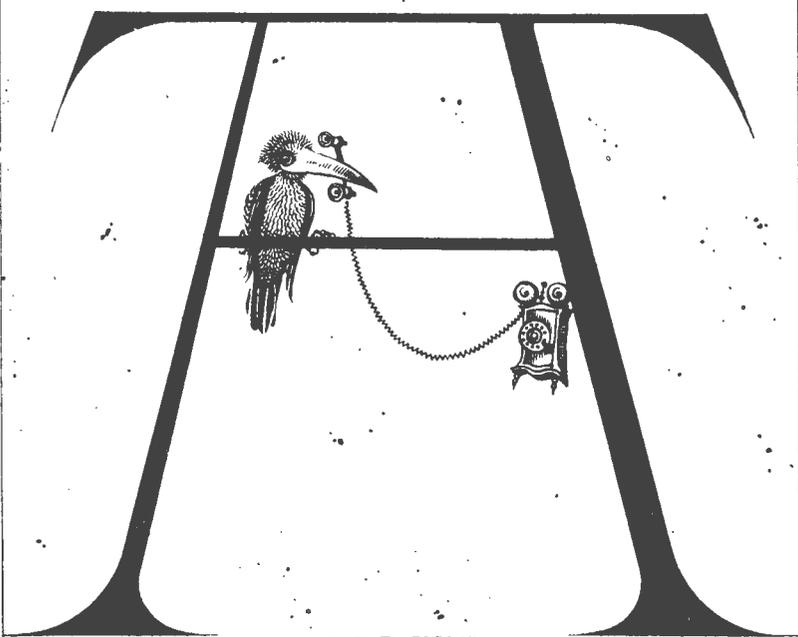
©Л. Хайкина

Б $\frac{4702010201-010}{K27(03)-92}$ Без объявл.

ISBN 5-7016-0015-7

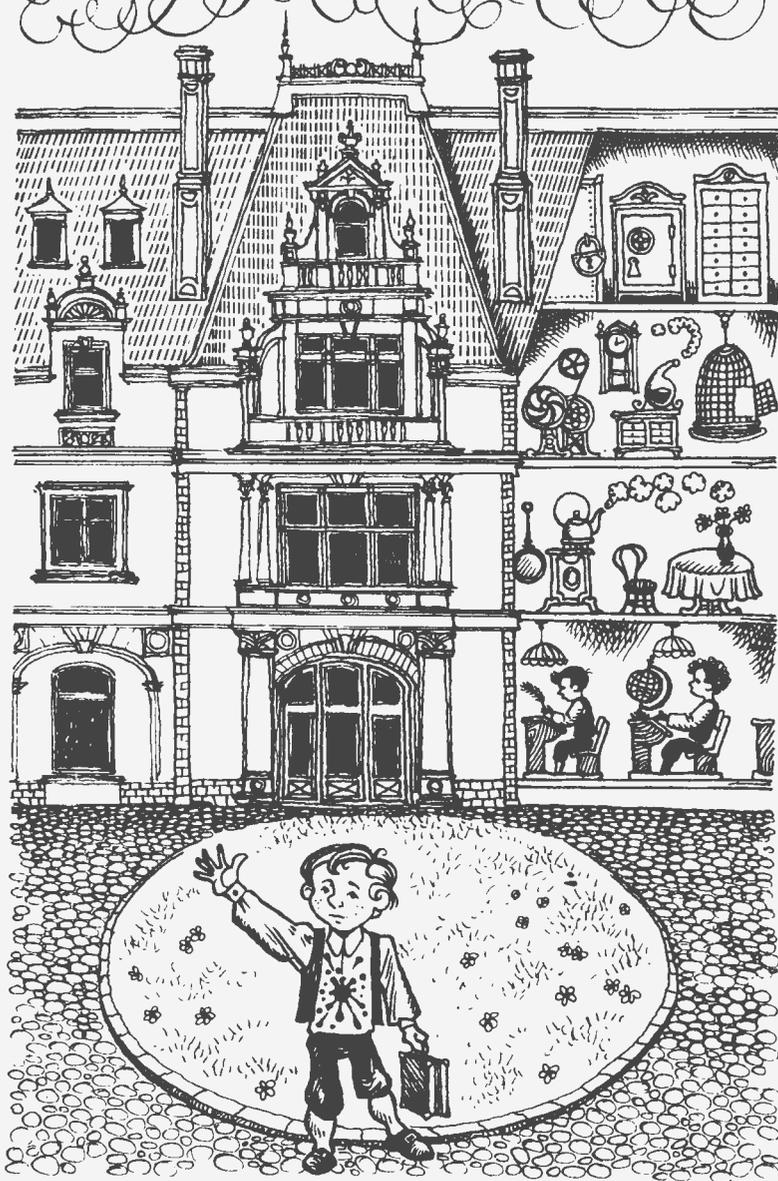
часть первая

АКАДЕМИЯ

пана
КЛЯКСЫ

Академия леди Кляксы

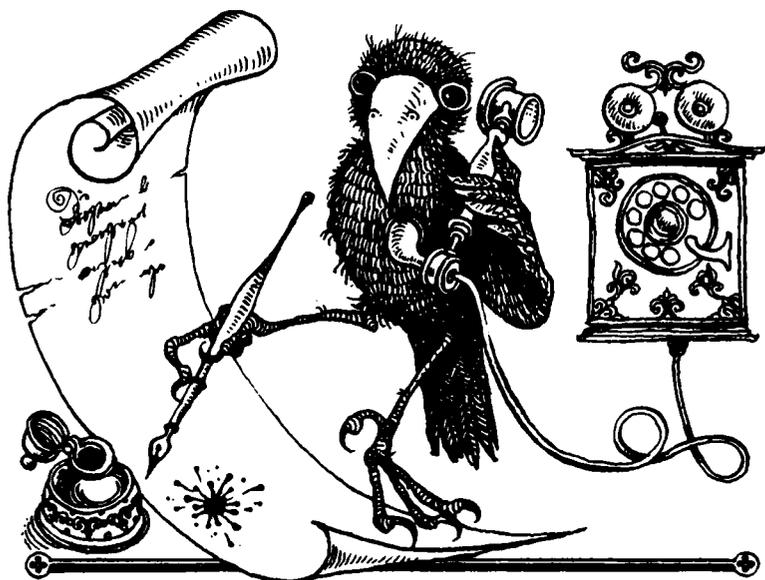
ЭТА И ДРУГИЕ СКАЗКИ

Меня зовут Адам Несогласка. Мне двенадцать лет, и вот уже полгода, как я учусь в академии пана Кляксы. Покуда я жил дома, у меня вечно что-нибудь не ладилось. Я опаздывал в школу, не успевал приготовить уроки, и за что бы я ни взялся, все у меня валялось из рук. Стоило мне дотронуться до стакана или блюда, как они разлетались вдребезги. Я терпеть не мог морковного супа, а дома, как назло, каждый день меня заставляли есть морковный суп, потому что он полезен для здоровья. Словом, когда в довершение всех бед я облил чернилами скатерть, мамин новый костюм и свои штаны, родители решили отдать меня на воспитание пану Кляксе.

Академия находится в самом конце Шоколадной улицы, в большом четырехэтажном доме из разноцветного кирпича. На четвертом этаже пан Клякса хранит свои самые сокровенные тайны. Входить туда никому не разрешается, но, если бы даже кому-нибудь и взбрело в голову туда забраться, он бы не смог, потому что лестница ведет только до третьего этажа. И пану Кляксе самому приходится лазить туда через трубу.

На первом этаже размещены классы, где идут уроки, на втором находятся спальня и столовая, и, наконец, на третьем, в одной комнате, живут пан Клякса и Матеуш. Остальные комнаты закрыты на ключ.

Пан Клякса принимает в академию только мальчиков с именами на букву "А", чтобы не засорять себе голову всеми буквами алфавита. Поэтому в академии учатся четыре Адама, пять Александров, три Анджея, три Альфреда, шесть Антониев, один Артур, один Альберт и один Анастаси, итого двадцать четыре ученика. Пана Кляксу зовут Амброжи, так что во всей академии только Матеуш — не на "А". Но Матеуш не в счет. Это не ученик, а ученый скворец пана Кляксы. Матеуш умеет прекрасно говорить, но в каждом слове произносит почему-то лишь

окончание. Вот, например, как он отвечает по телефону: "Демия ана Яксы ушает!" Это значит: "Академия пана Кляксы слушает!"

Ну где тут постороннему человеку что-нибудь понять! Зато пан Клякса и его ученики отлично понимают Матеуша. Матеуш готовит с нами уроки и часто замещает пана Кляксу в школе, когда тот отправляется на охоту за бабочками.

Да, я чуть не забыл сказать, что наша академия стоит посреди огромного парка, пересеченного оврагами, ямами, канавами, и огорожена высокой каменной стеной. Выходить за ограду без пана Клякса нам запрещено. Ведь это не обычная ограда. Правда, той стороной, что выходит на улицу, она ничем не отличается от других оград, такая же ровная, гладкая, только с большими застекленными воротами посередине. Но зато с других трех сторон в стене множество железных дверец, расположенных одна возле другой и закрытых на маленькие серебряные замки.

Эти дверцы ведут в соседние сказки, с которыми пан Клякса в большой дружбе. На каждой дверце — табличка с названием сказки. Тут сказки Андерсена и братьев Гримм, сказка о Щелкунчике, о Рыбаке и Рыбке, о Белоснежке и Семи гномах, о Гусях-лебедях и много-много других.

Никому еще не удавалось сосчитать, сколько в стене дверец. Начнешь считать — и тут же собьешься, опять начнешь — и опять запутаешься, потому что там, где первый раз выходило двенадцать, в другой раз получается двадцать восемь, а там, где вы только что насчитали девять, оказывается то тридцать одна, то шесть, то еще сколько-нибудь. Даже Матеуш не знает, сколько всего дверец, и говорит: “Жет, о, жет, ести”. Это значит: “Может, сто, может, двести”.

Ключи от дверей пан Клякса хранит в большой серебряной шкатулке и всегда помнит, какой из ключей от какого замка. Часто он посылает нас в какую-нибудь сказку за покупками. Больше всего везет мне, потому что я рыжий и сразу бросаюсь в глаза. Как-то раз у пана Кляксы кончились спички, он подозвал меня, дал мне маленький золотой ключик на золотом колечке и сказал:

— Адась, сбегай в сказку Андерсена про Девочку со Спичками и попроси для меня коробок спичек.

Вне себя от радости я помчался в парк и уж не знаю, каким чудом оказался у нужной мне дверцы. Через секунду я был по ту сторону ограды. Глазам моим предстала многолюдная улица незнакомого города. Шел снег, хотя у нас в это время было лето. Прохожие поживались от холода, а мне было тепло, и ни одна снежинка на меня не упала. Я очень удивился.

Заметив это, ко мне подошел высокий седой человек, погладил меня по голове и сказал:

— Здравствуй, мальчик! Я Андерсен! Чему ты удивляешься? Тому, что здесь снег и мороз, в то время как у вас июнь и поспевают черешни? Да? Но ведь ты совсем из другой сказки. Как ты сюда попал?

— Я пришел за спичками. Меня послал пан Клякса.

— Так ты от пана Кляксы! — радостно воскликнул Андерсен. — Я очень люблю этого чудака. Сейчас получишь спички.

Он хлопнул в ладоши, и тут же из-за угла показалась маленькая продрогшая девочка со спичками. Андерсен взял у нее один коробок и подал мне:

— На, отнеси пану Кляксе. Не горюй, не плачь о бедной девочке. Это ведь только сказка. Все здесь неправда. Все выдуманно.

Девочка улыбнулась мне и помахала на прощанье рукой, а Андерсен проводил меня до дверцы.

Когда я рассказал ребятам о моем приключении, они больше всего позавидовали моему знакомству с Андерсеном.

Потом мне часто доводилось ходить и в другие сказки со всякими поручениями: то за сапогами — в сказку про Кота в сапогах, то за самим Котом, когда в кладовой пана Кляксы завелись мыши. А однажды, когда нечем было подмести двор, я даже ходил за метлой к ведьме из сказки про Лысую Гору.

А в один прекрасный день случилось вот что. К нам в академию явился незнакомец в широком бархатном кафтане, коротких бархатных штанах и шляпе с пером. Незнакомец велел проводить его к пану Кляксе. Нас заинтересовало, кто он и зачем пришел. Пан Клякса долго с ним о чем-то шептался, угощал его таблетками для рращения волос, которые сам всегда принимал. Потом, подозвав меня и одного из Анджеев, промолвил:

— Слушайте, мальчики, этот человек пришел из сказки о Спящей царевне и Семи богатырях. Вчера два богатыря ушли в лес и не вернулись. Сами понимаете, что так сказка окончиться не может. Поэтому я уступаю вас этому человеку на два часа. Только не опаздывайте к ужину.

— Жин есть сов! — крикнул Матеуш.

Это значило: “Ужин в шесть часов”.

Мы ушли с человеком в бархатной одежде. Разговорившись с ним по дороге, мы узнали, что он брат царевны и что нас оденут в такой же бархатный наряд. Мы с радостью согласились, и к тому же нам хотелось взглянуть на Спящую царевну. Я не буду пересказывать содержание сказки, ее, наверно, все знают. Расскажу, что было потом. За участие в сказке Спящая царевна, проснувшись, пригласила нас с Анджеем на полдник. Вряд ли вы знаете, какой полдник у царевен, тем более сказочных. Сначала лакеи принесли на подносах пирожные с кремом, потом отдельно крем в больших серебряных чашах. Каждый получил сколько

хотел. К пирожным был подан шоколад, по три стакана сразу, и в каждом стакане поверху плавали маленькие шоколадки. На столе стояло множество тарелок с марципанами, мармеладом, конфетами и цукатами. А под конец появились хрустальные вазы с виноградом, персиками, мандаринами, клубникой и мороженое в шоколадных стаканчиках.

Царевна улыбалась, уговаривала есть как можно больше, уверяла, что нам это ничуть не повредит. Ведь, насколько известно, в сказках еще никто не страдал, наевшись до отвала, — там все не так, как на самом деле. Я сунул в карман несколько порций мороженого, но оно растаяло и потекло у меня по ногам. К счастью, никто этого не заметил.

После полдника царевна приказала запрячь в маленькую карету двух пони и довезла нас до самой академии.

— Кланяйтесь от меня пану Кляксе, — сказала она на прощанье, — скажите, что я приглашаю его на бабочек в шоколаде. — Потом добавила: — Я столько слышала про сказки пана Кляксы, что когда-нибудь непременно его навещу.

Так я узнал, что у пана Кляксы есть свои сказки, но услышал их гораздо позже.

С этого дня я стал еще больше уважать пана Кляксу и решил подружиться с Матеушем, чтобы у него про все выведать.

Матеуш не слишком разговорчив. Бывают дни, когда он вовсе ни с кем не разговаривает.

Против его упрямства у пана Кляксы имеется особое лекарство — веснушки.

Не помню, говорил ли я о том, что лицо пана Кляксы сплошь усеяно веснушками. Сперва меня удивляло, отчего это веснушки каждый день меняют место: то украшают нос пана Кляксы, то перейдут на лоб, то вдруг появятся на подбородке или на шее.

Оказалось, всему причиной ужасная рассеянность пана Кляксы. На ночь он обычно снимает веснушки и кладет их в золотую табакерку, а утром по рассеянности надевает не на свое место. Табакерку пан Клякса всегда носит с собой, там у него хранятся запасные веснушки разного цвета и размера.

По четвергам из города приходит парикмахер Филипп и приносит новую партию веснушек. Филипп снимает их во время работы со своих клиентов. Пан Клякса долго разглядывает веснушки, примеряет перед зеркалом, потом прячет в табакерку.

По воскресеньям и в праздники ровно в одиннадцать часов пан Клякса сообщает:

— Пора обновить веснушки.

Он достает из табакерки четыре-пять самых больших и красивых веснушек и прилепляет себе на нос.

По мнению пана Кляксы, нет ничего лучше на свете, чем большие желтые или красные веснушки.

“Веснушки благотворно влияют на умственные способности и предохраняют от насморка”, — часто говорил он.

Поэтому, когда кто-нибудь из нас отличится на уроке, пан Клякса торжественно достает из табакерки свежую, не бывшую еще в употреблении веснушку и наклепывает на нос счастливицу со словами:

“Носи ее с честью, мой мальчик, никогда не снимай. Это величайшая награда, какую ты можешь получить в моей академии”.

Один из Александров награжден уже тремя веснушками, а остальные ребята тоже — кто двумя, кто одной. Они носят их на лице с большой гордостью. Я им очень завидую и готов на все, чтобы заслужить такую награду, но пан Клякса говорит, что у меня еще слишком мало знаний.

Так вот, возвращаясь к Матеушу, я должен сказать, что для него веснушки — лучшее лакомство. Он их клюет, как семечки.

Поэтому, как только Матеуш перестает говорить, пан Клякса снимает с лица самую поношенную веснушку и отдает Матеушу. У Матеуша сразу развязывается язык, и ему можно задавать любые вопросы.

Однажды летом пан Клякса уснул в саду, и на него налетели комары. Пан Клякса во сне стал неистово чесаться и содрал с носа все веснушки. Я потихоньку их подобрал и отнес Матеушу. С тех пор мы подружились, и он рассказал мне необыкновенную историю своей жизни.

Передаю ее вам целиком, ничего не утаивая, добавляю только в словах Матеуша недостающие буквы.

ИСТОРИЯ МАТЕУША

Я не птица, я принц. Когда я был маленький, мне часто рассказывали сказки о том, как люди превращаются в зверей и птиц, но я этому никогда не верил.

Но со мною самым приключилась такая же история.

Я родился в королевской семье и был единственным сыном и наследником могущественного монарха. Стены моих покоев были из мрамора и золота, а полы устланы персидскими ков-

рами. Услужливые министры и придворные исполняли любой мой каприз. Каждая слеза, когда я плакал, была на счету, каждая улыбка занесена в специальную книгу королевских улыбок, а теперь — теперь я скворец, который чувствует себя среди птиц таким же чужим, как среди людей!

Моего отца называли великим королем. Несметные сокровища, дворцы, золотые короны, жезлы, драгоценные камни, богатство, какое во сне не приснится, — все это принадлежало ему.

Моя мать была тоже из королевского рода и славилась красотой не только у нас, но и далеко за морем. У меня было четыре сестры, и все они вышли замуж за королей: одна за испанского, другая за итальянского, третья за португальского, четвертая за голландского.

Королевские суда плавали в четырех морях, а войско было таким огромным и могучим, что у нас совсем не было врагов, и все соседние короли искали с нами дружбы.

Я с малых лет пристрастился к охоте и верховой езде. В моей собственной конюшне насчитывалось сто двадцать лошадей арабской и английской породы, а также сорок восемь мустангов.

В моей оружейной были собраны охотничьи ружья, сделанные лучшими оружейниками по мерке, для меня.

Когда мне исполнилось семь лет, отец поручил мое воспитание двенадцати самым знаменитым ученым и велел им научить меня всему, что они сами знают и умеют.

Я учился хорошо, но страсть к верховой езде и охоте настолько увлекла меня, что ни о чем другом я не мог думать.

Вдруг отец запретил мне ездить верхом.

Я плакал горькими слезами, а четыре фрейлины старательно собирали мои слезы в хрустальный флакон. Когда флакон наполнился, в стране объявили всенародный траур, по нашему обычаю, на целых три дня. Весь двор оделся в черное. Приемы, балы и вечера были запрещены. Флаг на дворцовой площади был приспущен, и вся армия в знак скорби сняла шпоры.

Тоскуя по лошадям, я лишился аппетита, перестал учиться и целыми днями сидел неподвижно на маленьком троне, ни с кем не разговаривая.

Но отец не привык отменять свои решения.

Он сказал:

— Моя отцовская и королевская воля неколебима. Здоровье наследника престола для меня важнее, чем каприз моего сына. Сердце мое обливается кровью при виде его горя, но все будет так, как мне посоветовали придворные медики. Принц не сядет на коня, пока ему не исполнится четырнадцать лет.

Не понимаю, отчего придворные медики не хотели, чтобы я ездил верхом. Всем было известно, что я лучший наездник в стране, и народ поговаривал, что я правлю конем не хуже, чем отец королевством.

Ночами мне снились мои татарские скакуны, мои любимые лошади. Иногда я звал какую-нибудь из них — я помнил их всех по именам.

Как-то раз я проснулся среди ночи от тихого ржания. Я вскочил с постели и выглянул в сад. Там на садовой дорожке стоял мой лучший конь Али-Баба, который, наверно, явился на мой зов. Он был оседлан. Увидев меня, он радостно заржал и подошел к самому окну. Я наскоро оделся впотьмах, схватил со стены ружье и бесшумно прыгнул прямо в седло. Конь рванулся

с места, перемахнул через несколько заборов и поскакал куда глаза глядят. Мы мчались, и месяц освещал нам путь. Убедившись, что за мной нет погони, я немного сдержал бег коня и направил его к видневшемуся невдалеке лесу.

Эта скачка привела меня в такой восторг, что я совершенно забыл о запрете отца и о том, что в лесу небезопасно.

В то время мне было восемь лет, но в храбрости я не уступал пяти королевским гренадерам вместе взятым.

Как только я въехал в лес, мой конь стал проявлять непонятную тревогу: замедлил шаг и вдруг стал как вкопанный, дрожа и фыркая.

Дорогу мне преградил огромный волк. Он зловеще скалился, и на морде его застыла пена.

Я натянул поводья и выхватил ружье. Волк, разинув пасть, медленно приближался ко мне.

Тогда я крикнул:

— Именем короля приказываю тебе, волк, уступить мне дорогу, а не то я тебя застрелю!

Волк захохотал человеческим голосом и стал подходить все ближе.

Я взвел курок, прицелился и вlepил весь заряд прямо ему в пасть.

Выстрел был точен. Волк съежился, словно готовясь к прыжку, но тут же растянулся у ног Али-Бабы. Я соскочил с лошади и подошел к убитому зверю. Но, как только я остановился, разглядывая его большую красивую голову, волк, собрав последние силы, приподнялся и вонзил свой острый, как кинжал, клык мне в бедро. Дикая боль пронзила мое тело. Но челюсти волка тут же разжались, и голова его тяжело упала на землю.

Тотчас со всех сторон донесся угрожающий волчий вой.

Теряя сознание от страха и боли, я взобрался в седло и поскакал обратно во дворец. Когда я въезжал в сад, было еще совсем темно. Я пробрался через окно в комнату, отпустив коня восвояси. Моего отсутствия никто не заметил. Я быстро разделся, лег и тут же заснул как убитый. Проснувшись утром, я увидел шестерых медиков и двенадцать мудрецов. Стоя надо мной, они озабоченно покачивали головами. Из раненого бедра медленно сочилась кровь. Медики никак не могли понять причину кровотечения, а я, боясь разгневать отца, ничего не сказал о моей ночной прогулке и встрече с волком.

Время шло, кровь из раны продолжала течь, а придворные лекари никак не могли ее остановить. Были приглашены лучшие хирурги столицы, но их усилия тоже ни к чему не привели.

Кровотечение усиливалось с каждой минутой. Весть о моей болезни разнеслась по всей стране. Толпы людей стояли колена-преклоненные на улицах и площадях столицы, молясь о моем выздоровлении.

Мать, заливаясь слезами, не отходила от моей постели, а отец обратился во все страны с просьбой прислать лучших врачей.

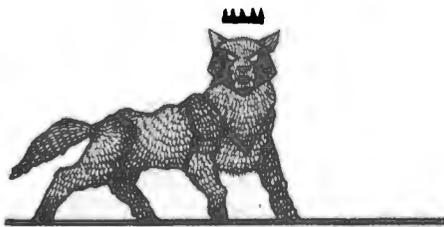
Вскоре их набралось столько, что во дворце не хватало комнат.

Тому, кто меня вылечит, отец обещал награду, равную цене целого королевства, но иноземные лекари торговались и требовали еще больше.

Бесконечным потоком проходили они около моей постели, осматривали и выслушивали меня; одни давали мне капли и таблетки, другие смазывали рану мазью или посыпали ее

какими-то ароматными порошками. Были и такие, которые только молились или произносили таинственные заклинания. Но никто из них не мог меня вылечить. Кровотечение не прекращалось — я угасал на глазах.

Когда близкие и родные потеряли надежду на мое выздоровление, а врачи покинули дворец, видя свое бессилие, стража сообщила о прибытии старого мудреца, которого пригласил мой отец.

Неохотно привели его к моей постели, потому что никто уже не верил в мое спасение, и все королевство погрузилось в глубокую скорбь. Вновь прибывший оказался врачом последнего китайского императора и назвал себя доктором Пай Хи-во.

Отец обратился к нему с рыданием в голосе:

— Доктор Пай Хи-во, спаси моего сына! Если ты исцелишь его, ты получишь столько бриллиантов, изумрудов и рубинов, сколько уместится в этой комнате. Я прикажу поставить тебе памятник на Дворцовой площади, а если захочешь, сделаю тебя моим первым министром.

— Августейший мой господин и справедливый государь, — отвечал доктор Пай Хи-во, поклонившись до земли, — побереги драгоценности для бедняков. Я недостойн памятника — в моей стране памятники ставят только поэтам. И не хочу быть министром, чтобы не навлечь на себя твой гнев. Позволь мне сначала осмотреть больного, а о награде поговорим потом.

Он подошел ко мне, мельком взглянул на рану, приник к ней губами и застыл.

Я сразу почувствовал приток свежих сил. Мне показалось, что кровь переменялась во мне и побежала быстрее по жилам.

Когда через некоторое время доктор Пай Хи-во от меня отстранился, рана исчезла без следа.

— Принц здоров и может встать с постели, — сказал мне ученый, отвешивая, по восточному обычаю, низкий поклон.

Мои родители плакали от радости и горячо благодарили моего избавителя.

— Если это не нарушит этикета вашего двора, — сказал доктор Пай Хи-во, — мне бы хотелось поговорить с моим высококородным пациентом наедине.

Король изъявил свое согласие, и все покинули спальню. Тогда лекарь присел на край моей постели и сказал:

— Я спас тебя, мой маленький принц, потому что знаю тайны, недоступные другим людям. Мне известна причина твоей раны. Ты убил короля волков. Волки жестоко отомстят тебе за это. Впервые король волков пал от руки человека. Отныне ты в большой опасности. Я дам тебе волшебную шапку богдыханов, которую вручил мне перед смертью последний китайский император, с тем чтобы я передал ее в достойные руки.

Доктор Пай Хи-во вынул из кармана шелковых шаровар маленькую круглую шапку черного сукна с большой пуговицей на макушке и продолжал:

— Возьми ее, мой маленький принц, никогда с ней не расставайся и береги как зеницу ока. Если тебе будет грозить опасность, надень эту шапку, и ты сможешь превратиться в кого захочешь. А когда опасность минет, дерни за пуговицу, и ты вернешь свой прежний вид.

Я поблагодарил доктора Пай Хи-во за его доброту, а он поцеловал мне руку и вышел из комнаты. Никто не видел, как он покинул дворец. Он исчез бесследно, ни с кем не попрощавшись и не потребовав награды.

И все же из благодарности к доктору Пай Хи-во мой отец велел устроить большой праздник для бедняков и раздать им двенадцать мешков бриллиантов, изумрудов и рубинов.

Выздоровев, я снова принялся за учение и совершенно охладел к охоте и верховой езде.

Мысль о том, что я убил короля волков, все время мучила меня. Годы шли, а страшная волчья пасть, его сверкающие глаза оставались в моей памяти.

Помнил я также наказ доктора Пай Хи-во и никогда не расставался с волшебной шапкой богдыханов.

Внезапно в королевстве стало твориться что-то неладное. Со всех сторон приходили вести о том, что огромные волчьи стаи нападают на села и города, уничтожая все живое. Все посевы были вытоптаны полчищами волков, продвигавшимися на север.

На дорогах белели человеческие кости.

Обнаглевшие звери среди бела дня врывались в города и деревни и мгновенно опустошали их.

Люди рассыпали в лесах отраву, ставили капканы, выкапывали волчьи ямы, истребляли волков сталью и железом, но их набеги не прекращались. Покинутые дома служили им убежищем. В это тревожное время матери не находили детей, мужья — жен. Рев и визг гибнущего скота не прекращался ни на минуту.

Для борьбы с волками были посланы большие, хорошо вооруженные отряды воинов. Они преследовали хищников днем и ночью, но волков становилось все больше и больше, и вскоре они стали угрожать всему королевству.

Наступил голод. Народ обвинял министров и двор в бездеятельности и предательстве. Недовольство в стране росло. Волки, врываясь в дома, выволакивали оттуда умиравших от голода людей.

Король то и дело сменял министров, но никто не мог помочь несчастью.

И вот однажды волки подступили к столице. Никакая сила не могла их остановить. Ранним ноябрьским утром они ворвались во дворец. Мне было тогда четырнадцать лет, но я был храбр и силен. Я схватил ружье и стал у дверей тронного зала, где находились мои родители.

— Прочь отсюда! — закричал я грозно.

Я готов был выстрелить, как вдруг один из стражников, неподвижно стоявших у входа в тронный зал, схватил меня за руку и, приблизив ко мне лицо, прорычал:

— Именем короля волков приказываю тебе, собака, уступить им дорогу, не то убью!

Ужас охватил меня. Ружье выпало у меня из рук. Я почувствовал страшную слабость, в глазах помутилось — передо мной была красная пасть короля волков.

Что произошло потом, не знаю. Когда я пришел в себя, родителей моих уже не было в живых, волки разбойничали во дворце, а я с пробитой головой лежал на полу под грудой обломков. Я пытался звать на помощь, но мой язык произносил только окончания слов. Это у меня осталось на всю жизнь.

Придя в себя, я понял, что, не завали меня обломками, вряд ли я остался бы цел.

“Что делать? — мучительно думал я. — Как выбраться из этого ада? О боже, боже! Если бы можно было стать птицей и улететь куда-нибудь!”

И тут я вспомнил про волшебную шапку доктора Пай Хи-во. Не потерял ли я ее? Я сунул руку в карман. Здесь! Я уже собирался ее надеть, как вдруг заметил, что на ней нет пуговицы. О ужас! Я мог превратиться в птицу, улететь из дворца, покинуть эту несчастную страну, но потом на всю жизнь остаться птицей без всякой надежды когда-нибудь вернуть свой прежний облик.

Вдруг я услышал зловещее рычание. Из-за обломков показалась огромная волчья пасть.

Медлить было нельзя. Я надел шапку и произнес:
— Хочу стать птицей!

И тут же я уменьшился, мои руки превратились в крылья. Я стал скворцом, каким ты меня видишь.

Я мигом выскочил из-под обломков, вспорхнул на спинку какого-то кресла и вылетел в окно. Я был на свободе!

Долго летал я над моей родиной. Отовсюду до меня доносился только крик убиваемых людей да вой голодных волков.

Села и города опустели. Королевство моего отца перестало существовать и превратилось в груды развалин.

Мечь короля волков была ужасна.

Летая над землей, я оплакивал гибель моих родителей и бедствие, постигшее мою страну. Потом, немного успокоившись, стал думать о потерянной пуговице.

С тех пор как доктор Пай Хи-во отдал мне шапку, прошло шесть лет. За это время я побывал во многих странах и городах. Где и когда я мог потерять эту драгоценную пуговицу, без которой мне никогда не стать человеком?

Я знаю, что никто мне не ответит на этот вопрос.

Я летал поочередно ко всем сестрам, но ни одна из них не поняла меня. Они принимали меня за обыкновенного скворца. Самая старшая сестра, испанская королева, посадила меня в клетку и подарила инфанте в день ее рождения. Но вскоре я надоел капризной принцессе, и она отдала меня служанке, а та продала меня на базаре вместе с клеткой заезжему купцу за несколько медяков.

С тех пор я стал переходить из рук в руки, пока наконец на птичьем базаре в Саламанке меня не купил иноземный ученый, которого заинтересовало мое произношение.

Этого ученого звали Амброжи Клякса.

ПРИЧУДЫ ПАНА КЛЯКСЫ

Рассказ Матеуша тронул меня до глубины души. Я решил во что бы то ни стало разыскать пуговицу и вернуть Матеушу его прежний облик.

Так я стал коллекционером. Я собирал старательно все пуговицы, какие мне попадались, и не только в академии, но и на улице, в трамвае и даже в соседних сказках. Тайком я срезал их перочинным ножиком у прохожих с пиджаков, платьев и пальто. За это мне иногда здорово влетало.

Один почтальон в наказание выкупал меня в канаве, в другой раз какой-то толстяк отхлестал крапивой, а одна важная дама, у которой я оторвал пуговицу, отлупила меня зонтиком.

Но все это меня ничуть не смутило, и я смело могу похвастать, что нигде поблизости нет такой пуговицы, какой бы не было в моей коллекции.

У меня семьдесят восемь дюжин пуговиц, причем все разные. К сожалению, ни в одной из них Матеуш не признает пуговицы с волшебной шапки.

Но я не теряю надежды и буду продолжать поиски, пока не найду волшебную пуговицу доктора Пай Хи-во.

Не понимаю только, почему пан Клякса до сих пор не занялся этим делом. Ведь ему ничего не стоит найти пуговицу и расколдовать несчастного принца.

Ах, пан Клякса все может! Для него нет ничего неосуществимого.

Он может в любое время угадать, кто о чем думает; может сесть на воображаемый стул, который раньше действительно стоял на этом месте, но которого теперь нет; может летать, как воздушный шарик; может маленькие вещи делать большими и наоборот; умеет из цветных стеклышек приготовить любую еду; может снять со свечи огонек и носить его по нескольку дней в кармане.

Короче говоря, пан Клякса может все.

Однажды я во время урока подумал об этом. Пан Клякса угадал, о чем я думаю, и погрозил мне пальцем.

— Послушайте, мальчики, — сказал он, — некоторые из вас считают меня чем-то вроде волшебника или фокусника. Это глупо! Я люблю изобретать и кое-что смыслю в сказках. Но не

больше! Если вам нравится придумывать про меня всякую чушь — пожалуйста, меня это не касается. Выдумывайте сколько угодно. Я не вмешиваюсь в чужие дела. Смешно! Некоторые даже верят, будто человек может превратиться в птицу. Правда, Матеуш?

— Авда, авда! — отозвался Матеуш, сидевший в заднем кармане сюртука пана Кляксы.

— Все это чепуха! Лично я не верю в такие выдумки.

— Ну, а сказки, пан профессор, тоже выдумки? — неожиданно спросил Анастаси.

— Сказки всякие бывают, — ответил пан Клякса. — Некоторые считают, что я выдуман и моя академия выдумана. Но они ошибаются!

Все ученики очень любят и уважают пана Кляксу за то, что он такой добрый и никогда не сердится.

Как-то раз мы встретились в парке. Он улыбнулся и сказал:

— Тебе очень к лицу рыжие волосы, мой мальчик! — Потом посмотрел на меня испытующе и добавил: — Вот сейчас ты подумал, что мне лет сто, верно? А ведь я на целых двадцать лет моложе тебя.

Я в самом деле тогда так подумал, и мне было неприятно, что пан Клякса прочел мои мысли. Но долгое время я не мог сообразить, как это пан Клякса может быть настолько моложе меня.

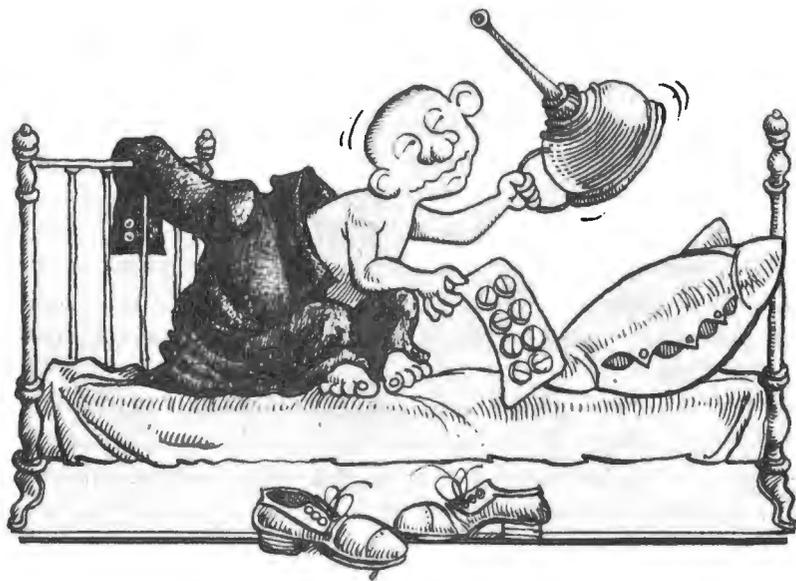
И вот что рассказал мне Матеуш.

На третьем этаже, в комнате, где живут пан Клякса и Матеуш, на подоконнике стоят две кровати величиною с папиросный коробок; в этих кроватках они спят. Неудивительно, что в такой кроватке уместается скворец, но пан Клякса? Этого я не мог понять. Может быть, Матеушу это только мерещится или он просто-напросто выдумывает, но он еще рассказал мне, что каждый день ровно в полночь пан Клякса начинает уменьшаться, пока не станет размером с грудного младенца. У него выпадают волосы, усы, борода, и он как ни в чем не бывало ложится в крохотную кроватку, стоящую рядом с кроваткой Матеуша.

Проснувшись утром, пан Клякса вставляет в ухо увеличительный насос, затем принимает несколько таблеток дляращения волос и таким путем минут через десять становится обычным паном Кляксой.

Увеличительный насос пана Кляксы заслуживает особого внимания. С виду это обыкновенная масленка для швейной

машины. Но стоит пану Кляксе приставить насос к какому-нибудь предмету и несколько раз нажать на доньшко, как этот предмет сразу начинает увеличиваться. Таким образом, пан Клякса из младенца превращается во взрослого человека, а из маленького куска мяса величиною с кулачок prepares жаркое для всей академии. У этого насоса есть большой недостаток:

он увеличивает не все предметы, а только самые необходимые, и они остаются в увеличенном виде недолго, только пока это нужно, а потом снова принимают прежний вид. Поэтому пан Клякса в полночь снова превращается в младенца, а мы после обеда чертовски голодны, так что нам на сладкое приходится съесть еще что-нибудь, приготовленное из цветных стеклышек.

Цветные стеклышки нам приходится запасать в огромном количестве, потому что увеличительный насос на них совсем не действует. Это нас очень огорчает. Но пан Клякса обещал придумать какой-нибудь другой способ для приготовления сладкого.

За утренним завтраком пан Клякса съедает несколько цветных стеклянных шариков и запивает их зеленой настойкой. Этот

напиток, по словам Матеуша, возвращает пану Кляксе память, которую он теряет во время сна.

Как-то утром, когда зеленой настойки не оказалось, пан Клякса не мог вспомнить, кто он, как его зовут; он не узнал собственной академии, перепутал всех учеников и даже Матеуша называл Трезором, приняв скворца за собаку.

Он бродил по академии как безумный и кричал:

— Андерсен! Где мой вчерашний день? Куд-ку-да! Я курица! Сейчас снесу яичко! Отдайте мои веснушки!

Если бы Матеуш не полетел к трем веселым гномам и не взял у них взаймы бутылку зеленой настойки, пан Клякса наверняка сошел бы с ума и навсегда исчезла бы его знаменитая академия.

Позавтракав, пан Клякса налепляет веснушки и одевается. Нелишне описать внешний вид и одежду пана Кляксы.

Пан Клякса среднего роста, но нельзя понять, толстый он или тонкий, потому что одежда на нем сидит мешком. Он носит

широченные штаны, которые во время ветра надуваются, как воздушный шар; просторный сюртук — цвета не то шоколадного, не то бордо; бархатный, лимонного цвета жилет с большими стеклянными пуговицами; высокий стоячий воротник и бархатный бант вместо галстука. Особенное своеобразие костюму пана Кляксы придадут карманы. Их у него видимо-невидимо.

Я насчитал на его штанах шестнадцать карманов, а на жилете двадцать четыре. Зато в сюртуке всего один карман и тот сзади. Этот карман предназначен для Матеуша, и Матеуш может забираться туда когда захочет.

По утрам, когда пан Клякса приходит на работу и собирается сесть в кресло, из заднего кармана доносится душераздирающий вопль:

— Баю, даю! Баю, даю!

Это значит: “Погибаю, пропадаю! Погибаю, пропадаю!”

Тогда пан Клякса, прежде чем сесть, старательно расправляет полы сюртука, чтобы не раздавить Матеуша.

Но не всегда Матеушу приходится предостерегать пана Кляксу. Иногда пан Клякса, войдя в класс, сам говорит:

— Адашь, убери, пожалуйста, кресло.

Я убираю кресло, и пан Клякса как ни в чем не бывало садится на воздух, туда, где оно только что стояло.

В жилетных карманах у пана Кляксы столько добра, что у нас просто дух захватывает. Тут бутылка с зеленой настойкой, табакерка с запасными веснушками, увеличительный насос, снотворный квас, о котором я еще расскажу, цветные стекляшки, свечные огоньки, таблетки для рашения волос, золотые ключики и другие ценные вещи.

Карманы штанов, по-моему, бездонны. Пан Клякса может спрятать туда что угодно и забыть, что у него там лежит. Матеуш рассказывал мне, что, перед тем как лечь спать, пан Клякса опорожняет карманы и складывает их содержимое в отдельной комнате, причем нередко случается, что одной комнаты мало и приходится открывать вторую, а то и третью.

Такой головы, как у пана Кляксы, нет ни у кого другого. У него огромная шевелюра, переливающаяся всеми цветами радуги. А подбородок пана Кляксы обрамлен черной как смоль растрепанной бородой.

Большую часть лица занимает нос; он очень подвижен и поворачивается то вправо, то влево, в зависимости от времени года. На носу сидит пенсне, похожее на маленький велосипед, а под носом растут длинные жесткие оранжевые усы. Глаза у пана Кляксы как два сверла, и, если бы не пенсне, он протыкал бы ими всех насквозь.

Пан Клякса видит абсолютно все — видимое и даже невидимое.

В одном из погребов хранятся маленькие разноцветные воздушные шарики с привязанными к ним корзинками. Недели две назад я узнал, для чего они пану Кляксе.

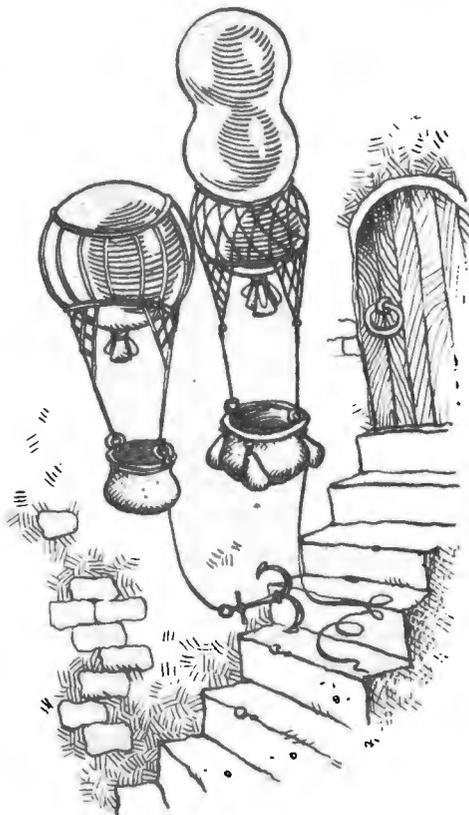
Было это так. Когда мы вставали из-за стола после обеда, из города примчался Филипп с известием, что на перекрестке Резедовой и Смешной улиц застрял трамвай и никто не может его починить. Пан Клякса велел принести из погреба один воздушный шарик, положил в корзинку свой правый глаз, и шарик полетел в город.

— Собирайтесь в дорогу, мальчики, — сказал пан Клякса, — сейчас он вернется. Я узнаю, что случилось с трамваем, и мы пойдем к нему на выручку.

В самом деле, не прошло и пяти минут, как воздушный шарик вернулся и опустился прямо у ног пана Кляксы.

Пан Клякса вставил свой глаз на место и с улыбкой промолвил:

— Все ясно — левое заднее колесо нуждается в смазке, в переднюю ось

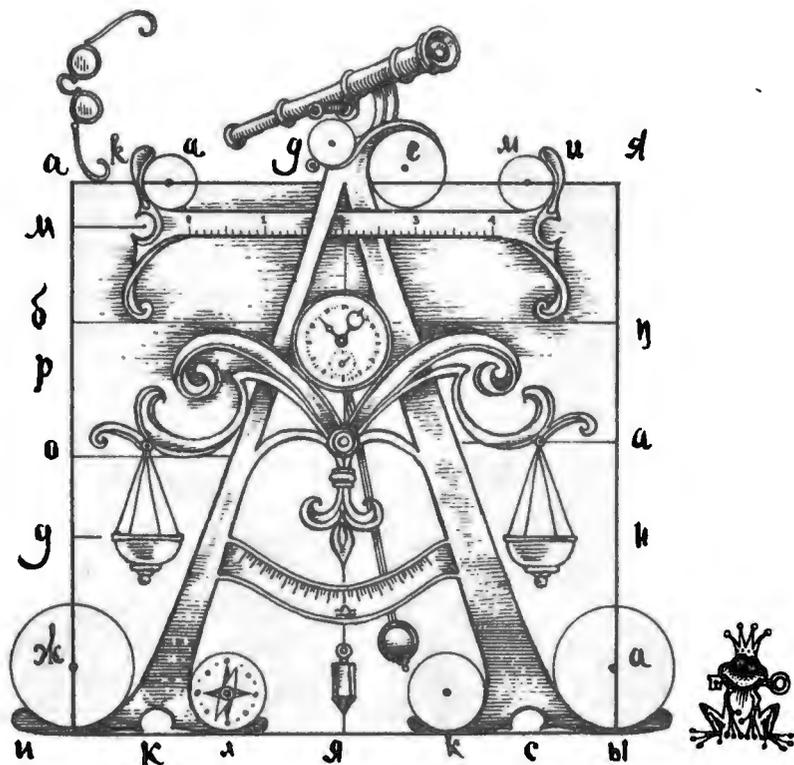
набился песок, на крыше разъединились ведущие от дуги провода, а у вагоновожатого опухла печень. Анастаси, открывай ворота! Шагом марш!

Мы вышли строем на улицу, пан Клякса — сзади. По дороге он снял пенсне и приставил к нему увеличительный насос. Пенсне стало расти. Когда оно достигло размеров настоящего велосипеда, пан Клякса вскочил на него и поехал впереди, указывая дорогу.

Вскоре мы были на Смешной улице. На перекрестке, затормозив движение, стоял пустой трамвай. Несколько слесарей и механиков, пыхтя и вытирая пот, возились вокруг него.

Увидев пана Кляксу, все расступились. Пан Клякса велел нам, взявшись за руки, оцепить трамвай и никого не подпускать. Он подошел к вагоновожатому, корчившемуся от боли, и дал

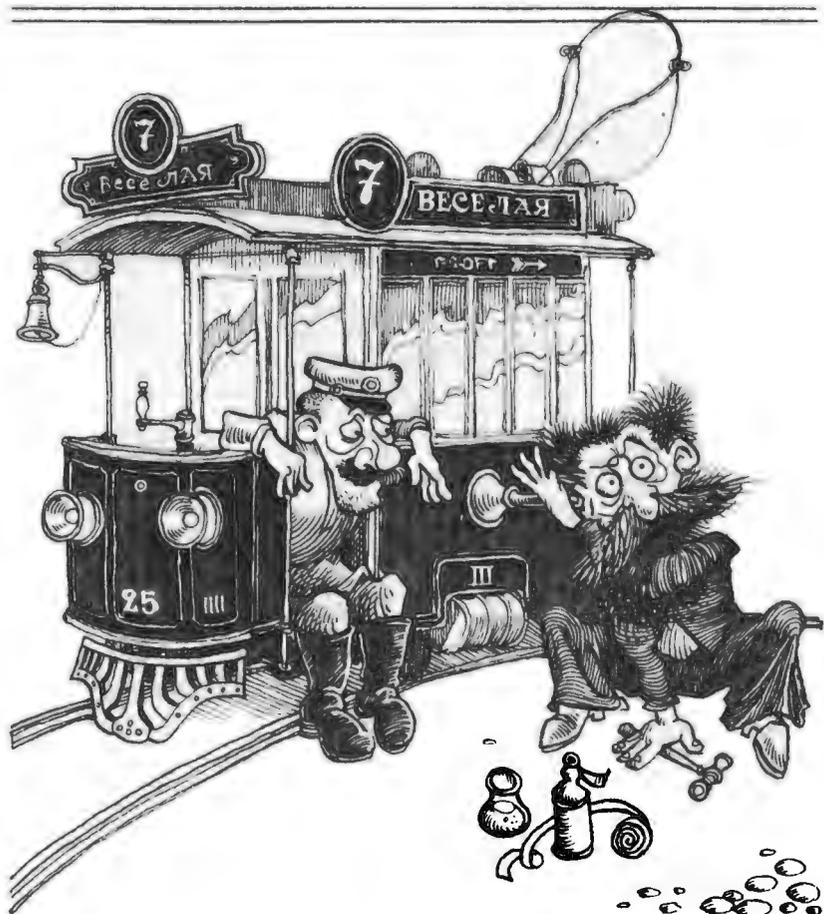

ему проглотить маленькое голубое стеклышко. Потом занялся самим трамваем. Опустил руку в один из своих бездонных карманов и вынул слуховую трубку, молоточек, лейкопластырь, банку желтой мази и бутылку йода; обстукал трамвай со всех сторон, внимательно выслушал его, смазал мотор и руль желтой мазью, а ось — йодом. Взобрался на крышу и слепил пластырем разъединившиеся провода.

Вся эта процедура заняла не больше десяти минут.

— Готово! — объявил торжественно пан Клякса. — Можно ехать!

Вылеченный паном Кляксой вагоновожатый вскочил на площадку, включил мотор, и трамвай, как новенький, легко

заскользил по рельсам. А мы пошли домой, распевая марш академии пана Кляксы.

Через несколько дней я еще раз видел, как пан Клякса, по его выражению, послал глаз в разведку.

Мы сидели у пруда и записывали в тетрадки кваканье лягушек. Пан Клякса научил нас выбирать из кваканья отдельные слоги и складывать из них стишки.

Вот, например, какой у меня получился стишок:

*Для особо важных дел
Месяц с неба в пруд слетел.
Рыбы встали на дыбы:
“Как бы не было беды!”
Отвечал он им, сияя:
“Я ведь рыбка золотая”.
А рыбацк вскричал: “Ха-ха!
Будет славная уха!” -
На крючок поймал разиню
И отнес домой в корзине.*

Так вот, значит, сидели мы у пруда, а пан Клякса глядел в воду. Он так низко наклонился, что из жилетного кармана у него выпал увеличительный насос и пошел ко дну.

Недолго думая я прыгнул в воду, а за мной еще несколько ребят, но насоса мы не нашли. Тогда пан Клякса кинул в воду свой правый глаз и сказал:

— Посылаю глаз в разведку! Пусть укажет, где насос!

Глаз тотчас вынырнул обратно. Пан Клякса вставил его на место и радостно закричал:

— Ура! Я вижу насос — он в яме, где живут раки, в четырех шагах от берега!

Я бросился в воду и ту же нашел насос, именно в том месте, которое указал пан Клякса.

А неделю назад пан Клякса преподнес нам сюрприз. Он велел принести из погреба голубой воздушный шарик, положил глаз в корзинку и объявил торжественно:

— Посылаю глаз на Луну. Хочу узнать, кто там живет, и сочинить для вас сказку про лунных жителей.

Шарик сразу улетел — и пока не вернулся. Но пан Клякса говорит, что еще не время: Луна очень высоко и шарик вернется не раньше Нового года. Пан Клякса смотрит пока одним глазом, а второй залеплен пластырем.

Но вернемся к прерванному рассказу. Совершив утренний туалет, пан Клякса идет вниз, на урок. Собственно говоря, даже не идет, а съезжает по перилам, сидя верхом и придерживая руками пенсне на носу. В этом не было бы ничего удивительно-

го, но пан Клякса так же легко въезжает по перилам вверх. Для этого он делает глубокий вдох, надувает щеки и становится легким как перышко. Он может не только въезжать по перилам, но и летать, когда это ему бывает нужно, как, например, во время охоты за бабочками. Бабочки — одно из самых любимых блюд пана Кляксы, за вторым завтраком он не ест ничего другого.

— Запомните, мальчики, — сообщил он как-то, — вкус еды зависит не от самого продукта, а от его цвета. Мне еда не нужна, я вполне сыт таблетками для рращения волос. Но у меня ужасно чувствительное небо, и я обожаю всякие изысканные блюда. Вот почему я ем исключительно цветную пищу. Например, бабочек,

цветы, разноцветные стеклышки и другие деликатесы, которые сам крашу в какой-нибудь вкусный цвет.

Но я однажды заметил, что, съев бабочку, пан Клякса выплюнул косточку, похожую на косточку черешни или вишни.

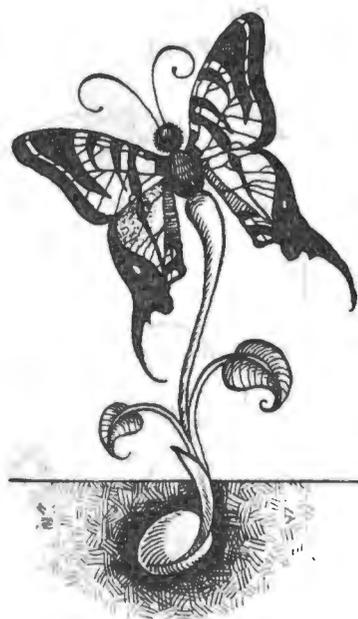

Пан Клякса объяснил мне, что ест только особый сорт бабочек, у которых есть косточки и которые растут в огороде, как фасоль.

Ребятам иногда кажется, что летать, как пан Клякса, совсем не трудно. И они начинают тужиться изо всех сил, надувают щеки, повторяют все движения пана Кляксы, но у них ничего не выходит. У Артура от натуги пошла кровь из носа, а один из Антониев чуть не лопнул.

И я вместе со всеми делал попытки летать, но у меня тоже ничего не получалось, хотя пан Клякса давал нам всем ценные советы.

Но в прошлое воскресенье, после обеда, я случайно сделал глубокий вдох и вдруг почувствовал себя необыкновенно легким, а когда я вдобавок надул щеки, земля выскользнула у меня из-под ног, и я взлетел.

ЗАНЯТИЯ В АКАДЕМИИ

Каждое утро в пять часов Матеуш открывает так называемые шлюзы. Это небольшие отверстия в потолке, расположенные над нашими кроватями. У каждого ученика свой шлюз, так что их ровно двадцать четыре. Когда Матеуш открывает шлюзы, оттуда нам прямо на нос капает холодная вода.

Так Матеуш будит нас.

Одновременно раздается его команда:

— Ать, тва!

Это значит: “Вставать, братва!”

Мы вскакиваем с постели и поспешно одеваемся. Чему сегодня научит нас пан Клякса?

Наша спальня очень большая. Вдоль стен тянутся умывальники, и у каждого из нас свой душ. Мыться одно удовольствие, потому что из душа течет газированная вода с сиропом. Что ни день — другой сироп. Я больше всего люблю малиновый, поэтому моюсь в среду. Сиропа у пана Кляксы хорошо мылятся и дают много пены, так что по утрам наша спальня похожа на огромное бельевое корыто.

Мы одеты в одинаковые синие рубашки, белые штаны, синие чулки, белые башмаки. А провинившихся заставляют надевать желтый галстук в зеленую крапинку. Это довольно красивый галстук, но у нас он считается позорным.

В половине шестого, захватив с собой сонные зеркала, мы отправляемся в столовую.

Там посреди комнаты стоит большой обеденный стол, за которым у каждого из нас постоянное место. Окна здесь с цветными стеклами, чтоб еда была вкуснее.

Пан Клякса завтракает и ужинает отдельно, а во время нашего обеда летает над столом с лейкой в руках и поливает кушанья соусом. Соусы бывают разные, и у всякого свое назначение: белый укрепляет зубы, голубой улучшает зрение, желтый облегчает дыхание, серый обновляет кровь, а зеленый разгоняет хандру.

Матеуш во время еды сидит на цветочном горшке и следит, чтобы мы ничего не оставляли на тарелках.

В шесть часов Матеуш берет в клюв маленький серебряный колокольчик и сзывает всех на перекличку. Мы сломя голову бежим в кабинет пана Кляксы, где он давно ждет нас и в знак приветствия целует каждого в лоб.

После переклички пан Клякса залезает в

большой шкаф и через круглое окошечко принимает от нас зеркальца. Это не простые зеркальца. Ночью они стоят у каждого на тумбочке, и в них отражаются наши сны, а утром пан Клякса проверяет, что нам снилось. Неинтересные и бесполовые сны он выбрасывает на помойку, а хорошие оставляет. Пан Клякса снимает сны с поверхности зеркалец ваткой, смоченной в снотворном квасе, и выжимает в фарфоровое блюдечко. Там они некоторое время сохнут. Потом из образовавшегося белого порошка на специальном станочке пан Клякса штампует таблетки, которые мы принимаем на ночь. Благодаря этому нам сняться все более осмысленные и интересные сны. Самые выдающиеся из них пан Клякса записывает в большой академический сонник.

Уроки у нас начинаются рано, в семь часов утра. И несмотря на это, ни в одной школе ребята не учатся с таким удовольствием, как в академии пана Кляксы.

Во-первых, пан Клякса всегда придумывает что-нибудь новое, а во-вторых, на уроках бывает очень весело.

— Предупреждаю, мальчики, — сказал нам в первый день занятий пан Клякса, — у меня вам не придется заучивать таблицу умножения или правила грамматики. Я просто открою ваши головы и пролью туда свет.

Если вам интересно узнать, какие предметы мы проходим в академии пана Кляксы, могу рассказать про вчерашний день, потому что для описания всех дней не хватило бы места даже в самой толстой книжке.

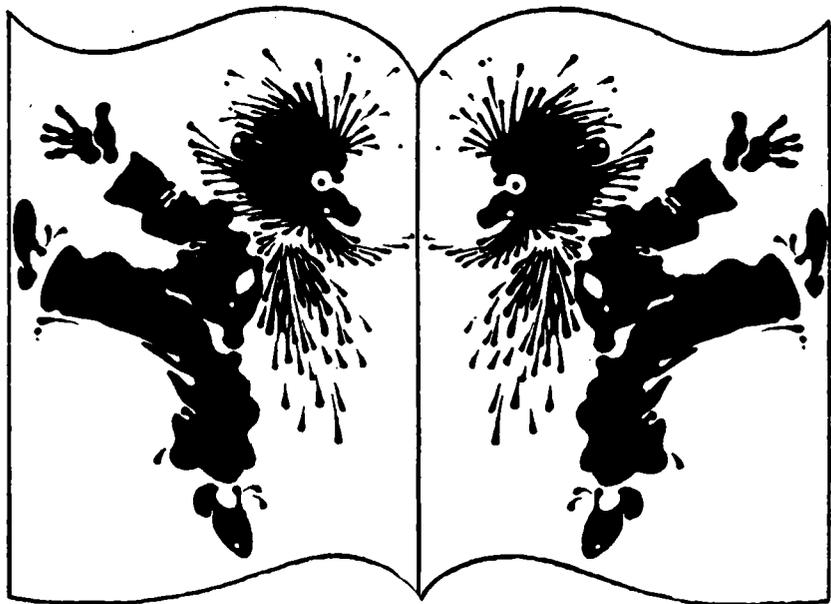
Вчера первым был урок кляксописания. Пан Клякса нарочно придумал этот предмет, чтобы мы научились пользоваться чернилами.

Происходило это так: на большие листы белой бумаги ставилось несколько клякс, потом лист складывался вдвое, чтобы кляксы размазались. Из этих клякс возникали изображения птиц, зверей, людей и даже целые картины. Пан Клякса придумывал к ним стихи, а мы их писали под рисунком.

Мне кажется, что пан Клякса сам возник из такой кляксы, потому его так и зовут. Матеуш говорит, что это вполне возможно. К одному из моих рисунков пан Клякса сочинил такой стишок:

*Это что? Не разберу:
Муха или кенгуру?*

Урок кляксописания нам очень понравился. Мы израсходовали несколько бутылок чернил и рулон бумаги, не говоря уж о том, что сами с ног до головы были в чернилах. А вечером всем пришлось принять душ с малиновым сиропом, потому что ничем другим чернила не отмывались.

После кляксописания был урок буквовязания. Вы, наверное, знаете, что буквы состоят из маленьких сплетенных ниточек. Так вот, пан Клякса научил нас распутывать ниточки, связывать в одну длинную нить и наматывать на катушки. Мы уже перемотали немало книг из библиотеки пана Кляксы. Из одной книги получается семь-восемь катушек ниток. Пан Клякса вяжет на них узелки. Это его любимое занятие. Он может часами, сидя в кресле или на воздухе, вязать узелки.

Однажды я не выдержал и спросил, зачем он это делает. Он удивленно ответил:

— Глупенький, разве ты не видишь? Я читаю. Пропуская буквы сквозь пальцы, зрение от этого не портится, а книга прочитана. Вот перематаете всю библиотеку, я вас тоже научу так читать.

После урока буквовязания пан Клякса повел нас на третий этаж и открыл одну из дверей.

— Проходите осторожно, мальчики, — предупредил он нас, — это лечебница больных вещей. Помните, как я вылечил трамвай? Теперь я научу вас лечить поломанные вещи.

Комната была завалена рухлядью. Здесь были кресла без ножек, диваны без пружин, разбитые зеркала, испорченные ча-сы, поцарапанные столы, перекосившиеся шкафы, дырявые стулья и другие пришедшие в негодность предметы.

Пан Клякса велел нам стать в сторонку, а сам взялся за работу.

Вещи подняли невообразимый треск, скрип, скрежет. Табуретки и стулья от радости затопали ножками, а пружина в часах даже ойкнула.

Затаив дыхание мы следили за работой пана Кляксы. Сначала он подошел к столику в углу комнаты, обстукал его со всех сторон, взял за ножку, пощупал пульс и ласково сказал:

— Ну, малыш, сегодня тебе полегче, правда? Температура резко упала, доски срослись. Дня через два ты будешь совсем здоров!

Столик что-то простонал в ответ. Тогда пан Клякса натер ему столешницу мазью и посыпал щели зеленым порошком.

Потом пан Клякса подошел к шкафу, жалобно скрипевшему дверцами.

— Ну как? — поинтересовался пан Клякса. — Прошел кашель? Нет? Ну ничего, не горюй, скоро поправишься!

Он прислонил ухо к стене шкафа, послушал, потом пипеткой накапал в щели касторки.

Шкаф облегченно вздохнул и благодарно принял к пану Кляксе.

— Завтра я тебя еще раз проведу, — успокоил его пан Клякса. — Будь молодцом!

На стене висело треснутое зеркало. Пан Клякса взглянул на него, поправил на носу веснушки, потом достал из кармана черный пластырь и заклеил трещину.

— Вот, мальчики, учитесь чинить разбитые стекла! — сказал он весело.

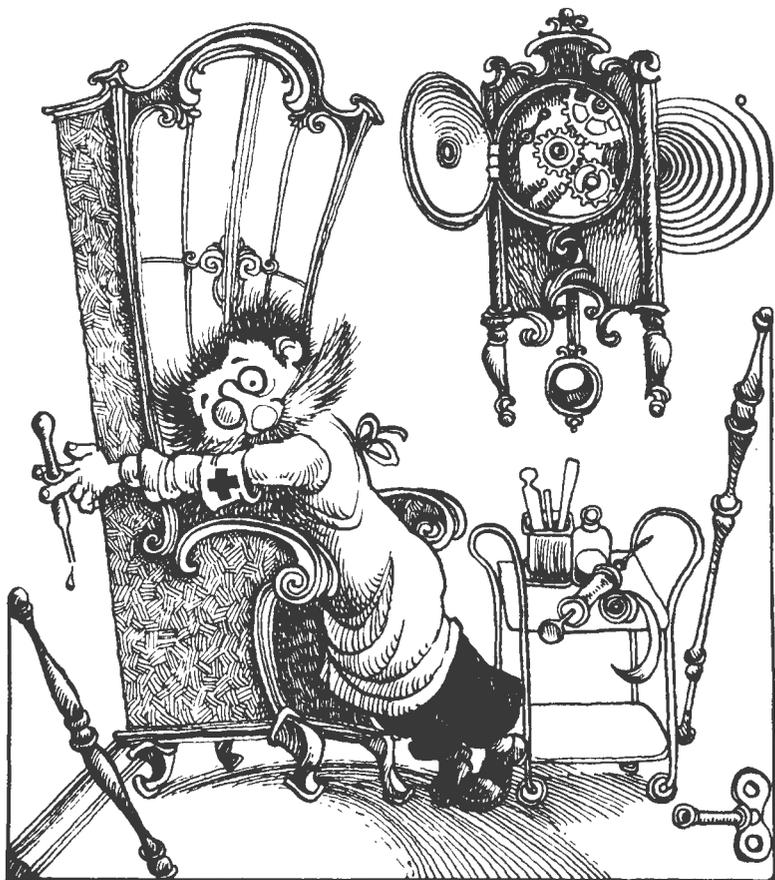
Он потер фланелевой тряпочкой зеркало и снял пластырь. Трещины как не бывало.

— Все в порядке! Анастаси и Артур, отнесите его потом в столовую.

С часами было больше возни. Пришлось промыть и протереть все винтики, сжать растянувшуюся пружину, прижечь маятник йодом.

— Бедняжки! — пожалел их пан Клякса. — Натерпелись! Ну ничего, скоро начнете ходить.

Он поцеловал часы в циферблат и дружески похлопал по футляру. Часы сразу зазвонили, стрелки закрутились, маятник

закачался, и на всю лечебницу раздалось звонкое: тик-так, тик-так, тик-так!

Нам было очень приятно, что больные вещи так любят пана Кляксу.

Перед самым уходом из лечебницы пан Клякса вдруг обнаружил пропажу своей любимой золотой зубочистки.

— Никто отсюда не выйдет, пока она не найдется, — заявил он.

Начались поиски. Мы облазили на четвереньках весь пол, заглянули во все углы. Матеуш совал клюв во все дырки. А пан Клякса, расстроенный, сидел в воздухе, закинув ногу за ногу, и

принимал таблетки дляращения волос, потому что от горя у него выпали два волоска.

Тогда больные вещи сами принялись за поиски. Стулья и табуретки, хромая и подпрыгивая, носились по комнате. Замочные скважины всюду заглядывали. Ящики комодов и столов, кряхтя и охая, высовывались и вытряхивали свое содержимое прямо на пол. Зеркала все отражали. Даже печка не пожелала оставаться в стороне и без умолку причитала:

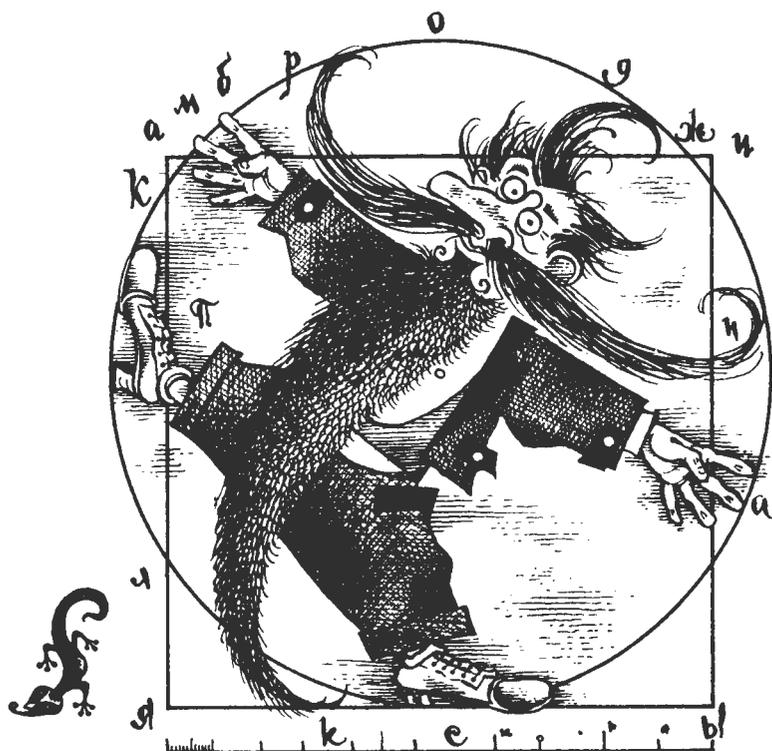
— Холодно... холодно... тепло. Холодно... тепло... тепло!

Часы шли медленно, но как только они приблизились к окну, печь завопила:

— Тепло!... Очень тепло!

Часы окинули взглядом подоконник и стали ощупывать гардины.

— Горячо! Горячо! — закричала печь.

Зубочистка нашлась. Она воткнулась в гардину, почти у самого пола.

Так больные вещи нашли пропажу.

Мы провозились в лечебнице почти до полудня. Обычно в такое время пан Клякса улетал на охоту за бабочками, а мы шли к пруду или на площадку, где у нас один урок всегда проходил на свежем воздухе.

Так было и на этот раз. Пан Клякса выпорхнул через окно в сад и полетел на охоту, а мы с Матеушем отправились во двор на

урок географии. Первый раз в жизни я видел такой урок географии, хотя до этого учился в двух школах.

Матеуш выкатил на поле большой глобус и разделил нас на две команды, как при игре в футбол. Матеуш был судьей. Он без устали носился за мячом и свистел, если кто-нибудь допускал промах. Игра заключалась в том, чтобы одновременно с ударом по глобусу назвать местность, куда угодил носок башмака.

Матеуш засвистел, и игра началась. Мы носились по полю как угорелые и изо всех сил били по мячу.

При каждом ударе раздавался голос кого-нибудь из игроков:

- Краков!
- Австралия!
- Лондон!
- Татры!
- Кунцево!
- Висла!
- Берлин!
- Греция!

Всякий раз Матеуш свистел. То оказывалось, что Антоний спутал Кельцы с Китаем, то — что Альберт принял Африку за Балтийское море, то еще что-нибудь.

Мы играли с большим увлечением: толкались, падали, поднимались, выкрикивали названия городов, стран, морей. У Матеуша с клюва стекал пот, я пыхтел, как кузнечные мехи, и все-таки лучше узнал географию, чем за три года в двух предыдущих школах.

Под конец игры произошло неожиданное событие: один из Александров так сильно ударил по глобусу, что тот взлетел очень высоко и упал не на площадку, а по ту сторону ограды, в какую-то соседнюю сказку. Мы не знали, что делать. Где искать

Андрожки Клякса

мяч? То ли в сказке про Мальчика с пальчик, то ли в сказке про Синдбада-морехода.

Наши размышления прервал радостный крик Матеуша:

— Чики, рите!

Это значило: “Мальчики, смотрите!”

Мы взглянули и обомлели от восторга: прямо к нам приближалась прекрасная Снежная королева, а за ней Двенадцать гномов тащили на плечах наш глобус.

Мы радостно бросились к ним навстречу.

Снежная королева лукаво улыбнулась и сказала:

— Ваш мяч разбил несколько моих игрушек, но я готова вернуть его вам, если вы научите моих гномов географии.

— Пожалуйста! С превеликим удовольствием! — бойко отозвался Анастаси. Он был самый смелый из нас.

Но случилось невероятное. Снежная королева и ее двенадцать подданных под лучами августовского солнца вдруг стали таять.

— Я забыла, что у вас лето! — пролепетала королева, сгорая от стыда.

Пока мы гадали, что предпринять, Снежная королева совсем растаяла и превратилась в маленький прозрачный ручеек. Этот ручеек соединился с двенадцатью другими ручейками поменьше, и они бурным потоком устремились к ограде, напевая знаменитую песенку гномов:

Гей-га! Гей-го!

Домой идти легко!

“Как хорошо, что я не из снега!” — пронеслось у меня в голове.

Так окончилось посещение Снежной королевой академии пана Кляксы.

Раздавшийся звонок вывел меня из оцепенения.

Это Матеуш звал нас к обеду.

КУХНЯ ПАНА КЛЯКСЫ

В академии пана Кляксы прислуги нет, и все, что нужно, мы делаем сами. Обязанности распределены между нами таким

образом, что у каждого есть свои хозяйственные заботы. Анастази открывает и закрывает ворота и, кроме того, ведает воздушными шарами пана Кляксы; пять Александров следят за одеждой и бельем, то есть стирают и гладят, штопают чулки и пришивают пуговицы; Альберт и один из Антониев наводят порядок в парке и на площадке; Альфред и второй Антоний прислуживают за столом; второй Альфред и третий Антоний моют посуду; Артур убирает школьный зал; три Анджея поддерживают чистоту в спальне, столовой и на лестнице; три Адама приготавливают сиропы для купания и соусы для обеда; остальные ученики заняты другими хозяйственными делами, и только на кухне пан Клякса хозяйничает сам.

Мы всегда удивлялись, как это пану Кляксе удастся готовить на всех еду, но вход на кухню был воспрещен. И вот на позапрошлой неделе пан Клякса назначил меня своим помощником по кухне. Я возгордился и ходил важный как индюк.

Когда раздался звонок к обеду, ребята побежали в столовую, где Альфред и Антоний давно поставили приборы, а я отправился на кухню.

Я должен рассказать, как она выглядит и какие пан Клякса завел там порядки.

Вдоль стены тянется длинный стол, на нем стоят банки с цветными стекляшками, а на другом столе, у противоположной стены, стоят краски, кисточки и помазки. На подоконниках в больших деревянных ящиках цветут настурции и герань. Посреди кухни стоит большой стол, обитый жестью, а на нем — большая пузатая бутылка с огоньками и несколько банок с порошками разных цветов.

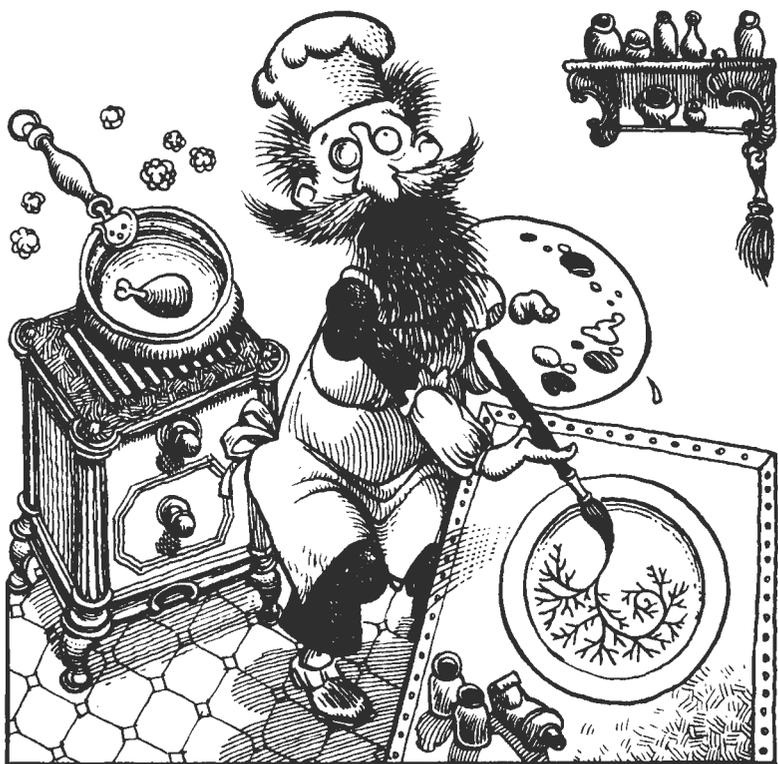
Пан Клякса надел фартук и принялся за работу.

Он насыпал в кастрюлю три кружки оранжевых стекляшек, добавил белого порошка, налил воды, тонкой кисточкой нарисовал сверху зеленый горошек и положил в кастрюлю несколько огоньков; вода в кастрюле сразу закипела. Тогда пан Клякса помешал содержимое ложкой, перелил в огромную миску и сказал мне:

— Отнеси в столовую. Кажется, помидоровый суп вышел на славу!

В самом деле, я никогда в жизни не ел ничего вкуснее, а ведь суп варился не более пяти минут.

Пока ребята ели первое, пан Клякса успел приготовить второе. Он бросил на сковородку огонек, положил кусочек мяса, два стеклышка, белое и красное, посыпал сверху порошком, а когда мясо поджарилось и стеклышки разварились, приставил к сковороде увеличительный насос и несколько раз нажал на доньшко. Сковорода до краев наполнилась вкусным жареным мясом с мелко нарезанной свеклой и картофельным пюре. На картошке пан Клякса нарисовал зеленый укроп. Мяса было столько, что оно едва уместилось на тарелках.

На третье пан Клякса решил приготовить компот из крыжовника. Он сорвал несколько листьев герани, посыпал их серебристым порошком и попробовал.

— Фу, какая гадость! — сказал он недовольным голосом. — Лучше приготовлю малиновый компот.

Компот получился такой вкусный, что я его попробовал трижды, а когда пан Клякса с лейкой полетел в столовую поливать жаркое коричневым соусом, укрепляющим десны, я не выдержал и еще раз попробовал компот.

После обеда ребята занялись уборкой и другими делами, а мы с паном Кляксой остались на кухне.

— Ну, Адашь, — сказал пан Клякса, — поедим теперь и мы с тобой. Ты, наверное, здорово проголодался. Чего тебе хочется?

Я ужасный лакомка и поэтому растерялся, не зная, что выбрать. В конце концов я остановился на омлете со шпинатом.

Пан Клякса взял кисть, окунул ее по очереди в несколько красок, нарисовал омлет со шпинатом, положил сверху огонек, потом переложил омлет в тарелку и сказал:

— Славный вышел омлет. Я думаю, он тебе понравится.

Омлет был такой вкусный, что прямо таял во рту.

Так же быстро пан Клякса приготовил жареного цыпленка с солеными огурцами и пирог с ягодами.

— А вы что будете есть, пан профессор? — спросил я робко.

Вместо ответа пан Клякса достал из кармана коробку с таблетками для ращения волос, проглотил несколько штук сразу и сказал:

— Вот я и сыт. А для души съем что-нибудь цветное.

Он сорвал цветок герани, обмакнул его подряд в зеленую, красную, голубую и серебристую краску и с аппетитом съел.

— Сейчас я тебе все объясню, — сказал пан Клякса, заметив мое удивление. — Много-много лет назад я побывал в столице Китая, городе Пекине. Там я подружился с доктором Пай Хи-во. Тебе, вероятно, приходилось слышать это имя. Так вот, доктор Пай Хи-во открыл мне секрет. Оказывается, вкус еды заключается в ее цвете. Голубой цвет — кислый, зеленый — сладкий, красный — горький, желтый — соленый, а смешивая цвета, можно получить всякие оттеки. Например, смесь зеленого с белым и серым придает еде привкус ванили; коричневый цвет с желтым напоминает шоколад, а серебристый с черным — салат.

Во всем этом рассказе больше всего меня поразило то, что пан Клякса был знаком с доктором Пай Хи-во, тем самым лекарем, который подарил Матеушу волшебную шапку богдыханов. Тут крылась какая-то тайна.

Между тем пан Клякса продолжал:

— Доктор Пай Хи-во открыл мне и другие секреты. Ему я обязан почти всеми своими знаниями. Он открыл мне тайну человеческих имен.

Вот я принимаю в академию мальчиков только с именами на букву “А”, а почему? Да потому, что они идут первыми по списку, а первыми, как известно, бывают самые способные и прилежные ученики. Имя “Матеуш” приносит счастье, поэтому я назвал так моего скворца. А самое счастливое — мое собственное имя: Амброжи. Но это невозможно, — закончил он неожиданно. — Пойдем в парк. Ребята нас заждались.

После обеда мы обычно собираемся в парке, и пан Клякса придумывает какую-нибудь интересную игру.

Вчера мы искали клад.

— Кто ищет, тот всегда найдет! — сказал многозначительно пан Клякса.

Ребята разбрелись кто куда. Я предложил Артуру пойти со мной. Он согласился, и мы разработали общий план.

Я уже говорил, что академию окружал огромный парк. Столетние дубы, вязы, грабы, каштаны, тополя переплетались пышными кронами, так что свет почти не проникал на землю. Заросли крапивы, лопухов, малины, шиповника и разнообразных трав делали чащу непроходимой и преграждали путь к многочисленным пещерам и гротам. Некоторые уголки парка напоминали джунгли, где не ступала человеческая нога. Ночами из парка доносились таинственные шорохи и голоса.

Раньше мы никогда не углублялись далеко в чащу, хотя нам давно хотелось ее исследовать. Иногда мы забирались в ближайšie пещеры, влезали в дупла столетних дубов, но это нас не удовлетворяло. Мы мечтали зайти поглубже, в самые дебри таинственного парка.

Захватив с собой фонарики, веревку, охотничий нож, горсть цветных стеклышек на случай, если проголодаемся, мы отправились в путь.

Пробираться сквозь заросли крапивы и лопухов было делом нелегким, и нам часто приходилось пускать в ход острый охотничий нож. И вот после долгого и трудного пути мы очутились в самом сердце таинственной чащи.

Со всех сторон доносились тревожные шорохи, похожие на хриплый кашель или смех. Шурша листьями, пробегали ящерицы.

Я взглянул вверх. Над нами простирались ветви гигантского дуба. В стволе на высоте двух метров от земли заманчиво зияло дупло.

— Неплохо бы туда забраться, — мечтательно произнес Артур.

— Еще бы! — поддержал я.

Не говоря ни слова, Артур достал из мешка веревку, сделал на конце петлю, забросил на самый толстый сук и, с кошачьей ловкостью взобравшись на дерево, исчез в дупле. Я последовал за ним и очутился на верхней площадке винтовой лестницы.

— Спустимся, — предложил Артур.

— Давай, — согласился я.

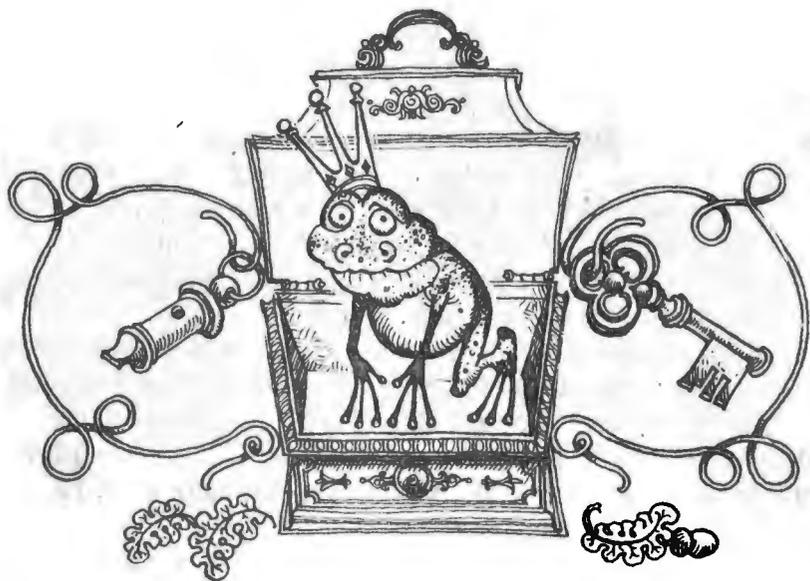
Мы зажгли фонарики и стали медленно спускаться. Когда мы спустились вниз на двести тридцать ступенек, перед нами

возник узкий темный коридор. Мы продолжали путь, стараясь ступать как можно осторожней. От страха у меня дрожали колени. Я слышал, как колотится мое сердце и даже как колотится сердце у Артура. Коридор поворачивал то вправо, то влево и наконец вывел нас в большой зал, слабо освещенный зеленой лампочкой. Посреди зала стояло три окованных железом сундука. Я с большим трудом открыл первый. На самом дне, к моему великому удивлению, я увидел зеленую лягушку с крошечной короной на голове.

— Не прикасайтесь ко мне, — предупредила лягушка. — Я знаю, вы из академии пана Кляксы. А я Царевна-лягушка. Всякий, кто до меня дотронется, навсегда превратится в лягушку. Моя сказка, конечно, довольно интересная, но она слишком

затянулась. Вот уже пятьдесят лет я жду принца, который на мне женится. Я знаю, что вы не в силах мне помочь: вы еще маленькие и к тому же не принцы. Опустите крышку, а в награду возьмите все, что найдете в двух других сундуках.

Мы поблагодарили Царевну-лягушку и закрыли сундук.

Во втором сундуке вместо ожидаемых сокровищ я увидел маленький самодельный свисток, больше ничего. Я разозлился и сказал Артуру:

— Возьми его себе! Мне он не нужен!

Артур взял свисток и стал его рассматривать, я тем временем открыл третий сундук. На самом дне лежал маленький золотой ключик, каких у пана Кляксы видимо-невидимо.

— Хорош клад, нечего сказать! — проговорил я со злостью и, выхватив у Артура свисток, поднес к губам и засвистел.

Мы моргнуть не успели, как какая-то неведомая сила подняла нас в воздух и перенесла на старое место возле дуба. Веревка еще болталась на суку, но дупла мы, сколько ни искали, найти не смогли.

Взволнованные нашим приключением, мы вернулись в академию. У пруда на условленном месте мы увидели пана Кляксу, окруженного ребятами. Они все уже успели вернуться. Рядом с ними на земле лежали их находки. Тут были и золотые монеты, и жемчужные ожерелья, и скрипки с золотыми струнами, и аметистовые чаши, и табакерки, и перстни, усыпанные бриллиантами, и серебряные подносы, и разные изделия из янтаря, слоновой кости, и другие ценные вещи.

При виде этих богатств нам стало ужасно стыдно.

— Ну, а вы что нашли? — спросил, улыбаясь, пан Клякса.

Мы протянули ему ключик и свисток.

Пан Клякса схватил их так, словно увидел нечто необычайное.

— Вашей находке нет цены! — сказал он после минутного молчания. — Этот ключик открывает все замки на свете, а свисток наделен небывалой волшебной силой: стоит свистнуть, и очутишься где захочешь. Молодцы, хорошо постарались! Объявляю вам благодарность!

Он достал из табакерки две веснушки и дал одну мне, другую Артуру.

Ребята с интересом присматривались к нашим вещам, а когда мы рассказали про Царевну-лягушку, даже позавидовали.

— Пусть каждый возьмет себе то, что нашел, — сказал пан Клякса. — А теперь не будем терять время. Пусть Адашь Несогласка расскажет, как он научился летать. Очень занятная история!

До этого я никогда никому не рассказывал о своих приключениях. Я боялся, что мне не поверят. Но теперь, когда меня попросил сам пан Клякса, трудно было отказаться, и я стал рассказывать все по порядку.

Ребята слушали затаив дыхание.

МОЕ УДИВИТЕЛЬНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Мне всегда казалось, что летать нетрудно. Главное — подняться повыше, а там только размахивай руками, как птица крыльями.

Но я жестоко ошибся.

Сначала все шло хорошо. Сделав глубокий вдох, как меня учил пан Клякса, я почувствовал себя необыкновенно легким. Мне казалось, что больше ничего и не нужно. Я надул щеки и взлетел. Академия пана Кляксы стала сразу отдаляться, парк уменьшился, словно провалился в пропасть, ребята превратились в крохотных букашек. Чем выше я поднимался, тем больше меня охватывал страх. Мне захотелось как можно скорее обратно на землю, но, увы, я совсем не умел управлять своим полетом. Я поднимал и опускал руки, дрыгал ногами, повторял движения птиц, задерживал дыхание, но все без толку.

Я болтался в воздухе, как воздушный шарик, и ветер гнал меня неведомо куда. Внизу, вокруг академии, простирались усеянные цветами луга да несколько лесистых холмов. Никаких сказок не было видно.

Через несколько минут эта картина сменилась другой. Я увидел большой город, где дома были похожи на спичечные коробки и стояли правильными рядами. По узеньким улицам скользили крохотные трамваи, а люди были не больше муравьев. Мое появление вызвало в городе большой переполох.

На площадях столпилось множество народа. Все задирали головы, карабкались на телеграфные столбы, влезали на крыши, разглядывали меня в длинные телескопы. Позднее на меня даже направили прожектор. А я все летел и летел, не зная, как мне вернуться на землю.

Стало смеркаться, похолодало. Меня знобило от холода и страха. Я знал, что пан Клякса не сможет мне помочь, потому что его всевидящее око находится на Луне, а больше надеяться было не на кого. С наступлением ночи меня охватил такой ужас, что я заплакал. Крутом были одни звезды. Наконец, устав от долгого полета, от страха и слез, я заснул. Проснулся я от сильного толчка в плечо. Я открыл глаза и увидел длинную стену. Подо мной была твердая почва, но почва эта была прозрачная и голубая, как небо. Огромное золотистое солнце сияло снизу, и его лучи сильно припекали.

Стена была из голубого матового стекла. Я двинулся вдоль нее в поисках входа. Долго шел я по прозрачной земле и наконец набрел на большие ворота, тоже из матового стекла. После недолгого колебания я постучал. В воротах приоткрылось окошко, и показалась свирепая морда бульдога. Он рывкнул три раза, окошко закрылось, но тут же распахнулось снова, и на этот раз я увидел белого лохматого пуделя. Он приветливо оскалился и вдруг так ласково заскулил, словно встретил старого друга.

Я невольно улыбнулся и свистнул. Года два назад у меня был мопс, по имени Рекс, и я обычно подзывал его таким свистом.

Каково же было мое удивление, когда мне в ответ раздался звонкий лай и вместо пуделя в окне показалась знакомая мордочка моего Рекса! Он готов был выскочить из шкуры. Я так обрадовался, что поцеловал его в нос, а он так нежно лизнул меня в губы, что у меня сердце екнуло.

— Рекс! — воскликнул я. — Неужели это ты?

— Гав-гав! — отвечал мне Рекс.

Ворота тут же открылись, и глазам моим предстала необыкновенная картина.

Прямо от ворот вела широкая улица. Вдоль нее по обеим сторонам стояли собачьи будки, вернее домишки с маленькими крылечками и круглыми окошками, сооруженные из разноцветного кирпича и кафеля. Они были окружены чудесными

палисадниками. По улице разгуливали собаки разных пород. Они весело лаяли, виляли хвостами, а из окошек высовывались смешные пушистые мордочки щенят.

Рекс все время ластился ко мне, и я тоже был очень рад нашей встрече. Другие собаки с любопытством поглядывали на меня, дружелюбно обнюхивали, а некоторые лизали мне лицо и руки.

Я чувствовал себя неловко, мне было стыдно, что я не могу ответить им тем же.

Я не знал их языка. Тогда, прислушиваясь к внутреннему голосу, я опустился на четвереньки, чтобы хоть чем-нибудь уподобиться окружающим меня животным, и это вышло у меня почти естественно. Я попробовал что-то пролаять, но вместо этого заговорил на незнакомом мне языке. Такие же слова раздавались вокруг меня. Я услышал знакомый голос Рекса:

— Не удивляйся, Адашь, всякий, кто попадает к нам, очень быстро усваивает наш язык. Знаешь, где ты?

— Понятия не имею, — ответил я. — Дорогой Рекс, объясни мне, пожалуйста, да кстати, познакомь со своими друзьями, чтобы я не чувствовал себя таким чужим.

— Не беспокойся. Ты быстро привыкнешь к новому окружению. Это собачий рай. Все собаки попадают сюда после смерти. Здесь у нас нет ни забот, ни печалей.

Рекс рассказал мне, что несколько месяцев назад угодил под машину и, как всякий добродетельный пес, попал в собачий рай.

— А теперь, — сказал он, — позволь представить тебе моих друзей. Это бульдог Том, наш привратник. Когда-то он верой и правдой служил английской королеве, поэтому пользуется у нас большим уважением. Это пудель Глю-Глю. Ты уже видел его. Он прекрасно выдрессирован и часто показывает нам всякие фокусы.

В подтверждение этих слов пудель Глю-глю повернулся пять раз в воздухе, а Рекс продолжал:

— Вон того шпица зовут Трезор, а ту овчарку Туба. Моську зовут Альфа, болонку — Бета, а вон та борзая — наша райская гордость, ее зовут Ящерка. На бегах она всегда занимает первое место. Постепенно ты перезнакомишься и с остальными собаками, потому что мы живем очень дружно.

Не прошло и часа, как я почувствовал себя в собачьем раю почти как дома, даже лучше.

Вдруг ко мне приблизился черный маленький пинчер и подчerkнуто любезно принес:

— Разрешите представиться. Мое имя — Лорд.

— Очень рад, — ответил я. — Адам Несогласка.

— Как странно, — продолжал пинчер, — что людям непонятен наш язык! Ведь мы говорим довольно внятно. Кроме того, меня всегда удивляло, для чего на некоторых домах висят таблички: “Злая собака”. Собаки не бывают злыми. Это клевета! У нас доброе сердце. Мы любим людей. Это они часто поступают с нами несправедливо и жестоко.

— Послушай, Лорд, — прервал его Рекс, — ты не очень тактичен. Пан Несогласка — мой гость. Когда-то он был моим хозяином, и у него я чувствовал себя не хуже, чем здесь, в раю. Как видишь, Адашь, — сказал он, обращаясь ко мне, — не всякий Лорд ведет себя, как надлежит лорду. Пойдем, я покажу тебе наш райский город.

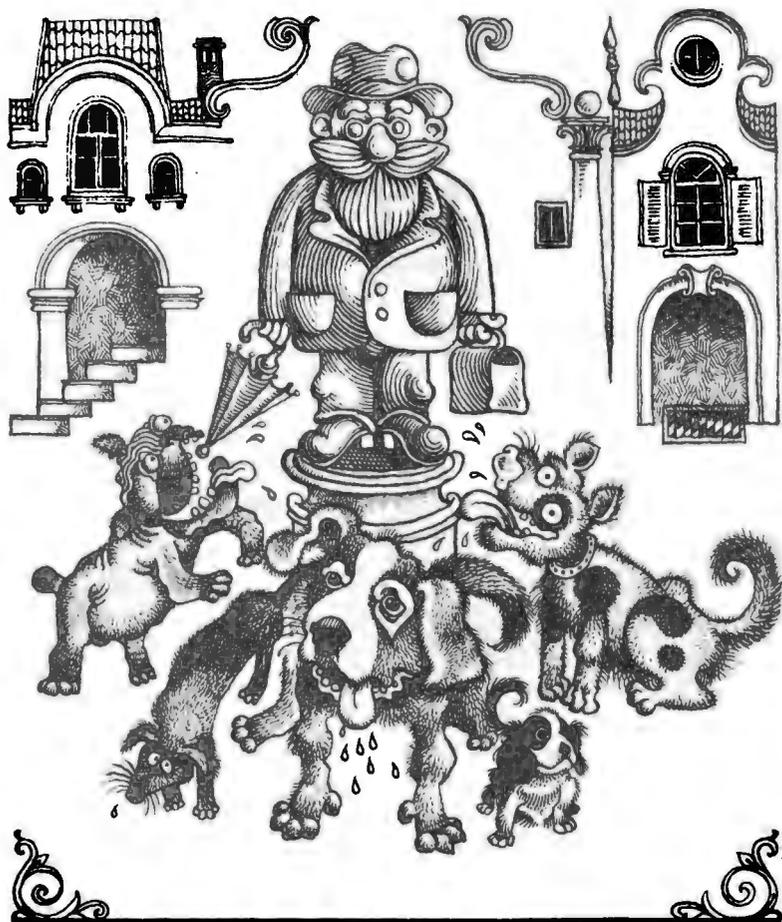
Мы сухо раскланялись с Лордом и отправились осматривать собачий рай, о котором я никогда прежде не слыхал.

— Мы бежим сейчас по улице Белого Клыка, — сообщил мне Рекс. — Она тянется от Райских ворот до площади Доктора Айболита. Видишь там памятник доктору Айболиту?

Площадь была великолепна. Со всех сторон ее окружали чистенькие белые домишки. Перед ними на мягких подушках нежились только что выкупанные щенята. Некоторые из них играли в мяч, другие грызли сахар, третьи, щелкая зубами, ловили мух. Посреди площади высился большой памятник, а под ним было написано:

*Доктору Айболиту,
спасителю и лекарю зверей
от благодарных собак.*

Памятник был из чистого шоколада, и огромная толпа собак, окружив памятник со всех сторон, лизала его. Мы с Рексом протолкались к памятнику. И, как это ни стыдно, я должен признаться, что тоже вместе со всеми стал лизать шоколад. Даже отпрыз у доктора Айболита полбашмака, то есть съел почти полкило шоколада. Ел я с большим аппетитом, так как успел здорово проголодаться.

— Каждый день. — объяснил мне Рекс, — мы съедаем памятник доктору Айболиту и каждый день строим его заново. Шоколада у нас вдоволь, ведь мы в раю.

— А где тут можно напиться? — спросил я. — Ужасно пить хочется.

— Нет ничего легче! — рассмеялся Рекс. — Мы стоим как раз напротив моего особняка. Пойдем, я угощу тебя молоком.

Дом Рекса был из зеленого кафеля. На веранде лежали ковры и подушки, на которых резвились щенята, вероятно дети моего приятеля.

За домом, в саду, росли кусты сарделек и колбасы. Я сорвал кусок краковской колбасы, две сардельки и съел их с большим удовольствием. Под окнами дома я увидел маленькие деревца из кости с чудесным костным мозгом внутри.

Как только мы вошли в гостиную, Рекс подвел меня к стене, открыл кран, и оттуда, к великому моему удивлению, вместо воды прямо в стакан хлынуло молоко. Оно было очень холодное и по вкусу напоминало сливочное мороженое. Я выпил залпом три стакана, и мы с Рексом двинулись дальше осматривать город.

Рекс то и дело с кем-нибудь раскланивался и о каждом встречном находил что сказать:

— Это легавая, госпожа Ноля. Она всегда ходит с зонтиком, хотя у нас не бывает дождей, а солнце светит снизу. А того дога зовут Танго. Он обедается сардельками и пьет касторку. А это таксы Самбо и Бимбо. Они всегда ходят вместе и уверяют всех, что кривые ноги — самые красивые.

Вдруг Рекс остановился и сказал шепотом:

— Смотри! Мы выходим на улицу Мучителей. Сейчас ты увидишь кое-что любопытное.

В самом деле, улица представляла не совсем обычное зрелище. По обеим сторонам ее, на каменных пьедесталах, стояли мальчики разного возраста.

Все они по очереди каялись в своих грехах.

— Я мучитель — я своей собаке Фильке выбил глаз камнем! — кричал один.

— Я мучитель — я своего Джека бросил в яму с известью! — вторил другой.

— Я мучитель — я своей Розетке насыпал в рот перцу! — отзывался третий.

— Я мучитель — я свою собаку Рысь всегда дергал за хвост! — ныл четвертый.

Так каждый из мальчиков признавался в своем преступлении.

Рекс объяснил мне, что мальчишки, которые мучают собак, во сне попадают в собачий рай, а потом возвращаются домой и думают, что это им только приснилось.

Но всякий побывавший на улице Мучителей больше никогда не мучает собак.

Я был счастлив, что никогда не подвергался такому наказанию, хотя не всегда обращался с Рексом как положено, а однажды даже выкрасил его в красный цвет.

У меня отлегло от сердца, когда, покинув улицу Мучителей, мы вышли на площадь Светлячков. Здесь я увидел качели, карусели, колесо смеха и прочие собачьи аттракционы. Мне сразу стало весело.

Но вскоре я проголодался, да и Рекс начал с беспокойством ко всему принохиваться.

— Зайдем перекусим чего-нибудь, — предложил он мне, — а потом отправимся домой обедать.

Он привел меня на Бисквитную улицу, где прямо на мостовой лежали груды пирожных с медом. Пирожные были такие вкусные, что я не мог от них оторваться.

— Воздержись! — предостерег меня Рекс. — Нам, обитателям рая, это не вредит, но ты можешь заболеть.

Мне было интересно, откуда в собачьем раю берутся шоколад, пирожные, мед и другие лакомства; кто строит собачьи дома и памятник доктору Айболиту; кто делает зонты, шляпы, попоны. Но спросить об этом я считал неприличным. Это могло показаться вмешательством в райские дела. На то и существует рай, подумал я, чтобы все появлялось само собой, ниоткуда.

Мы побывали с Рексом во многих интересных местах: в Собачьем цирке, в Собачьем кино, на улице Мыльных пузырей, в переулке Острияков, на улице Повидла, на Собачьих бегах, в Театре Трех пуделей, в оранжерее Каши и Пашгета, на плантации Ливерной колбасы, в Щенячьих банях и других райских заведениях.

По дороге мы завернули в парикмахерскую на улице Томатного сока. Два цирюльника с гор Святого Сен-Бернара мастерски нас подстригли. Один из них сказал мне с гордостью:

— Вы заметили, что здесь не водятся блохи?

— Разумеется, — ответил я. — У вас тут райская жизнь.

К моему удивлению, за стрижку с нас не потребовали платы, но, уходя, я, по примеру Рекса, благодарно лизнул парикмахера в нос.

Мы вышли на улицу. Солнце все так же пекло. Рекс сказал, что оно здесь никогда не заходит. Когда мы вернулись домой, Рекс согнал с подушек щенят и предложил мне отдохнуть. Мы

лежали, мирно беседуя и наблюдая за тем, что творится на площади:

— Как вы различаете дни, — спросил я Рекса, — если солнце у вас никогда не заходит и не бывает ночей?

— Проще простого, — ответил с улыбкой Рекс. — Мы съедаем памятник за один день и столько же времени строим новый. Вместе это соответствует земным суткам. Так мы и ведем счет времени. Неделя — это семь памятников. Месяц — тридцать памятников. Год — триста шестьдесят памятников, и так далее. На площади Таблицы умножения живут двести фокстерьеров. Они ведут счет времени и составляют наш собачий календарь.

От Рекса я узнал много любопытных подробностей о загробной жизни собак.

Мне было очень хорошо, и все-таки я затосковал по дому. Мне надоели пирожные, шоколад, колбасы, я мечтал о ложке морковного супа, который так ненавидел раньше. Но больше всего мне хотелось хлеба.

Я с грустью вспоминал об академии пана Кляксы и очень боялся навсегда остаться в собачем раю.

Однажды я лежал в саду и грелся на солнышке вместе со щенятами Рекса. Мы лежали под кустом сарделек, которые вызывали у меня отвращение.

— Я ворец! Я ворец! — послышался знакомый голос.

Я вскочил на ноги и увидел Матеуша. Он сидел на ветке мозгового дерева и держал в клюве конверт.

— Матеуш! Неужели это ты? — воскликнул я вне себя от радости. — Какое счастье, что ты меня нашел!

Матеуш спустился и подал мне конверт. Письмо было от пана Кляксы. В нем говорилось о том, как я должен управлять своим полетом.

Собаки сбежались посмотреть на Матеуша, и, воспользовавшись этим, я выступил перед ними с речью, в которой благодарил их за радушный прием. Потом, обняв на прощанье моего любимого Рекса и всю его семью, я направился вместе с бульдогом Томом к Райским воротам. Матеуш летел над нами весело посвистывая.

Я выпросил у Тома пуговицу с его ливреи, окинув прощальным взглядом собачий рай и навеки оставил его гостеприимный порог.

Следуя указаниям пана Кляксы, я легко парил в воздухе.

Долго до меня доносился жалобный лай собак и постепенно затих. Собачий рай, отдаляясь, превратился в маленькое голубое облачко, которое вскоре растаяло в воздухе.

Через несколько часов в лучах заходящего солнца я увидел крыши домов и улицы нашего города.

— Демия на зонте! — крикнул мне на ухо Матеуш.

Это означало: “Академия на горизонте!”

В самом деле, мы увидели академию с окружающей ее оградой и пана Кляксу, который летел нам навстречу. От радости он кувыркался в воздухе и смешно размахивал руками.

С наступлением сумерек мы были уже дома.

Я отсутствовал двенадцать дней.

Не могу описать, какое я испытал блаженство, вернувшись на землю. Ребята мне очень обрадовались, а пан Клякса взял с меня слово, что я больше никогда не буду летать.

Я дал слово и непременно его сдержу.

ЗАВОД ДЫР И ДЫРОЧЕК

Я собирался рассказать вам, как проходят дни в академии пана Кляксы. Я подробно описал один из таких дней, с утра до полудня, то есть урок кляксописания, буквовязания, кухню пана Кляксы и то, как мы искали клад. Я рассказал о моих приключениях в собачем раю. Все свободное время я отдаю дневнику, а дошел только до четырех часов дня, то есть до того времени, когда мы по указанию пана Кляксы собрались у ворот.

— Мальчики! — сказал нам пан Клякса. — Сегодня мы проведем экскурсию на самый интересный в мире завод. Этим заводом руководит мой друг, инженер Богумил Копоть. Он обещал показать нам все цеха, ознакомить с работой людей и машин. Это будет очень поучительная экскурсия. А теперь постройтесь по четыре в ряд. Пошли!

Анастази открыл ворота, и мы направились в город.

На площади Четырех Ветров мы сели в трамвай. Мест не хватало. Тогда пан Клякса достал увеличительный насос, немножко расширил трамвай, и мы доехали с полным комфортом. Сначала дорога вела через город, потом мы свернули на набережную и переехали через Музыкальный мост. Пан Клякса сказал, что тяжесть трамвая приводит в движение механизм,

установленный под мостом, и поэтому мост играет. Мост сыграл “Марш оловянных солдатиков”.

На другой стороне реки мы увидели небольшой красивый городок. Это были дома заводских рабочих. Мы сошли на последней трамвайной остановке. От нее к заводу вели движущиеся тротуары. Кататься на них было одно удовольствие, хотя мы то и дело теряли равновесие и падали, потому что не привыкли к такому виду транспорта.

На противоположном тротуаре навстречу нам ехал инженер Богумил Копоть.

Это был долговязый человек с растрепанными волосами и острой козлиной бородкой. У него были такие худые ноги и руки, что издали он походил на огородное чучело.

Поравнявшись с нами, инженер ловко перескочил на наш тротуар и принялся обнимать и целовать пана Клякса.

— Разреши, дорогой Богумил, познакомить тебя с моими двадцатью четырьмя учениками, — сказал пан Клякса.

— А ворец? — раздался голос Матеуша из кармана сюртука.

— Да, а это мой скворец Матеуш, — добавил пан Клякса, доставая Матеуша из кармана.

Инженер Копоть внимательно на нас посмотрел, погладил Матеуша и сказал, играя своей бородкой:

— Я очень рад тебя видеть, Амброжи, и, конечно, покажу твоим ученикам мой завод дыр и дырочек. Но с условием, ребята, — обратился он к нам, — на заводе ничего не трогать.

Сказав это, он обвил левой ногой правую, сцепил пальцы рук, и мы все вместе молча поехали на завод.

Завод состоял из двенадцати корпусов с прозрачными стенами и стеклянными крышами. Уже издали мы увидели мощные машины, грохот которых раздавался далеко вокруг.

В первом же цехе мы чуть не ослепли от искр, сыпавшихся с приводных ремней, электрических сверл и токарных станков.

Станки стояли в несколько рядов, а некоторые из них висели в воздухе, подвешенные на канатах. Возле станков суетились рабочие в кожаных фартуках и темных очках.

Работа кипела вовсю. Шум станков заглушал слова инженера Копоти, который что-то объяснял своим писклявым голосом.

Я понял только одно, что в этом цехе делают дырки для ключей, для колец, для ножниц и совсем маленькие дырочки.

Мы с восхищением следили за работой станков и удивлялись мастерству рабочих, которые одним поворотом резца ухитрялись сделать от десяти до двенадцати великолепных дырочек.

Готовую продукцию складывали в маленькие вагонетки, после чего большие подъемные краны переносили их на склад, в соседний корпус.

В других цехах вырабатывали дырки побольше: для локтей, для колен, для мостов и даже для неба. Они были такие большие, что станки, на которых их выгачивали, возвышались до самого потолка и рабочим приходилось вставать на подмости.

Дырки для локтей и колен были с обтрепанными краями. Это требовало от мастеров большого искусства. Инженер Копоть показал нам проекты и чертежи молодых техников-конструкторов, разрабатывавших новый способ производства дыр.

В одном из заводских корпусов находилась сортировочная, где опытные контролеры замеряли и испытывали готовые дыры и дырочки. Треснувшие, плохо отшлифованные и прочие бракованные дырки контролеры бросали в большой котел и отправляли на переплавку.

В последнем корпусе находилась упаковочная. Там особые специалисты взвешивали дырки на больших весах и упаковывали по пять или десять штук в коробку.

Инженер Копоть подарил нам две коробки дырок от бубликов. По возвращении в академию пан Клякса приготовил сладкое ванильное тесто и испек нам из дырок много вкусных бубликов.

Мы были в восторге от завода. Глаз нельзя было оторвать от раскаленных докрасна сверл, токарных станков и других сложных установок, названия которых мы не знали.

Когда мы покинули завод, было уже темно. Сквозь стеклянные стены завода вспыхивали целые фонтаны голубых, зеленых и красных искр. Они освещали окрестность, как фейерверки.

— Эх, какая бы вышла из этих искр вкусная еда! — вздохнул пан Клякса.

Инженер Копоть провожал нас до трамвайной остановки. По дороге он очень много рассказывал о себе. Выяснилось, что в свободное от работы время он выступает канатоходцем в цирке, чтобы не разучиться заплетать ногу за ногу.

Когда тротуар довез нас до конца, мы увидели на остановке трамвай. Тот самый, который когда-то починил пан Клякса. Трамвай ни за что не хотел без нас ехать и, когда увидел нас, радостно заскрежетал колесами.

Мы сели в трамвай и поехали, а пан Клякса летел рядом, чтобы в трамвае было свободней.

Долго еще мы видели стоявшего на остановке инженера Копоть. Он махал на прощанье рукой, пальцы которой были заплетены в косички. В наступивших сумерках, на фоне сияющей луны, его длинная тень вытянулась и доставала почти до самого неба.

Вскоре трамвай свернул на улицу Незабудок, и инженер Копоть исчез из виду. Мы снова переехали через играющий мост, который исполнил “Марш мухоморов”.

Пан Клякса, вторя ему, мурлыкал под нос.

Уже стемнело, когда мы приехали на площадь Четырех Ветров. Пан Клякса достал из жилетного кармана свечные огоньки и каждому дал по огоньку. Вот так мы и добрались домой, в нашу академию.

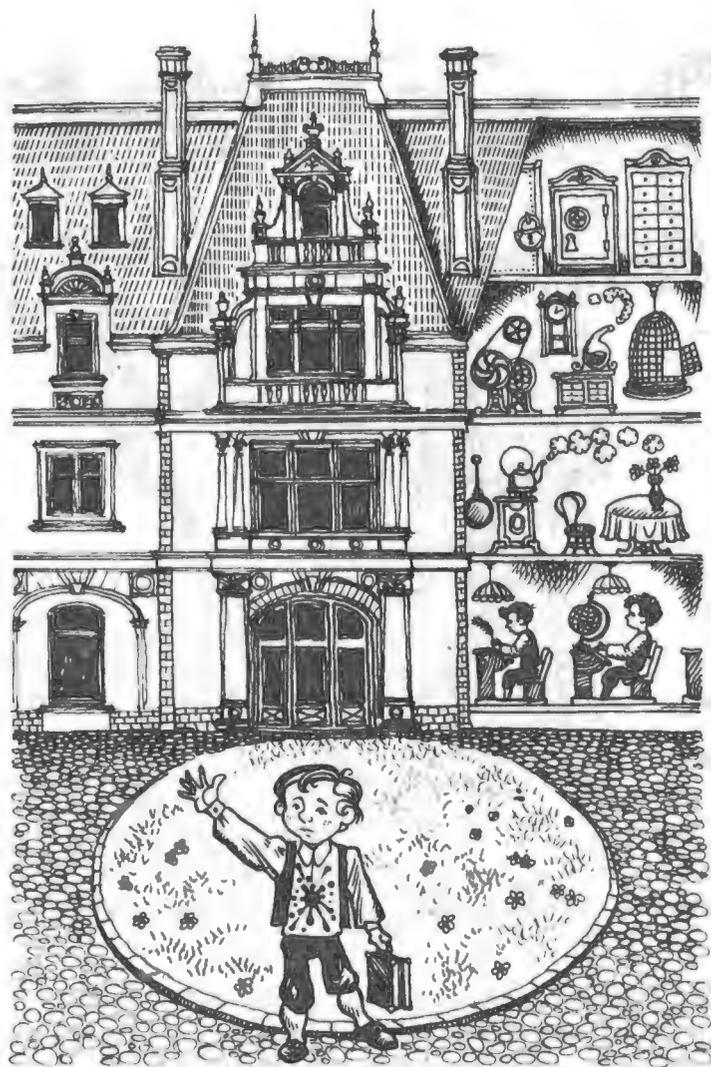
Там нас ожидала неприятность.

Во все комнаты, залы, коридоры набились мухи.

Проклятые насекомые, воспользовавшись нашим отсутствием, через открытые окна вторглись в помещение, облепили стены, мебель, потолки и, как только мы вошли, с присущим им нахальством набросились на нас. Они лезли в рот, в нос, в глаза, путались в волосах, кружили черной тучей под потолком, метались из угла в угол. Чтобы перейти из одной комнаты в другую, надо было зажмуриться, задержать дыхание и изо всех сил отбиваться руками. Никогда в жизни я не видел такого скопища мух.

Они летели в полном боевом порядке, как настоящие эскадрильи, и жужжали, как настоящие самолеты. Вожаки выде-

лялись большим размером крыльев, воинственностью и отвагой. Их укусы свидетельствовали о том, что мухи решили драться не на жизнь, а на смерть.

В комнату, где я находился, с громким жужжанием ворвалась королева мух, отдала несколько коротких приказаний своим военачальникам, мимоходом укусила меня в нос и умчалась на другой фланг сражения.

Свет лампы не мог пробиться сквозь черную, нависшую в воздухе тучу. Мы передвигались ощупью, топча и убивая полчища атакующих нас мух, но их ничуть не убывало.

Не помогло и размахивание полотенцами и платками. Вместо убитых поднимались новые полчища и бросались на нас с еще большей яростью.

Пан Клякса перелетал из комнаты в комнату, вел с противником ожесточенную борьбу. Наконец он устал и, глубоко задумавшись, застыл в воздухе, положил ногу на ногу. Мухи тут же облепили его со всех сторон, и он исчез в их окружении.

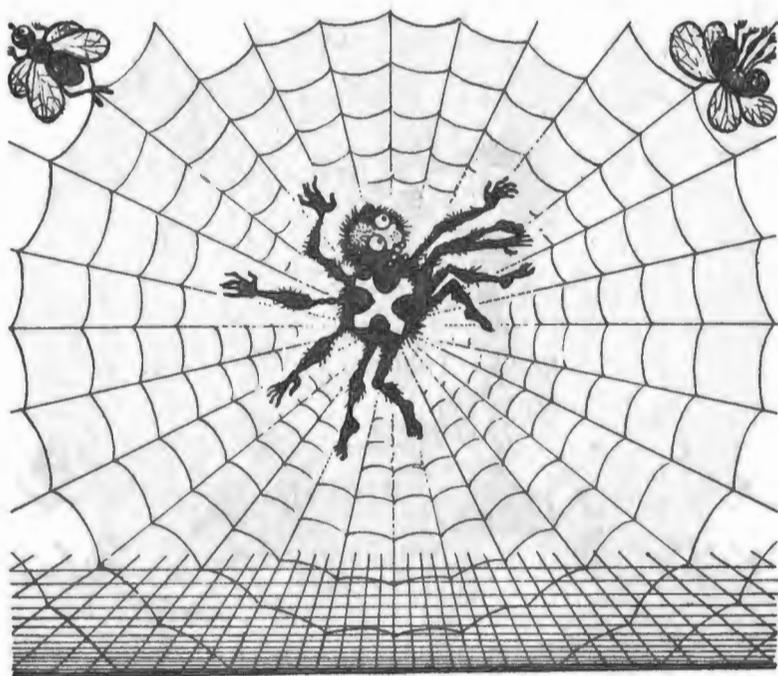
Это окончательно рассердило пана Кляксу. Он выпорхнул в окно и спустя несколько минут вернулся, неся в руках паука-крестовика. Потом приставил к нему увеличительный насос, и вскоре паук достиг размеров кошки. Тогда пан Клякса поднялся в воздух и посадил паука на потолок. Паук тут же стал плести паутину, и вскоре она разделила комнату надвое. Сотни тысяч мух попали в эту ловко расставленную сеть, но ничто не могло ослабить их воинственный дух. Паук с жадностью набрасывался

на мух, попавших в паутину, пожирал их целыми отрядами, высасывал из них кровь, давил своими огромными мохнатыми лапами. Но скоро он насытился, и действие насоса сразу прекратилось. Паук снова стал маленьким, уменьшилась также и его

паутина, и мухи в мгновение ока разорвали его в клочки, отомстив за гибель своих боевых товарищей. А королева мух сняла с него крест, как скаल्प, и унеслась со своим трофеем, издавая победный воинственный клич.

Тогда пан Клякса призвал нас к себе и сказал, что придумал новый вид мухоловок, которые очистят нашу академию от подлых захватчиков.

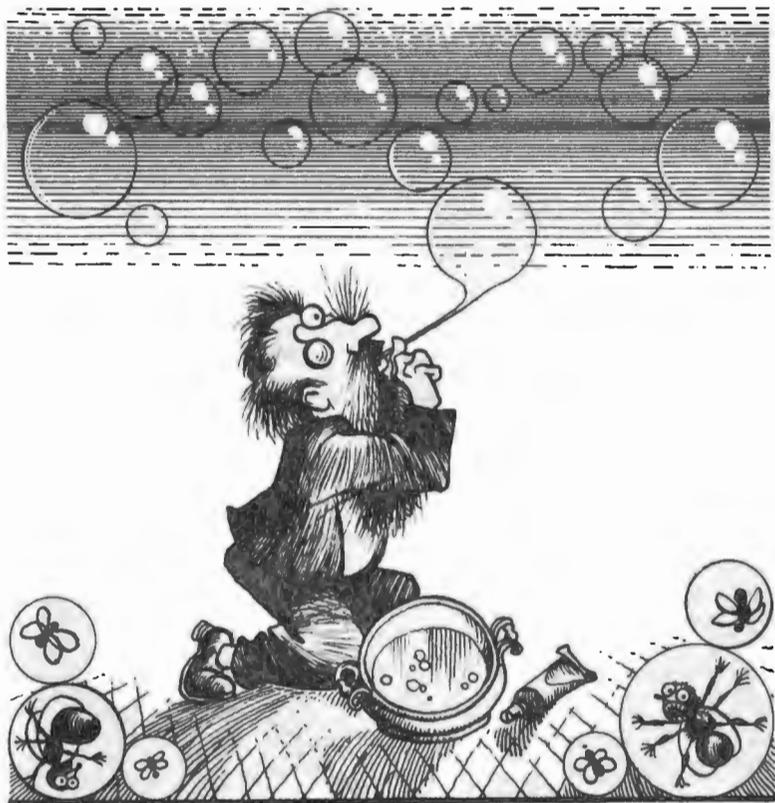

Он принес в зал большой таз с водой, тубик гуммиарабика, мыло и стеклянную трубку. Мы прикрыли его от мух, а пан Клякса тем временем развел в тазу с водой клей и мыло, взял трубку и стал пускать мыльные пузыри. Один за другим пузыри поднимались в воздух.

Эти мухоловки принесли небывалые результаты.

Мухи, привлеченные радужной оболочкой пузырей, бросались на них и сразу приклеивались. Не в силах оторваться, они вместе с пузырями падали на пол. Пан Клякса работал не покладая рук. Он пускал все новые и новые пузыри, а мы, вооружившись метлами, выметали мух из помещения на улицу.

Вскоре все комнаты и коридоры наполнились мыльными пузырями.

Час спустя во всей академии не было уже ни одной мухи, только несколько красивых мыльных пузырей витало в воздухе, над головой.

Мертвых мух мы сложили во дворе в большие черные кучи, а на следующее утро из треста по очистке города приехали три грузовика и вывезли эту мерзость на свалку.

Так окончилась война пана Кляксы с мухами.

Только одно озадачило нас тогда. Когда большая часть мух была уничтожена, в кабинете пана Кляксы мы увидели спящего на диване парикмахера Филиппа. Сначала мы его не заметили — мухи облепили Филиппа с ног до головы, — потом кто-то из ребят увидел его. Мы удивились, как это он может спать в таких

условиях. Парикмахер громко храпел, и этот храп говорил о том, что снится Филиппу не очень-то приятный сон.

Уничтожив мух, пан Клякса разбудил парикмахера, велел нам выйти, а сам заперся с ним в кабинете, и они о чем-то долго разговаривали.

Через некоторое время дверь кабинета с шумом отворилась, оттуда выскочил очень сердитый Филипп и заявил пану Кляксе:

— Можете искать другого парикмахера! Я не стану стричь ни вас, ни ваших ученичков! Хватит с меня обещаний! Я приведу его на этой неделе! Это мое последнее слово! Именно ему и надо учиться в академии, а не этим вашим оболтусам. До свиданья, пан Клякса! — И, не обращая на нас никакого внимания, он ушел из академии, громко хлопая дверьми.

Вскоре из сада донесся его зловещий хохот. При свете луны мы увидели, как он выбежал за ворота на улицу.

Ужинали мы очень поздно. Пан Клякса все время о чем-то думал. Он был так рассеян, что приготовленную для нас цветную капусту выкрасил в черный цвет, а по вкусу она напоминала печеные яблоки.

После ужина пан Клякса велел двум Анджеям принести в спальню две кровати и постелить. Он сказал, что со дня на день ожидает новых учеников.

Когда Анджеи исполнили поручение; мы отправились в спальню и вскоре погрузились в глубокий сон.

На этом кончается описание одного дня, проведенного в академии пана Кляксы.

СОН ПРО СЕМЬ СТАКАНОВ

Первого сентября произошли очень важные события. Было воскресенье, и каждый занимался любимым делом. Артур учил своего дрессированного кролика считать, Альфред вырезал дудку, Анастаси стрелял из лука по мишени, один из Антониев, сидя на корточках возле муравейника, изучал жизнь муравьев, Альберт собирал желуди и каштаны, а я играл со своими пуговицами и строил из них всякие фигуры.

Пан Клякса был не в духе. После ссоры с Филиппом он вообще сильно изменился. Я не понимал, что может связывать пана Кляксу с Филиппом. Меня удивляло, как это парикмахер, поставщик веснушек, осмелился кричать на пана Кляксу и хлопать дверьми. Что ни говори, а с этого дня все в академии пошло кувырком. Пан Клякса стал немного ниже ростом, сильно помрачнел и все дни напролет чинил свой увеличительный насос. Уроки все чаще вместо него вел Матеуш. В кухне у пана Кляксы подгорала еда, раскрашивал он ее в какие-то безвкусные цвета, а всякий раз, заслышав звонок в ворота, подбегал к окну и нервно тербил бровь.

В тот день, о котором я рассказываю, я составил из пуговиц фигуру зайца. Пан Клякса подошел ко мне, склонился над зайцем и посыпал его бронзовым порошком. Заяц ожил, вскочил на ноги и юркнул в дверь, утащив все мои пуговицы.

Это позабавило Пана Кляксу, он громко рассмеялся, но тут же помрачнел и сказал:

— Что толку знать тайны красок, порошков, стеклышек, если я не в силах справиться с этим негодным Филиппом! Да, он принесет мне немало горя и забот!

Меня удивили слова пана Кляксы. Я не знал, что взрослый человек может быть таким беспомощным.

Пан Клякса угадал мою мысль, наклонился и сказал мне на ухо:

— Одному тебе могу довериться, потому что ты мой лучший ученик. Филипп хочет, чтобы я принял в академию двух его сыновей. В противном случае он грозит отнять у нас все веснушки. Он даже придумал своим мальчикам имена на букву “А”. Чует мое сердце, это плохо кончится.

Тут пан Клякса вынул из кармана горсть пуговиц, швырнул на пол, так что они сами образовали фигуру зайца, и, прыгая на одной ноге, вышел из комнаты.

Этот разговор меня очень удивил. Я решил разыскать Матеуша и разузнать во всех подробностях, почему пан Клякса боится Филиппа.

По воскресеньям Матеуш обычно улетал в сказку про Соловья и Розу, на урок соловьиного пения. Я пошел в парк, надеясь встретить Матеуша, когда он будет возвращаться.

Войдя в парк, я услышал странный шум. Листья шуршали, кусты качались, трава колыхалась, словно полчища невидимых существ передвигались по земле, минуя аллеи и тропинки.

Я побежал на шум и очутился у пруда. Только тут я понял, что произошло. Воды в пруде не было. Рыбы в отчаянии бились об илистое дно, а бесчисленное множество лягушек и раков уходило искать себе новое пристанище.

Я двинулся рядом с процессией и увидел впереди большую лягушку с маленькой короной на голове. Это была уже знакомая мне Царевна-лягушка.

— Я узнала тебя, мальчик. Ты недавно был в моей сказке и произвел на меня хорошее впечатление. Видишь, какое

случилось несчастье? Пан Клякса почему-то выкачал всю воду из пруда, оставив его обитателей на произвол судьбы. Я покинула свой подземный дворец, чтобы помочь им. Лягушка, даже если она из другой сказки, скорее поймет лягушку, нежели пан Клякса.

— А куда ты их ведешь, Царевна-лягушка? — спросил я, растроганный ее словами.

— Сама не знаю, — ответила она. — То ли в сказку про заколдованное озеро, то ли в пруд из сказки про Зеленую русалку.

— Мы хотим в пруд! — загалдели хором лягушки.

Они прыгали так высоко, что это было похоже на лягушиный цирк, если такой бывает.

Раки шли молча, немного поодаль, с трудом двигая клешнями. Их было очень много. Гораздо больше, чем лягушек. Некоторые из них совершенно запарились и стали красными, будто их ошпарили кипятком.

Глаз нельзя было оторвать от этой печальной процессии. Но я вовремя вспомнил про рыб, оставшихся без воды, и, попрощавшись, побежал к ним. Царевна-лягушка окликнула меня жалобным голосом:

— Адашь, не уходи, послушай! Помнишь, я дала тебе ключик? Верни мне его. Без него я не попаду ни в одну сказку. Прошу не ради себя, а ради этих несчастных.

— Ключик? — переспросил я. — Ключик? Я с радостью верну его тебе. Он мне совсем не нужен. Только бы вспомнить, куда я его дел. Кажется, он остался у пана Кляксы. Подожди, я сейчас сбегаю.

Я не знал, с чего начать. Мне искренне хотелось помочь лягушкам, но еще больше меня беспокоили рыбы. Я помчался в академию, по дороге встретил ребят и рассказал им о случившемся. Рыб они взяли на себя.

Пана Кляксу никто из них не видел. Я обежал всю академию, но ни в кабинете, ни в классах, ни в зале, ни на кухне его не было. Тогда я поднялся наверх и заглянул в лечебницу больных вещей.

Пан Клякса был там. Но чем он занимался, вообразить трудно. Крошечный, не больше Мальчика с пальчик, он, уцепившись за маятник ножками и ручками, учил часы ходить. Он раскачивался на маятнике, как на качелях, и без умолку твердил:

— Тик-так, тик-так, тик-так!

В это время раздался бой часов, и пан Клякса стал вторить ему густым басом:

— Бим-бам-бом!

Увидев меня, он спрыгнул с маятника и тут же на моих глазах вырос.

— Вечно вы мне мешаете! — сказал он сердитым голосом. — Чего тебе? Не видишь разве — я занят, учу часы разговаривать.

Но тут же взял себя в руки и сказал обычным ласковым голосом:

— Прости, Адашь! Не смотри на меня так. Во всем виноват Филипп. Он меня погубит. Я стал уменьшаться. Мне все трудней сохранять свой рост. А тут еще одна неприятность. Свечные огоньки загорелись у меня в кармане. Пришлось их залить водой. Тяжело все это, ох как тяжело! Прошу, если любишь меня, никому не рассказывай об этом. Ладно? А что привело тебя ко мне?

Я рассказал пану Кляксе о том, что он наделал, выкачав воду из пруда, и попросил вернуть мне ключик.

Мой рассказ очень огорчил пана Кляксу.

— Жаль! Очень жаль! — сказал он, помолчав. — Лягушки не будут больше складывать нам стишки. Но у меня не было другого выхода. Если бы я не погасил огоньки, вся академия сторела бы дотла. Придется сделать себе нестораемый карман. Как же быть с рыбами? Ладно, что-нибудь придумаем!.. Да, ты просил вернуть тебе ключик... сейчас...сейчас...

Он стал шарить по карманам.

— Знаешь, — сказал он шепотом, — у меня еще одна неприятность. После истории с Филиппом мои карманы стали глубже. Я с трудом достаю дно... Вот, наконец-то ключик нашелся! На, передай Царевне-лягушке и извинись за меня.

Тут он снова уцепился за маятник и стал раскачиваться, повторяя:

— Тик-так, тик-так, тик-так.

Я вернулся в парк и положил ключ к ногам Царевны-лягушки.

— Я тебе очень признательна, — сказала Царевна-лягушка. — В награду за ключ возьми Лягушонка-Послушонка. В трудную минуту он тебе поможет.

Она сказала несколько слов по-лягушачьи. Из толпы выскочил маленький лягушонок, величиной с муху. Он был ярко-зеленого цвета и блестел как лакированный.

— Возьми его, — сказала Царевна, — спрячь в волосы и каждый день давай ему по одному рисовому зернышку.

Я взял лягушонка, посадил к себе на голову, поблагодарил Царевну и, перепрыгивая через лягушек и раков, побежал к пруду. Там я увидел пана Кляксу, окруженного ребятами. Он выглядел хорошо, но был чуть меньше ростом.

По его указанию ребята принесли несколько больших корзин и сложили туда рыб.

— За мной! — скомандовал пан Клякса.

Сгибаясь под тяжестью корзин, мы прошли по каштановой аллее, пробрались через заросли малины и вышли к ограде. Пан Клякса остановился перед дверцей с надписью “Сказка о рыбаке и рыбке” и открыл замок. Уже издали мы увидели Рыбака, закидывающего в море невод. Рыбак улыбнулся и, не вынимая изо рта глиняной трубки, поздоровался с нами.

Мы бросили рыб в море, а потом по совету Рыбака выку-

пались. День стоял жаркий, и вода была очень теплая.

Когда мы вернулись к пруду, лягушек и раков там уже не было. По влажному илу ползали лишь черви да улитки.

Вдруг над нами появился Матеуш. Он был очень взволнован и кричал что есть мочи:

— Душный рик! Душный рик!

Пан Клякса первым догадался, в чем дело, и посмотрел на небо. Потом он тоже закричал:

— Воздушный шарик! Воздушный шарик!

Высоко в небе показалась маленькая точка. Она быстро приближалась, и вскоре мы явственно увидели голубой шарик с привязанной к нему корзиной.

Пан Клякса очень радовался, потирал от удовольствия руки и все время повторял:

— Мой глаз летит с Луны!

Когда шарик опустился, пан Клякса отклеил пластырь и вставил глаз на место.

— Нет! Это что-то невероятное! — воскликнул он, захлебываясь от восторга. — Такого еще никто не видывал! Ну и ну! Ну и чудеса! Жизнь на Луне занимательней любой сказки.

Мы с завистью смотрели на пана Кляксу, а он упивался картинами, которые запечатлел его глаз, побывавший на Луне.

Наконец пан Клякса овладел собой и сказал:

— Сказка про лунных жителей затмит все сказки на свете! Дайте только время.

— А может быть, вы ее сейчас расскажете, пан профессор? предложил Анастази.

— Всему своя пора! — ответил пан Клякса. — В особенности сказкам. А теперь пойдем обедать. После обеда я прочитаю вам сон, который приснился Адасю Несогласке.

Услышав это, ребята очень обрадовались.

Мы наскоро пообедали и собрались в школьном зале.

Пан Клякса сел за кафедру, раскрыл толстую книгу, содержащую описание лучших снов, и начал читать:

— *Сон про семь стаканов.*

Мне снилось, что я проснулся.

Пан Клякса превратил все стулья, столы, табуретки, кровати, вешалки, шкафы, полки и другие вещи в мальчиков, так что всех вместе нас было больше ста учеников.

— Сегодня мы поедem в Китай, — сообщил нам пан Клякса.

Я выглянул в окно. Во дворе стоял маленький поезд, составленный из спичечных коробков, а паровозом служил голубой эмалированный чайник. Он был на колесах, и из него валил пар.

Мы сели в вагоны, и, как ни странно, все уместились.

Пан Клякса сел верхом на чайник, и поезд загудел к отправлению. Вдруг в небе появилась огромная туча. Поднялся страшный ветер. Он перевернул все вагоны, то есть спичечные коробки. Надвигалась гроза.

Тогда я побежал на кухню, достал из буфета семь стаканов, поставил на поднос, выгацил из сарая лестницу и принес все это во двор.

Пар, валивший из чайника, соединялся с тучей, она угрожающе росла, и пан Клякса тщетно пытался заткнуть пальцем носик чайника.

— Адась, спаси мой поезд! — воскликнул пан Клякса, подпрыгивая вместе с крышкой чайника.

Я приставил лестницу к стене и, держа в левой руке поднос со стаканами, поднялся на самый верх.

Когда я достиг последней перекладины, лестница вдруг вытянулась и оперлась на тучу, так что я легко мог достать до нее рукой.

Я взял ложку, которую тоже захватил на кухне, и стал разрыхлять тучу.

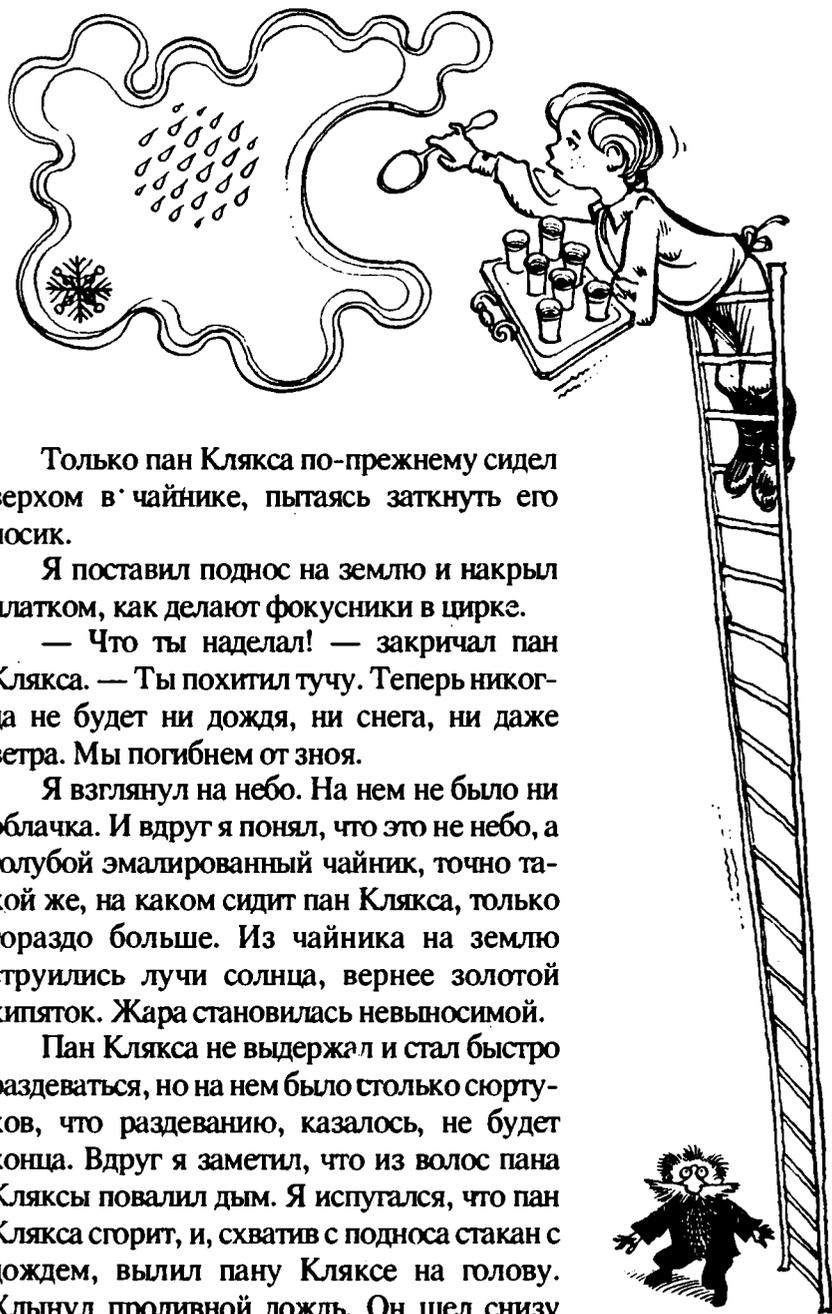
Сначала я собрал в первый стакан дождь, потом соскоблил снег и насыпал во второй стакан. В третий стакан я собрал град, в четвертый — гром, в пятый — молнию, в шестой — ветер.

Таким образом, я собрал в стаканы всю тучу, снял ее с неба, как снимают пенку с молока, и небо сразу прояснилось.

Я не понимал только, зачем мне седьмой стакан.

Когда я спустился вниз, поезда на месте не оказалось. Мальчики превратились в серебряные вилки и лежали рядком на земле.

Только пан Клякса по-прежнему сидел верхом в чайнике, пытаясь заткнуть его носик.

Я поставил поднос на землю и накрыл платком, как делают фокусники в цирке.

— Что ты наделал! — закричал пан Клякса. — Ты похитил тучу. Теперь никогда не будет ни дождя, ни снега, ни даже ветра. Мы погибнем от зноя.

Я взглянул на небо. На нем не было ни облачка. И вдруг я понял, что это не небо, а голубой эмалированный чайник, точно такой же, на каком сидит пан Клякса, только гораздо больше. Из чайника на землю струились лучи солнца, вернее золотой кипяток. Жара становилась невыносимой.

Пан Клякса не выдержал и стал быстро раздеваться, но на нем было столько сюртуков, что раздеванию, казалось, не будет конца. Вдруг я заметил, что из волос пана Кляксы повалил дым. Я испугался, что пан Клякса сгорит, и, схватив с подноса стакан с дождем, вылил пану Кляксе на голову. Хлынул проливной дождь. Он шел снизу вверх, как бьющий из земли фонтан.

— Снега! — кричал пан Клякса. — Снега, а то сторю!

Я схватил второй стакан, зачерпнул ложкой снег и стал обкладывать голову пана Кляксы.

Неожиданно снег стал разлетаться по парку. Из-под снега выскочили серебряные вилки и, бегая как сумасшедшие, стали играть в снежки. Я узнавал в них поочередно то Артура, то Альфреда, то Анастаси, то еще кого-нибудь из ребят.

Вилки подняли такую метель, что ничего не было видно. Тогда я решил сдуть снег ветром. Я взял третий стакан и выплеснул оттуда ветер.

Трудно передать, что это был за ветер. Он дул одновременно со всех сторон и сметал все, что попадалось на пути. Он развеял снег и поднял вилки так высоко, что они повисли в небе, как

звезды. Стало очень холодно. Я взглянул на пана Клякса и в первую секунду даже не узнал его. Он превратился в снежную бабу и весело распевал:

*Едет, едет Дед-Мороз,
Тянет снега целый воз.*

Я решил, что пан Клякса отморозил себе ум, и дал ему подержать чайник, как грелку.

Снег растаял, стало тепло, и пан Клякса расцвел.

Сначала у него появились почки, потом листья, а потом он весь с головы до ног покрылся цветами. Он срывал их с себя, громко чавкая, ел и во все горло распевал:

*Вот когда я съем все это,
Превратится осень в лето.*

Но хорошего настроения хватило ненадолго. Пчелы, привлеченные цветами, окружили пана Кляксу со всех сторон, а одна даже ужалила его. Пан Клякса ахал и охал, и из глаз у него текли густые капли меда.

Недолго думая я схватил четвертый стакан, с градом. Град был похож на крупную дробь.

Я высыпал град на ладонь и стал натирать им лицо пана Кляксы. Ему сразу полегчало.

В это время эмалированный чайник в небе повернулся закопченным дном книзу. Наступила темнота. Только серебряные вилки ярко мерцали.

Тогда я вынул из пятого стакана молнию, выпрямил ее, как свечку, и воткнул в землю.

Молния давала столько света, что было видно как днем.

— Я хочу есть! — вдруг капризно произнес пан Клякса.

У меня ничего не было, кроме стакана с громом.

— Отлично! — воскликнул пан Клякса. — Нет ничего вкуснее грома! Подай-ка сюда!

Я достал гром и подал пану Кляксе. Это был большой красный шар, похожий на гранат.

Пан Клякса достал из кармана перочинный ножик, снял с грома кожуру, разделил на дольки и, причмокивая языком, съел.

Вдруг раздался страшный грохот. Пан Клякса взорвался и разлетелся на мелкие кусочки. Каждый из них превратился в самостоятельного пана Кляксу. Они очень весело приплясывали на траве и смеялись тоненькими голосами.

Я взял одного из них, положил в седьмой стакан и отнес в академию.

Вдруг, откуда ни возьмись, с громкими воплями в форточку влетели серебряные вилки и стали отнимать у меня пана Кляксу.

Я изловчился, поставил стакан в буфет и захлопнул дверцу.

Тут я и проснулся.

Перед собой я увидел настоящего, живого пана Кляксу. Он рассматривал мое сонное зеркальце и, теребя бровь, приговаривал:

— Сон про семь стаканов... любопытно... сон про семь стаканов... ну и ну!

АНАТОЛЬ И АЛОЙЗИ

Весь сентябрь шли проливные дожди. Кончились игры на площадке в парке, мы не выходили из дому. Пан Клякса был угрюм и неразговорчив. Одним словом, в академии стало очень скучно.

Однажды вечером пан Клякса заявил, что не может жить без бабочек и цветов и поэтому будет раньше ложиться спать.

Мы с ним попрощались и тоже отправились в спальню.

— Мне скучно, — вздохнул один из Александров.

— Мне кажется, — сказал вдруг Артур, — что у пана Кляксы случилось несчастье. Вы заметили, что он стал ниже ростом?

— Да, да! — подтвердил один из Антониев. — Пан Клякса уменьшился.

— А может, у него испортился увеличительный насос? — высказал предположение Анастаси.

Я не принимал участия в разговоре. Мне очень хотелось спать. Я лег в постель и тут же уснул.

Мне приснилось, что я молоток и пан Клякса разбивает мною пуговицы. Стук молотка раздавался по всей академии. Я проснулся, но удары молотка по-прежнему отдавались у меня в ушах. Я прислушался и понял, что стучат в ворота.

Тогда я разбудил Анастаси, и мы, накинув плащи, выбежали во двор. За воротами мы увидели парикмахера Филиппа с двумя незнакомыми мальчиками. Все трое до нитки промокли. Анастаси открыл ворота и впустил ночных посетителей.

— Знакомьтесь! Новые ученики пана Кляксы! — сказал Филипп и расхохотался. — Будущая гордость знаменитой академии, ха-ха! Одного зовут Анатоль, другого Алойзи. Оба на “А”, ха-ха! Анатоль, поздоровайся, покажи, что ты воспитанный мальчик!

Один из мальчиков кивнул нам головой и сказал:

— Я Анатоль Кукареку. А это мой младший брат Алойзи. — Он указал на другого мальчика, которого они с Филиппом вели под руки.

— Мы очень рады познакомиться, — вежливо сказал Анастаси. — Но зачем стоять под дождем? Входите, пожалуйста.

Мы оставили мокрые плащи в прихожей и отвели гостей в столовую. Видно, они очень устали, потому что Алойзи сразу уснул, качаясь на стуле, как китайский болванчик.

Филипп сказал, что хотел привести ребят вечером, но долго плутал и только в полночь разыскал Шоколадную улицу.

— Вы, наверное, проголодались? — сказал я. — Я пойду разбуджу пана Кляксу и скажу о вашем прибытии.

— Да, да, обязательно разбуди пана Кляксу! — воскликнул Филипп и снова расхохотался. — У меня припасены для него свеженькие веснушки, ха-ха! Вы ведь хотите увидеть пана Кляксу, ха-ха! А, Анатолий?

— Это для нас большая честь, — вежливо ответил мальчик.

Я поднялся наверх и постучал в спальню пана Кляксы. Никто не отозвался. Я постучал сильнее. Снова молчание. Тогда я постучал третий раз. Пан Клякса продолжал спать или просто не хотел отзываться. Я подергал дверь. Она была заперта. Я постучал что есть силы в надежде, что разбуджу Матеуша. Но мне никто не отвечал.

Тогда я решил пойти на кухню и сам приготовить гостям ужин. Я достал из кладовки крынку молока, хлеб, масло, кусок сыра и жаренную курицу, поставил все на поднос и открыл буфет, чтобы достать приборы. Вдруг я заметил в одном стакане что-то серое. Я подумал, что это мышь, и, накрыв стакан ладонью, поднес к свету. То, что я увидел, привело меня в неопиcуемый ужас. В стакане сидел пан Клякса, крохотный пан Клякса. Я ясно увидел его лицо, его странный костюм, даже веснушки на носу. Он сидел в стакане как ни в чем не бывало и спал.

Осторожно двумя пальцами я вынул его оттуда и положил на тарелку. Прикосновение к холодному фарфору разбудило его. Он вскочил на ноги, огляделся по сторонам, достал насос, приставил к уху и тут же стал увеличиваться. Потом спрыгнул с тарелки на стул, со стола на пол и превратился в пана Кляксу нормальных размеров.

Я стоял ошеломленный, не зная, что делать.

Пан Клякса посмотрел на меня с досадой и сердито проговорил:

— Это сон! Понимаешь! Дурацкий сон! Совершенный бред! Я запрещаю тебе об этом рассказывать! Пан Клякса тебе запрещает! Понятно? И чтоб больше такие сны не повторялись!

Я попросил прощение у пана Кляксы — что мне оставалось делать? — потом рассказал ему о прибытии Филиппа с мальчиками.

— Управитесь и без меня, — сказал пан Клякса. — Накормите их и уложите спать, а утром я с ними поговорю. Филиппу можешь

постелить в моем кабинете, на диване. Спокойной ночи! — И он вышел, хлопнув дверью.

Я выбежал следом и видел, как он въезжал по перилам вверх.

“Ну и дела творятся в академии!” — подумал-я, возвращаясь на кухню. Я взял поднос с едой и отнес в столовую.

Алойзи продолжал спать. Филипп и Анатолий принялись есть, не обращая на него никакого внимания.

— Не разбудить ли вашего брата? — спросил Анастаси Анатолий. — Он ведь тоже, наверно, голоден.

— Нет, нет не надо, — ответил Анатолий. — Сон вполне заменит ему еду. Алойзи терпеть не может, когда его будят.

— Вот увидите, ребята, этот спящий царевич станет гордостью вашей академии! — хихикнул Филипп, улетающая курица.

После ужина Анастаси проводил Филиппа в кабинет, а я отправился в спальню приготовить постель мальчикам.

Только я кончил стелить, как в дверях показались Анастаси и Анатолий. Анатолий нес на руках спящего братишку.

— Он не любит, чтобы его будили, — снова сказал Анатолий. — Не надо его раздевать, пусть спит одетый.

Мы осторожно уложили Алойзи в кровать, потом сами разделить и крепко уснули.

Проснулся я довольно рано, толкнул спящего рядом Альфреда и рассказал о прибытии новых учеников. Альфред разбудил Артура, Артур — Александра, и через несколько минут спальня гудела, словно пчелиный улей.

Когда Матеуш пришел нас будить, мы все уже были на ногах.

Ребята с любопытством разглядывали новеньких. Анатолий проснулся от нашего шума, а его братишка Алойзи продолжал спать.

Вдруг дверь отворилась, и вошел пан Клякса.

— Доброе утро, мальчики! — сказал он весело. — Ну-ка, где тут новенькие?

— Я здесь, пан профессор. Меня зовут Анатолий Кукареку, а это мой младший брат.

Пан Клякса молча взглянул на Анатолия и подошел к Алойзи.

Он немного постоял над ним, о чем-то размышляя, потом наклонился и крикнул Алойзи на ухо:

— Тебя зовут Алойзи, да?

Алойзи даже не дрогнул.

— Ты слышишь меня, Алойзи? — повторил пан Клякса.

Алойзи лежал не шевелясь.

Пан Клякса приподнял ему веки, посмотрел в глаза, стал тереть ему щеки, лоб, хлопать по рукам.

Алойзи не просыпался.

— Так, так! — пробормотал про себя пан Клякса. — Оказывается, Алойзи не человек а кукла. Я всегда был против приема кукол в мою академию. Но теперь уже поздно. Алойзи был приведен ночью, обманным путем. Да, с ним придется повозиться. Его придется научить думать, чувствовать, говорить.

Что ж, попробуем. Адашь, возьми в помощь Альфреда, двух Антониев и перенесите Алойзи в лечебницу больных вещей. Сегодня уроков не будет. Я занят. Если нет дождя, пойдите с Матеушем в парк.

Он повернулся и вышел из комнаты.

Мы решили тут же перенести Алойзи. Ничья помощь мне не понадобилась: Алойзи был легче пушинки. Когда я взял его на руки, меня окружили ребята и стали его разглядывать. Если бы не эта легкость и неподвижность. Алойзи ничем не отличался бы от живых людей. Голова, волосы, лицо, губы, глаза, лоб, нос, подбородок, руки и даже ногти на пальцах — все было как настоящее. С первого взгляда невозможно было догадаться, что Алойзи кукла.

Его лицо и руки были сделаны из теплой эластичной массы, похожей на человеческое тело.

Изобретатель этой необыкновенной человекоподобной куклы был достоин всяческого восхищения.

Мы были в восторге. Нам было интересно, сумеет ли пан Клякса оживить Алойзи и подружимся ли мы с куклой, когда она оживет.

Молчавший до этого Анатолий включился в разговор и очень толково стал объяснять устройство куклы, которую он любил как брата. Воспользовавшись этим, я потихоньку отнес Алойзи наверх, в лечебницу больных вещей. Пан Клякса давно с нетерпением меня ждал.

— Положи его на стол, — сказал он, когда я вошел. — Надо немедленно взяться за работу.

— А можно мне остаться? — спросил я робко.

— Даже нужно! — ответил пан Клякса. — Мне понадобится твоя помощь.

Так как мы не завтракали, пан Клякса сначала угостил меня таблетками для ращения волос, после чего велел мне раздеть Алойзи.

Оказалось, что всё тело куклы покрыто тонким слоем розоватого металла.

Пан Клякса достал из кармана банку с мазью и сказал:

— Натрирай Алойзи до тех пор, пока под металлической кожей не проступят кровеносные сосуды. Вооружись тер-

пением, работать придется долго. Начни с ног, а я пока займусь легкими и сердцем.

Мы работали несколько часов подряд. Пан Клякса снял пластинку, прикрывавшую грудную клетку, и долго копался в механизме.

У меня от натирания совсем онемели руки, но я добился своего. Под металлической кожей мало-помалу выступили жилки и кровеносные сосуды.

— Довольно, — сказал пан Клякса, не глядя в мою сторону. — Теперь займись руками.

Я стал натирать мазью плечи и руки Алойзи. Кончил я работу одновременно со звонком на обед.

Пан Клякса, раскрасневшийся от удовольствия, распрямил плечи, привинтил обратно пластинку и сказал восторженно:

— Красота! Блеск! Иди обедать, а я ему, голубчику, пока мозги вправлю.

Я нехотя покинул лечебницу и отправился в столовую. Первым подбежал ко мне Анатолий, за ним все остальные ребята. Они забросали меня вопросами:

— Алойзи уже ходит?

— Он говорит?

— Что делает пан Клякса?

— Когда он спустится вниз?

— А что у Алойзи в голове?

— Он научился думать?

Я рассказал по порядку все, что видел, и принялся за еду, чтобы поскорей вернуться назад в лечебницу.

Когда я доедал третье, в коридоре послышались шаги. Двадцать пар глаз устремились на дверь.

Она тихо отворилась, и перед нами предстал Алойзи, поддерживаемый паном Кляксой.

Робко и неумело перебирая ногами, он шел прямо к нам, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону и неестественно размахивая левой рукой.

— Вот он! — воскликнул торжествующе пан Клякса. —
Познакомьтесь с новым товарищем.

— Добрый день, Алойзи, — произнес Анатолий, с восхищением глядя на куклу.

— Здравствуй, — ответил Алойзи, отчеканивая каждый слог.

— Скажи, как тебя зовут! — крикнул ему на ухо пан Клякса.

— А-лой-зи Ку-ку-ку-ку... — закуковал он вдруг, повторяя первый слог своей фамилии.

Пан Клякса открыл ему рот, завинтил какой-то винтик под языком.

— Ну-ка, еще разок попробуй.

Кукла облегченно вздохнула и ответила более плавно:

— Алойзи Ку-ка-ре-ку. Меня зовут Алойзи Кукареку.

— Прекрасно! — захлопал в ладоши пан Клякса. —
Изумительно! А теперь садись за стол. Мальчики, дайте ему что-нибудь поесть.

Алойзи таким же медленным, осторожным шагом приблизился к столу, уселся на стул и сказал глухим голосом:

— Дай-те мне есть.

Один из Антониев подал ему тарелку с макаронами и вилку.

Алойзи зажал вилку в кулак и стал есть. Ел он очень неуклюже, макароны падали на пол, вываливались изо рта. Но те, что попадали в рот, он с удовольствием жевал и проглатывал.

— Вкусно! — сказал он, когда тарелка опустела.

Он очень быстро научился есть, ходить, разговаривать.

Через час он уже составлял сложные предложения. А вечером завел с паном Кляксой долгий разговор про академию.

На другой день мы повели его гулять в парк. Ходил он уже как все и даже попробовал бежать с Анатолем наперегонки, но зацепился ногой за ногу и упал.

Он научился есть ножом и вилкой, а на третий день сам умылся, причесался и оделся.

Через неделю никому бы в голову не пришло, что Алойзи обыкновенная кукла, оживленная паном Кляксой.

СКАЗКА ПРО ЛУННЫХ ЖИТЕЛЕЙ

Когда мы утром, как обычно, принесли пану Кляксе наши сонные зеркала, он торжественно объявил:

— Слушайте, мальчики! Завтра ровно в одиннадцать часов утра у нас начнется большой праздник. Вы, наверное, догадываетесь, в чем дело. Я расскажу о том, что мой правый глаз видел на Луне, то есть сказку про лунных жителей. Я пригласил на праздник все соседние сказки и втрое увеличил школьный зал, чтобы всем хватило места. На сегодня назначаю уборку. Вы должны быть причесанными, нарядными и красивыми. В академии должен быть образцовый порядок. За указаниями обращайтесь к Матеушу. Я буду готовить угощение. Прошу мне не мешать. Надеюсь, я могу на вас рассчитывать?

— Можете, пан профессор! — ответили мы хором.

И тут же взялись за работу.

Одни выкалачивали кресла и диваны, другие вытряхивали ковры и дорожки, третьи натирали мастикой пол и чистили обувь, четвертые мылись. Словом, работа кипела вовсю.

Матеуш все время кружил над нами, заглядывал во все щели, поторапливал нас, следил, чтобы мы все выполняли добросовестно.

Работа шла полным ходом, и, казалось, ничто не могло ей помешать.

Но вышло иначе.

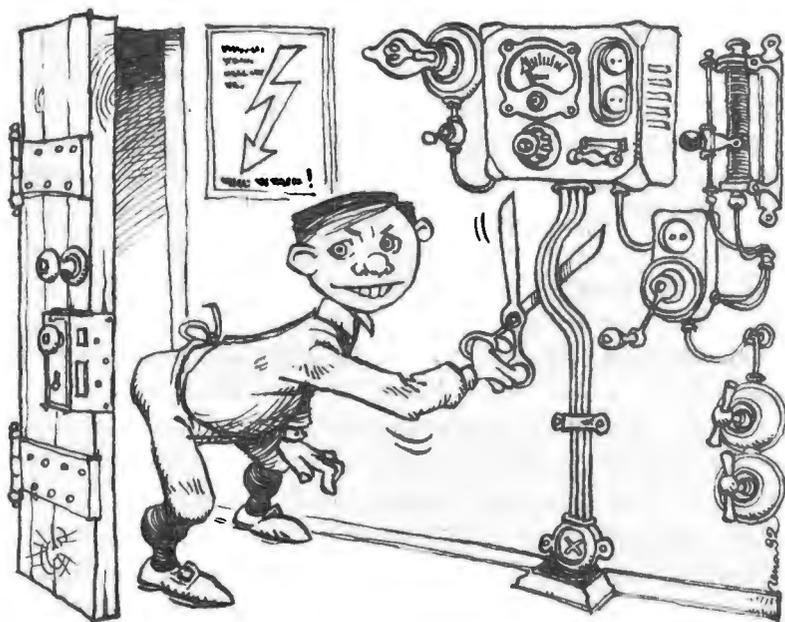
На чистом, недавно натертом полу в кабинете пана Кляксы невесть откуда появилась чернильная лужа. Из подушек, проветривавшихся во дворе, вырвался пух и облепил все ковры, диваны, кресла, одежду, так что все пришлось чистить заново. Казалось, чья-то невидимая рука разрежала подушки ножом. Но это еще не все. Постели, занавески, белье в спальне были перепачканы сажей. Один из Адамов, присев на диван, разорвал штаны, потому что под обивкой дивана торчали острые гвозди.

Стулья были вымазаны клеем. В ванной кто-то пооткрывал краны, и вода залила не только ванную, но и кухню, так что пану Кляксе пришлось надеть глубокие калоши.

Мы никак не могли понять, чьих это рук дело. Было обидно, что вся работа идет насмарку, и мы подозрительно косились друг на друга.

После обеда все выяснилось.

Поднимаясь на второй этаж, Артур увидел в приоткрытую дверь, что Алойзи перерезает ножницами электропроводку. Артур тотчас позвал меня. Увидев нас, Алойзи рассмеялся, но продолжал свое гадкое занятие.

Я вырвал у него из рук ножницы. Это его так взбесило, что он пнул ногой столик и перевернул его вместе со всем, что на нем стояло.

— Алойзи, опомнись! — сказал Артур.

— Не хочу опомниться! — закричал Алойзи. — Я буду все ломать, мне так нравится. Это я вылил чернила, я распорол подушки, я напустил сажи. Ну, что вы мне сделаете? Ничего! Только попробуйте мне мешать, я сожгу всю вашу казарму, вот!

Мы испугались и побежали на кухню жаловаться пану Кляксе.

От неожиданности он выронил из рук торт.

— Я знал, что Алойзи что-нибудь натворит, — грустно сказал он. — Скверно. Но оставьте его в покое, мальчики, тут виноват механизм. Алойзи нарочно сделали таким. Это дело рук Филиппа. И тут я бессилён. Понимаете? Бес-си-лен!

Наступило длительное молчание, после чего пан Клякса продолжал:

Механизм Алойзи для меня загадка. Это секрет Филиппа. Мы должны быть снисходительны и терпеливы. Ведь, по сути дела, он вас всех превзошел в науках. Это просто чудо! Он выучился уже всему. Он даже умеет говорить по-китайски. Я подозреваю, что он съел мой китайский словарь. Нигде не могу его найти... Идите работать. Я думаю, Алойзи сам образумится, если увидит, что на него не обращают внимания.

Мы ушли из кухни очень огорченные. Анатолий был славным мальчиком и хорошим товарищем, а Алойзи был прямо-таки невыносим. Он издевался над нами, дерзил пану Кляксе, не давал нам спать ночью, вырывал у Матеуша перья из хвоста. Сначала мы старались не обращать на него внимания, но вскоре стали избегать его, так что свободное время он проводил в одиночестве или в обществе Анатолия, которого всегда мучил, бил, щипал.

Алойзи был отвратительным существом, хотя ему нельзя было отказать в способностях.

Надо было на время отвлечь его. Я решил пожертвовать собой для пользы дела и позвал его в парк ловить щеглов.

Алойзи согласился. Мы сорвали несколько стебельков чертополоха для приманки, поставили силки, а сами залегли в кустах.

— Скучно в академии, — разоткровенничался Алойзи. — Дураки вы, что терпите своего пана Кляксу. При первой же возможности я сбегу. Это решено.

Я ничего не ответил, а он продолжал свои признания:

— И зачем пан Клякса научил меня думать? Можно было обойтись без этого. Я знаю, я не похож на вас, хотя на вид ничем не отличаюсь. За это я вас и ненавижу, особенно пана Кляксу. Я еще такого натворю, вот увидишь! Вы меня долго помнить будете!

Он расхохотился, потом устал, сник, положил голову на руки и неожиданно заснул.

Я потихоньку встал, выпустил попавшего в силки щегла и на цыпочках побежал в академию.

Ребята уже кончали уборку. Комнаты и залы сверкали чистотой так, что приятно было смотреть.

Мы рано поужинали и пошли спать.

Алойзи с нами не было, и никто о нем не вспомнил. Наверное, он решил провести ночь в парке. Я этому ничуть не удивился: ведь его тело не чувствовало холода.

На следующий день мы принарядились в ожидании гостей. Пан Клякса вместо обычного сюртука надел коричневый фрак с зелеными отворотами и молча рассказывал по академии. Он был чуть ниже, чем накануне, но в новом наряде это было почти незаметно.

В десять часов стали съезжаться гости. Весь двор наполнился разными диковинными существами, каких теперь можно увидеть только в кино или в театре.

Была поздняя осень, но в саду пригревало солнце. Клумбы и оранжереи неожиданно расцвели.

К крыльцу подъезжали повозки, золоченые кареты, в воздухе парили ковры-самолеты, летающие сундучки. Королевы и принцессы шли в сопровождении придворных и пажей. Все аллеи парка заплотнили гномы и карлики; их было не меньше, чем лягушек в тот день, когда пан Клякса осушил пруд. Прибывали персонажи самых известных сказок: Кот в сапогах, Курочка ряба, Глупый медвежонок, Серенький козлик, Гуси-лебеди, Хитрая лиса, Журавль и Цапля, Кузнечик и Муравей. Русалка приехала в стеклянной карете-аквариуме, наполненной водой, а вокруг нее плескались Золотые рыбки.

Со всеми гостями пан Клякса был лично знаком. Даже самые знатные принцы почитали за честь приглашение пана Кляксы. Какое счастье, думал я, быть учеником такого знаменитого человека!

Школьный зал, после того как пан Клякса его расширил, стал таким просторным, что, если бы даже гостей было втрое, а то и вчетверо больше, всем хватило бы места.

Нам было поручено ухаживать за гостями. Мы разносили на подносах и в вазах угощение, приготовленное паном Кляксой. Тут были торты, печенье, шоколад, цветы, цукаты, орехи, пряники, мороженое, варенье, виноград, специальные блюда, приготовленные для гостей из восточных сказок, и даже компот из цветных стеклышек, бабочек и герани.

Гурманов и тонких знатоков мы угощали таблетками для рращения волос, сонными пилюлями и зеленой настойкой.

Лягушонок-Послушонок, сидя у меня за ухом, подсказывал, кого чем угощать.

Когда все гости собрались и заняли места, мы выстроились у стены. Ровно в одиннадцать часов пан Клякса взошел на кафедру. В коричневом фраке, с Матеушем на плече, с развевающимися волосами и множеством новых веснушек на лице он был прекрасен.

В зале наступила тишина.

Пан Клякса откашлялся и начал:

— За долиной, за рекой, между небом и землей, на Луну ведет тропинка, а тропинка — невидимка. С каждым шагом тропка круче, то бежит она по туче, то под радугой-дугой, то по глади голубой. И примерно через месяц всех приводит нас на Месяц. Правый глаз мой там бывал, очень многое видал, и о том, что видел глаз, поведу, друзья, рассказ...

Поверхность Луны покрыта горами из меди, серебра и железа. Горы пересечены внутри длинными извилистыми коридорами, ведущими в пещеры.

А в пещерах живут обитатели Луны, называемые луннами.

На поверхности Луны царит страшный холод, поэтому лунны никогда не покидают своих пещер. По узким коридорам лунны спускаются в глубь планеты и долбят металлический грунт. Они упорны и трудолюбивы, как муравьи.

Растительности на Луне нет, и нет никаких других существ, кроме луннов.

Тело у луннов состоит из мутной жидкости облачного цвета, покрытой тонкой эластичной кожицей, напоминающей желатин. Лунны могут придавать своему телу любые формы.

У каждого лунна есть стеклянный сосуд, в котором он проводит все свое свободное время. Каждый сосуд имеет особую форму, благодаря этому лунны отличаются друг от друга.

Жилища луннов обставлены необычными предметами из меди и железа. Тут круги, квадраты, кубы, тарелки, миски, установленные на треногах или развешанные по стенам.

Огнем лунны не пользуются. Они сами излучают свет. Питаются они зелеными шариками, вырабатываемыми из меди, а переговариваются при помощи звуков, похожих на звон серебряного колокольчика.

Лунны не ходят, как мы, а плавают, как облака. Для работы они используют не инструменты, а лучи, исходящие из них самих.

В южном полушарии Луны, в Большой Серебряной Горе, живет грозный и могущественный повелитель луннов, король Неслук. Это единственный лунн, тело которого имеет определенную форму, и поэтому он не пользуется стеклянным сосудом. Король Неслук очень похож на человека. У него есть руки, ноги, но пока еще нет лица. Его голова представляет собой большой гладкий шар.

У короля Неслуха есть длинный узкий меч. Этим мечом он пронзает провинившихся подданных.

Однажды король Неслук нарушил обычай своего народа и вышел на поверхность Серебряной Горы. Тогда-то и случилось событие, которое никто не в силах был предвидеть... — Тут пан Клякса вдруг прервал рассказ и насторожился.

Тревога пана Кляксы мгновенно передалась всем остальным. Из парка донесся крик, треск ветвей, звон разбиваемого стекла. Там творилось что-то неладное.

Шум быстро приближался. Вдруг двери с треском распахнулись, и на пороге возник Алойзи.

Растрепанный, грязный, он в ярости размахивал толстой суковатой палкой.

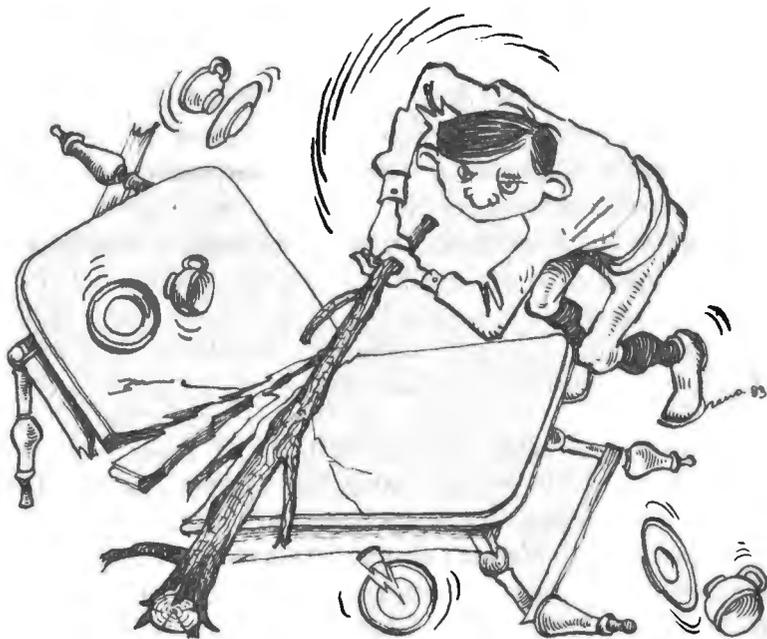
Лицо его перекошилось от бешенства.

— Так вот вы где, пан Клякса! — закричал он таким голосом, что у меня мурашки по коже забегали. — Пируете без меня? А?! Меня, значит, отправили щеглов кормить, а сами сказочки рассказываете? Чтоб духу вашего тут не было!.. — При этом он замахнулся палкой на гостей.

Пан Клякса нервно теребил бровь.

Не удерживаемый никем, Алойзи подскочил к пиршественному столу и что есть силы ударил по нему палкой. Раздался треск. Осколки стекла, фарфора, фаянса вместе с вареньем и кремом брызнули прямо в лицо сидящим поблизости гостям.

Анатоль пытался удержать Алойзи, но одним ударом кулака был опрокинут на пол.

В зале поднялся страшный переполох.

Одна королева и две юные принцессы упали в обморок, остальные гости вскочили с мест и бросились кто в дверь, кто в окно.

Пан Клякса с ужасом глядел на Алойзи, он не мог выговорить ни слова и только стал чуточку ниже ростом.

— Эй вы, господа и дамы! — не унимался Алойзи. — Пошевеливайтесь! Ах ты, Гадкий утенок, ну-ка улепетьвай, пока цел! А тебе, Муравей-музыкант, особое приглашение нужно, что ли? Ну, живо! Теперь я команду! Ха-ха-ха!

Вдруг из толпы взволнованных гостей вышла высокая красивая дама с гордой осанкой. Она приблизилась к Алойзи и сказала грозно:

— Я Повелительница кукол! Приказываю тебе обратиться отсюда!

Но Алойзи ведь не был обычной куклой, и Повелительница кукол не имела над ним власти. Он рассмеялся прямо ей в лицо, повернулся спиной и, расталкивая гостей, закричал:

— Это еще не все, пан Клякса! Я всю академию в щепки разнесу! Соображаете? В щепки!

Альфред был не в силах вынести эту сцену и расплакался.

Ребята стояли, как громом пораженные, во все глаза глядя на пана Кляксу. Я дрожал от обиды и негодования.

Зал постепенно опустел.

Со двора доносился грохот отъезжающих экипажей. Упавшую в обморок королеву пажы вынесли на руках.

Мы остались одни с паном Кляксой. Он стоял все так же, не меняя позы, и глядел в одну точку.

Зал снова уменьшился и стал таким, как прежде. Небо заволкло тучами, пошел мелкий осенний дождь.

Алойзи с нескрываемым торжеством развалился в кресле напротив пана Кляксы и вызывающе засвистел.

Наконец пан Клякса очнулся, оглядел пустой зал, посмотрел на нас, все еще неподвижно стоявших у стены, потом на Алойзи и сказал как ни в чем не бывало:

— Жаль, мальчики, что я не докончил сказку про лунных жителей. Придется отложить ее до следующей книжки. Жаль. Кажется, пора обедать. Правда, Матеуш?

— Авда, авда! — воскликнул Матеуш и полетел в столовую.

Пан Клякса прошел мимо Алойзи, не обращая на него внимания, поднялся в воздух и улетел вслед за Матеушем, придерживая руками развевающиеся полы коричневого фрака.

Вот какой это был благородный человек.

ТАЙНЫ ПАНА КЛЯКСЫ

Когда полгода назад я начал вести дневник, мне и в голову не приходило, что он займет столько места и что я расскажу о стольких удивительных событиях.

Особенно много происшествий было в последние дни. Мне даже трудно упорядочить их в памяти.

Самое главное то, что с паном Кляксой творилось что-то неладное.

У него испортился увеличительный насос. Это отразилось на росте пана Кляксы: с каждым днем он уменьшался. Оттого он становился все мрачнее и рассеянней, задумывался в самое неподходящее время. Однажды он задумался, въезжая наверх, и несколько часов подряд просидел верхом на перилах между двумя этажами. В другой раз, летая над столом с лейкой в руках, он погрузился в глубокое раздумье, свалился в тарелку с бараниной и, не заметив этого, пролежал там почти до самого вечера.

И все-таки главным было то, что рост пана Кляксы шел на убыль. Даже самый маленький из нас, Альфред, был выше его на целую голову.

— Вот увидите, пройдет месяц, и пана Кляксы совсем не станет! — издевался Алойзи.

Последнее время Алойзи творил в академии нечто невообразимое. После скандала со сказками он совсем распоясался. Никто не был в силах с ним справиться, а пан Клякса смотрел на все сквозь пальцы.

Алойзи вставал когда хотел, прогуливал уроки, рисовал пана Кляксу в карикатурном виде на сонных зеркальцах, без разрешения приходил на кухню, бросал в кастрюли лягушек и тараканов, прокалывал воздушные шары и ко всем приставал. Мы ненавидели его и отдыхали только тогда, когда он спал или уходил из дому.

Пан Клякса все позволял ему, словно чего-то боялся. И, по мере того как росло нахальство Алойзи, слабели воля и сила пана Кляксы. Он все реже появлялся на кухне, забывал готовить обеды, не заботился о веснушках и даже перестал принимать таблетки для рращения волос, так что вскоре облысел.

Перемена произошла не только с паном Кляксой, но и со всей академией. Потолки опустились, мебель стала невзрачной, кровати — короче. Парк, напоминавший когда-то джунгли, заметно поредел. Могучие дубы и вязы превратились в мелкие, хилые деревца.

Перемена эта произошла, разумеется, не сразу, а постепенно. Однако через месяц она стала настолько ощутимой, что мы все почувствовали тревогу и страх.

Только Алойзи не утратил бодрости. Он распевал во все горло, свистел, хлопал дверьми; бил стекла витражей, дразнил Матеуша и никому не давал проходу.

Пан Клякса молча наблюдал за ним, почесывая лысину, и забывал по утрам пить зеленую настойку.

Мы понимали, что академии приходит конец.

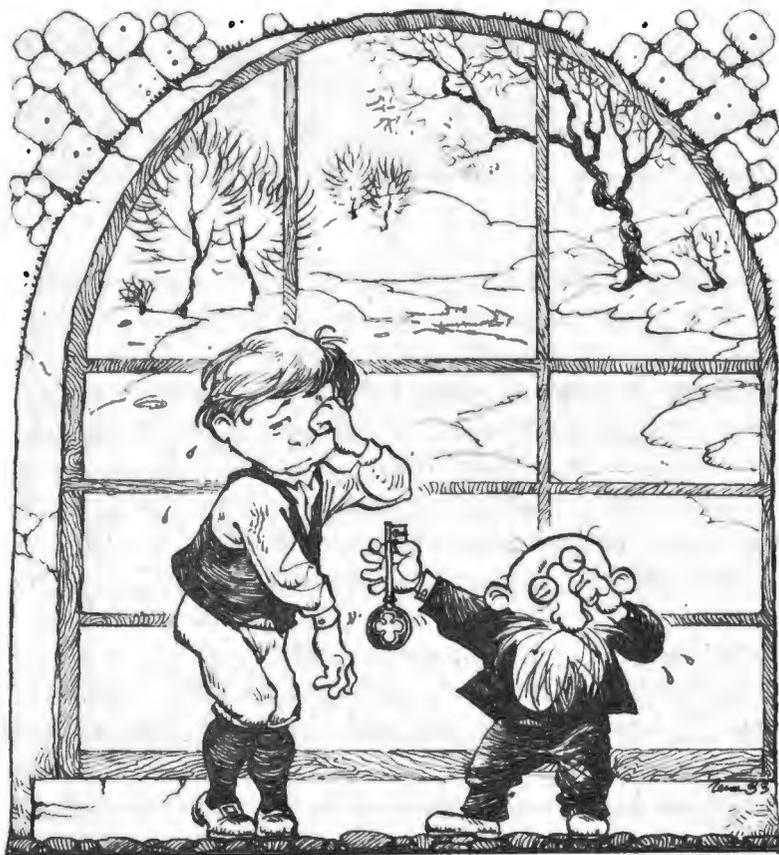
В канун Нового года пан Клякса собрал нас в школьном зале и сказал дрожащим от волнения голосом:

— Дорогие мальчики, вы не могли не заметить, что делается вокруг. Вы видите, конечно, как ужасно я изменился. Мне приходится вставать на стул, чтобы вы меня видели из-за кафедры. Но уменьшился не я один. Все вокруг уменьшилось. И вы, конечно, догадываетесь, в чем дело. Да, да, друзья мои, сказка

про мою академию подходит к концу. Готовьтесь к этому! Скоро академия совсем исчезнет, и от меня тоже ничего не останется. Горько мне расставаться с вами. Мы провели вместе почти целый год, нам бывало весело и интересно, но ведь всему когда-нибудь приходит конец.

— Что же с нами будет, пан профессор? — спросил Анастази, чуть не плача.

— Милый Анастази, — сказал пан Клякса, — у каждого из вас есть свой дом. Сегодня в полночь обязательно открой ворота, а ключ брось в речку. Я специально для этого вырубил у берега прорубь. На этом кончится сказка про академию пана Кляксы.

Всем стало очень грустно. Мы окружили пана Кляксу, целовали ему руки, которые были похожи на ручки пятилетнего ребенка.

Пан Клякса обнимал нас, тряс лысой головкой и украдкой утирал слезы.

Это была очень трогательная картина. Я никогда ее не забуду.

Наступил вечер. Начался снегопад. Серебряные снежинки ложились на подоконник.

Пан Клякса открыл форточку, поглядел на небо и сказал:

— Не надо грустить, мальчики. Я приготовил вам сюрприз. Пойдемте наверх.

Легко, как перышко, въехал он по перилам на третий этаж, а мы, перескакивая через несколько ступенек, поспешили за ним. Там пан Клякса достал связку ключей и открыл все двери. Мы вошли в какое-то темное помещение.

Пан Клякса торжественно достал из несгораемого кармана свечные огоньки.

Стало светло как днем. Мы стояли в огромном зале, где посредине высилась великолепная елка, вспыхнувшая внезапно сотнями огней. Она была украшена игрушками небывалой красоты. Вокруг нее тянулись золотые цепочки и серебряные нити. Вся она была посыпана хлопьями искусственного снега. Рядом с елкой стоял празднично накрытый стол.

Мы шумно расселись.

Приглядевшись, я понял, что мы находимся в том самом помещении, где когда-то была лечебница больных вещей. Здесь были столы, стулья, табуретки, часы, вылеченные паном Кляксой.

Пан Клякса вопреки своему обыкновению поужинал вместе с нами.

После ужина мы столпились у елки, и пан Клякса, нарядившись Дедом Морозом, раздавал нам новогодние подарки.

Когда подошла очередь Алойзи, оказалось, что его среди нас нет. Тут мы вспомнили, что не было его и за ужином.

Пан Клякса забеспокоился.

— Где Алойзи? Что с ним? Матеуш, найди его немедленно! Анатолий, испуганный, вскочил со стула.

— Пан профессор! — закричал он. — Я знаю, где он! Я просил его, умолял не делать этого! Он меня не послушал.

Пан Клякса подбежал к Анатолию, бледный как полотно, и вцепился ему в плечо:

— Говори, говори!.. Где Алойзи?!

— Он в комнате тайн, пан профессор, — пролепетал испуганный Анатолий и упал без чувств.

Я невольно взглянул на потолок. Наверху раздавались чьи-то шаги.

Пан Клякса одним прыжком достиг окна, открыл форточку и выскочил на улицу.

Мы были в ужасе. Никто из нас никогда не решился бы посягнуть на тайны пана Кляксы. Мы знали, чем это грозит. По меньшей мере исключением из академии. Решиться на такой поступок мы не могли хотя бы потому, что счень любили и уважали пана Кляксу. На это был способен только Алойзи, эта ненавистная нам, наглая, самоуверенная и зазнававшаяся кукла.

Мы с тревогой ждали, что будет дальше.

Вдруг дверь распахнулась, на пороге появился Алойзи. Он был весь в саже и в руках держал маленькую шкатулку из черного дерева.

— Вот! Тайны пана Кляксы! — крикнул он. — Не угодно ли взглянуть? Тайны! Ха-ха-ха!

Он опрокинул шкатулку над столом, и оттуда посыпались тоненькие фарфоровые таблички, исписанные мелкими иероглифами. Конечно, мы не могли знать, что там написано. Никто из нас не знал китайского языка. Мы были ошеломлены неприглядным видом Алойзи и его дерзостью.

— Один я читаю по-китайски! — воскликнул хвастливо Алойзи. — Один я могу открыть тайны пана Кляксы. Сейчас мы узнаем, кто этот напыщенный болван! Ха-ха-ха!

Вдруг в форточке показалось бледное, искаженное гневом лицо пана Кляксы. Он влетел в комнату. За эти несколько минут он стал почти вдвое меньше. Его можно было принять за трехлетнего мальчика.

Алойзи, сообразив, что ему не удастся прочесть, что написано на табличках, одним движением сбросил их на пол и стал топтать ногами, так что от них остались одни осколки.

Никто не успел ему помешать.

— Ты уничтожил мои тайны, Алойзи, — раздался вдруг спокойный, но суровый голос пана Кляксы, — а я уничтожу тебя.

Сказав это, он приставил увеличительный насос к уху, принял несколько таблеток для ращения волос и мгновенно превратился в прежнего, большого и красивого пана Кляксу.

Храбрость покинула Алойзи.

Пан Клякса достал из шкафа большой кожаный чемодан, поставил его на стол и открыл. Затем он поднял Алойзи и посадил рядом с чемоданом.

Мы следили за происходящим затаив дыхание. Сначала пан Клякса отвинтил правую руку Алойзи и бросил ее в чемодан.

Потом отвинтил вторую, потом обе ноги. На столе остались лишь туловище да голова.

Алойзи молчал и с ужасом следил за действиями пана Кляксы.

Пан Клякса взял двумя пальцами голову Алойзи и повернул влево. Винт легко подался, и голова Алойзи отделилась от туловища. Тогда пан Клякса отвинтил темя и высыпал содержимое головы в чемодан. Там были буквы, пластинки, стеклянные трубочки, множество колесиков и пружин.

Потом пан Клякса разобрал по частям туловище Алойзи, все части сложил в чемодан и опустил крышку.

Мы с облегчением вздохнули: Алойзи, эта мерзкая карикатура на человека, перестал существовать.

У одного Анатоля были слезы на глазах.

— Боже мой! — шептал он. — Боже мой! Что я скажу Филиппу! Ведь он велел мне беречь Алойзи. Такая красивая кукла!.. Такая красивая!..

Тем временем пан Клякса снова уменьшился и, повернувшись к нам, сказал:

— Не огорчайтесь, мальчики. Я знал, что так окончится наша сказка. Алойзи уничтожил все мои тайны. Теперь я не смогу больше готовить обеды из цветных стеклышек, летать по воздуху, угадывать чужие мысли, увеличивать предметы, лечить больные вещи. Я потерял волшебную силу, которой славился во всех сказках... Да уж ладно!.. Главное — не унывать!.. Давайте лучше споем на прощанье новогоднюю песню...

Но не успел пан Клякса открыть рот, как дверь отворилась, и вошел парикмахер Филипп. Шуба и шапка его были в снегу.

— Что это вы не открываете ворота? Оглобли, что ли? — закричал он, багровея от злости. — Пришлось лезть через забор. Идиоты! Надоела мне ваша академия! Анатоль, собирайся домой. Где Алойзи?

Анатоль робко приблизился к Филиппу.

— Алойзи... Алойзи... там, в чемодане, — пролепетал он.

Филипп кинулся к чемодану, открыл его и в ужасе отшатнулся.

— Так вот оно что, пан Клякса! — прошипел он сквозь зубы. — Вот вы как выполняете свои обещания? Двадцать лет я работал над этой куклой. Я приносил вам веснушки, цветные стеклышки, отдавал все состояние, чтобы вы могли открыть эту проклятую академию. А чем вы оплатили мне? Я думал, вы сделаете Алойзи человеком, а вы что сделали? Уничтожили труд всей моей жизни! Нет, это вам даром не пройдет! Я вам отомщу! Вы еще не знаете, на что способен Филипп в ярости! Вы не знаете!

Тут он вынул из кармана бритву, раскрыл ее и подбежал к елке.

Пан Клякса молчал, только снова чуть уменьшился.

Филипп срезал с елки все свечи и рассовал по карманам, шубы. В зале наступила темнота. Что случилось дальше, я не знаю. В ужасе я выскочил в коридор, скатился по лестнице вниз и выбежал во двор.

Стояла морозная декабрьская ночь. При свете луны и сверкающей белизне снега вся академия, ограда и парк были как на ладони.

Мимо меня пробежал Анастаси, и я услышал звук открываемого замка. Анастаси открыл ворота, и, как сквозь сон, я видел пробежавших мимо товарищей.

Я хотел крикнуть им: “До свиданья, ребята!”, но слова застряли в горле.

ПРОЩАНИЕ СО СКАЗКОЙ

Луна светила мне прямо в глаза, и все вокруг тонуло в ее таинственном сиянии.

Я опустился на скамейку и почувствовал страшную усталость. Я крепился изо всех сил, чтоб не уснуть.

И вот я стал свидетелем странного события: академия, которая уже не была прежним высоким красивым зданием, а была вполовину меньше, стала уменьшаться у меня на глазах. То же происходило с парком и окружающей его оградой.

У меня помутилось в глазах, зашумело в голове.

Академия беспрерывно уменьшалась.

Когда она стала не больше обыкновенного шкафа, из дверей выскочила маленькая человеческая фигурка и приблизилась ко мне. Это был пан Клякса. Такой же маленький, каким я его видел когда-то в стакане.

Тем временем небо надо мной опустилось и стало похоже на потолок, а луна превратилась в лампочку.

Стена, окружавшая академию, настолько приблизилась, что я отчетливо различал дверцы, ведущие в соседние сказки.

Время бежало быстро, и все вокруг продолжало уменьшаться. Веки мои слипались, меня охватывала дремота.

Когда я снова открыл глаза, превращения подходили к концу.

Я находился в комнате, освещенной сверху большим шарообразным абажуром. Академия превратилась в клетку, где сидел погруженный в раздумье Матеуш. Вместо парка я увидел прекрасный зеленый ковер с вытканными на нем деревьями, зарослями кустарника, цветами. Ограда превратилась в книжные полки, а дверцы — в корешки книг с тисненными золотом названиями. Тут были все сказки Андерсена и братьев Grimm, сказки о Щелкунчике, о Рыбаке и Рыбке, сказка про Серого волка, про Белоснежку и Семь гномов и много-много других.

Я сидел на диване, а рядом на полу стоял пан Клякса. Он был ростом с мизинец. Его руки и ноги невозможно было различить, и только лысая головка поблескивала при свете лампы.

Я осторожно взял его двумя пальцами и поставил на ладонь. Едва слышным голоском пан Клякса пропищал:

— Прощай, Адашь. Пора нам расстаться. Ты славный и добрый мальчик. Желаю тебе удачи в жизни. Кто знает, может быть, мы еще встретимся в какой-нибудь другой сказке.

После этого он уменьшился еще вдвое.

Он стал меньше сливы, почти как лесной орешек.

И вдруг случилось чудо!

Существо ростом с орешек перестало быть паном Кляксой и превратилось в пуговицу. Обыкновенную костяную пуговицу розового цвета.

Матеуш, казалось, только этого и ждал.

Он выскочил из клетки, сел ко мне на плечо, потом спрыгнул на ладонь, схватил в клюв пуговицу и опустил ее с ней на пол.

Вы, наверно, уже догадались, что это была пуговица с шапки богдыханов, волшебная пуговица доктора Пай Хи-во, которая должна была превратить Матеуша в принца. А не приходило ли вам раньше в голову, что пан Клякса был той самой пуговицей, которую доктор Пай Хи-во превратил в человека?

Что касается меня, то я об этом догадался только после чудесного превращения Матеуша. Он вдруг стал расти. Его крылья превратились в руки, ноги удлинились, вместо клюва появилось человеческое лицо.

Матеуш менялся на глазах. Через несколько секунд он стал выше меня. Прежде чем я сообразил, что произошло, передо мной стоял высокий человек средних лет, с волосами, тронутыми сединой.

Я низко поклонился и сказал:

— Рад первым поздравить ваше высочество с успешным превращением. Желаю вам поскорей занять трон вашего отца.

Я говорил не совсем складно, но ведь у меня не было времени придумать что-нибудь более путное. Матеуш в облике человека внимательно выслушал меня, потом вдруг от души расхохотался и, погладив меня по лицу, сказал:

— Дорогой мальчик! Никакой я не принц. Просто я рассказывал тебе сказку, а ты в нее поверил. Историю про короля волков я придумал.

— Ну, а король? А принц? А доктор Пай Хи-во? — спросил я удивленно.

— Сказка остается сказкой, мой мальчик, — ответил он с улыбкой.

— Кто же ты такой, Матеуш? И что все это значит? — спросил я, совершенно сбитый с толку.

— Я автор книги про пана Кляксу, — ответил человек. — Я написал эту повесть, потому что люблю всякие фантастические истории и сам очень радуюсь, когда пишу их.

С этими словами он взял со стола книгу, закрыл ее и поставил на полку рядом с другими.

На корешке книги я увидел надпись:

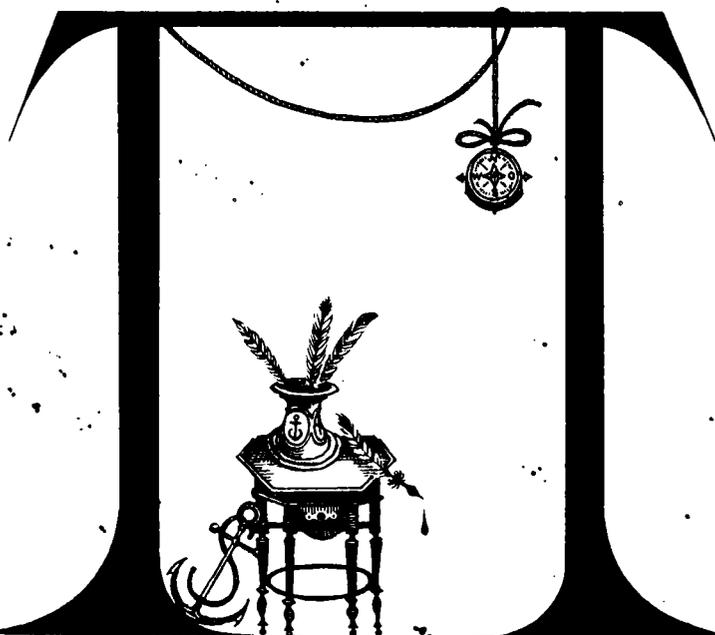
Академия пана Кляксы.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

часть вторая

ПУТЕШЕСТВИЯ

пана
КЛЯКСЫ

Улемо-Рубо

впра Чкалов

СЛЕЗАНКА

СКАЗАНДИЯ

Эта история произошла еще в те времена, когда чернила были совершенно белыми, а мел — черным. Да, да, друзья мои, абсолютно черным. Представляете себе, какая из-за этого царила путаница и неразбериха! Приходилось писать белыми чернилами на белой бумаге и черным мелом — на черной доске. И вы, конечно, догадываетесь, друзья мои, что такие буквы были совсем-совсем не видны. Ученик, бывало, напишет сочинение, а учитель не знает, написано оно или нет. И ученики писали всякую чепуху, а проверить их никто не мог. И писем нельзя было прочесть, оттого-то мало кто и писал их в те времена. Правда, чиновники в канцеляриях вели толстые книги, но там тоже нельзя было найти ни одной буквы, ни одной цифры. Их просто не было видно. И, наверно, от этой кропотливой и ненужной работы отказались бы давным-давно, если бы не старая канцелярская привычка вести книги.

Люди подписывали всякие бумаги и документы, хотя отлично знали, что никому, и даже им самим, не удастся разглядеть эти подписи. Они прекрасно понимали, что даже самые замысловатые завитушки все равно пропадут зря. Но еще с незапамятных времен им очень нравилось подписываться, поэтому они не обращали внимания на то, что белые чернила не видны на белой бумаге. И неизвестно, как долго продолжалось бы все это, если бы не пан Амброжи Клякса.

Как-то раз этот прославленный мудрец, чужак и путешественник, ученик великого доктора Пай Хи-во, основатель знаменитой академии, высадился в одном из портов Сказарского полуострова.

После долгих странствий пан Клякса добрался до Сказандии, большой и богатой страны, лежащей на западном побережье полуострова. Добродушие и гостеприимство жителей, мужество юношей и красота девушек, их любовь к сказкам

покорили сердце пана Кляксы, и он захотел поближе познакомиться с жизнью и обычаями этого народа.

И вот пан Клякса поселился в столице Сказандии, городе Исто-Рико, расположенном у подножия горы Сказувий. Большинство жителей Исто-Рико занималось разведением цветов. В парках, оранжереях и скверах росли цветы самых редких сортов. Утопающий в зелени город казался волшебным садом.

Воздух Исто-Рико, напоенный ароматом роз, левкоев, жасмина и резеды, одурманивал жителей, и, наверно, поэтому они больше всего на свете любили сочинять сказки. В аллеях парков сказочники, увенчанные цветами, в нарядных одеждах рассказывали сказки. И сказки эти были так необычны, что ни один человек в мире не смог бы их повторить.

Язык сказандцев был очень похож на другие языки, только в нем не было буквы “у”. Да, да, друзья мои, буква “у” была им совершенно неизвестна. Поэтому вместо “угол” сказандцы говорили “гол”, вместо “ухо” — “хо”, вместо “сурок” — “срок”, а вместо “упряжка” — “пряжка”. Пан Клякса быстро освоился с особенностями сказандского языка и уже через несколько дней владел им в совершенстве.

Сказандцы жили в небольших двухэтажных домиках, окруженных зеленью и цветами, над которыми порхали тысячи пестрых бабочек, и от этого город казался еще краше. Почти круглый год — с раннего утра до позднего вечера — здесь пели птицы: ведь осень и зима в Сказандии длились недолго — всего лишь один месяц, пять дней и два часа.

Раз в двадцать лет все сказочники страны собирались на съезд и выбирали Великого Сказителя. Как вы легко можете догадаться, им становился автор самой интересной сказки. Гости разбивали шатры в Долине Тюльпанов, аромат которых необычайно нежен и дурманит меньше, чем запах других цветов. Один за другим сказочники поднимались на башню, возведенную посредине долины, и рассказывали самую лучшую из своих сказок. Чтобы всем было слышно, им приходилось говорить очень громко, поэтому для укрепления голосовых связок сказочники все время пили мед и тутовый сок. Их слушали затаив дыхание, ибо для сказандцев не было ничего прекраснее и интереснее сказок.

Да, да, друзья мои, больше всего на свете они любили сказки. А так как в стране было очень много сказочников, то и рассказывали они свои сказки два, а иногда даже три месяца подряд. С раннего утра и до позднего вечера. Но слушатели были на редкость терпеливы — ведь съезд происходил только раз в двадцать лет. Они сидели тихо-тихо, а уж если кто-нибудь чихал, то лишь потому, что никак не мог удержаться.

Каждый слушатель получал маленький шарик из слоновой кости и потом отдавал этот шарик автору самой лучшей, по его мнению, сказки. Тот, кто собирал больше всего шариков, становился Великим Сказителем. Ему вручали огромное золотое перо — символ высшей власти в Сказандии, и под звуки музыки торжественно провожали в мраморный дворец, возвышавшийся на вершине горы Сказувий. Там Великий Сказитель усаживался на прекрасный резной трон из благоуханного сандалового дерева и с этой минуты становился главой сказандского государства на целых двадцать лет. Семь других лучших сказочников, которых называли сказарями или государственными советниками, помогали ему управлять страной.

Народ почитал Великого Сказителя и во всем повиновался ему.

Знаменитые садовники посылали ему самые редкие цветы и душистый мед со своих пасек. Юные сказандские танцовщицы, похожие на легкокрылых бабочек, разыгрывали для него красочные пантомимы на дворцовых лужайках. Лучшие музыканты, укрывшись в тени деревьев, играли ему на сказолинах — инструментах с одной серебряной струной. Они подражали шуму ветра, журчанию ручья, щороху птичьих крыльев, шелесту листьев, жужжанию пчёл.

Каждый старался как мог украсить жизнь Великого Сказителя, чтобы не гасло его сказочное вдохновение.

Но сказки, величайшее богатство сказандского народа, гибли без следа. Их не могли услышать не только другие народы, но даже потомки самих сказандцев. Никто не мог запомнить все новые и новые сказки, а как записать их — не знали, потому что чернила были белыми. Да, да, друзья мои, в те времена еще не было черных чернил.

Один из сказандских ученых предложил завязывать узелки, которые обозначали бы отдельные буквы, а то и целые слова.

Таким сложным способом сказочники стали переносить свои творения на клубки веревок, а чтением узелков занимались обученные этому искусству девушки. Сразу же появилось много библиотек, где хранились клубки веревок с узелками, так же как в наши дни хранятся книги. Так были увековечены тысячи сказандских сказок. И постепенно искусство вязания узелков совершенствовалось все больше и больше.

Но случилось несчастье, которого не могли предвидеть даже самые мудрые люди в стране. Однажды, в конце лета, в Сказандии появились узлоеды — насекомые, которые питались только узелками. Они были совсем крохотными, меньше комара, но размножались с необычайной быстротой. Уже через несколько часов тучи малюсеньких, почти невидимых вредителей проникли во все библиотеки, и не успели сказандцы опомниться, как узлоеды сожрали все узелки — сокровище Сказандии.

Когда охваченный ужасом Великий Сказитель прибыл вместе с советниками в народную библиотеку Исто-Рико, он увидел там только клубы пыли и тучи малюсеньких мушек, распухших от обжорства.

Великий Сказитель уселся в свое кресло, глубоко задумался и целую неделю не занимался государственными делами. Тщетно старались советники вспомнить сказки своего повелителя. Потом окна мраморного дворца закрылись, и на долгие месяцы в стране был объявлен всенародный траур.

Наконец сказандцы справились со своей печалью и вернулись к повседневным

занятиям, а ученые стали опять думать, как же все-таки сохранить сказки.

Но новые поиски ни к чему не привели. Жизнь сказок по-прежнему была коротка, как жизнь бабочек, порхающих над садами Исто-Рико.

Происходило все это во времена царствования Великого Сказителя, по имени Аполлинаруй Ворчн, что по-русски следует читать Аполлинаруй Ворчун. Он снискал себе славу величайшего в истории Сказандии сказочника, и народ почитал его больше всех его предшественников.

Это был толстячок лет пятидесяти, с коротенькими ножками: когда он сидел на своем резном троне из благоуханного сандалового дерева, они не доставали до земли. Он отличался необыкновенной мягкостью и добродушием. У него было круглое лицо, лысина, окруженная венчиком седеющих волос, маленькие смеющиеся глазки и нос, напоминающий красную редиску, которая осталась на тарелке только потому, что была последняя.

Раз в неделю Великий Сказитель появлялся на балконе мраморного дворца и рассказывал толпам, собравшимся в саду, свою новую сказку. Но сказки эти были слишком волшебные, чтобы кто-нибудь смог их запомнить. Да, да, друзья мои, уж очень это были необыкновенные и удивительные сказки. Вот почему народ Сказандии не мог примириться с тем, что их никогда не услышат жители других городов и стран.

И вот однажды в мраморном дворце на горе Сказувий появился неизвестный чужеземец и заявил, что желает говорить с Великим Сказителем.

Его провели в зал, где на троне из сандалового дерева, болтая коротенькими ножками, сидел Великий Сказитель Аполли-нарий Ворчн. Пришелец низко склонился над ним в знак глубокого уважения к его таланту и сказал:

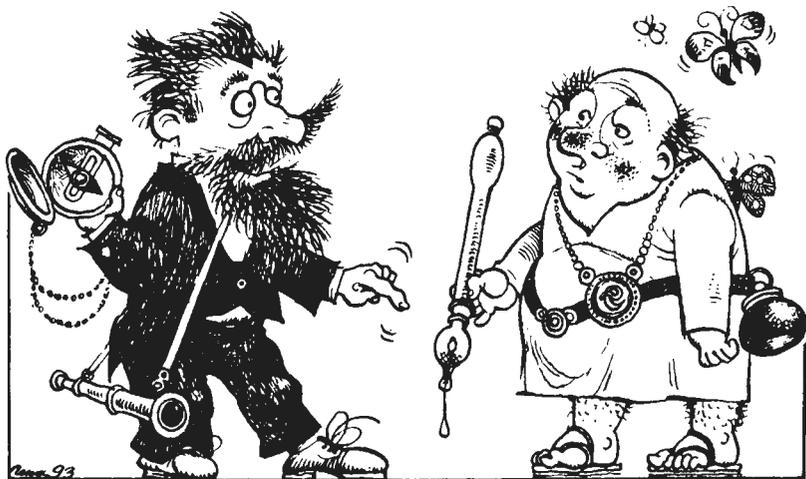

— Я много путешествовал, много видел, но знаю еще больше. Я не раз слышал сказки Вашего Сказительского Величества

и вместе со всем вашим народом скорблю о том, что вдохновенное творчество Вашего Сказительского Величества не стало достоянием жителей всего мира. Но если мне будет позволено предложить свои услуги и если Ваше Сказительское Величество пожелает ими воспользоваться, я берусь в течение года достать вещество, от которого чернила станут черными.

Великий Сказитель выгарашил глаза и широко раскрыл рот, а незнакомец продолжал:

— Я знаю дороги, которые ведут к богатейшим залежам черной и белой краски, и не позже чем через год я могу привезти в Сказандию столько краски, что ее с избытком хватит всем сказочникам вашей страны.

Великий Сказитель от волнения покраснел, потом побледнел и наконец, овладев собою, спросил:

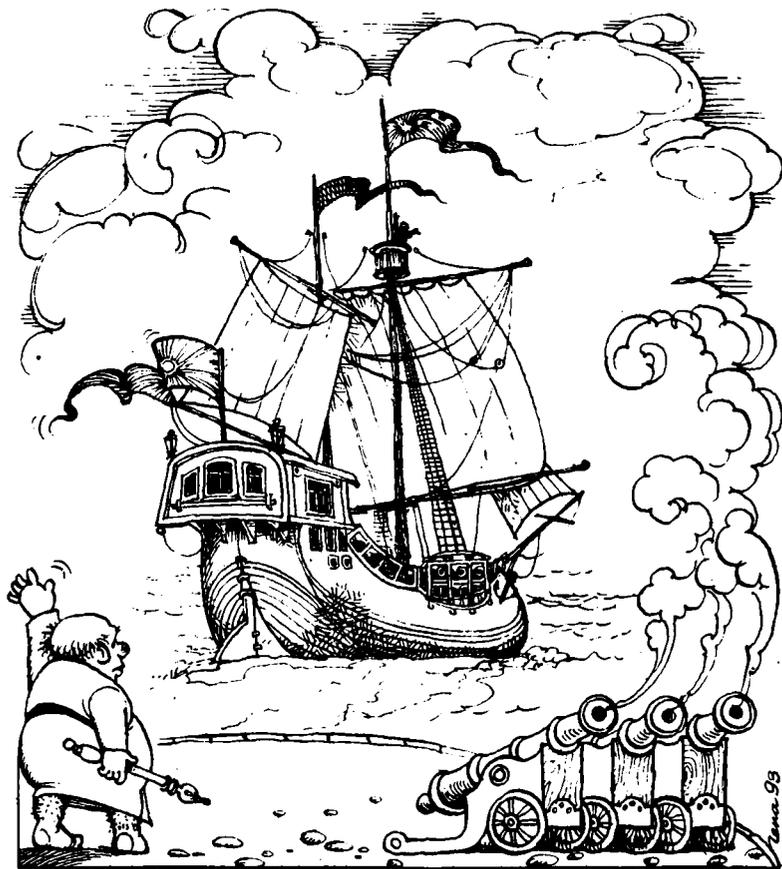
— Какой награды ты потребуешь, любезный чужеземец?

Но чужеземец снисходительно усмехнулся и ответил с достоинством:

— Только скупердяи и бездельники мечтают о богатстве, а мы, ученые, думаем о благе человечества. Пусть Ваше Сказительское Величество отдаст в мое распоряжение один из своих кораблей, опытного капитана и тридцать человек команды. И

все. Остальное предоставьте моей находчивости, знаниям и опыту. Я уверен, что смогу выполнить свое обещание.

Великий Сказитель еще раз покраснел и еще раз побледнел, спрыгнул со своего резного трона, обнял незнакомца и, не в силах сдержать волнение, воскликнул:

— Черные чернила! Настоящие черные чернила! Благородный чужеземец, назови мне свое имя, я хочу, чтобы его узнал мой народ.

Незнакомец одернул сюртук, пригладил волосы, откашлялся и сказал:

— С этого я должен был начать. Я Амброжи Клякса, доктор философии, химии и медицины, ученик и ассистент великого доктора Пай Хи-во, профессор математики и астрономии университета в Саламанке.

Сказав это, он выпрямился и гордо поднял голову.

— Я сегодня же отдам распоряжения, а завтра сам проверю, как их выполнили, — промолвил Великий Сказитель со слезами на глазах.

На следующий день, в первом часу пополудни, от порта отчалила новенькая, великолепно оснащенная бригантина “Аполлинарий Ворчн”. На берегу стоял Великий Сказитель, и пятнадцать мортир троекратными залпами салютовали пану Кляксе, отплывающему в далекое удивительное путешествие, навстречу неизвестным приключениям.

Да, да, друзья мои. Видите черную, едва заметную фигуру на вершине мачты? Это и есть пан Амброжи Клякса.

Пожелаем же знаменитому путешественнику попутного ветра и спокойного моря.

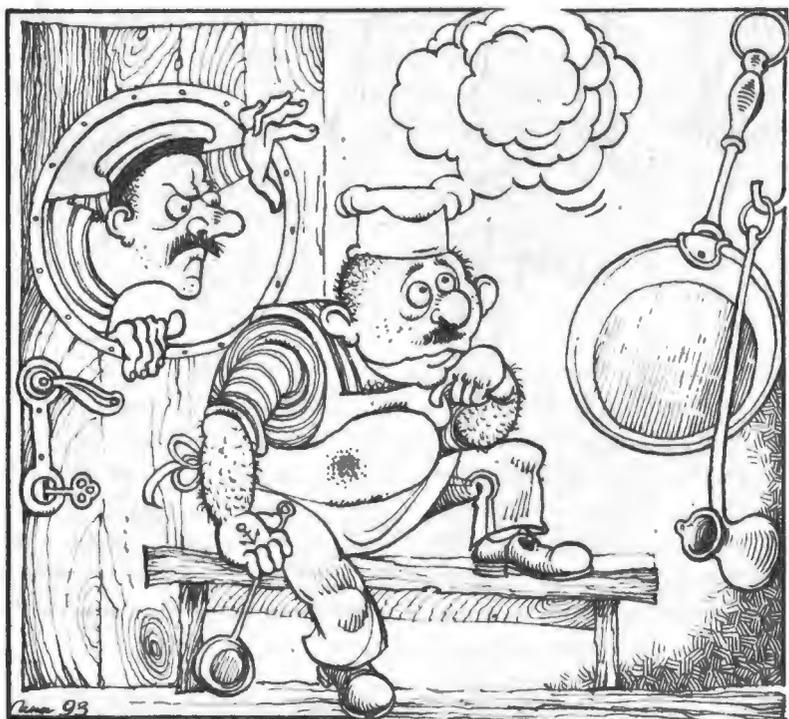
ШТИЛЬ НА МОРЕ

Юго-восточный ветер раздувал паруса, и судно, скользя по волнам, мчалось к неизвестным землям. Пан Клякса стоял на марсе и внимательно всматривался в даль. На носу у пана Кляксы торчали очки собственного изобретения. Вместо обычных тонких стекол в них были вставлены стеклянные шарики с многочисленными сферическими углублениями. Внутри стеклянные шарики, словно пчелиные соты, были заполнены искусно отшлифованными ячейками — конусами и шестигранниками. Благодаря своим очкам пан Клякса видел намного дальше, чем в самую сильную подзорную трубу.

Энергично размахивая руками, пан Клякса указывал направление и то и дело выкрикивал названия мысов, гаваней и островов, которые он замечал в безбрежной шири. Да, да, друзья мои, просто поразительно, как далеко видел пан Клякса в своих очках!

Чайки, удивленные его видом и манерами, старались держаться подальше от корабля.

Команда, спасаясь от изнурительного зноя, отсиживалась в трюме, матросы были зверски голодны и проклинали кока, но ничего не могли с ним поделать. Как истый сказандец, кок Телесфор был сказочником, а когда он складывал сказки, то забывал про все на свете, а уж про сковородки и кастрюли — подавно. Если кто-нибудь из поварят, желая спасти обед, прерывал его, Телесфор впадал в страшный гнев и весь обед выбрасывал в море. Правда, вскоре он приходил в себя, извинялся перед капитаном за свою вспыльчивость и начинал стряпать заново, но, увы, обед или опять пригорал, или снова шел на съедение

морским рыбам и дельфинам. Однако все терпеливо сносили чудачества Телесфора, потому что в своих сказках он рассказы-

вал про такие роскошные пиршества, что даже самые обыкновенные сухари приобретали вкус превосходного жаркого.

Капитан корабля тоже сочинял сказки. Чаще всего это были сказки о таких удивительных морских приключениях, что невозможно было разобрать, куда он вел корабль: к цели их путешествия или к несуществующим, вымышленным землям. Порой он и сам не мог понять, где кончается сказка и начинается действительность. Тогда корабль блуждал в безграничном морском просторе и никак не мог добраться до цели.

Один лишь рулевой не был сказочником. Старый морской волк, он слыл когда-то опытным мореплавателем, но, потеряв зрение в битве с корсарами, управлял кораблем на авось.

Пану Кляксе приходилось быть и капитаном и рулевым, а часто во время обеда заменять и кока, потому что в тонкостях

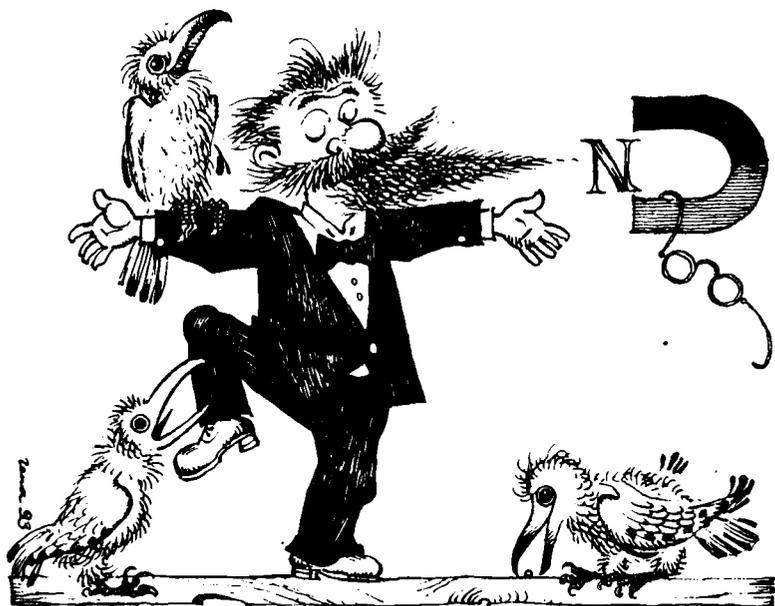
гастрономии он разбирался не хуже, чем в движении небесных светил.

Вскоре команда прониклась к пану Кляксе полным доверием, и матросы целыми днями спали или резались в карты и лишь изредка поглядывали на марс, чтобы проверить, не заснул ли пан Клякса. В конце концов даже чайки привыкли к странной фигуре пана Кляксы, садились ему на плечи, дергали за бороду и кричали, передразнивая его.

В свободное время пан Клякса прямо с марса ловил сачком летающих рыб и потом готовил из них ужин всей команде.

На девятнадцатый день путешествия у капитана испортился компас. Тогда пан Клякса нашел в одном из многочисленных карманов своего жилета огромный магнит и потерял им бороду. Теперь она указывала направление и была обращена прямо на север, хотя чайки все время тянули ее в разные стороны: то на запад, то на восток, то на юг.

Иногда пан Клякса, стоя на марсе, поджимал одну ногу, раскидывал руки, как крылья, и в такой позе дремал, поскольку ночью ему было не до сна. Уже через несколько минут он просыпался совершенно бодрым, надевал на нос свои знаменитые очки и кричал:

— Капитан, мы отклонились от курса на полтора градуса! Поверните на северо-запад и ориентируйтесь по моей бороде.

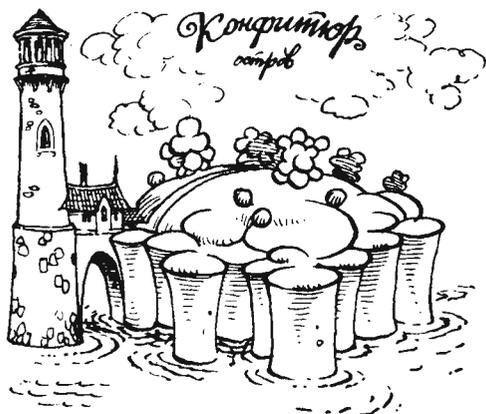
— Что вы там видите? — кричал в ответ капитан, задрал голову кверху.

— Я вижу ущелье Недобрых Предчувствий и архипелаг Святой Пасхи. Вижу маяк на острове Конфитюр; на маяке стоит смотритель, а на носу у смотрителя четыре веснушки... Но до острова шестьсот сорок миль, и сомневаюсь, чтобы мы добрались туда раньше чем через три месяца.

— А нет ли где пиратского судна?

— Есть одно, но опасаться нечего: у него изодранные паруса, а на палубе ни души.

Затем пан Клякса снимал свои чудесные очки и орал изо всех сил, стараясь перекричать чаек:

— Как с обедом?

Тут капитан разводил руками и, сложив ладони рупором, кричал:

— У Телесфора опять все пригорело! Есть невозможно. Акула и та выплонула.

Рулевой, прислушиваясь к разговору, давал кораблю нужное направление, грыз сухари и сердито ворчал:

— Пора выкинуть Телесфора за борт, а то все передождет с голоду! Сегодня он сжег уже двадцать фунтов баранины, четыре цесарки и целый телячий огузок. Сказки, сухари — разве это еда для моряка!

Так шли неделя за неделей. Но внезапно в день святого Панкратия ветер стих. В день святого Серватия на море наступил полный штиль, и парусник застыл на месте. А в день святого Бонифация пан Клякса покинул марс, соскользнул по мачте на палубу и объявил:

— Мы попали в полосу мертвого штиля. Теперь до конца мая можно спать покойно.

И, поджав ногу, он тотчас же заснул.

Капитана и матросов охватил ужас.

Как известно, мертвый штиль образуется из-за огромных трещин в морском дне. Такие трещины засасывают находящийся над ними столб воды вместе со всем, что там находится.

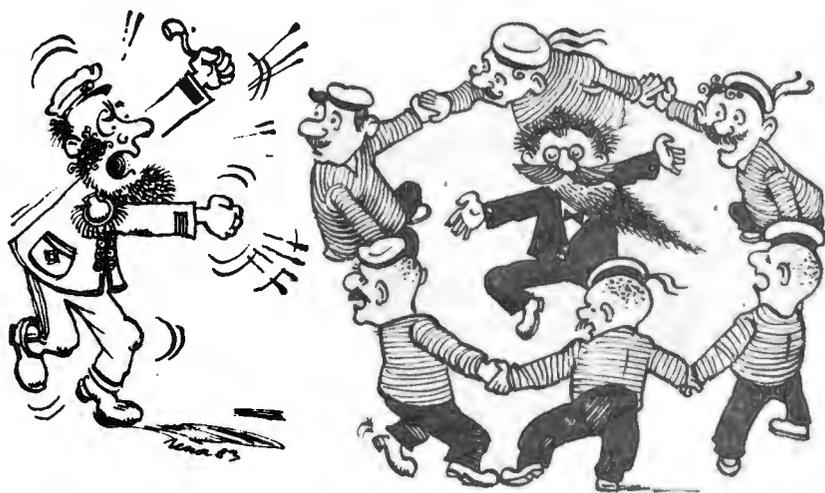
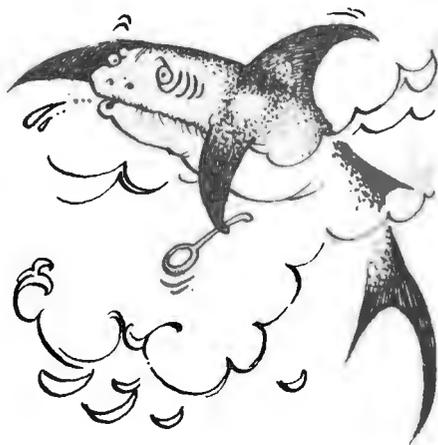
— Надо уходить с этого проклятого места,

иначе мы погibli! — крикнул капитан и приказал спустить спасательные шлюпки.

Но матросы, верившие в мудрость и опыт пана Кляксы, взяли за руки, окружили его и хором запели песню, которая начиналась словами: “Отец Вергилий любил своих детишек...”

Солнце стало багровым, небо как будто запылало. Солнечные лучи окрашивали пурпуром крылья чаек, и они, напуганные собственным видом, кружили над головой пана Кляксы и тревожно кричали.

Капитан отдавал все новые и новые приказания, но никто их не выполнял. В конце концов он охрип, уселся на бухту каната и застывшим взглядом уставился на танцующих матросов.

А пан Клякса, раскинув руки и поджав ногу, спал как ни в чем не бывало. Борода его, как всегда, указывала на север.

Пение обезумевших матросов становилось все громче и громче и наконец перешло в невообразимый рев. Но ничем невозможно было нарушить мертвое спокойствие моря и глубокий сон пана Кляксы.

Всеобщее внимание было сосредоточено на фигуре спящего, поэтому никто и не заметил, что судно начало медленно опускаться вниз.

Казалось, спасения нет.

Но тут пан Клякса очнулся и, увидев, что им грозит катастрофа, закричал изо всех сил:

— Все в трюм! Задрать двери и законопатить отверстия! Живо! Не робей! Я с вами!

Матросы, толпясь и толкаясь, бросились вниз. Последним сошел капитан и захлопнул за собой крышку люка. Пан Клякса отдавал приказы, которые команда выполняла с молниеносной быстротой. Даже кок забыл про свои сказки и принялся за работу наравне со всеми. Никто не произнес ни слова. Спасая корабль, матросы с кошачьей ловкостью перебежали из каюты в каюту. Пан Клякса ухватился рукой за потолочную балку и, раскачиваясь над головами матросов, внимательно следил за четким выполнением своих приказов. Только пова-

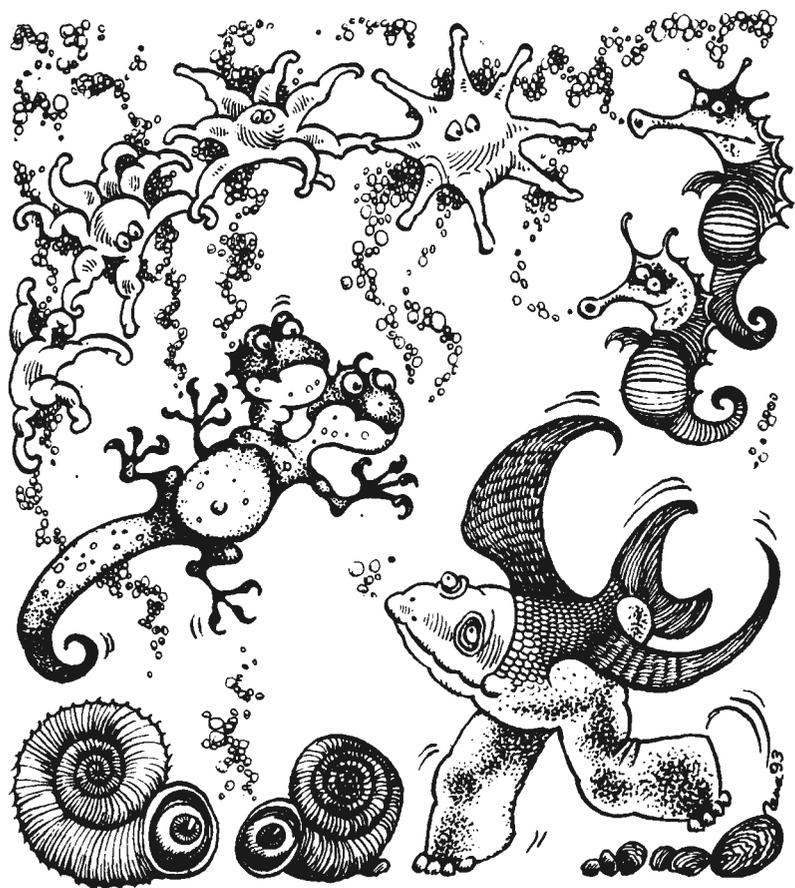
ренок Петрик, самый молодой из всех, не мог сдержать любопытства. Он прильнул к иллюминатору и всматривался в фантастические картины, которые сменялись перед ним как в калейдоскопе.

Корабль вместе со столбом воды медленно и плавно опускался вниз, и Петрику казалось, что он съезжает на лифте. Корабль как бы очутился в колодце с водяными стенами. Небо над колодцем стало совсем черным, и на нем вспыхнули звезды.

Петрик удивленно следил за происходящим: стены колодца не смыкались над кораблем, как будто они были из стекла, а не из воды. Впрочем, не только поваренок Петрик, но и никто вообще, кроме пана Кляксы, не мог и никогда не сможет этого понять.

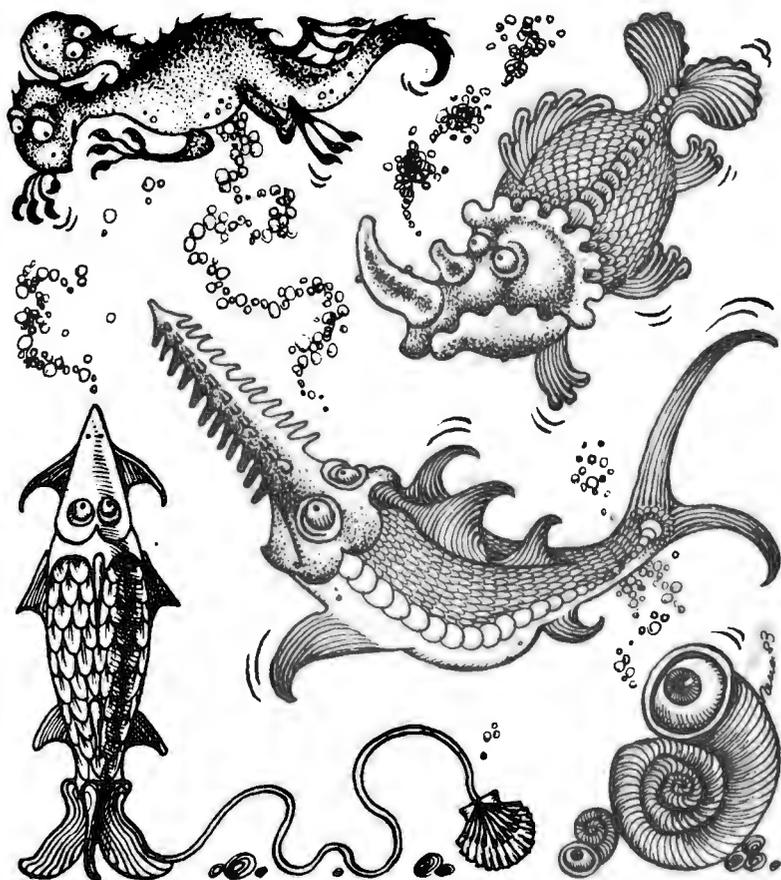
Тем временем корабль опускался все ниже и ниже, а за стеклом иллюминатора проносились морские чудовища, о которых слышали только ученые и сказочники.

Сначала были видны лишь водоросли, растения-животные и разноцветные рыбы самых причудливых форм, но чем глубже погружался корабль, тем необычнее становилось зрелище.

Толщу воды пронизывал зеленоватый свет морских звезд, сцепившихся друг с другом в длинные кружащиеся цепи. Ежи и морские коньки фосфоресцировали голубовато-желтыми огнями. В этих мерцающих отблесках возникали картины, от которых захватывало дух.

Огромные крылатые рыбы на двух слоновых ногах яростно сражались с прозорливыми двухговыми тритонами. Рыбы-носороги, рыбы-пилы, рыбы-торпеды бросались в вихрь

схватки, нанося тритонам смертельные удары. Время от времени проплывали раковины, внутри которых находился большой глаз. Раковины раскрывались, глаз внимательно оглядывал все вокруг, и раковина быстро плыла дальше.

Вскоре картина изменилась. Появились косматые морские головы, которых пан Клякса назвал карбандами.

Головы скалили зубы и высовывали необыкновенно длинный язык, заканчивающийся пятью когтями. Выгаращенные глаза карбандов были окружены ресницами из рыбьих костей, нос напоминал львиный хвост, а уши, словно весла, быстро двигались в воде.

Проплывавшие мимо кусты и цветы поражали своей величиной. Чаши морских лилий были так огромны, что там свободно уместился бы взрослый человек. В лилиях обитали морские карлики — зеленые пузатые арбузы с маленькими девичьими личиками. Эти несчастные существа, полудевушки-полурастения, были соединены с лилиями длинными стеблями, скрученными словно спираль, и они могли отплывать от цветка лишь на небольшие расстояния.

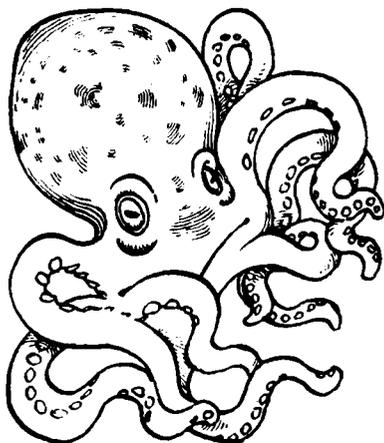
С ветвей коралловых деревьев свешивались чудовища, похожие на хамелеонов; они выплевывали из разноцветных

пастей огненные снаряды, которые разрывались с огромной силой, уничтожая все вокруг.

Один из таких снарядов угодил в палубу корабля. Начался пожар, но матросам удалось быстро погасить его.

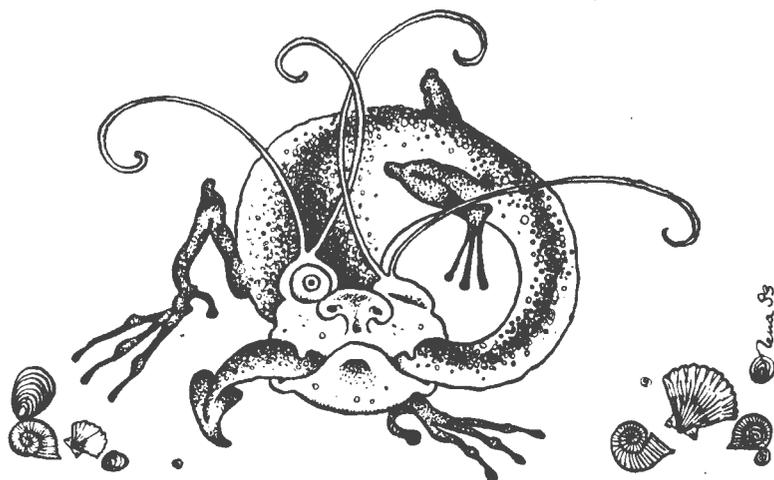
Когда работа была закончена, пан Клякса подозвал всех к иллюминатору и стал объяснять непонятные явления морских глубин и перечислять названия двигающихся растений и морских чудищ.

— Смотрите! — восклицал пан Клякса. — Эти осьминоги могли бы проглотить слона, как муху. А вот эти бронированные шары называются термидолями. Из них вылупляются жар-птицы. Раз в три месяца термидоля всплывает на поверхность, и из нее появляется на свет новая жар-птица. А там, видите, это так называемый накойкотутрон. Он питается собственным хвостом, который потом отрастает вновь. Мы приближаемся к морскому дну. А сейчас внимание! Смотрите... Эти странные создания — чернилицы. Они выделяют черную краску, из которой можно сделать черные чернила. Теперь вы догадываетесь, зачем я привез вас сюда? Мы раздобудем черные чернила и привезем их в Сказандию.

Все с интересом разглядывали чернилиц и не заметили, как корабль неожиданно коснулся морского дна. Перед путешественниками возникли улицы, застроенные рядами янтарных куполов. Эти странные жилища без окон и дверей напоминали гигантские кротовые норы. Вдруг, точно по сигналу, бесчисленные куполообразные колпаки начали медленно подниматься вверх. Но, прежде чем пан Клякса и его товарищи успели что-либо рассмотреть, корабль провалился в зияющую в морском дне расщелину. Рас-

щелина сомкнулась над ними, а вода с оглушительным ревом и грохотом обрушилась вниз.

Внутри корабля стало темно. Матросов охватил панический страх. Одни звали на помощь, другие ругали пана Кляксу, а кок Телесфор проклинал всех поварят на свете, потому что никак не мог найти спички. Началась паника.

Но вот раздался зычный голос пана Кляксы:

— Дорогие друзья! Успокойтесь! Вы сейчас напоминаете мне стадо обезьян во время лесного пожара. Но думаю, что вы все-таки не обезьяны, если умеете так хорошо ругаться. Надеюсь, вы заметили, что на плечах у меня как-никак голова, а не качан капусты. Я буду снисходителен и постараюсь забыть ваше недостойное поведение.

— Замолчите, дьяволы! — гневно крикнул капитан.

Матросы утихомирились, и пан Клякса продолжал:

— Сейчас мы поднимемся на палубу. Вы увидите много диковинного. Ничего не бойтесь, выполняйте мои указания и все делайте, как я вам скажу. Хочу лишь предостеречь вас: не пейте никаких напитков, которыми вас будут угощать жители этой неизвестной страны. Это самое важное. Поняли?

— Поняли! — хором закричали матросы.

— А теперь следуйте за мной, — сказал пан Клякса и, перепрыгивая через несколько ступенек, вышел на палубу.

За ним поднялись капитан и матросы.

То, что они увидели, напоминало скорее сказку, чем действительность.

АБЕЦИЯ

Корабль находился на огромной площади, залитой голубоватым светом. По обеим сторонам тянулись бесконечные вереницы судов различной формы и величины: от мощных военных галер с пушками и митральезами до маленьких рыбацких лодок. Их подпирали янтарные брусья, и со стороны могло показаться, что это ярмарка или выставка кораблей.

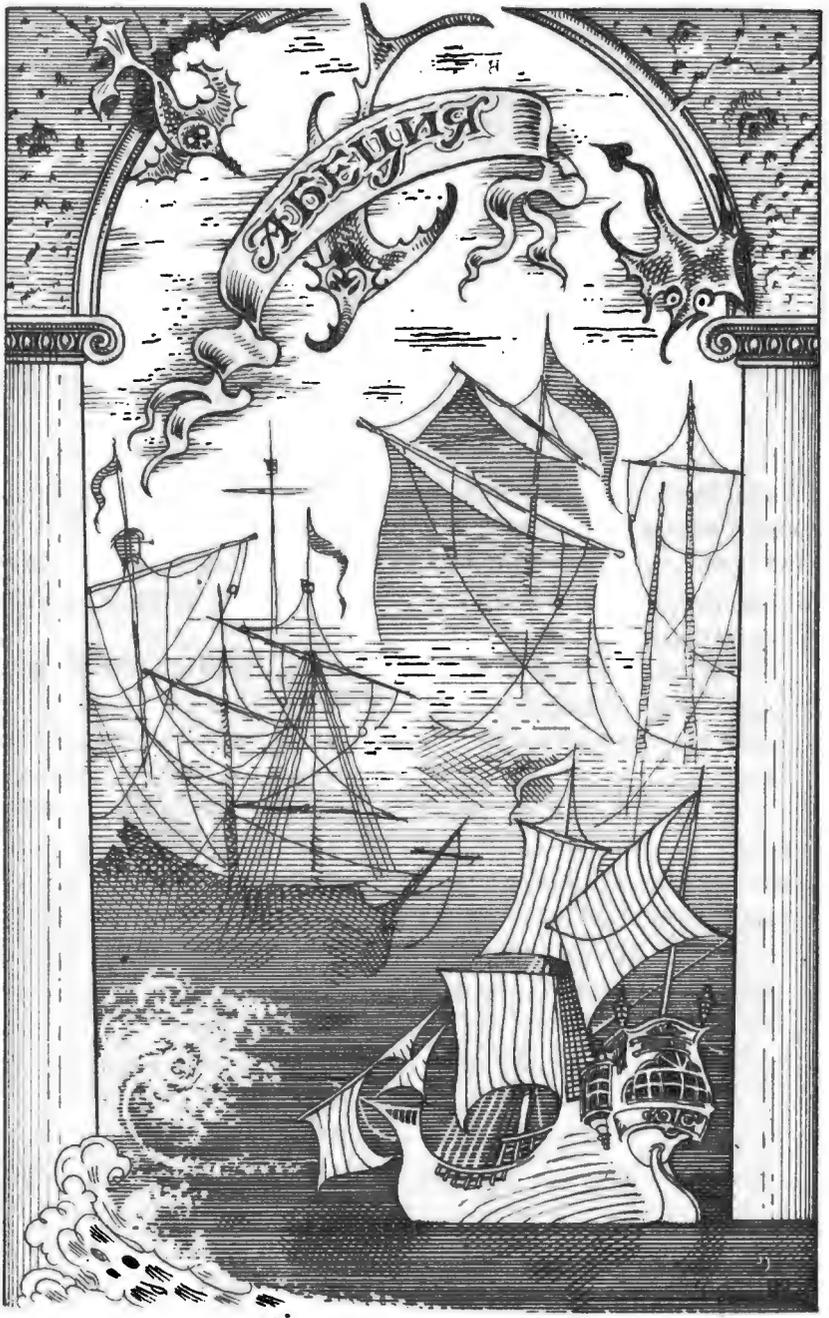
Высоко наверху простирался свод, выложенный раковинами, между которыми виднелись круглые отверстия, закрытые янтарными крышками.

Площадь, границы которой исчезали в полумраке, была покрыта малахитовыми плитами, а посредине в громадном бассейне весело плескались чернилицы.

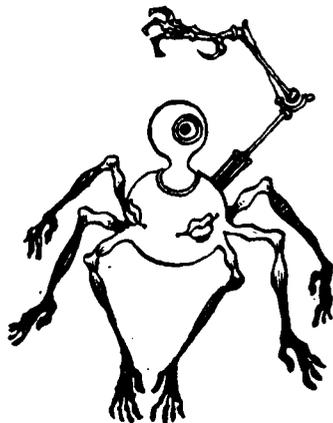
Вокруг корабля сновали какие-то странные существа, не похожие ни на людей, ни на зверей. Больше всего они напоминали огромных пауков. У них были круглые животики, маленькая головка с одним-единственным глазом и шесть лапок с человеческими ладонями. Они двигались с необыкновенной ловкостью, все время приплясывая. Кроме того, прямо на туловище было два рта, по одному с каждой стороны. Один рот произносил звук “а”, другой — “б”. Звуки произносились попеременно то одним, то другим ртом, и различные их сочетания и составляли язык этих удивительных подводных жителей.

Уже через несколько минут пан Клякса различал отдельные слова: АА, БА, АБАБ, БААБ, БААБАБ, БАБААБ, АБАБАБ, БАБА, АББА, ББАА и т.д., а через час свободно разговаривал с абетами — так из-за особенностей их языка назывались загадочные обитатели этой страны.

Абеты были приветливым народом и встречали путешественников очень радушно. Беседуя с ними, пан Клякса узнал

много интересного об их жизни. У некоторых абетов, пользовавшихся особым уважением, была еще и седьмая рука со стальными когтями. Этим абетам разрешалось раз в день выплывать через янтарные люки в море на охоту. Они плавали быстрее, чем обитатели морских глубин, а вооруженная когтями седьмая рука служила им и для нападения, и для защиты. Вся их добыча справедливо делилась между жителями страны. Абеты питались рыбой, медузами, различными ракообразными, а пили черное молоко чернилиц и коралловый сок. Еду они готовили на янтарных электрических плитках, а ток брали от электрических рыб.

— А как сюда попадает воздух? — спросил пан Клякса, дыша полной грудью.

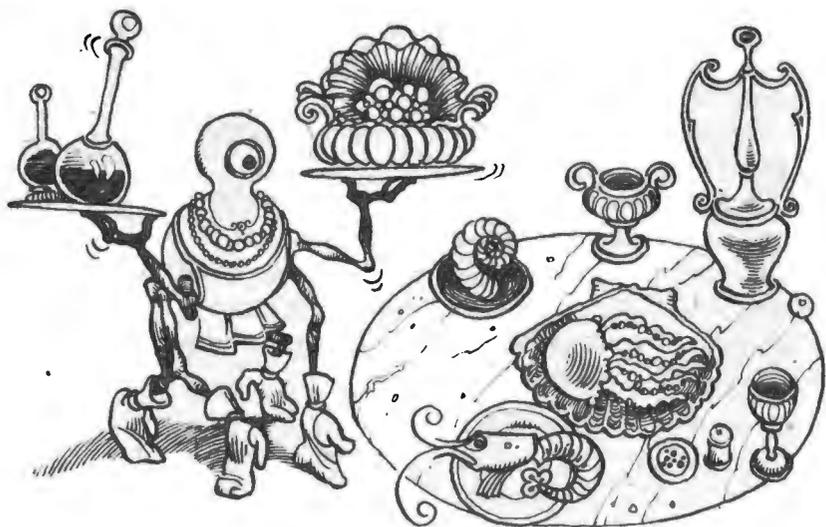
— Страна наша, — ответил один из абетов, — соединяется длинным туннелем с островом Изобретателей. Оттуда и поступает к нам необходимый воздух. Жители острова знают дорогу в Абецию и часто приходят сюда. Но никто из нас не отважился подняться на поверхность. Свет солнца и луны смертелен для нас.

Рассказав все это, абеты вприпрыжку двинулись в зал, приглашая гостей следовать за ними. В зале лежали циновки из морской травы, а янтарные столики были уставлены прекрасной посудой из китового уса, перламутра и малахита.

Абетки в ожерельях из кораллов и жемчуга и в фартучках, сплетенных из морской травы, внесли подносы с яствами и янтарные кувшины с вином. Подносы они держали двумя руками, а двигались на остальных четырех, которые были одеты не то в башмачки, не то в рукавички из акульей кожи.

Проголодавшиеся гости с аппетитом принялись за еду. Больше всего им понравились жареные медузы в соусе из морской лилии, тушеные плавники кита и салат из осьминога.

Помня наказ пана Кляксы, никто не притрагивался к абецким напиткам, хотя всех мучила жажда. Коралловое вино заманчиво адело, но капитан все же послал поварят за водой и фруктами на корабль.

Моряки и абаты объяснялись жестами, и оказалось, что это совсем не трудно, особенно хозяевам: ведь у каждого из них было по тридцать пальцев. Иногда все-таки приходилось обращаться за переводом к пану Кляксе. Тут выяснилось, что гигантскую западню, в которую попал корабль сказандцев, построили абецкие инженеры с помощью жителей острова Изобретателей.

— Мы не желаем зла людям, — сказал один из абетов, улыбаясь одновременно двумя ртами, — мы только хотим перенять у людей их знания и опыт. Они научили нас ремеслам, мы многое узнали о подводном мире, о солнце и звездах, об удивительных земных животных и растениях. Но больше всего мы благодарны людям за то, что они научили нас получать энергию от электрических рыб.

— И люди никогда не обижали вас? — спросил пан Клякса.

— Никогда, — ответил абет, — они ведь хорошо знали, что без нашей помощи не смогут выбраться отсюда. А впрочем, мы никого не задерживали насильно.

Внесли новые кушанья, но уже никто не мог есть. Только кок Телесфор, известный обжора, положил себе громадный кусок тритоньей печенки, нашпигованной салом морского ежа, и стал уплетать за обе щеки. Еда была очень острой и возбуждала жажду. Телесфор жадно схватил со стола кувшин с коралловым вином и залпом осушил его. Он почувствовал, как ему обожгло рот, и, прежде чем он сообразил, что случилось, его сразил сон. Абеты не скрывали радости, а пан Клякса опечалился и грустно сказал своим спутникам:

— Мы потеряли Телесфора. Теперь он останется здесь навсегда.

И действительно, когда путешественники решили покинуть Абецию, Телесфор не захотел ехать с ними. Он сказал, что чувствует себя настоящим абетом и что никогда больше не сможет вынести солнечных лучей и лунного света. Кстати, когда он проснулся, он отлично говорил по-абетки и плясал на четвереньках с поразительной ловкостью.

Таково было действие кораллового вина.

После обеда пан Клякса с нескрываемым любопытством стал расспрашивать абетов о чернилицах: вы, конечно, помните,

что они-то и были главной целью путешествия. Он хотел изучить цвет и густоту молока и выяснить, можно ли из него делать черные чернила.

Наш ученый был непривычно оживлен. Он бегал вокруг бассейна и свистел на разные лады, приманивая чернилиц. Те скоро привыкли к нему, подплывали к его рукам и ластились, словно кошки. При этом они издавали звуки, похожие на скрип разошедшегося шкафа.

Пан Клякса радовался как ребенок. Он снял с головы шляпу, наполнил ее доверху густой черной жидкостью и унес на корабль. Вскоре он уже мчался обратно, размахивая листочком бумаги, испещренным словами, рисунками и кляксами.

Сомнений не оставалось: молоко прекрасно подходило для письма! Пан Клякса тут же распорядился освободить все корабельные бочки и наполнить их черным молоком. Абеты с интересом наблюдали за странными хлопотами пана Кляксы и вежливо улыбались двумя ртами.

— Вы только посмотрите, какое густое молоко! — захлебывался от восторга пан Клякса. — Из одного стакана такой жидкости выйдет сто бутылок настоящих чернил. Великий Сказитель сможет увековечить свои изумительные сказки! Каждый сможет писать черными чернилами! Вы заслужите благодарность всего народа. Да здравствуют чернильницы!

Сказантцы запрыгали от радости. А капитан, не теряя времени, начал писать новую сказку. Наполнив двенадцать бочек чернильным молоком, моряки спели сказандский национальный гимн, который начинался словами:

*Слава Великому Сказителю,
Сказки его поразительны!*

Только кок Телесфор сидел в сторонке и разговаривал сам с собой по-абески:

— Я остаюсь здесь навсегда. Я хочу до конца своих дней быть абетом. Буду пить коралловое вино и черное молоко. Буду придумывать для абетов новые кушанья из морских звезд и водорослей. Во как! Тра-ля-ля!

Пан Клякса смотрел на него с глубоким состраданием: он знал о пагубном действии кораллового вина и понимал, что Телесфора не спасти. И действительно, на глазах у всех Телесфор становился все меньше и меньше и вечером, ко всеобщему удивлению, превратился в настоящего абета.

— Мы потеряли товарища, — сказал пан Клякса, — но зато нашли чернила. Теперь можно возвращаться в Сказандию.

Затем он обратился к абетам:

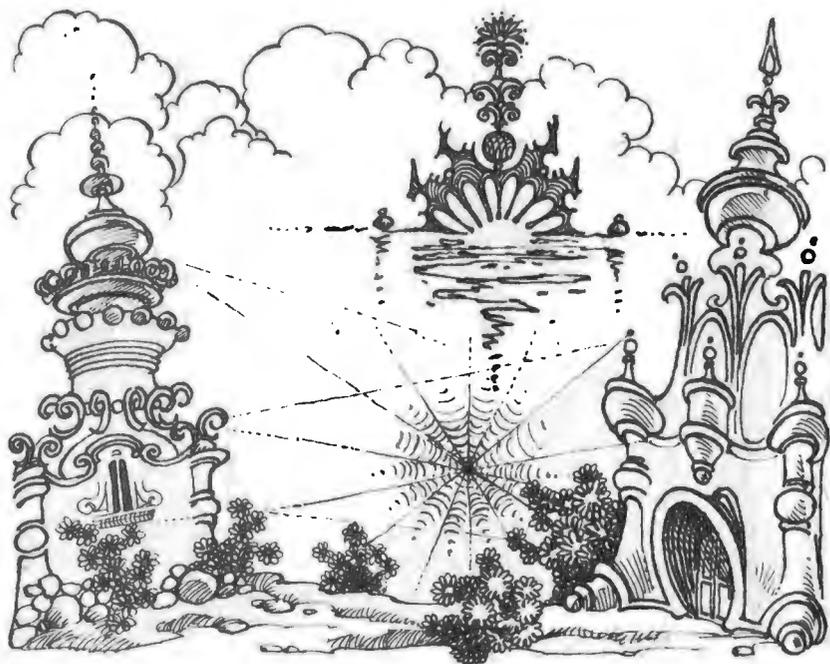
— Дорогие друзья, мы тронуты вашим великодушием и надеемся, что вы позволите нам сесть на корабль и отправиться на родину. Спасибо за гостеприимство и чудесное чернильное молоко. АБАБА, АБААБ, АББАБ!

Это восклицание на абецком языке означало: Да здравствует Абеция!

— Вашу судьбу решит королева Аба, — сказал один из абетов. — Нам приказано привести вас к ней. Такова ее воля. Идемте.

Пан Клякса считал этот визит пустой тратой времени, но вежливость и любопытство взяли свое, и путешественники двинулись за проводником.

Долго шли путники по извилистому коридору, но вдруг они встали как вкопанные, пораженные неожиданным зрелищем.

Перед ними лежало озеро, противоположный берег которого исчезал где-то вдали. Лазурная вода была прозрачна как стекло.

На берегу, вокруг озера, на равных расстояниях друг от друга возвышались янтарные гробницы умерших королей Абеции. На каждой сидела жар-птица, сверкая огненным оперением. У подножия гробниц среди пунцовых карликовых кустов деловито плели паутину серебряные и золотые пауки, преграждая путь к озеру.

Вдали от берега на плавучем острове жила королева Аба. Она лежала в огромной раковине, и прислуживали ей семь семируких абетов.

Путешественники низко поклонились, и остров подплыл к берегу. Королева Аба поднялась в своей раковине. При виде ее

даже пан Клякса ахнул от удивления. Все ожидали увидеть одноглазое шестирукое существо, а перед ними предстала молодая прекрасная женщина. Она приветливо взмахнула рукой и улыбнулась им. Абеты пали ниц, сказандцы склонили головы, а пан Клякса, не растерявшись, произнес по-абецки изысканнейший комплимент, выразив свое восхищение и удивление необычной красотой повелительницы Абеции.

Отвечая пану Кляксе, королева Аба свободно заговорила на его родном языке:

— Я не принадлежу к династии великих королей Абеции. Семь лет назад по просьбе этого народа я стала править страной. Я была женой Палемона, владыки веселой и солнечной Палемонии. Однажды во время путешествия наше судно провалилось так же, как и ваше. Выпив кораллового вина, мой супруг и все наши придворные превратились в семируких абатов и были вынуждены навсегда остаться в этой стране. Я вместе со всеми пила волшебный напиток, но он не подействовал на меня, и только я одна сохранила человеческий облик. Предыдущий король Абеции, Бааб-Ба, был так поражен этим, что замуровался в своей гробнице, а народ провозгласил меня королевой. Я приняла предложенный мне сан, потому что не хотела покидать своего супруга. Я взяла абецкое имя Аба и стала жить на королевском острове в окружении палемонцев, превратившихся в абетов. Я покорила судьбе и полюбила своих подданных. А теперь обещайте мне молчать о том, что вы здесь услышали, и я разрешу вам покинуть Абецию и вернуться на родину.

— Обещаем! — торжественно воскликнул пан Клякса.

— Обещаем! — повторили за ним сказандцы.

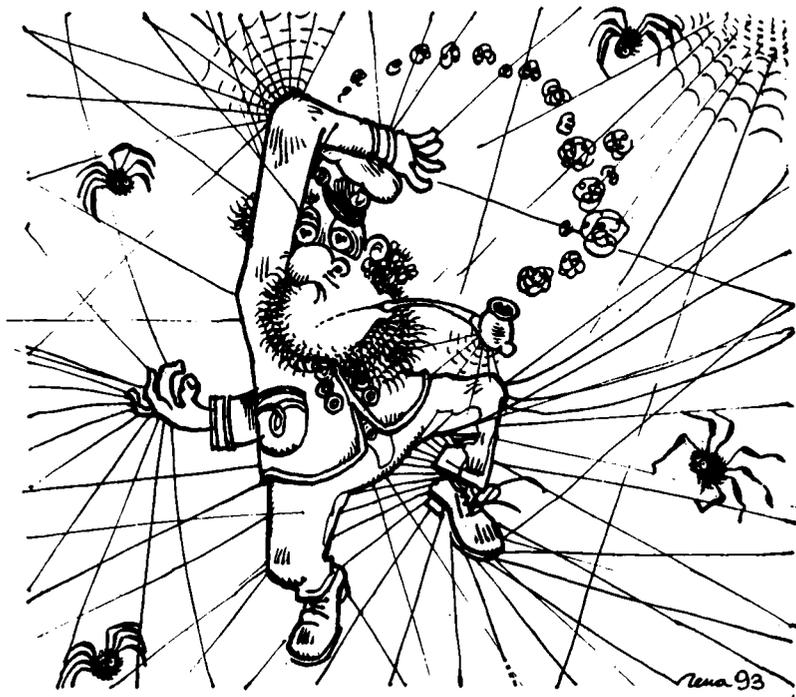
А капитан, зачарованный красотой королевы, бросился к острову. Но он запутался в паутине и барахтался там до тех пор, пока абеты не помогли ему выбраться.

— Никому нельзя приближаться ко мне, таков абецкий закон! — грозно произнесла королева Аба и добавила: — А сейчас мои стражники отведут вас к Китовой Грани и там передадут проводникам с острова Изобретателей.

— А как же наш корабль?! — взмолился пан Клякса.

— Корабль? — удивилась королева. — Он останется здесь: мы еще не умеем поднимать корабли на поверхность моря. Но

вы не огорчайтесь. Вот вам жемчуг: он вполне возместит вашу утрату.

И королева Аба бросила к ногам пана Кляксы мешочек из рыбьих чешуек, набитый жемчугом.

На успел пан Клякса заглянуть в него и поблагодарить королеву за щедрость, как прекрасная властительница Абеции произнесла тоном, не терпящим возражений:

— Аудиенция окончена!

В ту же самую минуту разом погасли все жар-птицы, и вокруг воцарилась темнота. Только королевский остров, отплывая от берега, мерцал голубоватым светом.

Абеты окружили путешественников и по широкому коридору, выложенному янтарными плитами, повели их к Китовой Грани.

Грохот бочек с чернильной жидкостью отдавался многократным эхом, мешая разговору. Однако путники больше молчали, занятые своими мыслями.

Но задумчивей всех был пан Клякса.

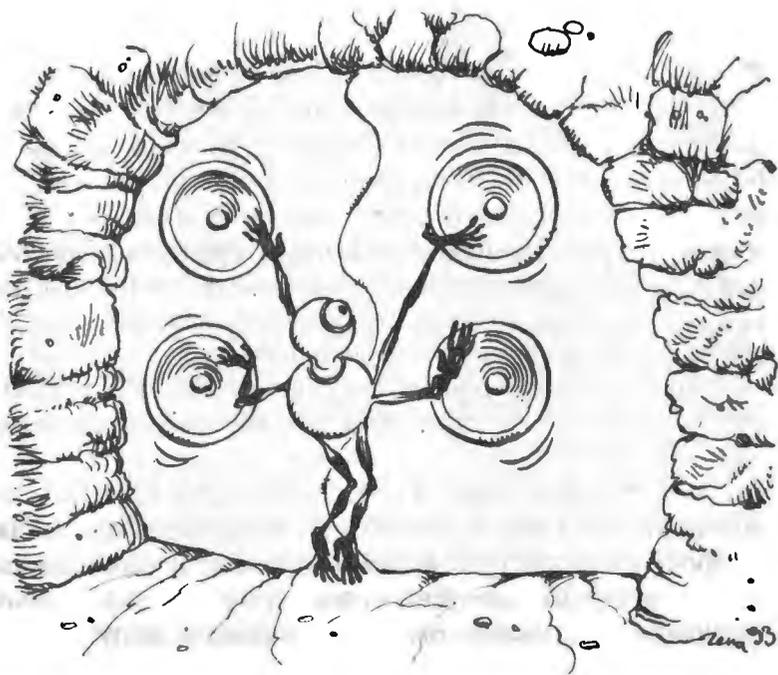
Он нервно теребил бровь и время от времени выкрикивал слова, лишённые всякой связи:

— Абба-абаба-аба-бба!

Абеты, не желая прерывать его размышления, семенили поодаль и шепотом переговаривались между собой.

Так они шли несколько часов. Когда в конце коридора замерцал красный свет, один из абетов выбежал вперед, движением руки остановил сказандцев и обратился к ним:

— Здесь кончаются наши владения. Сейчас вы покинете Абеццо. От имени всего народа я прощаюсь с вами и желаю интересного и удачного путешествия. Мы были счастливы принять у себя такого знаменитого ученого, как пан Амброжи Клякса. Благодаря ему вы удостоились чести видеть великую королеву Абу. Никто из чужеземцев ее еще не видел. Но вы

должны навсегда забыть королеву, иначе вы собьетесь с пути и никогда не вернетесь на родину. А сейчас следуйте за мной.

Абет подошел к стене, замыкавшей коридор, оперся на две руки, а остальными четырьмя отвинтил четыре янтарных диска, освещенных красным светом.

К ОСТРОВУ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ

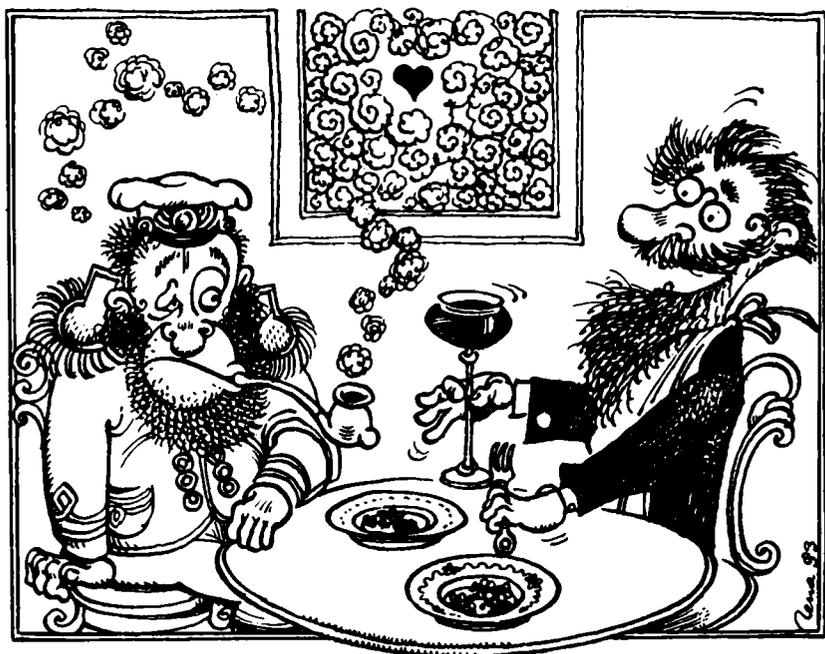
Стена дрогнула и медленно раздвинулась. Абеты незаметно исчезли в мрачной пасти коридора. За стеной начиналась широкая, висящая над пропастью площадка, сделанная из китовой кости. Это и была Китовая Грань. Сказантцы неуверенно перешагнули порог Абеции. Когда последний из них ступил на площадку, стена с треском захлопнулась, и все погрузилось в темноту. В этот момент сверху донесся звук рожка и скрежет вращающихся колес. Потом послышались гудки, и через минуту огромная кабина лифта, похожая на просторный зал, остановилась у Китовой Грани.

Кабина была ярко освещена и устлана пушистыми коврами, вдоль стен стояли глубокие мягкие кресла, и перед каждым — красиво сервированный круглый столик с дымящейся едой. Не раздумывая, путешественники вошли в лифт, вкатили бочки и с любопытством огляделись вокруг, надеясь кого-нибудь увидеть. Но, кроме них, в кабине никого не было. Двери сами закрылись, раздались сигналы, заскрежетали невидимые механизмы, и лифт начал легко подниматься вверх. Из репродукторов, висящих под потолком, полилась приятная тихая музыка.

На стенах лифта, в рамках, висели картины. Но это были совершенно необычные картины: в них все жило и двигалось, как в кино.

— Давайте пообедаем, — сказал пан Клякса, — а потом займемся этими чудесами. Наконец-то подходящая еда! Скажу вам откровенно — абецкая кухня мне совсем не понравилась. Капитан, не теряйте времени даром. Нас еще ждут новые приключения... Что с вами? Вы похожи на аистов, испугавшихся лягушек.

Пан Клякса пытался шутить, но капитан упорно молчал. Наконец он сел за стол и мрачно уставился в тарелку. Перед его глазами все еще стояла королева Аба. Матросы тоже были задумчивы и печальны. Многие втайне завидовали Телесфору. Образ прекрасной королевы преследовал сказандцев. Казалось, они были равнодушны ко всему на свете. Капитан что-то бормотал себе под нос, складывая сказку в честь повелительницы Абеции, и в рассеянности пытался поддеть вилкой пустую тарелку. Только пан Клякса, рулевой и поваренок Петрик с аппетитом уплетали вкусные антрекоты, запивая их золотистым ананасным вином.

— Ешьте, друзья, — весело уговаривал матросов пан Клякса. — Нас еще ждет дальняя дорога. Эй, капитан, выпьем! Какое счастье, что мы достали черные чернила! Настоящие черные чернила! А теперь мы завернем на остров Изобретателей. Я давно слышал о нем, но думал, что все это сказки. Ну что вы

нахмурились? Почему молчите? Петрик, выпей хоть ты со мной за компанию! За здоровье королевы Абы, живущей в раковине, как устрица! Ха-ха-ха!

Рулевой и Петрик расхохотались, и их настроение переда-лось остальным матросам. Многие наполнили бокалы.

— За здоровье королевы-устрицы! — продолжал насме-хаться пан Клякса и до того развеселился, что даже не заметил, как его борода погала в тарелку.

Пан Клякса не зря старался. Капитан пришел в себя, протер глаза и огляделся вокруг. Вскоре он присоединился к друзьям и выпил стакан ананасного вина. Чары королевы Абы, околдовав-шей весь экипаж, постепенно слабели, а когда было выпито несколько кувшинов вина, развеялись совсем.

Пан Клякса встал и запел веселую песню. Такое с ним случалось не часто. Это была песня его собственного сочинения. Матросы хором подхватили припев:

*Как-то наша курица,
Тра-ля-ля,
Снесла яйцо на улице,
Тра-ля-ля.
Мимо глупый Марек шел,
Думал, что часы нашел.
Выьем-ка еще вина —
Наше дело сторона!*

Плотно пообедав и спев несколько песен, пан Клякса начал рассматривать движущиеся картины. На первой он увидел себя и своих товарищей в Сказандии, садящихся на корабль, а потом все, что происходило с ними дальше. Матросы вместе с капита-ном окружили пана Кляксу и удивленно следили за своими собственными приключениями. Перед ними постепенно, как в фильме, проходили все события минувших дней, их жизнь на корабле, пребывание в стране абетов и встреча с королевой Абой. Только королева Аба оказалась дряхлой старухой, похо-жей на бабу-ягу.

— Вот как на самом деле выглядит королева Аба, — сказал пан Клякса, — а то, что вы видели в Абеции, было просто

обманом зрения, галлюцинацией. Думаю, теперь кое-кто перестанет мечтать о возвращении в эту страну.

Капитан покраснел до ушей, а матросы весело расхохотались, тем более что в ту же самую минуту на картине, как продолжение этого живого фильма, появилась красная физиономия капитана. На этом рассказ об их путешествии кончился, и начался другой, не менее интересный фильм. Они увидели Великого Сказителя, ожидающего в порту возвращения чернильной экспедиции. Он был расстроен, что-то говорил окружающей его свите и показывал на горизонт. Все печально кивали головами, потом Великий Сказитель, поддерживаемый с двух сторон советниками, возвратился во дворец.

Остальные картины рассказывали о жизни какой-то незнакомой страны. Пан Клякса объяснил сказанцам, что это остров Изобретателей, к которому с молниеносной скоростью приближается их необыкновенный лифт. Вдруг пан Клякса замолчал, подбежал к окну и отдернул портьеру. В кабину хлынул дневной свет, и лифт, словно поезд из мрачного туннеля, вырвался из темноты. Поднявшись на поверхность земли, лифт, не останавливаясь, изменил направление и со скоростью торпеды помчался по невидимым рельсам.

От неожиданного толчка несколько матросов упали, но тут же вскочили на ноги и прильнули к окнам. Вокруг простирался огромный, бесконечный город, но страшная скорость мешала что-либо различить.

— Отойдите от окон, а то закружится голова, — предупредил пан Клякса. — Мы несемся со скоростью четырехста миль в час. Наше счастье, что на дороге нет поворотов.

Ошеломленные матросы послушались пана Кляксу и уселись в кресла. Было странно, что при такой огромной скорости не дребезжат стекла и грохот не заглушает слов.

— Думаю, часа через два мы будем у цели, — сказал пан Клякса. — Я много слышал об острове Изобретателей. Там живут существа, чрезвычайно похожие на нас, только у них всего одна нога. Свою страну жители называют Патентонией, по имени их величайшего ученого Гаудента Патента. Морем к ним попасть нельзя, потому что они ревностно охраняют свои лаборатории и заводы. Единственная дорога в Патентонию ведет через Абецию, оттого мы так мало знаем об этой стране. На

острове Изобретателей были сделаны известные всему миру открытия. Патентонцы оповещают о них, транслируя движущиеся картины. К сожалению, мы не видели многих картин, потому что у нас нет нужных приемников. Вы сможете познакомиться со многими изобретениями, о которых мы даже и не слышали. Но помните, патентонцы очень подозрительны и не любят, когда подглядывают их тайны. Не суйте носа куда не надо, иначе навлечете на себя беду. Не забывайте об этом. Вы можете спрашивать о чем угодно — патентонцы дадут подробные объяснения и даже покажут свои планы и проекты. Вам легко будет объясняться с патентонцами, так как они знают тысячи языков и наречий, в том числе и сказандский язык. Патентония страна богатая, люди живут там по сто лет, но, кроме работы, для них ничего не существует — ни песен, ни танцев, ни развлечений. А о сне они и понятия не имеют. Они принимают специальные пилюли, которые снимают сон и усталость. Вот и все, что я могу пока рассказать вам о знаменитом острове Изобретателей, остальное вы увидите сами.

Слова пана Кляксы произвели на сказандцев огромное впечатление. Они долго сидели задумавшись, и даже Петрик не решался ничего спросить, хотя сгорал от любопытства.

Торпеда мчалась с прежней скоростью. Начало темнеть, и в городах, мимо которых она пролетала, вспыхивали бесчисленные огни, сливавшиеся в одну ослепительную ленту.

Вдруг в репродукторе стихла музыка, и голос диктора произнес на сказандском языке:

— Внимание! Внимание! Гроссмеханик Патентонии приветствует подданных Великого Сказителя. В столице нашей страны уже началась подготовка к встрече знаменитого ученого пана Кляксы. Торжества в его честь состоятся во всех городах. Внимание! Внимание! Через час двадцать три минуты Стальная Стрела, в которой вы находитесь, прибудет к седьмой платформе Магнитного вокзала. Просьба до полной остановки Стальной Стрелы оставаться на местах... оставаться на местах. Внимание! Внимание! Нажмите красную кнопку под громкоговорителем.

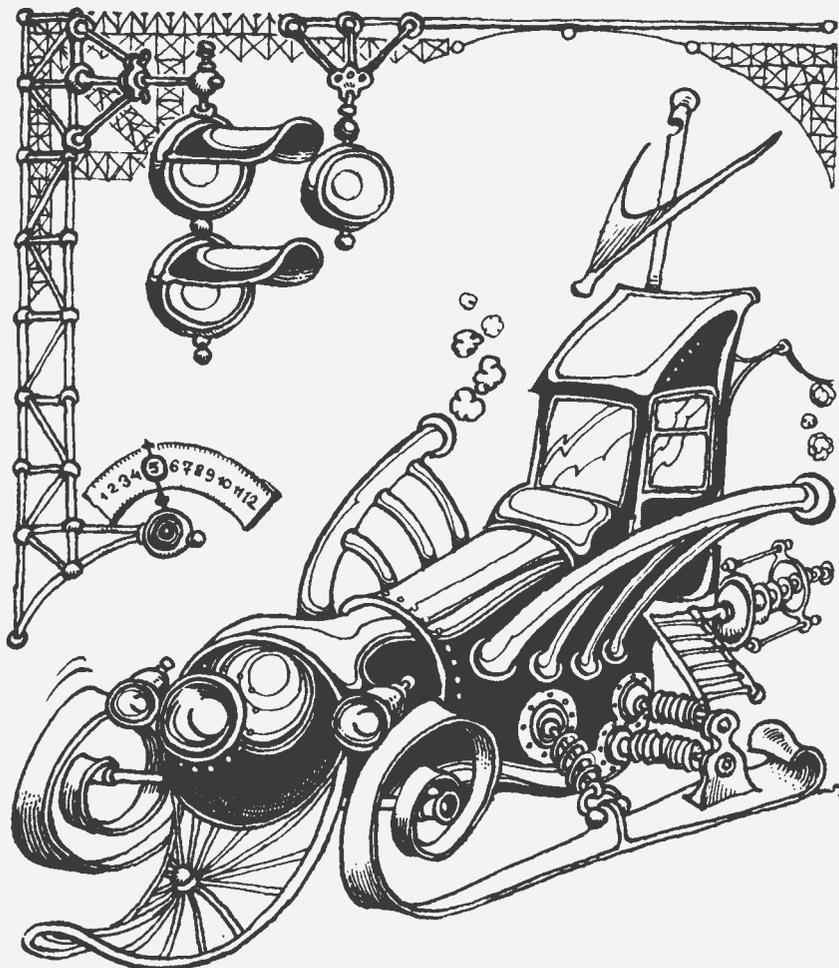
Капитан первым вскочил с кресла и нажал кнопку, которую вначале никто не заметил. Все уставились на репродуктор, ожидая оттуда нового сюрприза. Но, ко всеобщему удивлению, кнопка привела в движение механизм, вмонтированный в

столики. Боковые стенки поднялись вверх, а когда они опустились, прежняя сервировка исчезла, а на ее месте появились новые приборы, кувшинчики с шоколадом и подносы с пирожными.

В ту же минуту из репродуктора послышалось:

— Внимание, внимание! Просим к столу!

— Превосходная мысль! — воскликнул пан Клякса и первый принялся за еду.

Остальные последовали его примеру.

Тем временем наступила ночь, и в темном небе, ярко освещая землю, кружили самолеты-солнца.

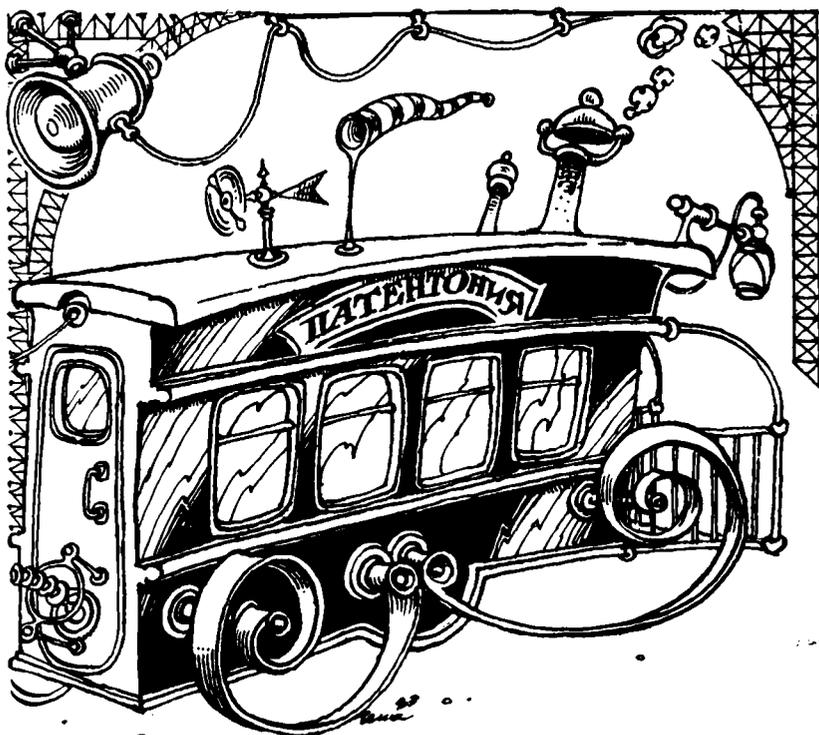
Светло было как днем, но фонари продолжали гореть, окутывая торпеду тусклым сиянием.

После полдника путешественники прослушали последние известия из Сказандии. Удивленные матросы услышали голоса своих жен, детей и близких, узнали, что происходит у них дома. Чаще всего упоминалось имя пана Клякса как руководителя экспедиции — жители Сказандии с нетерпением ждали обещанных чернил.

— Везем, везем, — буркнул пан Клякса. — наших чернильных запасов хватит лет на десять.

Время шло. Приближался конец путешествия.

Снова раздался голос:

— Внимание, внимание! Не вставайте с кресел!

Торпеда стала сбавлять ход, раздались сигналы, закружились красные огни, и Стальная Стрела с точностью до секунды подошла к седьмой платформе Магнитного вокзала.

Путешественники, оставаясь на местах, ждали дальнейших распоряжений.

Магнитный вокзал представлял собой огромное помещение под стеклянной крышей, выложенное металлическими плитами. Плиты то и дело автоматически передвигались, открывая переходы, коридоры и туннели, в которых мелькали всевозможные причудливые поезда.

Движение на вокзале регулировала сложная звуко-световая сигнализация. Каждую минуту в разных местах вспыхивали красные и зеленые огни, из громкоговорителей доносились названия городов и железнодорожных станций.

Все это делалось необычайно точно и, казалось, без участия каких-либо живых существ.

На серебряном экране, висевшем на одной из стен, вспыхивали цифры и буквы, извещавшие о прибытии очередного поезда. Одновременно автоматически раздвигались плиты, загорались светофоры, и поезда на механических полозьях въезжали под своды вокзала.

ПАТЕНТОНИЯ

Не успели сказандцы рассмотреть вокзал и пассажиров, как потолок и стены Стальной Стрелы неожиданно поднялись вверх, а нижняя площадка вместе с креслами рванулась вперед. Раздался звонок, плиты раздвинулись, и открывшийся широкий туннель поглотил путешественников. Но почти сразу же площадка вынырнула из здания вокзала и быстро помчалась по какой-то совершенно необычной улице.

Над улицей, в переплетении стальных конструкций и арок, возвышались дома патентонцев, а внизу с различной скоростью бежали восемь движущихся дорожек-тротуаров.

Внутренние тротуары предназначались для пешеходов, а внешние, более широкие, — для транспорта. Площадка сказан-

дцев шла по правой стороне дороги, а рядом ехали жители этого механизированного города. Площадка двигалась почти с той же скоростью, что и соседний тротуар, поэтому сказандцы могли как следует рассмотреть местных жителей.

Патентонцы были на три головы выше сказандцев. У них была всего одна огромная нога и длинный подвижный нос. Казались, что запахи для них важнее всего на свете. Мужчины были

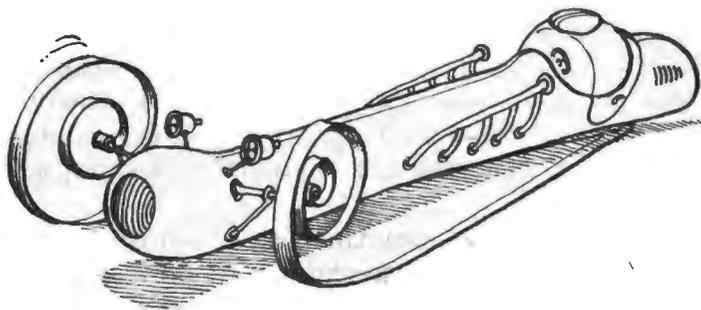
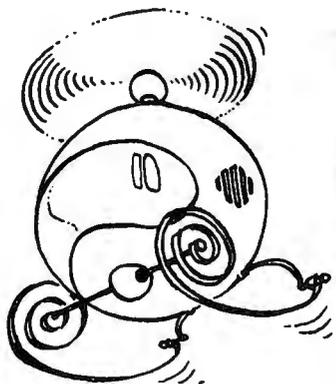
совсем лысые, а у женщин на затылке росли рыжие волосы, заплетенные в три короткие косички. Дети внешне ничем не отличались от взрослых.

Одежда у патентонцев была одинаковая: кожаная куртка, широкая разноцветная пелерина, длинный шерстяной чулок и резиновый башмак с двойной пружинящей подошвой. Благодаря этим пружинам патентонцы прыгали как кузнечики, передвигаясь со скоростью до сорока миль в час.

Тротуары никогда не останавливались, а когда нужно было сойти с них, патентонцы ловко перепрыгивали на перроны, установленные вдоль мостовой, на небольшом расстоянии друг от друга. Точно так же патентонцы на ходу прыгали с перрона на тротуар.

Слева бежала самая быстрая дорога. Она была забита огромным количеством машин, напоминавших по форме шары, сигары и сплюснутые огурцы. У всех машин вместо колес были полозья, похожие на лыжи.

Шаровидные машины из тонкого прозрачного металла назывались винтолетами — в центре их торчали винтообразные мачты. Винты с помощью атомного двигателя вращались со

скоростью сто тысяч оборотов в секунду. Плоская резьба винта заменяла пропеллер: винтолеты легко поднимались вверх, застывали на месте и летали в любом направлении, как самолеты. Тучи винтолетов, круживших в небе, снизу казались разноцветными мыльными пузырями.

Другие машины предназначались для путешествия по воде и по суше. Внизу, под основанием, у них находились полозья, заменявшие железнодорожные рельсы. Поэтому они могли передвигаться по любой поверхности и, легко касаясь полозьями земли, на огромной скорости преодолевали все препятствия.

Сказанццы глядели на все, широко раскрыв рот, и только вскрикивали от изумления, а пан Клякса расспрашивал едущих рядом патентонцев о различных особенностях этих машин. Все разговоры велись на сказандском языке, а патентонского вообще не было слышно, потому что местные жители общались между собой совершенно по-другому. Патентонцы носят очки с маленькими стеклами-экранами, в которых отражаются все их мысли. Поэтому разговаривать им совершенно незачем. Пан Клякса обещал своим товарищам достать такие очки.

— Но учтите, — предупредил пан Клякса, — что у патентонцев нет мыслей, которые они хотели бы скрыть. Боюсь, что многие из вас скорее откажутся от волшебных очков, чем согласятся выдать свои мысли. Мы из другого теста, и не все здешние изобретения нам подходят.

На движущихся тротуарах появлялось все больше и больше одноногих великанов. Некоторые, торопясь, скакали на своих пружинящих подошвах, как блохи, и мгновенно исчезали из виду. Дети ехали на складных стульчиках. Площадка сказандцев двигалась вперед, мимо причудливых металлических конструкций. Самый город нельзя было разглядеть, потому что его дома и улицы размещались очень высоко.

Наконец путешественники остановились. Площадка поднялась вверх. Четыре стальных когтя одновременно схватили ее и втащили на крышу огромного здания. Путешественники очутились на многолюдной площади, где им готовилась торжественная встреча.

Площадь была вымощена плитками из матового стекла. Из этих же самых плиток были сложены многоэтажные дома, которые сужались кверху и заканчивались вращающимися башнями.

К башням были прикреплены вогнутые диски. Они поглощали солнечные лучи и вырабатывали тепло для согревания жилищ и улиц. Благодаря солнечным дискам и электрическим холодильникам патентонцы в любое время года поддерживают в своих городах одинаковую температуру. Это необычайно важно, хотя бы уже потому, что из-за своих непомерно длинных носов патентонцы при малейшем ветерке схватывают насморк и чихают так громко, словно играют на трубе.

Площадь пересекала широкая улица с многочисленными ответвлениями и перекрестками, которые были видны издалека. Над площадью висели тучи винголетов, прикрепленных к балконам, как воздушные шары. Жители города высыпали на балконы. У каждого из них был небольшой каучуковый громкоговоритель. Все патентонцы были одеты в праздничные о-

строконечные капюшоны, увенчанные маленькими, как пуговички, антеннами.

Один из патентонцев, самый длинноносый, вышел из толпы и мелкими скачками приблизился к пану Кляксе. Сначала он низко поклонился, а потом, по патентонскому обычаю, поцеловал пана Кляксу в ухо. Это был знак особого уважения, и пан Клякса ответил на него точно так же, но при этом ему пришлось подпрыгнуть очень высоко — ведь патентонец был на добрых четыре головы выше его.

Остальных сказандцев приветствовали менее торжественно: дело ограничилось только взаим-

ным дерганьем за уши. Петрику страшно понравился этот обычай. Первый раз в жизни он мог дергать за уши других. До сих пор дергали только его, и вовсе не для того, чтобы оказать ему честь.

После церемонии, во время которой собравшиеся сыграли на носах “Марш Изобретателей”, самый длинный патентонец поднес ко рту сетку из стеклянной проволоки величиной с карманные часы и начал говорить.

Удивительным изобретением была эта сетка! Она переводила патентонскую речь на любой другой язык, нужно было лишь установить стрелку. Приветствие патентонцев сказандцы слышали на своем родном языке.

— Достопочтенный гость! — обратился оратор к пану Кляксе. — Отважные путешественники! Прежде всего я хочу сказать, что в Патентонии существует высокий сан Гроссмеханика, который соответствует сану Великого Сказителя в вашей стране. Три года назад, когда Патентное Бюро установило, что самое большое число изобретений принадлежит мне, я принял власть из рук моего предшественника, Патентоника Двадцать Восьмого, и правлю теперь под именем Патентоника Двадцать Девятого. Тому, кто превзойдет меня числом изобретений, я передам власть как моему наследнику. Таков закон нашей страны.

Тут все хором закричали:

— Элла бэлла Патентоник адурэлла! — что по-патентонски должно было означать: “Да здравствует Патентоник Двадцать Девятый!”

Оратор продолжал:

— Я счастлив, что могу приветствовать в нашей стране такого великого ученого, как пан Амброжи Клякса, которого я хочу поблагодарить за его гениальные идеи. Они не могли быть осуществлены на его родине из-за недостатка материалов и отсталой техники. Но их описания и наброски, свидетельствующие о гениальности этого ученого, дошли до нас и позволили сделать много важных изобретений.

При этих словах Гроссмеханик низко поклонился, еще раз поцеловал пана Кляксу в ухо и продолжал:

— Позволь, достопочтенный гость, перечислить изобретения, которыми мы тебе обязаны. Итак, на первом месте — увеличительный насос. Благодаря ему мы смогли увеличить наш

естественный рост на одну треть. Я хотел бы продемонстрировать это изобретение.

Патентонец вынул из кармана насос, похожий на обыкновенную масленку, приставил его к уху пана Кляксы и несколько раз надавил на доньшко. В то же мгновение наш ученый начал расти и через несколько секунд сравнялся с патентонцем. Это было просто поразительно! Сказандцы с завистью смотрели на пана Кляксу, который стал почти великаном. Они сразу окружили Гроссмеханика, подставляли уши, назойливо требуя, чтобы с ними сделали то же самое. Только рулевой стоял в стороне — ведь он не видел, что происходит вокруг.

Гроссмеханик догадался, что рулевой слеп, и, дотянувшись до слепого через головы матросов, нацепил ему на нос пенсне с призматическими стеклами. Невозможно описать радость рулевого. Он неожиданно прозрел и с изумлением огляделся вокруг. А когда Гроссмеханик приложил к его уху насос и увеличил его рост, счастьем рулевого не было границ! Остальных сказандцев Гроссмеханик вежливо, но решительно отстранил рукой, поднес сетку ко рту и продолжал прерванную речь:

— А вот еще изобретения, основанные на идеях пана Кляксы, — ключик, отпирающий все замки, шкатулки для сохранения свечных огоньков, играющие мосты, автоматы против насморка и много-много другого. Вот только нам никак не удастся наладить производство таблеток для ращения волос. У нас нет подходящих витаминных красителей. К сожалению, наша химическая промышленность не поспевает за развитием техники.

— Таблетки для ращения волос? Пожалуйста! — воскликнул пан Клякса и вынул из кармана серебряную шкатулку, с которой никогда не

расставался. — Прошу вас! У меня их много!

Он тут же открыл шкатулку и угостил таблетками стоявших поблизости патентонцев. Шкатулка мгновенно опустела.

У тех, кому досталось угощение пана Клякса, сразу же выросли буйные кудри.

Затем капелла сыграла на носах кантату, сложенную в честь пана Клякса.

Но патентонец, видимо, еще не окончил речь. Он сделал знак, чтобы все утихло, и продолжал:

— Мы никогда не развлекаемся, не веселимся — все свое время мы посвящаем работе. Вы найдете у нас много интересного, а кое-что даже сможете взять с собой в родную Сказандию. Вы наши гости, но дольше суток вы не должны находиться у нас, потому что мы не можем отрываться от работы. Таков закон нашей страны.

“Боятся, как бы мы чего-нибудь не подглядели”, — подумал Петрик.

Как только Гроссмеханик закончил речь, все его подданные поднесли сетки ко рту и закричали хором:

— Да здравствует Амброжи Клякса!

— Да здравствует Патентоник Двадцать Девятый!

Потом они еще раз сыграли на носах приветственную кантату.

Когда утихли последние звуки песни, слово взял пан Клякса и в короткой речи поблагодарил за сердечный прием. Он говорил по-сказандски, но патентонцы приложили к ушам каучуковые приемники, которые сразу же переводили его слова на патентонский язык.

ГРОССМЕХАНИК

После окончания торжеств Гроссмеханик пригласил гостей в свой дворец, где для них уже были приготовлены отдельные апартаменты. Прежде всего пан Клякса вспомнил о бочках с чернилами и попросил доставить их во дворец.

— Уважаемый гость, — с грустью сказал ему Гроссмеханик, — я знаю, как огорчит тебя известие, которое ты сейчас услышишь: все абецкое, оказавшись за пределами своей страны, моменталь-

но гибнет под действием солнечных лучей. Чернильное молоко тоже сразу теряет свой цвет и становится белым. Нас с Абецией давно связывают добрососедские отношения, и мне все это хорошо известно. Сейчас ты сам убедишься в правоте моих слов.

По знаку Гроссмеханика один из патентонцев подкатил две бочки с чернильной жидкостью, поставил их перед паном Кляксой и сильным ударом вышиб дно. Из бочки хлынуло белое молоко. Не веря своим глазам, пан Клякса заглянул внутрь. Да, сомнений не оставалось: чернила потеряли цвет и превратились в никому не нужную белую жидкость. Пан Клякса окунул в нее руки и молча смотрел на белые капли, стекавшие с его пальцев на стеклянные плиты. Молчание великого ученого было красноречивее слов, и никто не посмел нарушить его.

В этот момент взгляд пана Кляксы встретился с глазами Петрика, полными слез. Пан Клякса встряхнулся, присвистнул, как дрозд, и сказал:

— Жаль, конечно. Но наше путешествие еще не окончено. Мы не можем вернуться в Сказандию с пустыми руками. Пойдемте.

Он взял под руку Патентоника ХХІХ, и они направились во дворец. За ними последовали сказан্দцы, Придворный Совет и вся остальная свита.

Да, нужно признать, что пан Клякса был великим человеком — только великие люди никогда не теряют надежды.

Они вошли в высокие ворота и очутились перед дворцом. Несколько лифтов стояло наготове, ожидая гостей. Как ни странно, в домах у патентонцев не было лестниц. Нигде ни одной лестницы.

Патентонцы прыгали на верхние этажи при помощи пружинящих подошв, а тот, кто хотел, мог воспользоваться лифтами или кресло-планерами.

Просторный зал, куда Гроссмеханик проводил гостей, был совершенно пуст. Только несколько рядов разноцветных кнопок на серебряной плите указывали на существование скрытого механизма. Стоило нажать кнопку, и с потолка, из пола и стен выдвигались различные предметы.

Сначала нажали голубые кнопки, и зал превратился в роскошную столовую: откуда-то появились столы со всякой снедью и кувшинами ананасного вина. Гроссмеханик подал знак, и начался пир, который продолжался всю ночь, до самого утра. К еде были примешаны какие-то приправы, которые снимали усталость, и сказан্দцы, не говоря уж о пане Кляксе, были бодры и не хотели спать.

Когда пир окончился, Гроссмеханик нажал красные кнопки, и столовая превратилась в механическую мастерскую. Она была заставлена аппаратами, точными приборами и инструментами, при помощи которых он разрабатывал и совершенствовал свои изобретения.

Гроссмеханик подарил всем гостям по металлической коробочке, которая одновременно была радиоприемником, зажигалкой, электрическим фонариком, мухоловкой и машинкой для стрижки волос. Сказан্দцы не могли прийти в себя от изумления, увидев этот гениально задуманный сложнейший прибор.

А пан Клякса, которому беспрестанно оказывали всяческие знаки внимания, получил, кроме того, аппарат для угадывания мыслей, ларчик с семью тайнами Патентонии и пятнадцать винтолетов для себя и своих товарищей. Среди семи тайн Патентонии был способ находить эту страну на карте, модель увели-

чительного насоса, перечень изобретений Гроссмеханика и еще четыре не менее ценных секрета.

Пан Клякса горячо поблагодарил за щедрые дары, но при этом деликатно намекнул, что среди подарков он не видит столь необходимых ему черных чернил.

Гроссмеханик помрачнел, пошептался о чем-то с Придворным Советом, приложил указательный палец к своему длинному носу и сказал:

— Нам никогда не нужны были черные чернила, мы и так запоминаем всякие слова, числа и идеи. Наша память нас никогда не подводит, поэтому мы ничего не записываем: ни сложнейшие чертежи, ни математические формулы. Хотя мне сейчас девяносто девять лет, но я отлично помню все сто тысяч правил, которые выучил в детстве. Поэтому неудивительно, что мы не изобрели чернил и никогда их не изобретем. К тому же, как я уже говорил, у нас нет семи основных красителей. Но я удивлен, почему такой великий ученый, как пан Амброжи Клякса, до сих пор не смог изобрести такую простую вещь. Повторяю: я удивлен, а удивляться позволено каждому.

Пан Клякса обошел молчанием эту колкость, ведь он прекрасно умел владеть собой, он только покраснел до самых ушей и нахмурил брови.

А Гроссмеханик как ни в чем не бывало предложил гостям прогуляться по городу, еще раз напомнив им, что, к сожалению, их время истекает. Он взял пана Кляксу под руку и, подпрыгивая рядом с ним на своей единственной ноге, направился к выходу. За ними двинулись сказандцы и вся свита.

Главная улица проходила высоко над движущимися тротуарами. Она была похожа на широкий мост, мощенный стеклянными кубиками. С обеих сторон возвышались конусообразные здания. А из окон выглядывали горожане, похожие друг на друга, как близнецы.

На этой улице не было ни кафе, ни магазинов, ни ресторанов. Вместо них сплошным потоком тянулись автоматы. Гроссмеханик включал их длинной иглой, у которой было сто семьдесят семь насечек.

Гроссмеханик демонстрировал всевозможные автоматы и раздавал гостям фрукты, сладости, одежду, предметы первой необходимости, всякие мелочи и даже украшения и драгоцен-

ности. У одного автомата патентонцы задерживались немножко дольше. Каждый всовывал туда свой длинный нос, потому что это был знаменитый автомат против насморка. Им пользовались чаще всего, так как местные жители постоянно страдали насморком и по нескольку раз в день дезинфицировали носы.

Здесь были также автоматы для измерения температуры, для пломбирования зубов, для штопания носков, для заплетания косичек и другие, не менее важные.

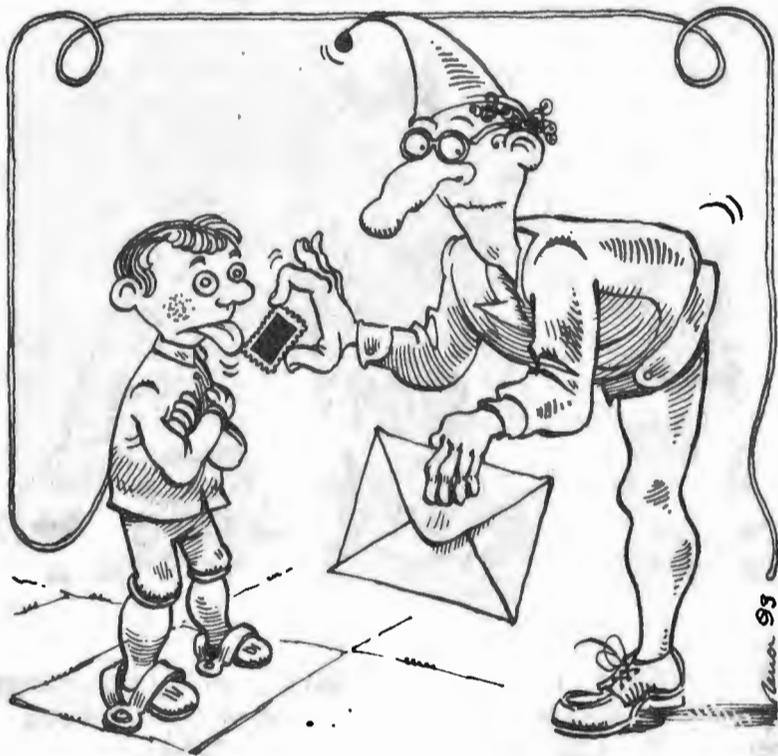
Сказандцы не скрывали восхищения изобретательностью патентонцев. Однако город без магазинов казался им серым, неинтересным, однообразным. Насколько привлекательнее были улицы Исто-Рико с их ярко освещенными витринами, где каждый мог купить все, что душе угодно! А изделия патентон-

цев, как и их одежды, выполненные по единому образцу, были все одного фасона и цвета, и это производило угнетающее впечатление.

На улице Автоматов Гроссмеханик внезапно остановился и сказал:

— То, что вы увидите сейчас, безусловно очень огорчит вас, но ничего не поделаешь — законы нашей страны обязательны для всех, даже для чужезмцев.

Сказав это, Гроссмеханик сделал несколько огромных прыжков и остановился перед фигурой, неподвижно стоящей среди других автоматов. Сказанцы поспешили за ним. Перед ними был... Петрик, который остекленевшим взглядом бессмысленно уставился вдаль. Руки его были скрещены на груди, а ноги прикованы к тротуару железными скобами.

— Этот мальчик, — сказал Гроссмеханик, — вопреки запрету подсмотрел одно из моих новейших изобретений: он привел в движение механизм и тем самым выдал тайну. Он наказан за это. Он перестал быть человеком и стал автоматом, автоматом для лизания почтовых марок. Я могу вам его продемонстрировать.

Тут Гроссмеханик воткнул свою иглу в отверстие под мышкой Петрика и трижды повернул ее.

Петрик сразу же открыл рот и высунул язык. Патентонцы один за другим подсакивали к новому автомату, прикладывали к высунутому языку почтовые марки и потом наклеивали их на приготовленные заранее конверты. Когда Гроссмеханик вынул иглу, Петрик втянул язык, закрыл рот и опять застыл, бессмысленно глядя вдаль.

Пан Клякса был потрясен до глубины души. Он знал, что для Петрика уже нет спасения. Он долго стоял, не проронив ни слова, потом приблизился к несчастному мальчику, поцеловал его в холодный, как металл, лоб и, повернувшись к Гроссмеханику, произнес дрожащим голосом:

— Только бесчеловечный закон мог допустить превращение любознательного мальчика в автомат. Его любопытство наказано слишком жестоко. Но раз ничего изменить невозможно, мы не хотим больше оставаться в стране, где у людей вместо сердца стальные пружины. Выпустите нас отсюда как можно скорее. Таково наше требование.

Сказандцы, возмущенные до глубины души, окружили пана Кляксу и тоже стали требовать немедленного отъезда с этого мрачного острова. Только рулевой стоял в стороне и кричал:

— Не хочу уезжать! Я не хочу быть слепым! Тут я, по крайней мере, вижу. Разрешите мне остаться!

— Я ничего не имею против, — сказал Гроссмеханик. — Я понимаю, что значит зрение для человека. Переливающиеся стекла быстро выходят из строя, и их приходится часто менять. А это можно сделать только в Патентонии. Позвольте вашему рулевому остаться у нас. Он будет работать, как мы, и жить, как мы. Ведь у вас никто не вернет ему зрение.

Наступило молчание. Пан Клякса старался подавить в себе неприязнь к патентонцам, которых возненавидел за бесчеловечность. Он считал, что Гроссмеханик мог бы раскрыть тайну переливающихся стекол. Но этот бездушный и надменный властелин счел себя оскорбленным, и переубедить его было невозможно.

— Ладно, — сказал пан Клякса, — пусть рулевой остается. Правда, что касается меня, я бы предпочел быть слепым в Сказандии, чем королем в Патентонии. Вот так!

И, повернувшись, он зашагал прочь. Сказандцы поспешили за ним. Над их головами промелькнули скачущие патентонцы.

На площади уже собралась огромная толпа. Все молча следили за работой механиков, которые хлопотали около новых сверкающих винтолетов, стоявших наготове.

Гроссмеханик подозвал сказандцев и подробно объяснил им, как обращаться с летающими шарами. Надо признать, что механизм их был необычайно прост. Даже ребенок легко мог бы с ними справиться. Пан Клякса сел в машину, завел мотор и провел испытательный полет. Опыт прошел удачно.

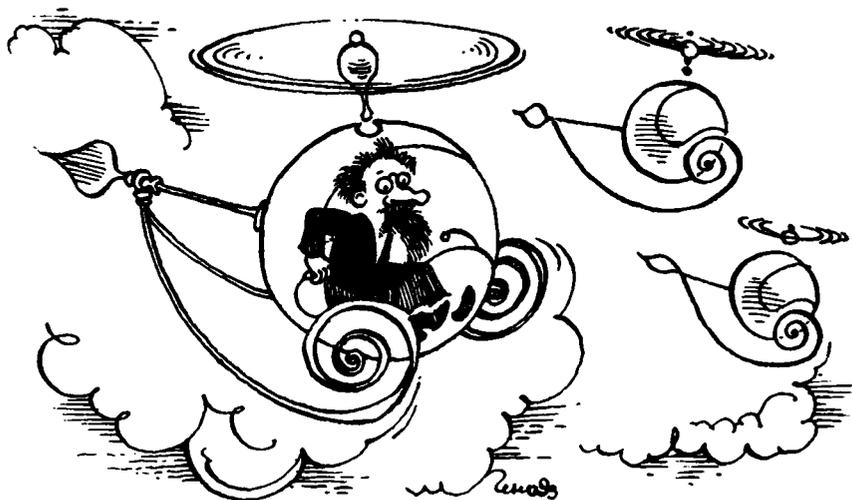
Когда приготовления к отлету закончились, Гроссмеханик обратился к пану Кляксе:

— Наша встреча останется у меня в памяти навсегда. Пройдет время, и забудутся взаимные обиды, но никогда не забудется то глубокое волнение, которое вызвало во мне даже столь недолгое общение с великим ученым. Памятник, который мы воздвигнем на этой площади, навсегда увековечит ваш замечательный визит, а площадь будет называться площадью Пана Кляксы.

Тут Патентник ХХІХ дернул пана Кляксу за ухо и продолжал:

— Мы дали вам в дорогу большие запасы продовольствия; кроме того, каждый получит теплую одежду, потому что наверху очень холодно. Смотрите, вот пальто моего изобретения. В каждую пуговицу вмонтирована маленькая батарейка, от нее по телу разливаются равномерные волны тепла. Температуру можно регулировать, включая одну, две или три пуговицы. А теперь мне остается только попрощаться с вами и пожелать счастливого пути.

Пока сказанцам раздавали пальто, пан Клякса произнес короткую прощальную речь и поблагодарил Гроссмеханика за гостеприимство.

Рулевой был необычайно взволнован. Он подбежал к своим друзьям и, обнимая их по очереди, громко рыдал.

— Никогда я уже не услышу сказок Великого Сказителя! — всхлипывал он. — Простите меня, но если бы вы знали, как горько быть слепым! Может, я как-нибудь пообвыкну, буду присматривать за Петриком... Простите меня! Счастливого пути!

Пан Клякса, прослезившись, поцеловал рулевого, еще раз поклонился Гроссмеханику и собравшимся патентонцам и отдал приказ садиться в винтолеты. В каждую машину село по два сказандца, а в последнюю — один пан Клякса.

Патентонцы сыграли на носах прощальный марш, и пятнадцать винтолетов поднялись вверх. И чем выше они поднимались, тем меньше и меньше становились люди на площади, а через несколько минут они уже казались копошащимися муравьями. Вскоре и весь остров Изобретателей выглядел сверху как тарелка, плавающая на поверхности моря.

БИТВА С САРАНЧОЙ

Пан Клякса даже не заметил, что снова стал нормального роста.

“Может быть, все изобретения этих бездушных умников сплошной обман?” — подумал он с горечью.

Но, включив обогревающие пуговицы, он почувствовал, как по всему телу разливается приятное тепло. Потом он испробовал аппарат для угадывания мыслей, и на маленьком экране появились однообразные серые картины. Это были мысли матросов, озабоченных своими будничными делами. Только капитан никак не мог забыть Патентонию, думал о рулевом, вспоминал Петрика и обрушивал громы и молнии на голову Гроссмеханика.

Пан Клякса надел свои волшебные очки, разложил автоматическую карту, подарок Патентоника ХХIХ, и повернул на северо-запад. Остальные винтолеты журавлиной стайей устремились за ним.

Небо было чистое, но в кабину врывался пронизывающий холод. К счастью, все обогревающие пуговицы работали исправ-

но, и у сказандцев мерзли только уши и носы. Пан Клякса закутывался в свою бороду, как в теплый шарф. Он зорко всматривался в даль и передавал приказы и краткие сообщения о воздушной трассе:

— Летим на высоте восемнадцати тысяч футов. Справа — архипелаг Грамматических островов. Отсюда по всему свету расходятся правила правописания... Прямо по курсу — Бакланское море... Скорость двести двадцать миль в час. Приближаемся к Земле Металлофагов. Сейчас одиннадцать часов сорок пять минут... Передача окончена.

Сказандцы подкрепились питательными пастилками, которыми их щедро снабдили патентонцы. Пастилки эти заменяли сразу три мясных блюда, три овощных и два фруктовых, а кроме того, в них был добавлен концентрат ананасного вина.

Так летели долгое время. С безоблачного неба струились яркие солнечные лучи. Воздух был кристально чист, и море внизу напоминало сморщенную клеенку на столе.

Вдруг в приемниках раздался взволнованный голос пана Кляксы:

— Внимание, внимание! С востока движется туча... Огромная туча... Она закрыла весь горизонт... Я не знаю точно, но думаю, что это водяной смерч... Снижаемся! Приготовить спасательные насосы! Без паники! Я с вами...

Пан Клякса протер усами очки, вылез из кабины и повис в воздухе, держась одной рукой за руль винтолета. Сюртук его надулся парусом, а борода, развевающаяся по ветру, казалась метлой бабы-яги.

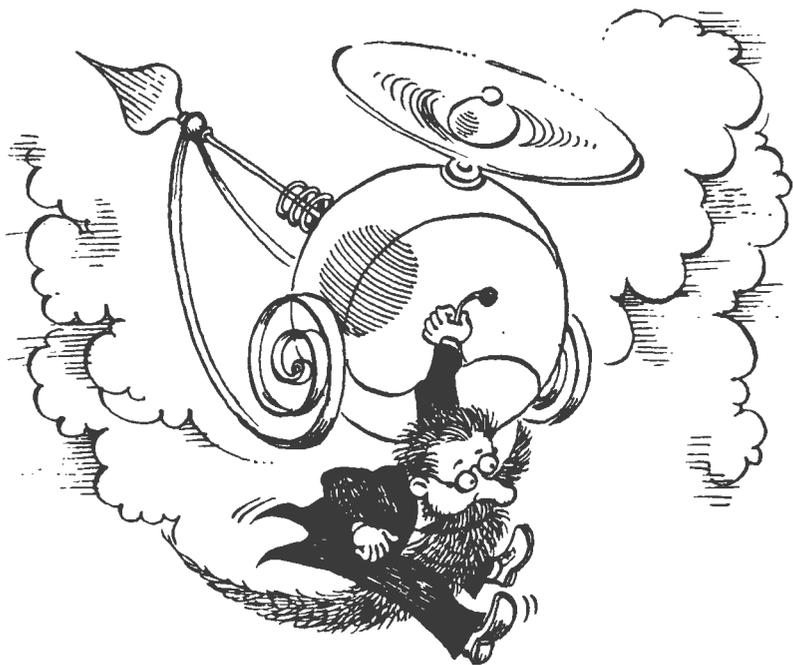
Любой другой на месте пана Кляксы, чтобы избежать опасности, приказал бы сменить курс. Да, любой другой. Но не пан Клякса. Этот великий человек считал недостойным для ученого уклониться от курса и летел прямо навстречу туче.

Вскоре сказандцы увидели на горизонте черное пятно, к которому они быстро приближались. Их охватил ужас. Один из винтолетов оторвался от остальных и повернул на юго-запад.

В приемниках раздался спокойный, но решительный голос пана Кляксы:

— Выровнять строй! Повторяю: выровнять строй!..

Пан Клякса никогда не сердился, не повышал голоса, но тем не менее все его слушались. Беглец тотчас же вернулся назад, и винтолеты журавлиной стаей полетели дальше.

— Капитан! — закричал пан Клякса. — Барометр упал?

— Нет!

— А сила ветра изменилась?

— Нет!

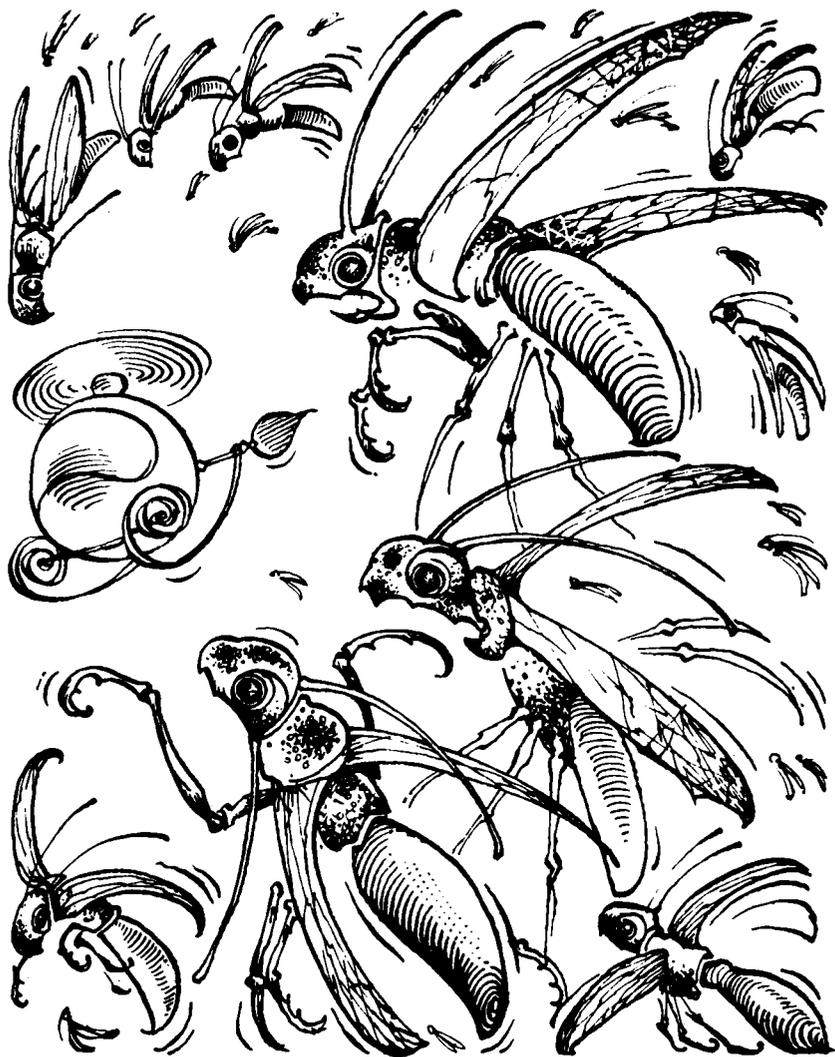
— Все ясно. Так я и думал. Это не водяной смерч... Это саранча... Голодная субтропическая саранча. Мы должны пробиться сквозь нее. Внимание... Полный вперед!

Винтолеты рванулись вперед и через несколько минут клином врезались в темную тучу насекомых, каждое из которых было величиной с воробья.

Винты врезались в плотные ряды саранчи. Круглые корпуса машин били ее с сокрушительной силой, но все новые и новые тучи вредителей лавиной захлестывали сказандцев. Шелест

миллионов стеклянных крыльев сливался в непрерывный, оглушающий рев, похожий на весенний гром.

Пан Клякса свесился наружу, и держась одной рукой за борт, наносил саранче смертельные удары.

Сказандцы рвались вперед, пикировали и орли как сумасшедшие, сея панику в рядах саранчи. Вдруг кого-то осенила.

великолепная идея: сказандцы полными горстями стали разбрасывать питательные пастилки. Изголодавшиеся насекомые набрасывались на еду и за каждую крошку дрались между собой насмерть. А те, кому удавалось проглотить концентрированную пищу, мгновенно набухали и с треском лопались, как воздушные шарик.

Наконец после двух часов упорной борьбы сквозь поредевшие ряды саранчи начали пробиваться лучи солнца. Снова показалось чистое голубое небо, и только оставшиеся кучки насекомых поблескивали кое-где, как легкие облака.

— Так держать! — весело крикнул пан Клякса.

Но вдруг он заметил, что не хватает двух винтолетов. И тут же в наушниках раздался жалобный голос:

— Алло! Алло! Мы попали в плен... Не можем вырваться! Винты завязли в крыльях саранчи... О! О!

Пан Клякса протер очки и увидел вдали тучу саранчи; она медленно опускалась на остров, выступавший из моря.

Пан Клякса молниеносно повернул назад и стрелой бросился на помощь винтолетам, которым угрожала опасность. Верные сказандцы повернули за ним.

— Нападайте снизу! — кричал пан Клякса, и голос его раздавался во всех приемниках. — Постараемся их окружить. Но ни в коем случае не приземляться... Повторяю: не приземляться!

Благодаря энергичным мерам пану Кляксе удалось освободить один из захваченных винтолетов. Но другой медленно снижался, хотя дорога для возвращения была открыта. Его подхватила волна саранчи.

— Не приземляйтесь! — отчаянно кричал пан Клякса. — Ни в коем случае не приземляйтесь!

Но винтолет улетал все дальше и дальше, а из приемника неслись голоса:

— Мы видим на острове чудесный город... Необыкновенный город... Мы решили здесь остаться. Хватит с нас чернильной экспедиции! Алло, алло! Саранча полетела дальше. Снижаемся... Нас встречают флагами. Приземляемся! Вы слышите нас? Приземляемся...

Пан Клякса повернул руль и громко крикнул:

— Выровнять строй! Держаться курса!

Когда отряд точно выполнил приказ, пан Клякса передал очередное сообщение:

— Внимание, внимание! Мы оставили за собой Землю Металлофагов. Жители этой страны питаются металлом. Они не причинили бы нам зла, но съели бы все металлические части машин. Оттуда еще не вернулась ни одна экспедиция. Мы потеряли двух товарищей. Их погубило любопытство... Я ценю в людях любопытство, когда оно помогает лучше узнать жизнь. Теперь вы понимаете, почему я не разрешал приземляться. С вашими соотечественниками не случится ничего дурного, но они уже никогда не вернуться в солнечную Сказандию. Внимание! Сейчас семнадцать часов двадцать пять минут. Включить обогревающие пуговицы! Мы приближаемся к побережью Вермишелии.

ГЛАВМАКАРОН

Быстро опустилась субтропическая ночь. Пан Клякса в последний раз взглянул на карту, проверил положение звезд и в уме высчитал расстояние между ними.

— 67 254 386 257 100 356, — бормотал он. — Все верно. Разделим это на расстояние от Земли. Получаем 21 375 162. Учитываем угол наклона и извлекаем корень. Получаем 8724. Теперь отнимем количество пройденных миль. Остается 129. Сходится.

И действительно, скоро внизу появились огни. Издали казалось, что на огромном пространстве разбросаны десятки пылающих костров.

Пан Клякса пригладил растрепавшуюся бороду, одернул сюртук и торжественно произнес в микрофон:

— Друзья, ровно через семь минут мы приземлимся. После посадки держитесь возле меня... Конец передачи...

В приемниках послышался треск. Потом что-то ответил капитан, но его уже никто не слушал — винтолет пана Кляксы начал медленно снижаться. Одновременно зажглись четырнадцать красных предупредительных сигналов, и четырнадцать винтолетов с интервалом в одну минуту коснулись земли.

Кругом было темно, лишь кое-где вспыхивали догорающие костры. Путешественники окружили пана Кляксу, с тревогой всматриваясь в странные жилища, напоминавшие дупла. Но напрасно взгляд их искал хоть какое-нибудь живое существо. Город как будто вымер.

Пан Клякса, стоя, как обычно, на одной ноге, сложил руки трубочкой и сыграл “Марш оловянных солдатиков”.

Как по условленному знаку, из дупел стали выскакивать полуголые бородатые атлеты в пестрых полотняных юбочках.

Бородачи бросились разжигать угасающие костры, а семеро самых представительных приблизились к пану Кляксе и по оче-

реди низко поклонились ему. Потом они опустились на колени и трижды помели по земле бородами.

Пан Клякса сделал то же самое — из всех путешественников у него одного была борода.

После этих вступительных приветствий вермишельцы выстроились в ряд, и один из них произнес, издавая при этом носовые и гортанные звуки, напоминавшие бормотание индюка:

— Глуп-глор-гли-глов-гле-глит-глус-глот-глев-глу-гле-глим-глов-гла-глус.

Сказандцы, разумеется, не поняли ни словечка, но пан Клякса без запинки ответил по-вермишельски:

— Гли-глум-глы-глив-гла-глус-глат-гло-глиж-гле.

И добавил, обращаясь к сказандцам:

— Почему у вас такие удивленные лица?

Ведь каждый глупец знает, что вермишельский язык очень прост. Проявите каплю сообразительности, капитан, и тогда все сразу станет понятно. Просто-напросто в каждом слогe учитывается лишь последняя буква. Глип-гло-глон-гля-глет-глен-гло?

Вермишельцы были первобытным народом. Несмотря на огромную физическую силу, они отличались необыкновенным добродушием.

Свои дома они строили из тесаных бревен в форме шахматной туры. В каждую турu вел круглый вход, а над ним вместо окон находились два или три отверстия. Улицы шли перпендикулярно друг к другу, образуя правильную шахматную

доску. Перед каждым домом на кирпичных очагах стояли низкие глиняные котлы.

У всех вермишельцев были длинные бороды разного цвета, а у сановников — с кремовым оттенком, удивительно похожие на лапшу.

Сановники по очереди подходили к пану Кляксе, разглядывали его бороду и со знанием дела, как торговцы сукном, мяли ее пальцами.

Сановники с лапшовыми бородами составляли Важную Поварешку, или правительство Вермишелии. Самый старший из них, по имени Глас-глу-глип, носил титул Главмакарона, который в Сказандии соответствовал титулу Великого Сказителя.

Главмакарон взял пана Кляксу под руку и проводил путешественников в Правительственное Дупло. Это был большой зал с огромным столом посередине, а вдоль стен висело множество гамаков, сплетенных из цветных веревок. В окна падал неровный свет от пылающих на улице костров.

Прекрасные вермишельки внесли на подносах тарелки с дымящимся супом из лапши и любезным “глип-глюр-гло-глис-гли-глум” пригласили гостей к столу. Все сели за стол и с большим аппетитом съели по три тарелки вкусного супа. Других блюд в этой стране не знали.

После ужина пан Клякса, который уже прекрасно владел вермишельским языком, обратился к хозяевам:

— Уважаемый Главмакарон, и вы, члены Важной Поварешки! Мы необычайно рады, что прибыли в вашу страну, о которой много слышали. Благодарим вас за оказанное нам гостеприимство. Мы не станем злоупотреблять им. Хотя мы и не соседи, но я надеюсь, что между

Сказандией и Вермишелией сложатся наилучшие добрососедские отношения. Глу-глиц-гла! — что на нашем языке означает “ура”.

— Ура! — хором подхватили сказандцы.

Главмакарон встал, пригладил бороду и сказал:

— Может, мы и правда первобытные люди: нам неизвестны достижения современной техники. И все же мы

многое знаем. Мы слышали о тебе, почтенный доктор философии, химии и медицины. Имя славного ученого пана Кляксы известно нам так же хорошо, как имя незабвенного основателя Вермишелии — Супчика Ворчуна, прадеда нынеш-

него Великого Сказителя Сказандии. Много-много лет назад этот отважный мореплаватель потерпел кораблекрушение и высадился здесь со своим отрядом. Мы — их потомки. Супчик Ворчун создал наш язык, научил нас строить и привил нам чудесные бороды, о которых вы узнаете завтра. А сейчас отдыхайте. Вы, наверно, устали после долгого путешествия. Глу-глуп-гло-глик-гло-глай- глен-гло-глай-глуб-гло-глич-гли!

— Спокойной ночи! — хором ответили сказандцы, уже начинавшие понимать вермишельский язык.

Гостеприимные хозяева ушли, а пан Клякса многозначительно почесал голову и, стоя на одной ноге, сказал:

— Многому учат путешествия, но еще большему учат сказки. Историю, которую сейчас рассказал Главмакарон, давным-давно придумал Великий Сказитель, пятьдесят лет назад я услышал ее из уст доктора Пай Хи-во. А теперь пора спать! Спокойной ночи, капитан! Спокойной ночи, друзья!

Пан Клякса снял сюртук, вытянулся в гамаке и заснул, мурлыча во сне, как кот.

Сказандцы последовали его примеру.

ЧУДЕСНЫЕ БОРОДЫ

На следующее утро пана Кляксу разбудила тихая музыка. Это один из сказандцев, по имени Амбо, вытянувшись в гамаке, играл на своей неразлучной сказолине старую матросскую песенку:

*Ты веди нас в океан
По волне зыбкой.
Угости нас, капитан,
Золотой рыбкой.*

Пан Клякса стал посредине зала на одной ноге, сунул два пальца в рот и просвистел сигнал побудки. Спустя некоторое время вермишельки внесли на подносах чашки с томатным супом и рогалики из лапши.

После завтрака путешественники вышли на улицу; при свете дня город показался им гораздо красивее. Возле домов, похожих

на огромные пни, сустились вермишельки, одетые в разноцветные брюки и плетеные соломенные жилетки. На площадках дети играли в пятнашки и “классы”. Улицы утопали в зелени и цветах, а яркие колибри и попугаи, ручные, как курицы, клевали зерна, которые кидали им из окон девушки.

Но особенно пана Кляксу заинтересовало то, что делали мужчины. Они сидели возле костров, опустив бороды в котлы, и из каждой бороды варился какой-нибудь суп. Женщины поддерживали огонь в очагах, время от времени деревянными поварешками помешивали суп и пробовали его на вкус.

Здесь были бороды томатные, свекольные, фасольевые, луковые, шавелевые. Такими супами и питались вермишельцы. Но это еще не все. Когда в суп нужно было добавить какую-нибудь приправу, мужчины натирали свои бороды особыми помадами — специями. Пан Клякса сразу узнал хрен, соль, перец, майоран, но были и такие, которые великий ученый не смог назвать, а уж он-то знал толк в кухне.

— Гениально! Фантастично! — то и дело восклицал он и бегал от котла к котлу, пробуя разные супы.

Но удивление его перешло все границы, когда на улице появились члены Важной Поварешки: обходя котлы, они опускали в них свои бороды, добавляя в суп нужную порцию лапши.

Окончив стряпню, вермишельцы вытащили из котлов свои чудесные бороды, насухо вытерли их полотенцами. Девушки принесли тарелки и разлили суп, потчуют гостей и домочадцев.

Тут появился Главмакарон, и все почтительно приветствовали его.

В беседе с паном Кляксой глава Вермишелии рассказал, что лапшовые бороды выращиваются труднее всего. Только семь самых достойных вермишельцев могут ими похвастать. Но зато они должны заправлять лапшой все супы, а уж бульон и томатный суп подавно.

— Простите, ваше величество, — явно смущаясь, сказал пан Клякса. — Хотя я и профессор химии университета в Саламанке, но все-таки я хотел бы задать вам один вопрос: можно ли дважды варить одну и ту же лапшу, вермишель, макароны?

— Сколько угодно, — снисходительно улыбнулся Главмакарон. — В том-то и штука, что питательные свойства наших бород неиссякаемы — варите ее хоть трижды в день. А чтобы меню всегда было разнообразным, вермишельцы с разными бородами объединяются в семьи. Семь семей составляют общину. Мы, обладатели лапшовых бород, обслуживаем только общины: кормить каждого вермишельца в отдельности мы просто не в состоянии.

Сказанцы слушали рассказ Главмакарона внимательно, но без особого восторга.

Пан Клякса потихоньку вынул из кармана аппарат для угадывания мыслей и ехидно сказал своим товарищам:

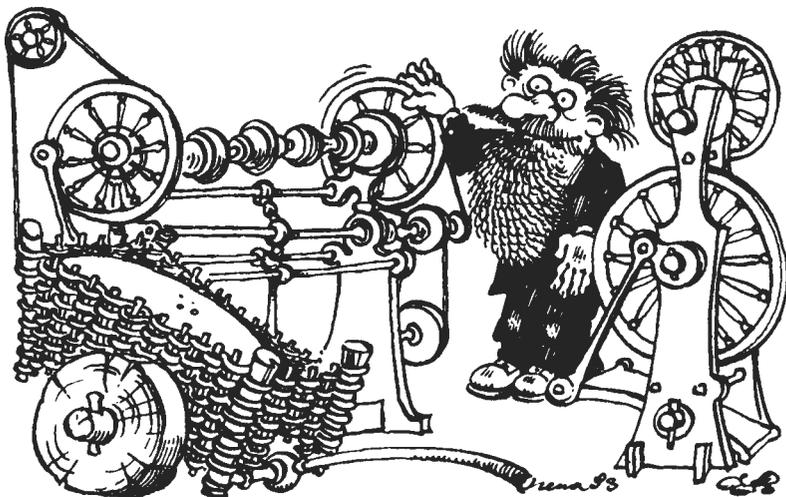
— Если я не ошибаюсь, друзья мои, вы уже мечтаете о бифштексах и говяжьей печенке. А вы посмотрите, какие великолепные богатыри выросли на здешних супах. Правда, жители этой страны не сочиняют сказок, но они прекрасны телом и душой.

После обеда члены Важной Поварешки вместе с Главмакароном повели гостей знакомиться с городом.

В историческом музее висел огромный портрет Супчика Ворчуна, поразительно похожего на Великого Сказителя. На

постаменты стояли глиняные статуи предыдущих Главмакаронов, а под стеклянным колпаком лежало что-то напоминавшее железо. Это действительно было железо — единственный кусок металла, который, по словам хозяев, уцелел в Вермишелии.

— Тридцать лет назад, — с грустью поведал Главмакарон, — на нас напали орды металлофагов. Они разорили нашу страну, сожрав все металлические предметы, которые с риском для жизни привезли из дальних странствий вермишельские мореплаватели. С тех пор мы решили обходиться без металла. Мы пользуемся только глиной, деревом и стеклом. Так мы обезопасили себя от нового вторжения варваров.

Знакомство с городом подтвердило слова Главмакарона. И в ткацких, и в столярных мастерских все инструменты и машины были сделаны из полированного стекла, обожженной глины и твердого дерева.

Ближе к вечеру Важная Поварешка устроила прием в честь гостей. Под пальмами на длинных столах были расставлены кувшины с душистым цветочным нектаром всевозможных сортов, лакомства из эвкалипта, фиников и орехов.

А вермишельцы уже хлопотали у костров, готовя ужин.
Вдруг пан Клякса сорвался с места и закричал, показывая на вермишельца с черной бородой:

— Есть!

Главмакарон, ничего не понимая, спокойно сказал:

Красивая борода, правда? В нашем городе таких только пять. Мы готовим из них черную краску.

Пан Клякса подскочил к чернобородому, схватил его за бороду и опустил ее в котел.

— Есть! — закричал он в восторге. — Смотрите, капитан!
Ведь это настоящие черные чернила!

Пан Клякса вытащил из кармана ручку, обмакнул перо в черную жидкость и стал что-то быстро черкать в блокноте.

— Смотрите! — кричал он сказандцам. — Что за чернила! Гениально! Фантастично! Мы должны любой ценой достать эту бороду! Возьмем ее в Сказандию! У нас будут чернила! Да здравствует черная борода!

Главмакарон только теперь понял, в чем дело. Он взял пана Кляксу под руку и торжественно произнес:

— Я и мой народ были бы безумно счастливы выполнить желание такого великого человека и ученого. Мы были бы рады подарить потомкам Супчика Ворчуна не одну, а целых сто таких бород. Но, увы, они не принесли бы вам пользы, дорогие друзья. Если бороды отрезать, они увянут, как трава.

— Ты огорчил меня, почтенный друг, — тихо сказал пан Клякса. — Очень огорчил. Но, может быть, ты хотя бы позволишь одному из твоих подданных покинуть вашу страну и отправиться с нами в Сказандию? Мы засыплем его цветами и сказками, а он будет варить нам из своей бороды прекрасные черные чернила...

— К сожалению, это невозможно! — ответил Главмакарон. — Наш организм не приспособлен ни к какой другой пище, кроме нашей. Не будем больше говорить об этом. — И, повернувшись к сказандцам, он радушно сказал: — Друзья, прошу к столу!

Но у пана Кляксы пропал аппетит. Он держался поодаль, долго раздумывал, стоя на одной ноге, и наконец объявил своим товарищам:

— Завтра чуть свет мы отправимся дальше. А теперь — спать.

Над городом опустилась ночь. Догорали костры. У вермишельцев не было искусственного освещения, его заменяла фосфорная приправа к супу, она помогала им видеть в темноте. Пану Кляксе и сказандцам пришлось на ощупь добираться до своих гамаков.

ПУТЕШЕСТВИЕ В БОЧКЕ

На рассвете капитан построил матросов в две шеренги и доложил об этом пану Кляксе.

— Вот теперь, капитан, ваши мысли мне нравятся, — сказал пан Клякса, взглянув на свой чудесный аппарат.

Когда путешественники вышли из Правительственного Дупла, их встретили дети и преподнесли каждому по букету цветов.

Вся дорога до площади, на которой стояли винтолеты, была усыпана цветами.

Главмакарон и Важная Поварешка приветствовали гостей, метя бородами по земле.

Но каков был ужас пана Кляксы, когда он увидел вместо винтолетов груды жалких обломков, разбросанных в траве. Кажется, здесь прошел ураган, который смял кабины, переломал моторы, превратил все в пыль и прах.

— Что все это значит? — воскликнул пан Клякса, весь дрожа от гнева.

— Прости, — пробормотал Главмакарон, — это сделали наши дети. У них ведь нет никаких игрушек, а в машинах столько шариков, колечек, пружинок... Бедные малыши не смогли удержаться и разобрали все по частям. Не сердись на них за эту невинную шалость. Они ведь не знали, что винтолеты вам еще понадобятся.

Тут пан Клякса вспомнил, что еще вчера заметил в руках у детей различные металлические предметы, после чего стал сомневаться в набеге металлофагов на Вермишелию. Теперь он в ужасе смотрел на погнутые поршни, поломанные трубы, искривленные винты и рычаги, на перекрученные алюминевые листы, из которых ребятишки строили себе домики в скверах.

— Мы погибли! — простонал капитан.

Сказандцы подняли отчаянный крик.

Матрос Амбо бросился к ребятишкам и хотел было уже поколотить их своей сказолиной, но его остановил свист пана Кляксы.

— Соблюдать спокойствие! — твердо сказал пан Клякса. — Слушать мою команду! Я знаю, что нужно делать!

Матросы затихли.

Главмакарон стоял, опустив правую руку, а левой медленно перебирал свою лапшовую бороду.

Пан Клякса обратился к нему:

— Нас постигло страшное несчастье — мы потеряли винтолеты. Мы не виним ваших детей, ведь они не желали нам зла. Но тем не менее нам надо двигаться дальше, и мы рассчитываем на вашу помощь. Дайте нам корабль или какое-нибудь суденышко, и мы сегодня же отправимся в путь.

Члены Важной Поварешки покивали головами и удалились на совещание. Главмакарон размышлял, почесывая нос. Потом он призвал к себе лапшовых сановников и вполголоса долго в чем-то убеждал их. Наконец он обратился к пану Кляксе:

— Достопочтенные гости! Мы решили отдать вам наше самое замечательное сооружение — Правительственное Дугло. Правда, оно больше похоже на бочку, чем на корабль, но зато крепко и надежно. В нем можно плыть хоть на край света. Через час мы доставим его на берег. Ступайте к морю и ждите нас там.

Пан Клякса, с трудом сдерживая волнение, обнял Главмакарона и произнес:

— Вы действительно благородные и великодушные люди! Мы рады, что доставили удовольствие вашим детям. Пусть наши винтолеты пойдут им на пользу.

— Да здравствует пан Клякса! — в волнении закричал Главмакарон.

А дети начали хором скандировать:

— Глук-глил-гля-грук-глес-гла! — и толпой побежали провозить путешественников до самого берега.

Вскоре послышался нарастающий гул, и на вершине заросшего цветами холма показалась огромная бочка. Ее катили сорок четыре дюжих вермишельца, а за ними шли вермишельские девушки, неся подносы с тарелками щавелевого супа.

Соблюдая все меры предосторожности, бочку медленно спустили на воду, поели щавелевого супа, и капитан отдал команду:

— Все по местам!

Тут на холме появились Главмакарон и Важная Поварешка. За ними, еле поспевая, грузчики везли на тачках густо просмоленные канаты.

Взобравшись на бочку, они сбросили канаты в воду. Моментально откуда-то вынырнула стая акул. Акулы жадно впились зубами в канаты и уже никак не могли от них освободиться, потому что густая смола, как тянучки, склеила им зубы.

— Это моя идея, — гордо сказал Главмакарон. — Акулы будут тянуть вас, как на буксире. А вот шест, который заменит вам руль.

Пан Клякса сердечно попрощался с вермишельцами, влез на бочку и выдвинул шест вперед, под самый нос акул. Один конец шеста матросы надежно прикрепили к бочке, к другому концу привязали Амбо. Он раскачивался на веревках, как на качелях.

При виде такого лакомого кусочка акулы рванулись вперед, натянув канаты, и бочка тронулась с места. И чем больше манила их желанная добыча, тем быстрее скользил по волнам необыкновенный корабль. Матросы спустились в трюм. Только пан Клякса стоял наверху, с грустью глядя на материк.

“Снова я отправляюсь в путь без чернил, — подумал он печально. — Но я не теряю надежды. О нет!”

Да, да, друзья мои, великие люди никогда не теряют надежды.

Яростно шлепая хвостами, акулы неслись вперед. Судно все дальше и дальше удалялось от берегов Вермишелии. На берегу еще долго маячила фигура Главмакарона, но вот и он скрылся из виду, а узкая полоска земли потонула во мгле.

Первые два дня все шло хорошо. Погода благоприятствовала путешественникам, а попутный ветер гнал корабль по назначенному курсу. Амбо, раскачиваясь на конце шеста, приманивал

акул, и они, не щадя своих сил, рассекали волны и несли корабль со скоростью двенадцать узлов.

Пан Клякса, стоя на руках, изучал автоматическую карту. Время от времени он ногами указывал нужное направление.

Тогда капитан передвигал шест то вправо, то влево и таким образом управлял судном.

Но матросы ходили с кислыми физиономиями. Вермишельцы дали им в дорогу два бака щавелевого супа, и от этой однообразной пищи команду уже мутило. То и дело пану Кляксе приходилось отрываться от карты, чтобы приободрить упавших духом товарищей.

— Что за суп! — восклицал он, поглаживая себя по животу. — Пальчики оближешь! В жизни не ел ничего

вкуснее! — Говоря это, он облизывался, высовывая язык чуть не до середины бороды, а потом для убедительности утплетал еще полную тарелку супа.

Тем временем изголодавшиеся акулы начали понемногу слабеть. К концу второго дня они лишь изредка, хищно скаля пасть, выскакивали из воды в надежде схватить Амбо, но тут же с шумом шлепались обратно.

На рассвете третьего дня, когда пан Клякса еще дремал в гамаке, насвистывая во сне “Марш гномов”, к нему ворвался испуганный капитан и закричал:

— Судно в опасности!

Пан Клякса, все еще бормоча и посвистывая, оттолкнулся ногами от гамака и одним прыжком очутился на палубе. Его сразу же обступили растерянные матросы. Дул страшный ветер. Борода пана Кляксы билась на ветру, как разорванный парус.

Обезумевшие от голода акулы кружились в погоне за собственными хвостами и тянули за собой корабль. В грохоте шторма

бочка как карусель крутилась на бушующих волнах.

Началась паника. Какой-то матрос снял башмаки и запустил ими в акул. Это привело акул в такую ярость, что они уперлись лбами в левый борт, пытаясь перевернуть судно.

Положение становилось угрожающим.

И вот тогда, заглушая все, прозвучал голос пана Кляксы:

— Прекратить панику! Кто не выполнит моего приказа, того за борт! Я с вами и спасу вас! Все по местам!

Матросы сразу же пришли в себя. Даже Амбо перестал лязгать зубами.

— Капитан, — гремел голос пана Кляксы, — приказываю вылить в море весь запас щавелевого супа!

Немедля по приказу капитана восемь рослых сказандцев прыгнули в трюм. Через минуту суп из обоих баков был вылит за борт в бушующее море. Отяжелевшие волны опали. Акулы, почувствовав наконец вкусную пищу, успокоились. Сытный щавелевый суп просачивался сквозь стиснутые зубы в их пустые желудки.

Пан Клякса, ухватившись одной рукой за шест, в надутым ветром сюртуке болтался над водой как воздушный шар и рассматривал акул. Вернувшись на палубу, он сказал капитану:

— Мы больше не можем рассчитывать на акул. Они все больны. У одних больше не разжимаются челюсти, у других — язва желудка, у третьих — антрофия почек и водянка. Они долго не протянут. Когда у них начнутся судороги, они потопят корабль. Суп не вернет им ни сил, ни здоровья.

— Что же нам делать? — побледнев, спросил капитан.

— Рубить канаты, — ответил пан Клякса, обеими руками выжимая бороду.

Капитан достал из ножен кортик, наточил его о подошву и перерезал канаты. Освободившиеся морские хищники перевернулись вверх брюхом и скрылись в волнах. Судно, избавившись от их тяжести, запрыгало как поплавок. Шторм стих. Измученные матросы почувствовали острый голод.

— Вам же не нравился шавелевый суп, — ехидно заметил пан Клякса. — Теперь, по крайней мере, вы не будете капризничать.

— Есть хочу! — закричал Амбо.

— Есть хотим! — подхватили сказандцы.

Пан Клякса вытащил из своих бездонных карманов горсть оставшихся питательных таблеток, которые он получил на дорогу от Патентоника ХХІХ. Капитан установил ежедневную норму по четверти таблетки на каждого.

— У нас кончается вода, — озабоченно сказал капитан. — Не знаю, дотянем ли до конца недели.

Но пан Клякса не слышал его слов. Он не хотел ни есть, ни пить. Он по-прежнему стоял на одной ноге и думал. Когда он рассматривал акул, из его сюртука выпали подарки Великого Изобретателя. Волшебные очки и аппарат для чтения мыслей пошли на дно. Автоматическая карта плавала где-то неподалеку. На ней можно было разглядеть только кусочек Бакланского моря и часть острова, до половины объединенного рыбами и напминавшего теперь полуостров.

Любой другой на месте пана Кляксы сразу растерялся бы. Да, да, любой другой. Но не пан Клякса. Этот великий человек стоял на одной ноге и думал. А борода его указывала на юг. Он созвал матросов, приказал им поднять шест, к которому раньше был привязан Амбо, и крепко держать его. Потом вскарабкался наверх и, уцепившись одной рукой, повис в воздухе. Ветер надул его широкий сюртук, карманы и жилет, и судно под парусом устремилось туда, куда показывала борода пана Кляксы. Матросы, судорожно сжимали шест, с трудом удерживая его в вертикальном положении, а капитан запел гимн Сказандии:

*Эту песню подхватите,
Пусть услышит нас весь свет!
Правь, Великий наш Сказитель,
Много, много, много лет.*

Все с радостью подхватили эту великолепную песню в честь Великого Сказителя, потом наступила тишина. Каждый принялся сочинять свою ежедневную сказку.

С наступлением ночи пан Клякса по шесту спустился вниз, а команда удалилась на отдых.

— Я остаюсь на вахте, — заявил пан Клякса, — я умею спать с открытыми глазами, к тому же я очень люблю смотреть на луну. Мой учитель в Саламанке научил меня использовать силу лунного притяжения в дальних плаваниях.

Вскоре из трюма донесся храп двадцати пяти матросов. Только капитан бормотал во сне сказку о том, как у акулы заболел зуб и она заплумбироваала его золотой рыбкой.

А пан Клякса бодрствовал на палубе, вглядываясь в луну. В полночь он заметил на ней отражение шхуны, паруса которой были похожи на три облачка. Быстро прикинув в уме, пан Клякса определил курс шхуны, ее расстояние от вермишельской бочки и среднюю скорость.

“В пять пятнадцать мы увидим ее с правого борта, — подумал он. — В пять сорок пять мы будем от нее на расстоянии голоса. В пять нужно будить команду!”

Приняв такое решение, пан Клякса расстелил на палубе сюртук и буркнул под нос:

— А теперь Амброжи спать ложится тоже.

Великий ученый любил иногда поговорить сам с собой в рифму.

Тучи закрыли луну. В ночной тишине слышался только храп сказандцев, бормотание капитана и плеск волн. На поверхности моря кое-где поблескивали электрические рыбы. Пан Клякса растянулся на сюртуке и уснул с открытыми глазами.

АПТЕЧНЫЙ ПОЛУОСТРОВ

Ровно в пять часов матросов разбудила команда:

— Подъем! Вставайте!

Экипаж выстроился на палубе, и пан Клякса, поглаживая бороду, торжественно произнес:

— Капитан! Матросы! Сказандцы! Через минуту на горизонте покажется корабль. Я еще не установил, под каким флагом он плывет. Я знаю многих капитанов дальнего плавания. Корабль, вероятно, примет нас на борт, и мы благополучно продолжим нашу экспедицию. Чернила прежде всего! Вольно!

Затем матросы получили по порции питательных таблеток, допили остатки воды и принялись за свои обычные занятия. Море было спокойное и гладкое, как озеро. По временам поющие рыбы высывывали из воды овальные мордочки, и тогда раздавались тихие звуки, словно где-то рядом пищал комар или играла музыкальная шкатулка.

Как предсказывал пан Клякса, в назначенное время на фоне восходящего солнца показались три серебристых, надутых ветром паруса. Матросы сбежали на нос корабля и, размахивая руками, заорали что есть мочи:

— Эй! На помощь! О-го-го!
Цып-цып-цып!

Пан Клякса приказал матросам замолчать и собрал команду. Он построил матросов пирамидой, сам вскарабкался наверх и молча стал всматриваться в даль. Нам уже известна необыкновенная изобретательность великого ученого. На этот раз он скосил зрачки к носу, слил два взгляда в один, и сила зрения удвоилась. Через минуту сказандцы услышали отрывистые слова:

— Вижу... На палубе люди в белом... Флаг... Не могу разгля-

деть... Ага! Теперь вижу... Так оно и есть... Череп... Понятно... Корабль пиратский... Пираты возьмут нас в плен и потребуют выкупа... Не тряситесь, черт побери!.. Не я первый стану пленником пиратов. Много лет назад то же самое случилось с Юлием Цезарем... Кто там дрожит? Не бойтесь! Амброжи Клякса с вами!.. Что? Вы не знаете, кто такой Юлий Це?..

К сожалению, эту фразу пан Клякса не успел закончить. Матросов вдруг охватил такой страх, что пирамида зашаталась, наш ученый рухнул за борт и исчез в пучине. Однако он тут же выплыл на поверхность, выпуская изо рта фонтаны воды, как кит. Вдруг рядом с ним появились две рыбы-пилы.

— Они его перепилят! — отчаянно завопил боцман Терно.

— Человек за бортом! — как полагается в таких случаях, крикнул капитан.

Но, прежде чем кто-либо успел броситься на помощь, пан Клякса с ловкостью заправского наездника вскочил верхом на одну из рыб и заставил ее перепилить другую. Затем он подплыл к кораблю, приказал спустить шест и взобрался по нему на палубу.

— Нет ничего полезней морского купания, — весело сообщил он.

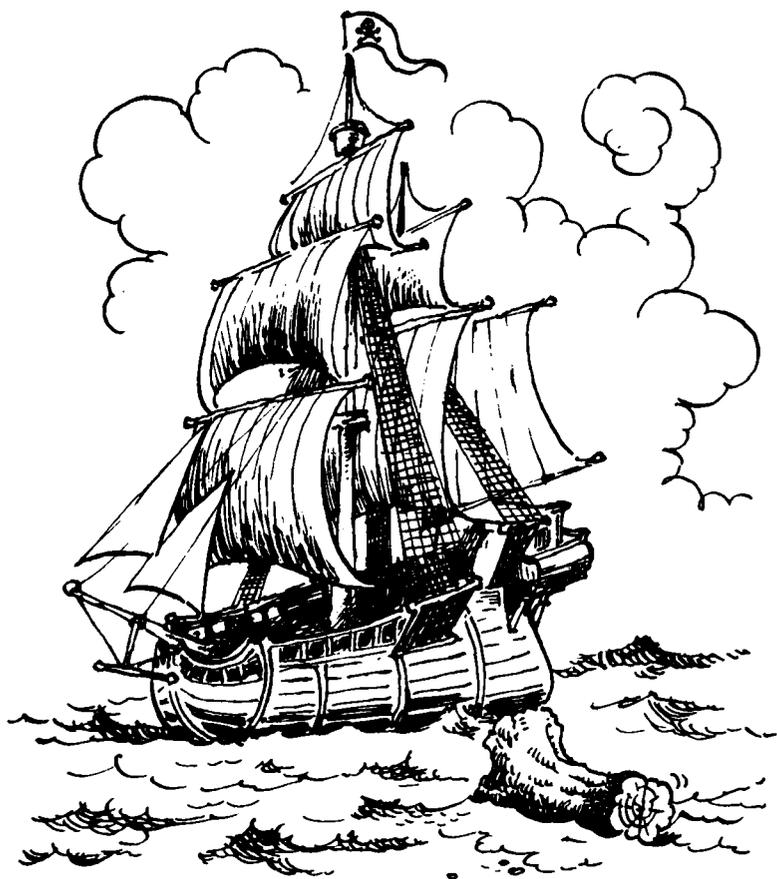

Тем временем шхуна приблизилась уже настолько, что на ней можно было разглядеть людей в белых халатах.

— Они похожи на врачей или санитаров, — заметил капитан.

— Ясно вижу название корабля! — закричал Амбо.

— Не кричи, у меня барабанные перепонки лопнут! — осадил его пан Клякса. — Я уже давно вижу надпись на борту. Шхуна называется “Пилюля”.

Когда корабль подошел поближе, капитан, размахивая руками, просигналил:

“Нуждаемся в помощи. Вы пираты?”

С “Пилюли” человек в белом халате ответил двумя флажками:

“Мы флагманский корабль всемилостивейшего Магистра Микстурия П, Удельного Провизора Аптечного полуострова и

обеих Рецептурий. Принимаем вас на борт "Пилюли". Держитесь наветренной стороны. Начинаем маневрировать. Подходим".

— Слава Микстурию Второму! — закричал капитан.

— Слава! — подхватили сказандцы.

— Понятно, — поразмыслив, сказал пан Клякса. — Череп — это просто символ ядовитых лекарств в аптеках. С пиратами было бы легче договориться. Но ничего не поделаешь, у нас нет выбора.

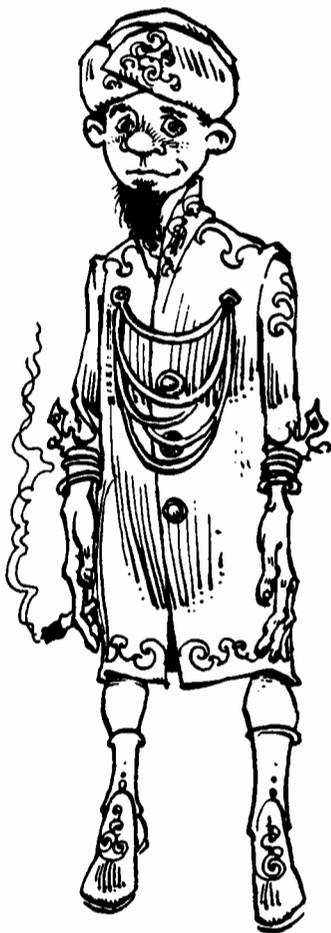
"Пилюля", воспользовавшись легким бризом, приблизилась к судну сказандцев и встала с ним борт о борт.

— Пересаживаемся! — крикнул пан Клякса и первым прыгнул на палубу шхуны.

Вслед за ним гуськом двинулся экипаж бочки. Последним сошел капитан. Через минуту Правительственное Дупло вермишельцев одиноко качалось на волнах.

На "Пилюле" наших путешественников встретили весьма радушно. Обе команды выстроились на палубе, и капитаны кораблей оказали друг другу положенные почести. Пан Клякса стоял в стороне и с любопытством наблюдал за церемонией. Все подданные Микстурия II были одеты в белоснежные халаты. Лица их украшали узкие короткие бородки, подстриженные клином. От людей исходил резкий запах лекарственных трав.

По окончании торжественной церемонии на палубу парадным

шагом вышел Первый Адмирал Флота в халате, расшитом золотыми галунами, и с султаном на голове. Он поклонился пану Кляксе и сказал по-латыни:

— Я Алойзи Пузырь, воспитанник знаменитой академии пана Кляксы.

Запели фанфары. Зазвучали гимны Сказандии и Аптечного полуострова, а также личный гимн нашего ученого. Он стоял, гордо выпрямившись, выпятив живот. Когда оттремели последние звуки, он взволнованно сказал:

— Я Амброжи Клякса.

Первый Адмирал сердечно обнял его и поцеловал в обе щеки.

— Я тебя помню, — растрогался пан Клякса. — Когда-то в наказание я открутил тебе руки, ноги и голову и запер в чемодан. Давненько это было, мой милый Пузырь!

— Друзья, — воскликнул Первый Адмирал Флота, — займитесь нашими гостями! Дорогой профессор, прошу оказать мне честь пообедать со мной.

Он взял пана Кляксу под руку и проводил его в адмиральскую каюту. Им было что рассказать друг другу — ведь они не виделись около тридцати лет.

Пан Клякса узнал о том, как полвека назад было основано государство фармацевтов, куда съехались аптекари из разных стран. Теперь под руководством Микстурия II здесь разрабатываются всевозможные новейшие лекарства — таблетки, капли, мази и микстуры — и посылаются в аптеки всего мира.

— Но мы, кажется, заболтались, а наш обед стынет, — сказал наконец Первый Адмирал Флота. — Стюард, можно подавать!

Их обед состоял из весьма оригинальных блюд. На первое — суп из подорожника, на второе — битки из столетника в ромашковом соусе и салат из липовых цветов, а на третье — оладьи из льняных семян, политые ментоловым соком. Под конец подали напиток из хвоща и шалфея. После обеда Первый Адмирал Флота закурил оздоровительную папиросу и, затянувшись несколько раз, сказал:

— Мы возвращаемся из кругосветного путешествия. Мы продали партию лекарств и закупили лечебные травы, которыми питается население нашей страны. Это полезно и очень вкусно. Вы согласны, дорогой профессор?

— Гм... да, конечно... — любезно ответил пан Клякса, запивая терпким напитком горечь, оставшуюся во рту.

Как полагается хорошо воспитанному человеку, он похвалил адмиральскую кухню, но с тоской подумал о сказандцах. Надоевший им шавелевый суп мог тут сойти за королевское лакомство.

Дружескую беседу старых знакомых прервал капитан “Пилюли”, доложивший, что уже показались берега Аптечного полуострова.

— Может, выйдем на палубу? — предложил пан Клякса, который задыхался от папиросного дыма.

Шхуна быстро приближалась к гавани. Издалека был виден город, раскинувшийся на холме. Его стеклянные здания блестели в лучах заходящего солнца.

Наконец оркестр заиграл туш, и корабль величественно вошел в порт.

Столица государства была застроена длинными стеклянными павильонами, сходившимися наподобие звезды к центральной площади. Здесь стоял памятник Магистру Микстурию II, основателю города и первооткрывателю витаминов. В павильонах изготавливались лекарства, а жилые помещения находились под землей. Впрочем, население Аптечного полуострова насчитывало всего лишь 5555 человек, из них 555 женщин. Остальные были мужчины. Детей вообще не было. Магистр Микстурий II изобрел омолаживающие таблетки, и население страны оставалось неизменно в одном и том же возрасте. Поэтому смена поколений стала ненужной, а дети — лишними. Народу не убывало и не прибывало.

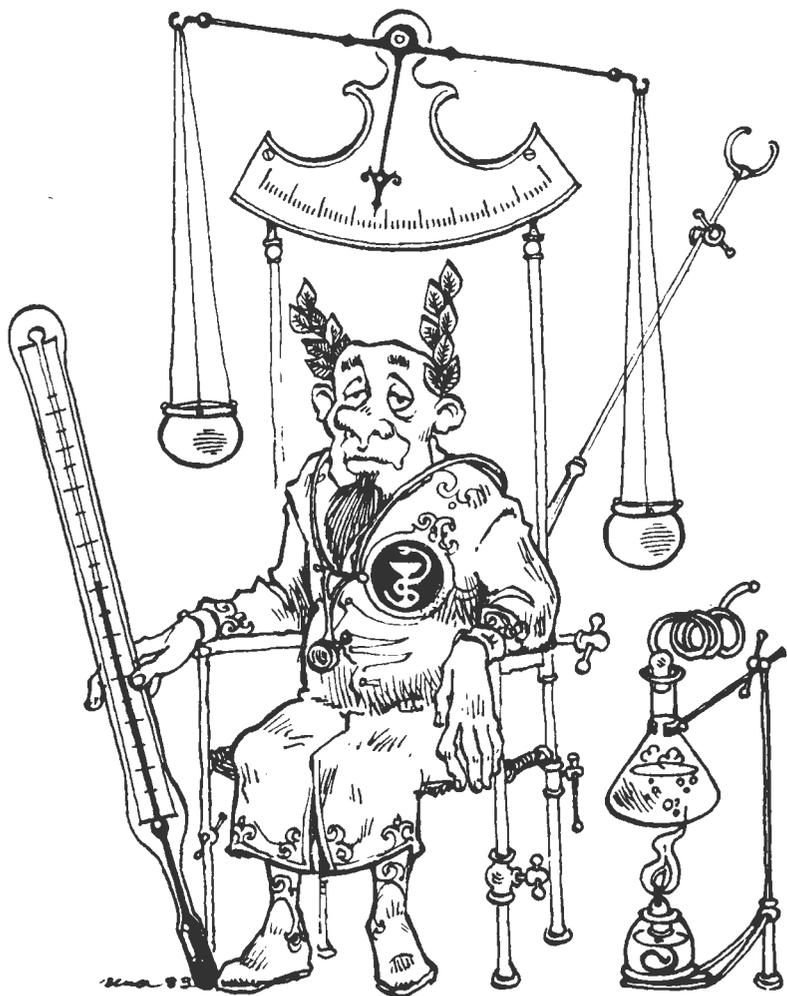
Омолаживающие таблетки находились под строгой охраной, а секрет их производства был известен только правителю страны.

— Почему вы не хотите осчастливить своим открытием все человечество? — спросил пан Клякса у одного из сановников.

— Но это же понятно, — ответил тот. — Мы не хотим, чтобы в других странах перевелись дети. Мир без детей был бы так же скучен, как наш полуостров.

Сказав это, сановник полой халата утер слезы и тяжело вздохнул.

Но вернемся к Первому Адмиралу Флота.

По прибытии в столицу он немедленно проводил пана Кляксу во дворец Магистра Микстурия II. Это был скучный и серьезный правитель. На его голове покоился лавровый венок, а халат украшал вышитый золотом аптекарский герб. В руках вместо жезла он держал большой градусник.

— Я рад видеть у себя столь знаменитого ученого, сказал Микстурий II. Позволь, высокочтимый гость, я лично в знак особого уважения измерю тебе температуру.

И он сунул градусник под мышку пану Кляксе.

— Тридцать семь и одна... Дворецкий, угостите нашего гостя аспирином и дайте нам отвар из медвежьих ушек.

Осушив традиционную чашу дружбы, Микстурий II в сопровождении свиты отправился показывать пану Кляксе город. На улице к ним присоединились остальные сказандцы.

Вскоре они очутились на центральной площади.

Указывая градусником на стеклянные павильоны, Удельный Провизор сказал:

— В каждом павильоне производится определенный вид лекарств. Вот в этом мы делаем капли, от валерьяновых до глазных. В следующем павильоне — масла: касторовое, льняное, камфорное и другие. Дальше — мази и притирания. Еще дальше — отвары из трав. А вон в том, самом высоком павильоне, похожем на мельницу, мы изготовляем порошки. А вот в этом — пилюли, пастилки и таблетки. А в этом — мальвовые и эвкалиптовые конфеты от кашля. И так далее, и так далее. Но войдемте внутрь.

Застекленные двери павильона распахнулись настежь, и весь кортеж оказался в огромном зале, где несколько десятков женщин разливали в бутылочки разноцветные снадобья, микстуры и капли.

Все эти женщины в белых халатах были одного возраста и выглядели совсем как мужчины. Только бород у них не было.

Пока гости осматривали новое оборудование, младшие служащие разносили на подносах прохладительные напитки из трав. При виде этих напитков сказандцы неприлично кривились. Только пан Клякса, чтобы спасти положение, осушал один бокал за другим и делал вид, что ему напитки нравятся. Вдруг глаза его ярко заблестели. Растволкав сказандцев, пан Клякса побежал к одному из подносов и схватил стоявший на нем стакан.

— Есть!.. Вот то, что я искал! — воскликнул пан Клякса. Стакан был до краев наполнен иссиня-черной жидкостью.

— Чернила! — не унимался пан Клякса. — Настоящие чернила! Дайте перо и бумагу!

— Увы! — воскликнул Первый Адмирал Флота. — Это отвар корня семицвета. Он похож на чернила, но очень неустойчив и при охлаждении испаряется.

Алойзи взял стакан из рук пана Кляксы и выплеснул горячую жидкость на каменный пол. Она растеклась черными струйками, но сразу же синим облачком поднялась вверх и исчезла, не оставив ни малейшего следа.

— Черт бы побрал все эти семицветы! — простонал пан Клякса. — Чем же вы, аптечные головы, пишете? Молоком? Или, может быть, водой?

Никто не ожидал от него такой вспышки гнева. Но пан Клякса взял себя в руки, встал на одной ноге и в такой смиренной позе попросил прощения у хозяев.

— Скажи, Алойзи, мой старый ученик, чем вы пишете? — спросил он, совсем успокоившись.

— Мы вообще не пишем, — ответил Первый Адмирал Флота. — Это занятие пристало канцелярским крысам, но не нам, фармацевтам. Просто каждый из нас знает в своей области на память тысячу двести рецептов. Этого нам вполне достаточно.

Пан Клякса моментально помножил 5555 на 1200.

— Шесть миллионов шестьсот шестьдесят шесть тысяч! — объявил он с восхищением. — Да, этого наверняка должно хватить.

— Дворецкий, — сказал Микстурий II, — подайте гостям хинина и настойку агавы.

Пока разносили подносы, Первый Адмирал Флота наклонился к пану Кляксе и доверительно прошептал на ухо:

— Уважаемый профессор... Мы гениальные фармацевты, но нам не хватает опытных моряков. Я хотел бы завербовать пятерых сказандцев для моего флота. Помогите мне.

— Ты с ума сошел, Алойзи! — возмутился пан Клякса. — Посмотри на их кислые физиономии и ввалившиеся животы... Они перемрут как мухи от ваших травок. К такой кухне нужно привыкнуть с детства. Выкинь это из головы, Алойзи.

И, гневно фыркнув, он повернулся спиной к своему воспитаннику в знак того, что не намерен больше разговаривать на эту тему. И поэтому пан Клякса не заметил на лице Первого Адмирала выражения злобы и коварства, иначе с этой минуты он вел бы себя осторожнее.

Да, трудно поверить в то, что случилось потом.

Под вечер пан Клякса решил покинуть Аптечный полуостров и пуститься в дальнейший путь. Но тут оказалось, что нет пятерых сказандцев — они исчезли, испарились, как камфора. Длительные поиски не дали никаких результатов.

— Проводите меня к Удельному Провизору, — потребовал наконец пан Клякса.

— Удельный Провизор Микстурий II не желает больше иметь дело с чужеземцами, которые не сумели оценить его гостеприимство, заявил Первый Адмирал со злорадной усмешкой.

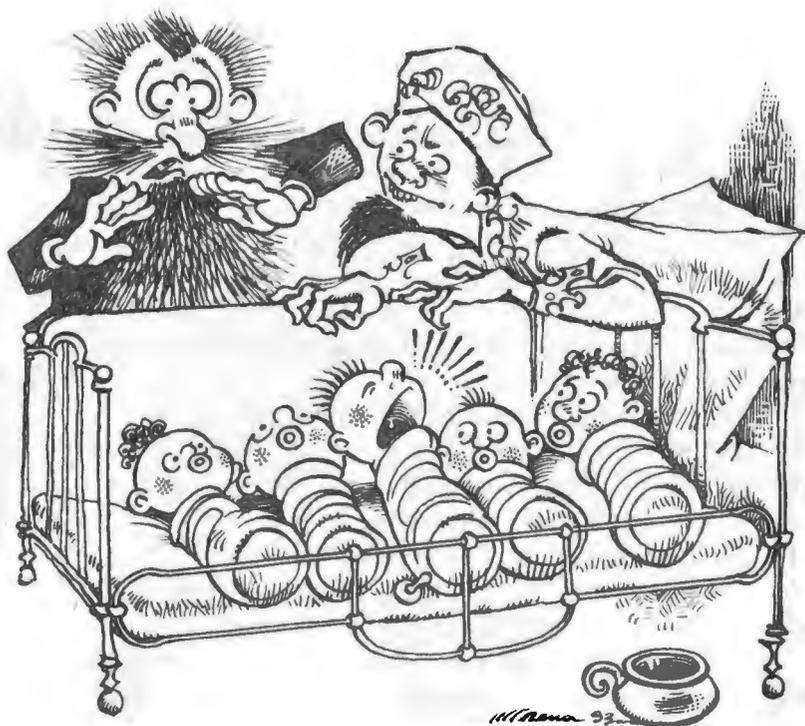
— Что все это значит? — грозно крикнул пан Клякса. — Я требую немедленных объяснений! Опять ты принимаешься за старые фокусы?

— Да, да! Опять! — нагло ответил Алойзи. — Хотите увидеть пропавших сказандцев? Сейчас я их вам покажу.

Он резко ухватил пана Кляксу за полу сюртука и, давась от смеха, потянул его в подземелье. Из глубины коридора доносился детский плач.

Первый Адмирал открыл какую-то дверь, и глазам пана Кляксы предстала необычная для этой страны картина. На широкой кровати в пеленках лежало пятеро младенцев. Четверо сосали соски, а пятый орал во все горло.

— Вот ваши сказандцы, — злорадно захохотал Первый Адмирал. — Они будут с детских лет привыкать к нашей кухне... Кажется, так вы советовали, ха-ха-ха! Они получили солидную

порцию омолаживающих таблеток. Уж я не поскупился! Неплохо я омолодил их, а? Ха-ха-ха!

Оцепенев, пан Клякса смотрел на младенцев. Их лица были ему знакомы: он понял, что это его товарищи. Вон тот, плакса, это... капитан! Рядом — боцман Терно, дальше — Амбо и еще двое матросов.

— Слушай, Алойзи... — тихо сказал пан Клякса сдавленным голосом, от которого мороз пошел по коже. — Слушай, Алойзи, ты всегда был позором моей академии. А сейчас ты стал позором человечества! На этот раз тебе удалось провести меня, но запомни: я еще придумаю такое, что от тебя останется мокрое место. Понимаешь? Мо-кро-е мес-то! Запомни это, Алойзи Пузырь! — И, резко повернувшись, пан Клякса вышел из комнаты.

Вдгонку ему по коридору неся хохот Алойзи и отрывистые выкрики:

— Старый мухомор! Надутая жаба! Ха-ха!

На город опустилась ночь. Стеклянные павильоны озарились огнями.

Пан Клякса побегал на площадь, где, сбившись в кучу и сидя на голой земле, ожидали его сказандцы. Кроме них, на площади не было ни души.

— Не падайте духом! — сказал пан Клякса. — Мы покидаем эту сумасшедшую страну. Будем продвигаться в глубь материка. У нас еще все впереди! Правда, мы потеряли пятерых товарищей, но нас еще осталось двадцать два. За мной!

Этот великий человек никогда не терял надежды. Он выставил вперед свою пышную бороду и уверенно двинулся в непроглядную тьму. Ведь он отлично видел в темноте. За ним на ощупь потянулись голодные и измученные матросы.

При свете мерцающих звезд фигура пана Кляксы казалась огромной.

Да, друзья мои, это был действительно необыкновенный человек!

КАТАСТРОФА

Путешественники шли всю ночь. Стараясь развеселить сказандцев, пан Клякса без умолку рассказывал им о разных приключениях, выдуманных и настоящих, вспоминал Алойзи, доктора Пай Хи-во и даже принца, превращенного в скворца Матеуша. Но рассказами пустой желудок не наполнишь.

Струдом пробирались путники в глубь материка. От горячего тропического ветра у них растрескались губы и страшно хотелось пить. Пан Клякса легко ориентировался без карты. Он полагался на удивительные особенности своей бороды, которая не только указывала направление, но и определяла, где находится вода и пища.

— Выше голову! — время от времени восклицал пан Клякса. — Мы приближаемся к реке... Я уже чувствую запах ананасов и фиников... Я вижу даже кокосовые орехи... Скоро будет обед!

При мысли о сочных фруктах матросы повеселели и ускорили шаг.

Рассвет наступил быстро и незаметно. Перед глазами путешественников предстал диковинный пейзаж: среди буйной зелени мелькали разноцветные птицы и порхали огромные бабочки. В густой траве, как серебряные монеты, звенели и гудели бесчисленные насекомые. Невдалеке виднелся бамбуковый лес.

Неиссякаемая изобретательность подсказала пану Кляксе прекрасную идею.

— Достаньте топоры и ножи! — крикнул он сказандцам. — Мы сделаем из бамбука быстроходные ходули.

Матросы с энтузиазмом принялись за работу.

Через полчаса каждый из них держал в руках по два длинных бамбуковых шеста. Из ремней сказандцы сделали петли для ног, наподобие стремян.

— Вперед! — скомандовал пан Клякса. — Смелей! Не бойтесь! Используйте гибкость бамбука! Отталкивайтесь посильнее!

Действительно, высокие ходули оказались необычайно эластичными, и, отталкиваясь от земли, путешественники скакали легко, как кузнечики. У пана Кляксы был всего лишь один шест, но и с ним он совершал гигантские прыжки и все время обгонял матросов. Поверьте мне, друзья мои, что легкость, с какой великий ученый взлетал вверх и приземлялся через полмили, вызывала всеобщее восхищение. Он словно превратился в кенгуру, а некоторым матросам даже казалось, что полы сюртука заменяют ему крылья.

Путешественники так быстро скакали на ходулях-скороходах, что пан Клякса едва успевал выкрикивать с высоты своего шеста:

— Пройли десять миль! Гоп!.. Еще десять миль! Гоп!... Еще сто миль — и мы у цели! Летим дальше! Прыгайте! Гоп!

Через час вдали показались пальмы. Проголодавшиеся сказандцы жадно набросились на плоды, свисавшие с деревьев. Они уплетали ананасы, топорами рассекали кокосовые орехи и залпом выпивали освежающее молоко.

— Остановитесь! — кричал пан Клякса. — Остановитесь, или вы заболаете от обжорства! А может быть, вам захотелось вернуться к этим аптекарям за касторкой?

При одном лишь упоминании об аптекарях сказандцы сразу же образумились: пыхтя, они слезли с ходуль и легли на землю.

Только тогда пан Клякса сбил шестом ветку фиников и скромно позавтракал: ведь он вообще ел очень мало, предпочитая питаться той едой, которая ему снилась.

Хорошенько отдохнув, путешественники тронулись дальше. Они изнемогали от зноя и изо всех сил спешили к реке, которую пан Клякса высмотрел в пятидесяти милях к югу.

— Я ее вижу! — кричал великий ученый, прыгая полумильными скачками. — Мы великолепно искупаемся, если только нас не слопают крокодилы. Я очень уважаю этих почтенных животных. Они просто не подозревают, что люди не любят, когда их едят. Придется им это объяснить. Я умею разговаривать с животными. Я окончил в Саламанке Институт Звериных Языков. Кроме того, я знаю несколько наречий птиц и насекомых. А доктор Пай Хи-во умел разговаривать даже с рыбами. Но для этого нужно иметь третье ухо... Смотрите! Вот мы и на месте.

Путешественники оказались на берегу необычайно широкой реки.

Медленно и величественно катились ленивые волны цвета пива, кое-где образуя пенные водовороты. От реки веяло свежестью и прохладой. В прибрежной пойме грелись на солнце крокодилы.

Пан Клякса снял башмаки и носки, засучил до колен брюки и вошел в воду. Крокодилы спокойно зашевелились. Пан Клякса смело направился к ним. Крокодилы разинули пасти, а один из них громко щелкнул зубами и угрожающе ударил хвостом по воде. Но пан Клякса бесстрашно шел дальше. Приблизившись к крокодилам, он о

Мена 93

чем-то долго говорил с ними, оживленно жестикулируя. Сказандцы не слышали ничего, они только увидели, как крокодилы, покорно кивая головой, попятились, потом нырнули в воду и поплыли восвояси.

Да, да, друзья мои, пан Клякса действительно был необыкновенным человеком.

Когда он вернулся к своим товарищам, казалось, что он продолжает разговор с крокодилами. Он бормотал какие-то непонятные слова, которые звучали примерно так:

— Кра-ба-ба... кру... кру... бу-кра... бу-кру-кру...

Трудно, однако, поверить, чтобы именно так звучал крокодилий язык.

Путешественники вмиг разделись и попрыгали в воду. Они плескались, ныряли, плавали и визжали от восторга, как дикари. А пан Клякса купался возле берега, держась в стороне от всех. Дело в том, что у него на груди была магическая татуировка, которую он хранил в тайне. Кто знает, может, там был словарь звериного языка? А может, премудрости доктора Пай Хи-во?

Искупавшись, путешественники еще раз подкрепились и по приказу великого ученого принялись сооружать плот. Они связали ремнями бамбуковые шесты, покрыли их слоем пальмовых листьев и со всех сторон прикрепили поплавки из пробкового дерева. Пан Клякса со знанием дела руководил строительством.

Да, да, друзья мои, изобретательность пана Кляксы была поистине неисчерпаемой.

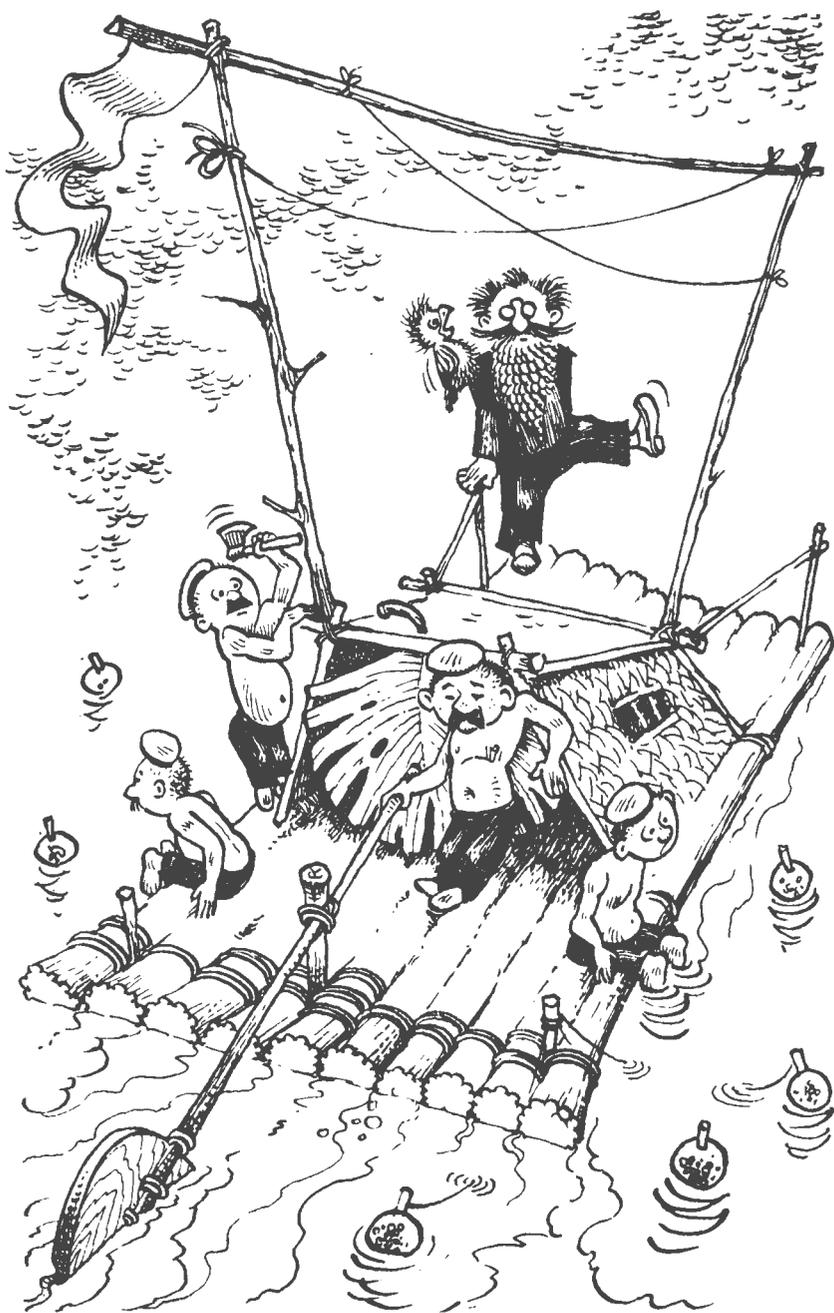
В пять часов он построил всех сказандцев и обратился к ним:

— Не будем забывать главной цели нашего путешествия. Сказандия ждет чернил, и мы должны эти чернила достать. Пусть меня назовут Алойзи Пузырем, если я не выполню обещания, данного Великому Сказителю. Боцман Кватерно! Шаг вперед! Назначаю тебя капитаном! Команде занять свои места! Вольно!

Вскоре плот отошел от берега. Пан Клякса стоял впереди на одной ноге и, поглаживая свою окладистую бороду, смотрел вдаль. На плечо ему уселся пестрый попугай и стал клевать его в ухо. Но пан Клякса не обращал на попугая никакого внимания. Он высчитывал расстояние до неведомой страны и вскоре установил, что она лежит на правом берегу, за двадцать седьмым поворотом реки.

— Не надо терять надежды, — наконец прошептал он. — Пусть меня назовут Алойзи Пузырем, если я вернусь в Сказандию с пустыми руками.

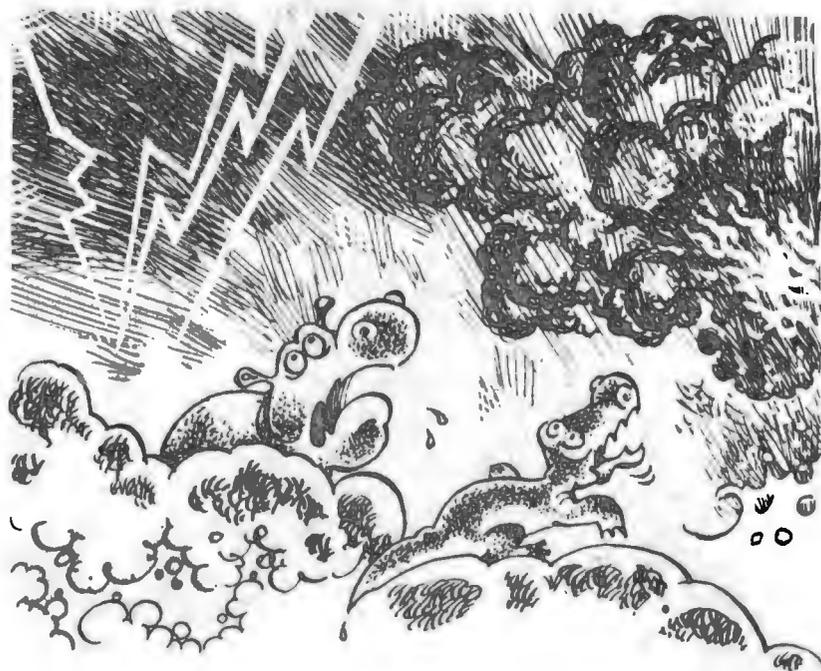
Капитан Кватерно умело вел плот. У руля стоял старый моряк Лимпо. Голые до пояса матросы за несколько дней загорели и стали совсем бронзовыми. Только пан Клякса был верен своим привычкам. Он стоял на посту в сюртуке и жилете, как всегда в жестком воротничке, с изящно завязанным галстуком. Это был человек не только великого ума, но и неколебимых принципов.

После двух недель спокойного плавания наступил период тропических дождей. Дождь лил как из ведра, гремел гром; молнии, раскалывая черное небо, то и дело озаряли прибрежный лес.

То тут, то там возникали пожары, вызывая переполох среди птиц.

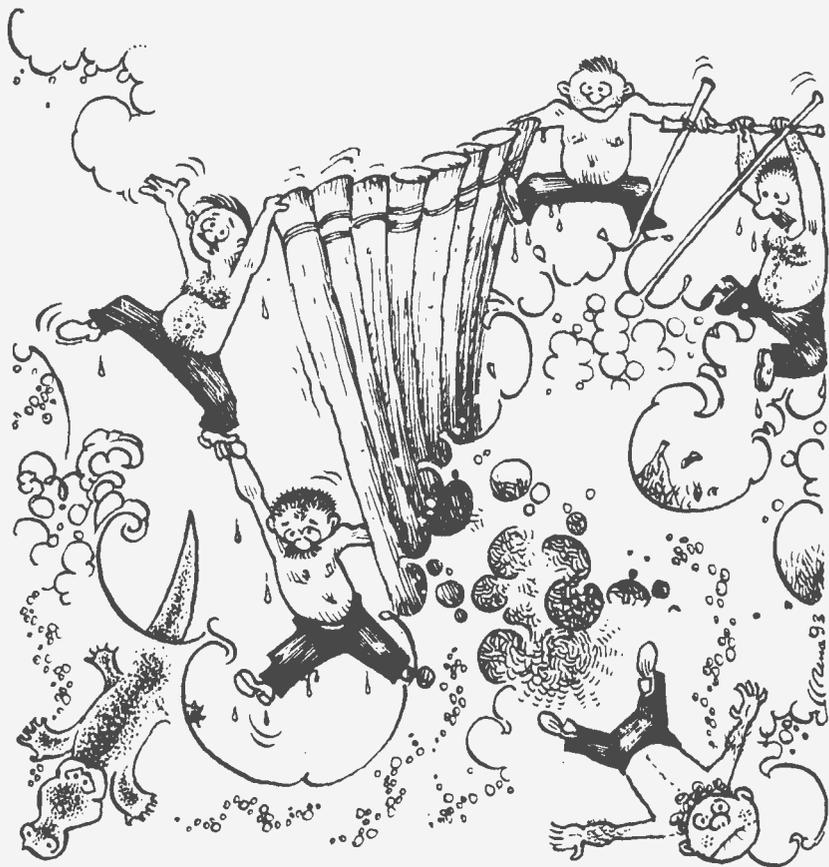
Бегемоты и крокодилы в панике ныряли под воду при каждом ударе грома.

Казалось, вся природа ополчилась на путешественников. Плот то вздымался на гребень волны, принимая почти вертикальное положение, то погружался в бушующую пучину, но всякий раз снова выплывал на поверхность. Матросы, судорожно уцепившись за кожаные крепления, спасали тех, кого срывало волной.

На правом берегу реки пылали леса. Левого вообще не было видно.

Морская буря показалась бы детской игрушкой по сравнению с этим бешеным потоком с его водоворотами, с несущимися гигантскими стволами и обезумевшими зверями и гадами.

Неустршимый пан Клякса с развевающейся бородой, балансируя то на одной, то на другой ноге, стоял на носу плота.

— Выше голову! — кричал он лежащим на животе сказандцам. — Все идет хорошо! Осталось всего восемнадцать поворотов. Мы приближаемся к цели! Не бойтесь! Я с вами! — И, чтобы ободрить матросов, пан Клякса проделывал опасные трюки: он

вскакивал на спину бегемота, хлопал его по голове и громко покрикивал: — Гип-гип! Гип-по! Гип-по-по! Там-там!

Отплыв на порядочное расстояние, пан Клякса отталкивался от бегемота и прыгал обратно на плот. При этом он махал в воздухе руками, как заправский пловец.

После каждой такой прогулки на бегемоте он вытаскивал из карманов несколько дюжин летающих рыб, которых ловил по дороге, и бросал голодным матросам. Сказанцы долго терли рыб друг о друга, пока под действием трения они слегка не прожаривались. Потом матросы потрошили их и съедали с большим аппетитом.

Как-то ночью, когда буря ещё неистовствовала, пан Клякса сказал:

— Капитан, я хотел бы вздремнуть часок. Сосчитайте до десяти тысяч, а потом разбудите меня.

Для безопасности он привязался бородой к краю плота и уснул глубоким сном. Его храп заглушал раскаты грома.

В тот момент, когда капитан досчитал до семи тысяч двухсот двадцати четырех, произошло страшное несчастье. Многие летописцы писали о нем как о самой большой катастрофе того времени.

Вы только представьте себе: внезапно, когда ветер уже немного утих, а буря пошла на убыль, последняя молния угодила в плот и, как ножом, отсекла ту часть, где безмятежно спал пан Клякса.

Это был узкий кусок, шириной всего в полтора локтя. Оторвавшись от плота, он с головокружительной быстротой помчался вниз по течению, унося на себе спящего пана Кляксу.

Капитан Кватерно пытался догнать его вплавь, но крокодил преградил ему дорогу. Сказанцам с трудом удалось спасти сво-

его капитана. Вдобавок они попали в водоворот, и их крутило так долго, что они совсем потеряли пана Кляксу из виду, хотя горящий лес освещал реку.

Обломок плота неся все быстрее и быстрее. Великий ученый спал, храпя и посвистывая. Он проснулся только около полудня, когда буря совсем стихла. Ленивые волны снова катились спокойно и величественно. Сквозь редяющие тучи пробивались лучи солнца.

Пан Клякса потянулся, отвязал бороду и весело закричал:
— Капитан, распогодилось! Выше голову!

Но ни капитан, ни матросы не подняли головы. Они были уже далеко и не могли слышать голос великого ученого. На двадцать первом повороте река раздваивалась, и плот сказандцев поплыл в неведомую страну. Страна эта еще не была открыта и не значилась ни на одной карте мира.

Лишь через пятнадцать лет один знаменитый путешественник нашел потерпевших кораблекрушение. Они жили среди туземцев, в окружении жен и детей, разводили домашних птиц,

а капитан Кватерно, провозглашенный королем страны, правил под именем Кватерностера I.

Но это уже другая история, которую я, может быть, когда-нибудь напишу.

А сейчас вернемся к пану Кляксе.

В тот момент, когда наш великий ученый закричал: “Выше голову”, он обнаружил, что находится в полном одиночестве.

Тогда он быстро скосил зрачки к носу, слил два взгляда в один и, удвоив зрение, увидел на расстоянии пятидесяти миль плот сказандцев. Но было поздно. Вместо правого рукава реки плот поплыл в левый и скрылся из глаз.

Славный и мужественный экипаж сказандского корабля “Аполлинарий Ворчн” навсегда расстался с паном Кляксой, и коварные волны унесли его в неизвестность.

Великий ученый остался один. Он, который умел укрощать акул и крокодилов, который смог обуздать бегемота, стоял теперь на одной ноге, с распростертыми руками, развевающейся бородой, стоял и размышлял о судьбе своих товарищей.

Потом он заговорил сам с собой, так как любил иногда побеседовать с умным человеком:

— Ну да... разумеется... Все ясно, дорогой Амброжи... Скандцы поплыли на юго-запад... На одиннадцатый день они приплывут в неизвестную страну... Мы знаем, что эта страна существует... Когда-то мы обозначили ее на нашей карте и называли Адакотурада... Правильно. Дальше все ясно... Выше голову, Амброжи! Экспедиция продолжается...

И пан Клякса, полный бодрости и надежды, стал считать пройденные повороты реки.

— Все верно, — сказал он, одергивая скюртук и поправляя галстук. — Через полчаса мы войдем в порт.

Он лег на живот и руками начал грести к берегу. Вдали на холме показались какие-то строения.

НЕВЗАПРАВДИЯ

В стране, куда попал наш ученый, жили человеческие существа, но впервые случилось так, что пана Кляксу никто не встретил и никто не замечал. Он не вызывал интереса ни своей оригинальной внешностью, ни удивительной одеждой.

Жители города парами ходили по улицам и загадочно улыбались. В своих разноцветных искрящихся хитонах они казались совсем прозрачными. Черты лица у этих удивительных созданий были совершенно неуловимы, словно в их лицах не было ничего, кроме улыбок.

Вдоль улиц тянулись дома, но они состояли только из окон и балконов.

На клумбах росли яркие цветы. Пан Клякса сорвал один из них, но растение сразу же потеряло цвет и запах, и даже пальцы, прикасаясь к нему, почти ничего не ощущали.

Улыбающиеся существа бродили по улицам. Некоторые что-то делали, но что, нельзя было разглядеть. Они забивали невидимые гвозди, пилили невидимыми пилами невидимые деревья. Один раз по улице промчался всадник, даже раздался топот копыт, но коня тоже не было видно.

Пан Клякса с удивлением смотрел на все это. Наконец, потеряв терпение, он подошел к какому-то прохожему:

— Объясните, пожалуйста, куда я попал? Что это за страна?

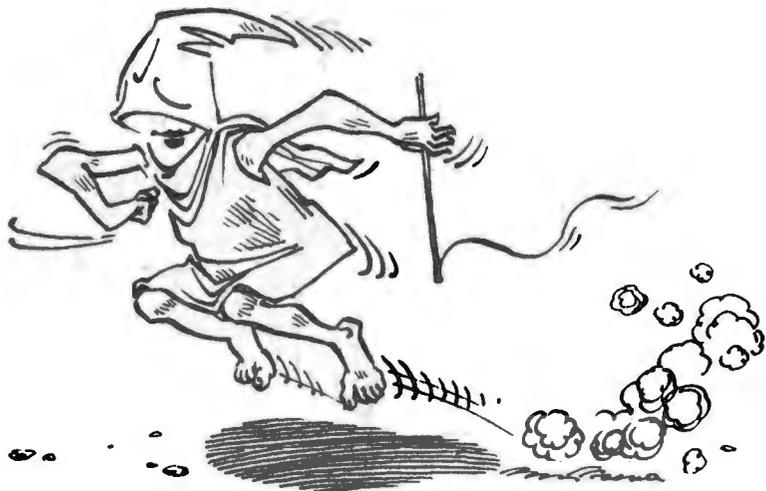

Прохожий загадочно усмехнулся и зашевелил губами. Он как будто что-то говорил, но голос его был беззвучен, а фразы складывались из слов, неуловимых, как дыхание.

Пан Клякса и на этот раз не растерялся, он тут же выдернул волос из своей бороды и обмотал его вокруг уха. Неслышные звуки, ударяясь о волос, как в антенну, усилились и достигли барабанных перепонок пана Кляксы.

Речь прохожего стала внятной, и беседа потекла гладко.

— Уважаемый чужеземец! — улыбаясь, сказал он. — Наша страна называется Невзаправдией. Может, ты заметил, что у нас

все происходит невзправду, все “как будто”. Мы персонажи сказок, которых никто еще не написал. Поэтому наши улицы, дома, цветы тоже невзправду. Да мы и сами невзправду. На самом деле нас еще нет. Нас еще должен придумать какой-нибудь сказочник. Мы всегда улыбаемся, потому что наши заботы и огорчения невзправду. Мы не знаем ни настоящего горя, ни настоящей радости. Мы не чувствуем настоящей боли. Нас можно колоть, щипать, царапать, а мы все улыбаемся. Такова Невзправдия, и таковы мы, невзправды.

— Простите, — прервал его пан Клякса, которого давно мучил голод, — а как вы питаетесь?

— Очень просто, — ответил невзправд и подал знак проходившей мимо женщине.

Женщина вошла в дом и вскоре вернулась с блюдом, на котором дымился аппетитный бифштекс с жареным картофелем и овощами.

— Бифштекс из филейной вырезки — наше любимое блюдо, — продолжал невзправд. — Попробуйте, уважаемый чужеземец.

Пан Клякса с удовольствием принялся за еду, съел все подчистую, но в желудке было по-прежнему пусто. Ему казалось, что он проглотил воздух и только на губах остался вкус

мяса. Это еще больше раздражило аппетит пана Кляксы, но он взял себя в руки и сделал вид, что сыт по горло.

Вдруг он заметил вдали женщину, в руках у которой была пузатая бутылка с черной жидкостью.

— Что несет эта женщина? — не сумев совладать с собой, спросил пан Клякса. — Умоляю тебя, скажи, что она несет?

— Пустяки, это просто чернила, — ответил невзаправд. — Неужели тебя интересуют чернила, почтенный чужеземец?

Пан Клякса, словно им выстрелили из рогатки, перепрыгнул через головы прохожих, вырвал из рук женщины бутылку и окунул палец в черную жидкость. На пальце не осталось даже следа чернил. Тогда пан Клякса, наклонив бутылку, вылил черную жидкость себе на ладонь. Рука осталась чистой и сухой.

— К черту такие чернила! — прорычал пан Клякса и грохнул бутылку о землю.

Чернила брызнули во все стороны, но ни на земле, ни на одежде прохожих не оставили следов. Даже осколки исчезли, как будто испарились.

Невзаправд подошел к пану Кляксе.

— Вы забыли, что вы в Невзаправдии, — сказал он, загадочно улыбаясь, — и чернила у нас тоже невзаправдашные.

Великий ученый молчал. Мимо парами брели прохожие, не обращая на него никакого внимания. Они даже не заметили досадного происшествия с чернилами. А их загадочные улыбки как бы говорили: “Ведь все это невзаправду”.

Спустя некоторое время пан Клякса пришел в себя, но знакомый невзаправд уже ушел, вернее, растворился в толпе. Вскоре и толпа растаяла в голубой дымке сумерек.

Пан Клякса быстро зашагал прочь, ему хотелось как можно скорее покинуть эту несуществующую страну. Он свернул вправо, но оказалось, что он идет влево. Тогда он решил идти влево, но оказалось, что повернул направо. Он бродил по улицам, которые шли ни вдоль, ни поперек. Он кружил по площадям, висящим в воздухе, как мосты, и все время возвращался на то же самое место, но знакомые улицы каждый раз выглядели по-иному.

Борода пана Кляксы беспокойно моталась из стороны в сторону, то и дело показывая новое направление. В наступивших сумерках мелькали тени невидимых прохожих. Лампы, зажженные в домах, горели, ничего не освещая.

Все быстрее и быстрее бежал пан Клякса по каким-то извилистым улицам, пронесился по таинственным переходам, проскальзывал под арками несуществующих домов и нигде не мог найти выхода из этого удивительного города. Но, даже падая от усталости, он не терял надежды, что в конце концов доберется до какой-нибудь настоящей страны.

И вот, когда он, глубоко задумавшись, стоял на одной ноге, из ближайшего переулка выбежала собака. Собственно говоря, это была не собака, а только видимость собаки. Она напоминала не то пуделя, не то таксу, а может, и шпица, хотя хвост у нее был короткий, как у фокстерьера.

Собака подошла к пану Кляксе, обнюхала его со всех сторон и, дружелюбно помахивая хвостом, стала тереться о его ноги. Наш ученый сказал несколько слов на собачьем языке и даже приветливо полаял, как всегда делают дворняжки при встрече с кем-нибудь незнакомым.

Пес, который вообще-то и не был псом, в ответ дважды беззвучно тьякнул.

Вероятно, собачий характер не позволял ему равнодушно отнестись к человеку. Пес весело подпрыгивал, визжал, отбегал и возвращался, махал хвостом и всячески старался выразить свою радость. В его невзаправдашной груди билось настоящее собачье сердце — пес ластился к пану Кляксе, даря ему свою любовь и верность, которые ему больше некому было подарить.

Пан Клякса присел на корточки и дал облизать свое лицо, хотя при этом он ничего не почувствовал. Он гладил пса по голове, лишь догадываясь, какая у пса мягкая шерсть, какой влажный нос.

После этой радостной встречи невзаправдашный пес, который только казался псом, дал пану Кляксе понять, чтобы тот шел за ним. Дорога вела по лабиринту улочек то в одну, то в другую сторону, сверху вниз и снизу вверх, туда и обратно.

Пан Клякса доверчиво следовал за своим проводником и наконец очутился в старом, заброшенном парке. Причудливая растительность и экзотические деревья казались совсем настоящими. Продираясь сквозь буйные заросли, наш ученый с радостью обжигал себе руки крапивой и таким образом убеждался, что он уже покинул границы Невзаправдии и вновь вернулся в реальный мир. Тут он заметил, что его четвероногий проводник исчез, лишь издали доносился шум ветра, похожий на жалобный собачий вой.

— Прощай, песик! — грустно шепнул пан Клякса и вспомнил своего пуделя, умершего два года назад.

Он даже готов был предположить, что это тень верного пса пришла на выручку хозяину и вывела его из Невзаправдии.

Вдруг пана Кляксу привлек разговор двух скворцов.

- Узнаешь этого бородача? — спросил один.
— Узнаю, — ответил другой. — Год назад он сел на корабль
и отправился за чернилами.
— Чр-чр-чрнила, — завершала сорока и села на зубатую

стену ограды, видневшуюся неподалеку.

“Там выход”, — подумал пан Клякса и, цепляясь бородой за кусты бярбариса и боярышника, ускорил шаг.

В стене, тянувшейся через весь парк, пан Клякса увидел бесчисленные железные дверцы с заржавевшими табличками.

Пан Клякса с трудом начал разбирать надписи. Это были хорошо известные ему географические названия. Некоторые из них он с удовольствием произносил вслух:

*СКАЗАНДИЯ
АБЕЦИЯ
ПАТЕНТОНИЯ
ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСТРОВА
ЗЕМЛЯ МЕТАЛЛОФАГОВ
ВЕРМИШЕЛИЯ
АПТЕЧНЫЙ ПОЛУОСТРОВ*

“Все это уже позади”, — подумал пан Клякса и начал лихо-радожно шарить в своих бездонных карманах.

— Есть! — радостно крикнул он, доставая универсальный серебряный ключ.

Он подбежал к калитке с надписью “СКАЗАНДИЯ”. Ключик подошел. Ржавый замок заскрипел, заскрежетали петли, посыпалась штукатурка, и дверца подалась. Пан Клякса толкнул ее изо всех сил — и его глазам предстал знакомый город, а в центре его гора Сказувий.

Пан Клякса облегченно вздохнул, захлопнул за собой калитку и направился к мраморной лестнице. Перескакивая через несколько ступенек, он взбежал на самый верх и остановился перед дворцом Великого Сказителя. С террасы открывался вид на утопающий в цветах Исто-Рико. Издалека доносилось пение сказандских девушек и звуки сказолин.

Но пан Клякса ничего не видел и ничего не слышал. Он вошел во дворец и прошел все двадцать семь залов, где заседали сказари и другие государственные сановники. Он никого не замечал и не отвечал на приветствия. Его лицо было озабоченным. В голове рождались мрачные мысли, они проникали в сердце, просачивались в кровь, охватывая все его существо.

В зале Черного дерева он остановился. Усилием воли задержал дыхание и применил знаменитый метод перевоплощения, придуманный доктором Пай Хи-во. Таким методом можно пользоваться только в случаях крайней необходимости.

Да, да, друзья мои, этот великий человек был способен на великие жертвы, особенно если речь шла о чести или чувстве долга.

Когда пан Клякса вошел в последний зал и на противоположной стене увидел зеркало, он приблизился к нему, встал на одной ноге и начал всматриваться в свое отражение... Вот в зеркале появилась пузатая бутылка с черной жидкостью, закрытая хрустальной пробкой, как две капли воды

похожей на голову пана Кляксы.

“Все-таки я выполнил обещание. Теперь меня никто не назовет Алойзи Пузырем”, — подумал он.

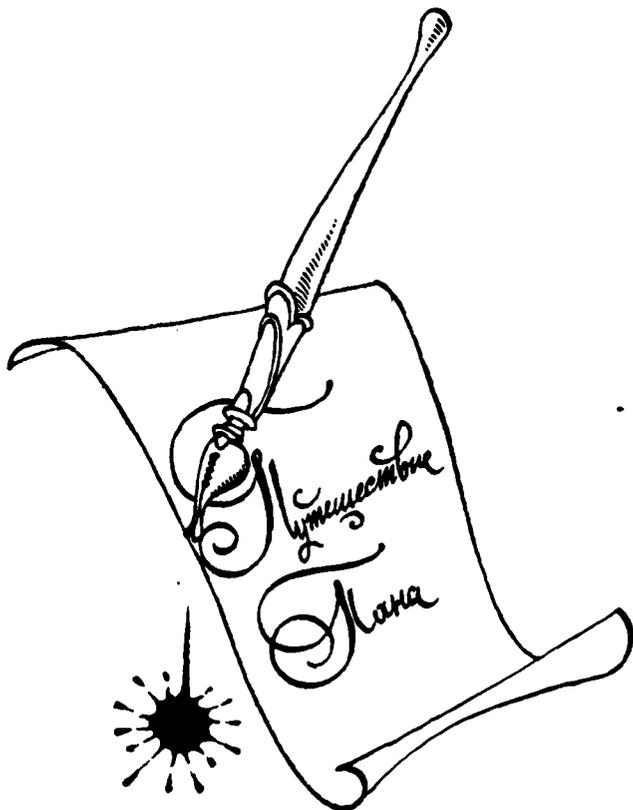
Больше думать он уже не мог, потому что в этот самый момент Великий Сказитель взял бутылку, вытащил пробку, обмакнул золотое перо в чернила и с огромным старанием начал выводить на прекрасной глянцевой бумаге название своей новой сказки:

Путешествие пана...

Но не успел он дописать фразу, как с пера скатилась громадная черная клякса и растеклась по бумаге.

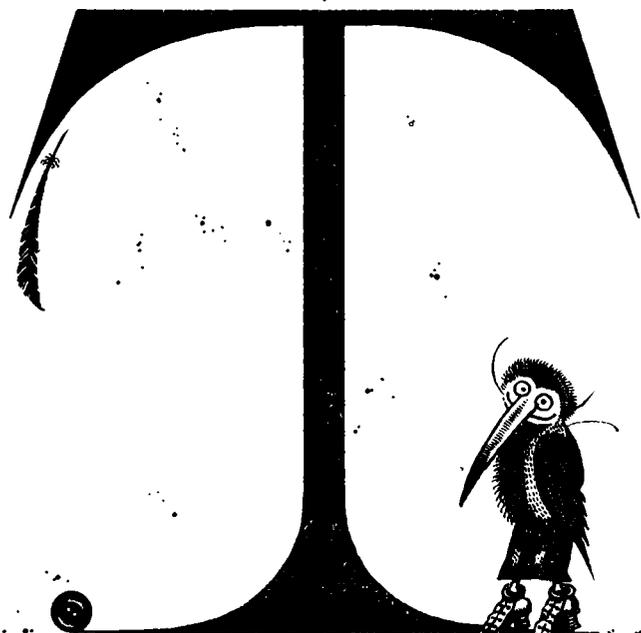
Пришлось взять другой лист и начать все сначала.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

часть третья

ТРИУМФ

пана

КЛЯКСЫ

Ян Бжехва
ТРИУМФ ПАНА КЛЯКСЫ

Второй раз в жизни я видел его. Он стоял в центре толпы, окруженный людьми, которые его приветствовали. Он был одет в богатые одежды, и его лицо сияло. Я чувствовал, что это был великий человек, который совершил нечто важное. Я хотел подойти к нему, но кто-то меня остановил. Я остался стоять и смотреть на него, пока он не скрылся в толпе. Я никогда не забуду этот день.

ПТИЧЬЯ ИСТОРИЯ

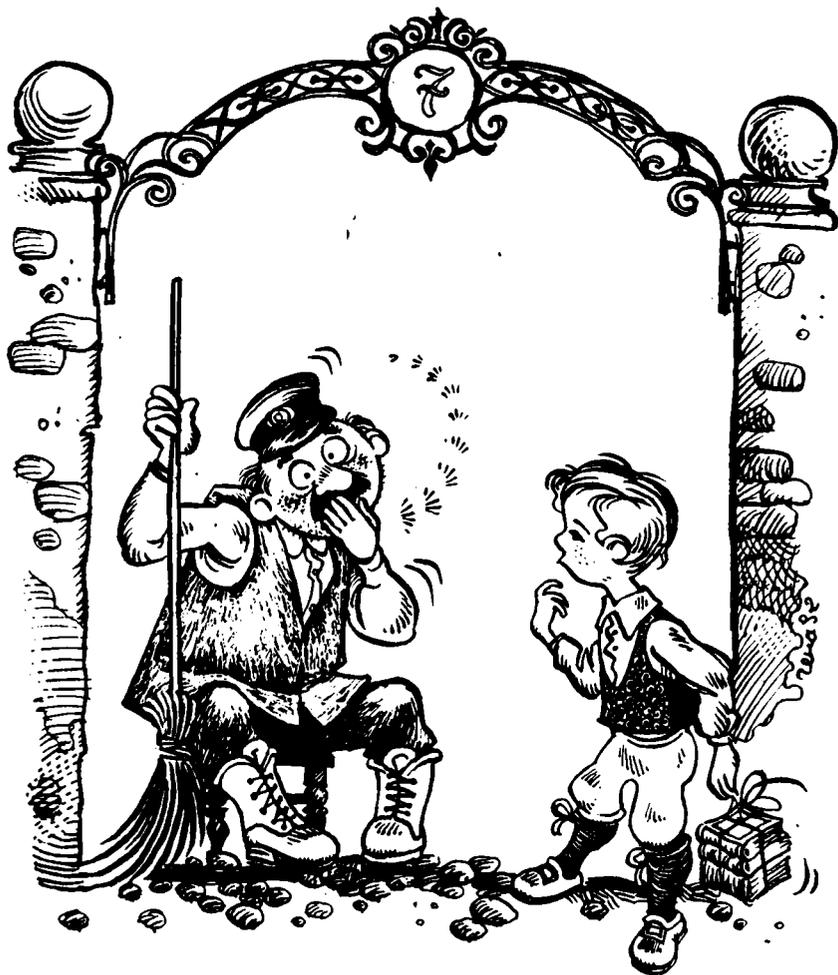
В тот год Академию пана Кляксы окончили трое Александров, двое Анастасиев, четверо Альбинов, двое Агенаров, трое Алексиев, один Анджей, один Аполлинаруй и я — всего семнадцать человек.

Вручая нам дипломы, пан Клякса собственноручно расписался на каждом из них, изукрасив подпись всеми мыслимыми и немыслимыми росчерками и завитушками, на какие только сподобилась каллиграфия за свою многовековую историю.

В завершение торжественного обеда мы хором пропели гимн Академии, после чего пан Клякса, по своему обычаю стоя на одной ноге, провозгласил прощальную речь, от слова и до слова врезавшуюся мне в память до скончания века.

— Дорогие мои, — сказал пан Клякса, — за десять лет грандиозных усилий мне удалось наполнить ваши пустые головы мудростью, каковая другим учебным заведениям даже и не снилась. Как вам известно, я изобрел свой собственный способ

промывать мозги. Благодаря этому я сумел привить вам, прибывшим в мою Академию головами садовыми, множество редких способностей и превратил юных неучей в молодых уче-

ных. Заодно я укрепил вашу память с помощью малинового сока и веснушечной настойки. Так что хочу надеяться, что вы сумеете передать добытые знания грядущим поколениям и прославите мою Академию на весь белый свет. Отныне каждый из вас пойдет своей дорогой, а я... Я должен удалиться в страну, значащуюся на моей карте как Адакотурада. Если помните, несколько лет назад там застряли сказандские мореплаватели. Чувство долга велит мне разыскать их. Прощайте, дорогие мои! Па-рам-пам-пам! Па-рам-пам-пам!

С этими словами пан Клякса надул щеки и взмыл в воздух на фалдах собственного сюртука, как всегда делал, собираясь в путешествие. С минуту покружив над нашими головами, он пулей вылетел в открытое окно, взмыл в небо и отплыл в юго-восточном направлении. Его развевающаяся борода оставляла в небе светлую полоску, а поблескивающие на солнце очки посылали прощальные зайчики. Долго еще смотрели мы вслед нашему обожаемому профессору. Его силуэт становился все меньше и меньше и наконец совсем скрылся вдали.

Простившись с товарищами, я уложил тетрадки, парадные брючные лампасы, а также несколько загадочных мелочей, выигранных у пана Кляксы в "три бельчонка", и радостно помчался в дом на улице Корсара Палемона.

Однако квартира моих родителей была заперта.

Увидев меня, старый привратник Вероник подвергся приступу затяжной икоты. Когда-то его звали просто Франтишек, но несколько лет назад он взял себе имя умершей жены Вероники. Он ее так любил, что хотел таким способом увековечить ее память в сердцах жильцов нашего дома.

Я все ждал, когда икота пройдет, но в конце концов не вытерпел и несколько раз ударил его узелком с книжками по спине. Вероник фыркнул, сделал пару приседаний и по-заговорщицки поведal:

— Пан Несогласка, то бишь ваш батюшка, нынешней весной превратился в скворца и упорхнул из дому. Даже крылом на прощание не взмахнул. Порхнул — и был таков! А ваша матушка надела шляпку с цветами, взяла под мышку пылесос и отправилась в лес наводить свои порядки. А случилось это из-за

принесенной почтальоном посылки, потому что едва он оседлал свой велосипед и умчался, как пан Несогласка и вспорхнул.

Я знал, что Вероник и так-то был чудачком, а уж после смерти жены — и подавно, так что, не вдаваясь в дальнейшие выяснения, я взял у него ключ и вошел в квартиру. Там царил страшный беспорядок: повсюду валялись женские шляпки, ленточки и искусственные цветы. На кухне горой громоздилась грязная посуда, а в столовой с люстры свисали связки сушеных грибов, по большей части мухоморов. Под ногами хрустело канареечное семя. Кабинет отца был заставлен разнообразными птичьими чучелами. Они были повсюду — на письменном столе,

на шкафах и этажерках. Пол сплошь покрывали перья, а в воздухе плавал разноцветный пух.

Еще в детстве я замечал сходство отца с птицей; теперь я мог определенно утверждать, что головы птичьих чучел удивительно напоминают его лицо. Когда же я занялся уборкой и выносил всю эту пернатую коллекцию на балкон, то зеленый попугай, на которого я случайно наступил, издал скрипучий звук, поразительно напомнивший голос моего любимого батюшки.

Я хлопотал по квартире до самого вечера, пытаясь привести ее в более или менее пристойный вид. Покончив с уборкой, я закрыл все комнаты, оставив себе лишь кабинет отца. Там я переставил мебель и вынес ненужные вещи, а заодно и книги, поскольку отец собирал исключительно одни лишь переплеты, при помощи бритвы удаляя из них страницы с текстом. Зато все оттиснутые на корешках названия он помнил наизусть. Содержание же он сочинял и записывал сам, по собственному вкусу, сразу же по окончании работы отправляя стопки исписанной бумаги в печь. Если же возникала надобность, он писал книжку заново, каждый раз переиначивая.

На шкаф я поставил чучело сокола, водрузив ему на клюв очки, чтобы он напоминал мне любимого батюшку. А еще я завел все часы и на каждом поставил разное время, попросту не желая во время работы отвлекаться только для того, чтобы узнать, который нынче час. И наконец, прикрепил на двери табличку с такими словами:

АДАМ НЕСОГЛАСКА

*выпускник Академии Амброжи Кляксы
Доктор Звериной Филологии*

Да-да, дорогие мои! День был хлопотливый, полный переживаниями и неожиданностями.

Когда одни из часов показывали полночь, и чучело кукушки, подражая голосу моего отца, прокуковала двенадцать раз, я улегся спать. Когда я был ребенком, отец, уложив меня и подоткнув мое одеяло, всегда куковал мне на сон грядущий. В ту ночь мне снился Вероник, летавший на крылатом пылесосе, но я не придал этому сну особого значения.

Утром, не теряя времени, я взялся за дело. Уже несколько лет я занимался изучением лягушачьего языка, и теперь заканчивал составление сравнительного словаря диалектов озерных и прудовых лягушек. Кроме того, по заказу Института Вымышленных Проблем я занялся исследованием различий в правилах произношения собачьего “гав” и кошачьего “мяу” в двадцати шести языках и говорах Дальнего Востока. Не стану скрывать и то, что давно уже ломаю голову над переложением комариного писка для хора и духового оркестра, так как очень люблю музыку, особенно всяческие “па-рам-пам-пам” и “пим-лим-пим-пим”, с которыми познакомился в Академии пана Кляксы.

Но стоило мне погрузиться в раздумья, как в дверь позвонили. Понадеявшись, что это родители, я помчался в прихожую. Но увы — на пороге показался почтальон, а позади маячил Вероник, должно быть, очень взволнованный: у него снова был приступ икоты.

Почтальон с официальной сухостью протянул мне посылку, сказав лишь одно-единственное слово:

— Распишитесь.

Я расписался и, за неимением мелочи, подарил ему чучело дрозда.

Почтальон на миг оживился и спросил:

— А нет ли у вас случаяем скворца?

И, не дожидаясь ответа, беззаботно сбежал по лестнице, а Вероник остался. Икота уже отпустила его, так что, увязавшись за мной, он таинственно шептал:

— Точно такую же посылку получил ваш батюшка и сразу же после этого упорхнул. Я видел это собственными глазами! Надо проявлять осмотрительность. Советую закрыть балкон, потому что то же самое может произойти и с вами. Осторожность — прежде всего. Однажды пан Хризантемский уронил с

балкона третьего этажа золотую рыбку. Все страшно переживали, мне даже пришлось вызвать ветеринара. В общем-то, ветеринар ее спас, но несчастная утратила цвет. Извиняюсь, но она уже не золотая. Увы!

Я слушал его болтовню лишь вполуха, разворачивая тем временем посылку. Она была обернута несколькими слоями бумаги, каждый из которых был перетянут шпагатом. Я разрезал шпагат и срывал бумагу до тех пор, пока у меня в руках не оказалась маленькая деревянная коробочка.

Утратив от любопытства дар речи, Вероник прильнул щекой к моему плечу и дыхнул на меня пивом.

Я осторожно открыл коробочку — внутри лежала пуговица. Большая черная пуговица. У меня в памяти тут же всплыл рассказ скворца Матеуша о пуговице от чудесной шапки богдыханов. Должно быть, вы помните удивительную историю о превращении князя в скворца, лет десять назад облетевшую весь мир. Так что все стало ясно и просто, особенно после того, как я прочел вложенную в коробочку записку. А значилось в ней вот что: “Возвращаю этот пусячок, найденный мной на дне фонтана. Алойзи П.”

Ну да! Разумеется! Отец неосмотрительно перевернул подосланную ему пуговицу и превратился в скворца. А потом вылетел в окно и нечаянно уронил ее в фонтан — потому и не смог вернуться в свой естественный облик. Матушка же пошла в

лес на поиски отца и взяла с собой пылесос, чтобы защищать его от хищников. Она прекрасно помнила, что наш кот Иероним при виде пылесоса фыркал от ужаса и удирал на крышу.

Любимая матушка! Она всегда была отважной и неустрашимой женщиной. Например, во время грозы она вместо гро-

моотвода всегда держала над головой отца шпильку от шляпки. А в гололед сыпала перед ним пшеничную крупу, чтобы он не поскользнулся. К слову, ни на что другое эта каша и не годится, поскольку у нас ее никто не ест. Вот и теперь моя матушка пошла за отцом, вооружившись пылесосом. Правду сказать, в лесу в общем-то довольно трудно найти электрическую розетку, но я знал ее и был уверен, что она скорее сама превратится в аккумулятор, чем оставит отца в опасную минуту.

— В предыдущей посылке ваш батюшка получил точно такую же пуговицу, — сообщил Вероник. — А эта наверняка пара к ней. Надо проявлять осмотрительность. В пуговице может быть яд или динамит.

Говоря это, Вероник даже не подозревал, насколько он близок к истине — взглянув еще раз на листок, я увидел подпись “Алойзи П.”, и тут же в голове у меня прояснилось: Алойзи П. — это Алойзи Пузырь, удивительное творение пана Кляксы, искусственный механический человек, вышедший из-под контроля своего творца и ведущий себя совершенно непредсказуемо. А теперь он мстит мне и моей семье за то, что я его уже несколько раз разоблачал. Как известно, Алойзи Пузырь обладает

поразительной способностью подделываться под других людей, и одному лишь мне под силу распознать его с первого же взгляда.

Вот и сейчас он явился под личиной почтальона. А раньше принес пуговицу от богдыханской шапки моему отцу и тем самым накликал его фатальное превра-

шение в птицу. Сегодня же он решил подsunуть пуговицу мне, чтобы и со мной произошло то же самое.

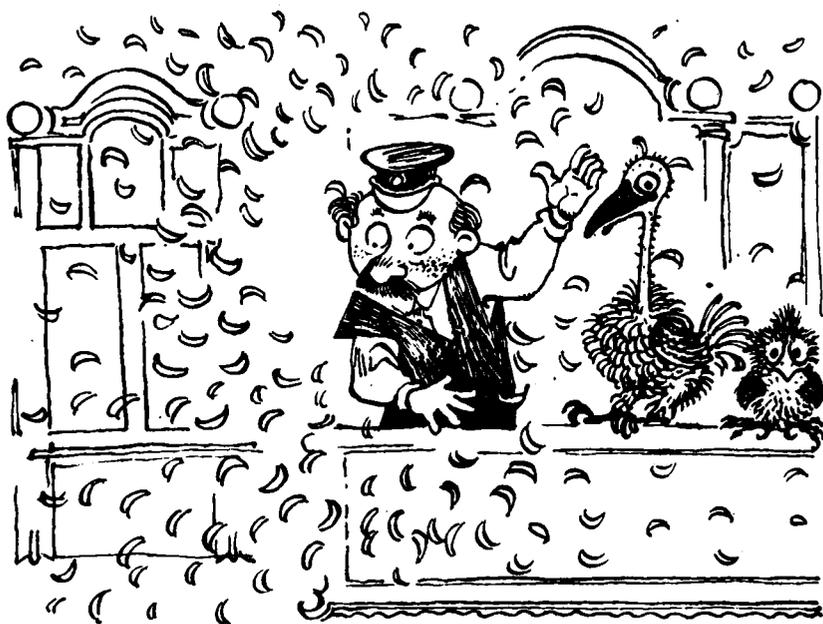
Я выбежал на балкон и действительно в конце улицы увидел Алойзи, улепетывающего на велосипеде, сделанном — насколько мне удалось разглядеть — из очков моего отца.

— Пан Вероник! — крикнул я в отчаянии. — Надо что-то делать! У моего отца такая короткая память, что даже в своем натуральном облике он часто забывал, где живет, и матушке частенько приходилось высылать за ним нашего кота Иеронима. А теперь, когда в нем пробудились птичьи инстинкты, он уж наверняка не вернется.

— Может, снова послать за вашим батюшкой Иеронима? — неуверенно предложил привратник.

— Да вы что?! — обрुшился я на старого привратника. — Кота послать за птицей? Нет, пан Вероник! Придется нам отправиться на поиски самим.

Вероник сочувственно усмехнулся и сказал:

— На свете живет 17583499537 птиц. На то, чтобы отыскать среди них вашего батюшку, потребуется 17537 лет. Многовато. Это отпадает.

С этими словами Вероник вышел на балкон, начал там задумчиво потихоньку ощипывать чучела пернатых и пускать перья по ветру.

Я с минуту раздумывал, не последовать ли примеру отца и не превратиться ли с помощью пуговицы в птицу? Это несомненно облегчило бы поиски родителей.

Однако я опасался, что могу стать, допустим, индюком или же петухом, а те, хоть и относятся к птичьему племени, но летать как следует не могут. Пользы от такого превращения ровным счетом никакой. Хуже того: я не был уверен, что потом сумею вернуться в свой нынешний облик. Оставаться же до конца дней своих посреди кур и индюшек мне казалось недостойным ученого, хоть я и занимался их наречиями.

Взвесив эти возможности, я запер пуговицу в ящике письменного стола, а ключ выбросил в окно, чтобы как-нибудь случайно, во сне, не влезть в ящик — ведь известно, что во сне помимо нашей воли вершатся самые неожиданные дела.

Тем временем Вероник успел ощипать большинство чучел, и над улицей взмыла туча разноцветных перышек. Люди высыпали на балконы, решив, что пошел пернатый дождь. Некоторые даже выставили ведра, чтобы набрать этих красочных атмосферных осадков для мытья головы.

— Пан Вероник! — крикнул я в сердцах. — Хватит уж вам! Вы ощипали всех любимых птиц моего отца, а сверх того сотворили такой дождь из перьев, что даже самый умный скворец тут заблудится. Тут уж не только мои родители, а вообще никто в городе не отыщет улицы Корсара Палемона!

Вероник покраснел и закусил губу, стараясь подавить икоту. Его лысую голову окружал венчик седых волос. Если бы он отпустил еще и бороду, то стал бы похож на Николу-Чудотворца. Одет он был в потрепанную безрукавку, синие холщовые брюки и старые армейские ботинки, зашнурованные телефонным проводом.

— Пан Вероник, — обреченно произнес я, — только один человек на свете мог бы мне помочь. Это профессор Амброжи Клякса.

— Так летите к нему! — воскликнул старый привратник и замахал руками.

— Увы! — вздохнув, ответил я. — Пан Клякса вчера отбыл в Адакотураду. Я должен немедленно отправляться в путь. Надо догнать пана Кляксу. Жаль Иероним куда-то запропастился, а то мог бы составить мне компанию. Горько путешествовать в одиночку.

— Вот еще! — заметил Вероник. — Много ли с kota ко-рысти? Лучше уж собака или конь.

— Пан Вероник, — робко предложил я, — а может, вы?.. А?.. Проветрились бы на старости лет. У меня есть кое-какие сбережения, хватит и на двоих.

Глаза Вероника вспыхнули, но тут же погасли.

— У нас в роду с прадедовских времен одни привратники, — с достоинством заявил он. — Так что дом без присмотра я не оставлю.

— А может, вас кто-нибудь заменит?

— Меня?! Заменит?! — возмутился Вероник. — Послушайте, я в этой должности вот уже пятьдесят лет! Знаю в этом доме каждую лазейку! Каждую мышшь! Каждую сороконожку! Меня — и заменить! Только подумать! Так... Так... Минуточку... Вот если бы пан Хризантемский согласился — только ему я могу доверять. Да! Это мысль! Пан Хризантемский!

Сказав это, Вероник многозначительно покачал большим пальцем правой руки и выскочил из квартиры.

Я понял, что наш почтенный, благородный привратник не покинет меня в беде. Я принес из чулана сундучок и начал собирать вещи, уложив в сундучок одно за другим: непромокаемый комбинезон, кое-что из белья, альпинистские ботинки, тропический шлем, ласты для подводного плавания, гарпун, самые необходимые инструменты, а еще глобус, компас, электрический фонарик, кусковой сахар и наконец — чучело сокола.

Едва я уложил вещи, как кто-то позвонил в дверь. Это был тот самый почтальон, который утром приносил посылку. Он вручил мне ключ с такими словами:

— Это ключ от вашего письменного стола, уважаемый! Он выпал из вашего окна на улицу.

Схватив почтальона за ворот, я крикнул:

— Это ты, Алойзи! Я тебя узнал! Сейчас я с тобой разделаюсь, негодяй!

Но не успел я договорить, как Алойзи рванулся, оставив у меня в руке воротник, и молниеносно съехал по перилам вниз.

— Руки коротки, пан Несогласка! — крикнул он, исчезая в красочной пернатой метели.

Тут же явился Вероник, услышавший вопли на лестнице. Его сопровождал пан Хризантемский.

— Порядок! — крикнул привратник. — Я еду с вами!

Пан Хризантемский уже переоделся в безрукавку Вероника, как видно, символизирующую полномочия привратника.

— В путь! — сдавленным голосом сказал я. — Но

надо на каждом шагу остерегаться Алойзи Пузыря: Вы его еще не знаете. Но все-таки запомните это имя: Алойзи Пузырь!

— Алойзи Пузырь, — послушно повторил Вероник.

И вскоре мы уже шагали в сторону порта. Пан Хризан-

темский решил нас проводить и теперь толкал перед собой тележку с моим сундучком, рюкзаком Вероника, а также оба наших портфеля — ведь ни один приличный человек не сделает без портфеля ни шагу.

В порту стояло множество разнообразных кораблей, а их капитаны громко зазывали пассажиров:

— Сударь! Господа! Кому в Восточную Рододындию? Кому на Берег Охотничьей Колбасы? Сегодня последний рейс на Северную Канифолию!

— Кому в Западные Колготки? Прошу садиться!

— Через час отплываем на Южную Брынзу!

— Кому на Остров Излишков? Только у меня дешево и безопасно!

— Кто желает поохотиться на крокодилов? Есть еще одна каюта до Мыса Мозговой Косточки! Дешево и удобно! Детям за полцены!

Мы выбрали корабль, шедший на юго-восток, ведь именно в этом направлении летел пан Клякса, отправившийся в Адакотураду.

Наш корабль назывался “Акулым Плавником” и предназначался для перевозки грузов, но в трех его каютах могли разместиться еще и целых семь пассажиров. Капитан, хотя и был старым морским волком, об Адакотураде ничего не слышал. Впрочем, он и не мог ничего слышать, потому что был глух как пень.

Наша каюта оказалась уютной, хотя и тесной. Верный своему призванию привратника Вероник тут же принялся надирать все металлические части, а заодно круглое стекло иллюминатора. В двух других каютах расположился розовод пан Левкойник со своими пятью дочерьми. Он отправился в путешествие вместе с ними, решив выдать их замуж за цветоводов разных стран. Пан Левкойник отличался редкой толщиной; его живот был так велик,

что, усаживаясь за стол, он не мог дотянуться до тарелки и потому никогда не наедался досыта. Дочери пана Левкойника не блистали красотой, но их отец утверждал, что цветоводам красота не требуется, поскольку ее достаточно у цветов.

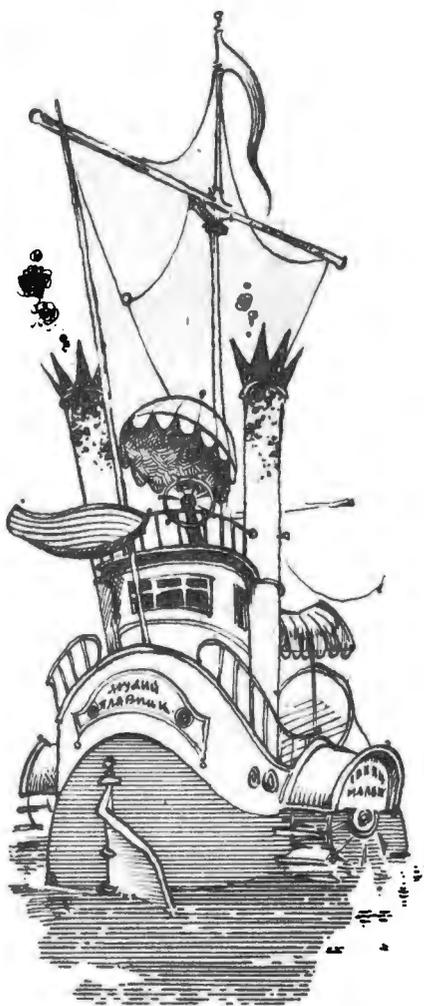
Мы целые дни проводили на верхней палубе, наслаждаясь солнцем и прекрасной погодой. Море было спокойным, небо — безоблачным. Матросы или играли в кости, или спали в своих гамаках; бодрствовал лишь рулевой. Зато капитан, сидя на бухте

канатов, разгадывал кроссворды, то и дело взывая к нам своим командирским голосом:

— Река из семи букв! Эй, вы!.. Индейский вождь, начинается на “М”!.. Город в Азии! — “о” в середине, “о” в конце!.. Эй!.. Используется для полетов, девять букв вниз! Эй!

Но наши ответы до него не долетали, потому что, как я уже говорил, был совершенно глух. Поэтому мы в конце концов организовали нечто вроде эстафеты, передавая записки из рук в руки, мы посылали капитану свои ответы в письменном виде.

Пан Левкойник засучил рукава, надел на голову голубой котелок, который должен был его защитить от солнца, и занялся разведением роз на борту судна. Хоть розовод и был очень толст, передвигался он легко, как мячик. Я даже сочинил о нем песенку, и все мы распевали ее хором:

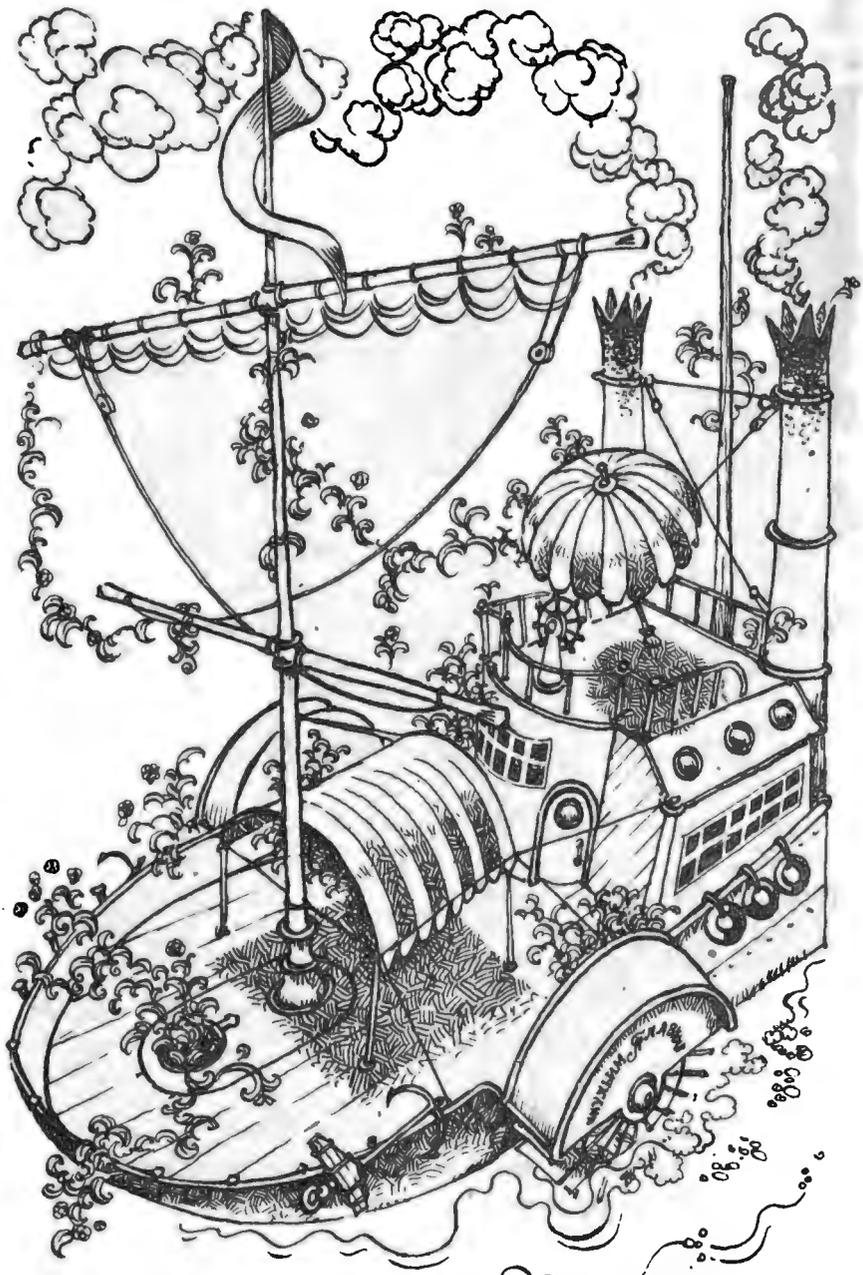

*Наш пан Левкойник
В котелке фасонит,
Розы он растит.*

*Наш пан Левкойник,
Точно мяч футбольный,
По небу летит.*

*Вам милый пан Левкойник
Подарит роз букет,
А сам он очень хочет
Объехать белый свет.*

И в самом деле — уже через пару дней в расставленных вдоль бортов ящиках зацвели розы самых разных сортов. До-

чери пана Левкойника то и дело поливали их специальной жидкостью, ускоряющей рост, благодаря которой они росли необыкновенно быстро.

Розы привлекали на корабль множество перелетных птиц. Зная несколько десятков птичьих наречий и диалектов, я постоянно вступал с ними в беседы, чтобы узнать об отце хоть что-нибудь. Один почтовый голубь пообещал кинуть клич среди всего птичьего народа, но все мои ожидания оказались напрасными.

А на третий день под вечер ко мне прибежал запыхавшийся Вероник.

— Есть! Есть! — закричал он еще издалека. — Пан Адам, пан Несогласка здесь!

Сердце у меня заколотилось, и я помчался в указанном направлении. На носу корабля действительно сидел говорящий скворец, но я тут же понял, что это не отец — ведь этот скворец изъяснялся по-французски, а отец терпеть не мог иностранных языков. Что ж, Вероник был прав: трудно найти среди миллиардов птиц нужную.

И все же в конце концов мне посчастливилось получить у одного колибри весьма ценную информацию. Оказалось, что он уже бывал в Адакотураде и мог нам показать дорогу туда. Я посвятил пана Левкойника в свою тайну и заодно поведал ему о цели путешествия. Посоветовавшись, мы решили совместными усилиями уговорить капитана изменить курс и захватить в Адакотураду. Я описал пану Левкойнику жителей этой страны в самых заманчивых красках и уверил его, что этот народ обожает цветы, как бы между прочим заметив:

— У адакотурадских цветоводов есть лишь одна слабость: охотнее всего они берут в жены иноземных девушек.

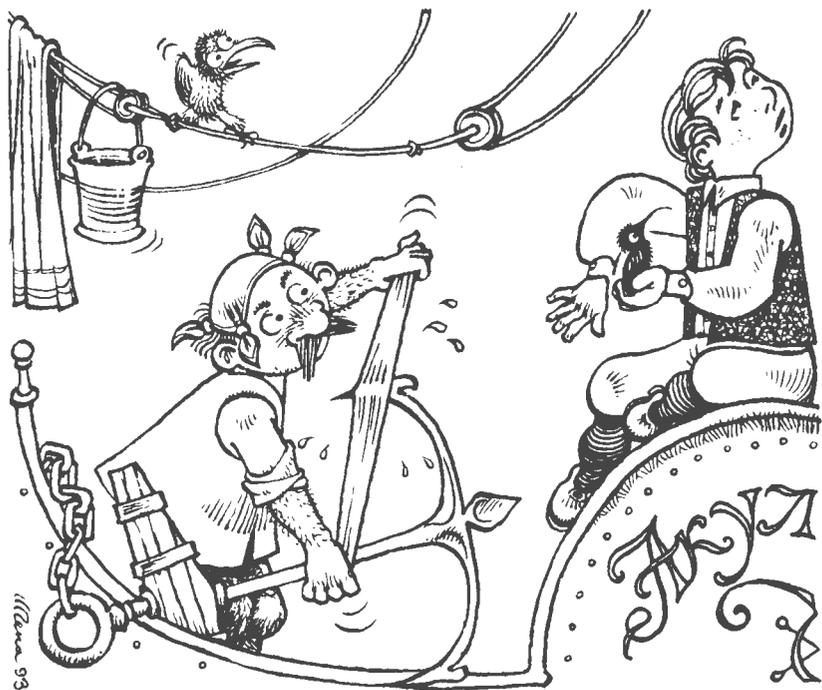
Это замечание подействовало на пана Левкойника, как удар тока. Он несколько раз подскочил на месте, надавил на украшавшую его нос бородавку, как на кнопку звонка, и с легкостью мячика поскакал к капитану.

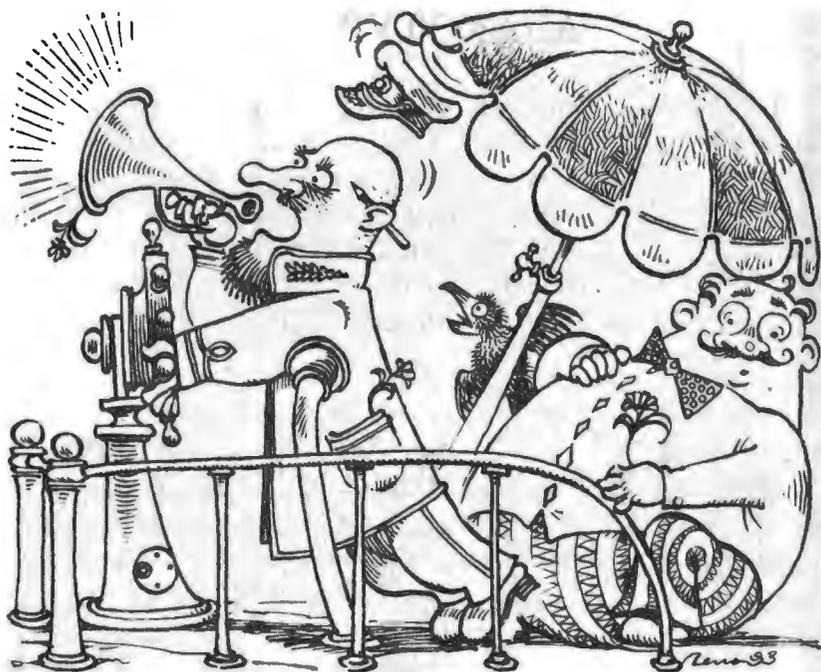
Я уже говорил, что у пана Левкойника было пять не очень-то красивых дочерей. Хоть он и выращивал розы, имя Розы

носила только старшая из них. Остальных же звали так: Георгина, Гортензия, Резеда и Пиония. Я проникся симпатией к этим девушкам и даже вскоре привык к их уродству. Скажу больше: с каждым днем они нравились мне все больше и больше, особенно Резеда.

Но главным образом мои мысли занимала судьба несчастных родителей. Я не покидал палубы, боясь потерять связь с колибри, который вызвался послужить нам проводником. Желая добиться его расположения, я напевал ему песенки дроздов, малиновок, зарянок и синиц, а один раз даже застрекотал, как крапивник. Именно тогда колибри проникся ко мне таким уважением, что готов был поверить в мою принадлежность к пернатому племени.

Однажды, когда я так щебетал, на палубе появился Вероник. От него пахло асидолом и нашатырем, потому что из-за своей страсти к порядку он то и дело начищал корабельные

поручни, а заодно и остальные металлические части. Подойдя ко мне, он таинственно сообщил:

— Порядок. Пан Левкойник уломал капитана. Пльвем в Адакотураду.

И в тот же миг раздался трубный голос капитана:

— По местам стоять! Курс на юго-восток!

Я взглянул на клювик колибри и указал капитану точное направление.

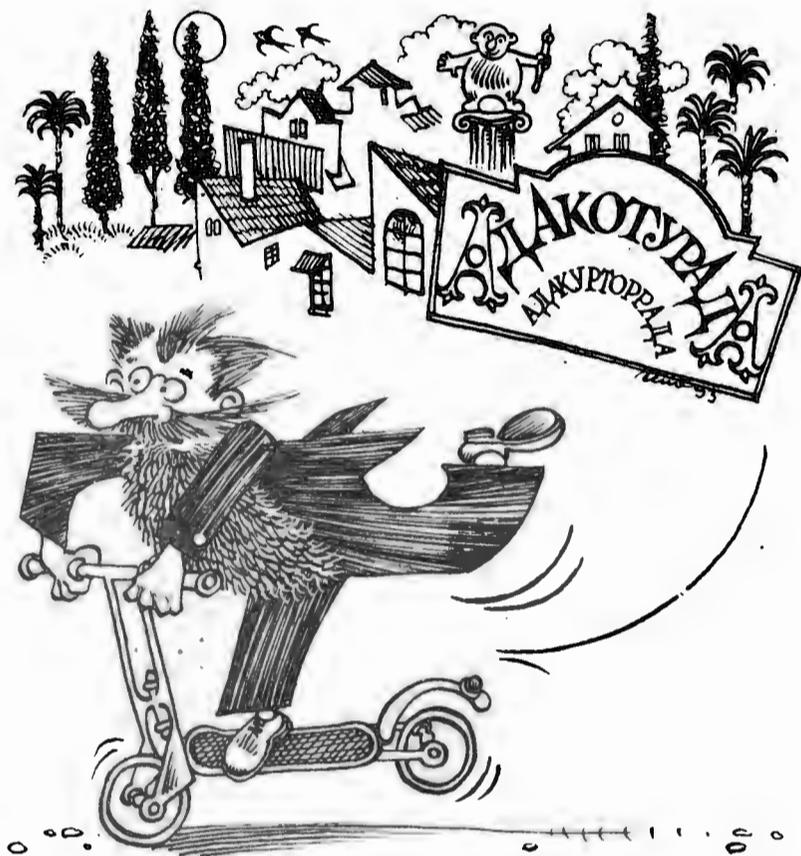
— Полный вперед! — рявкнул капитан. — Пересечь Тропик Рака! Лево руля!

“Акулий Плавник” быстро помчался вперед, взрезая волны и распугивая дельфинов. Колибри то и дело улетал на разведку, потом возвращался на свое место, чтобы указывать дорогу своим тонким и острым клювиком, как стрелкой компаса. Тропическое солнце пекло немилосердно.

Через пять дней вдали показались туманные очертания берега. Мы приближались к Адакотураде.

АДАКОТУРАДА

Вас, конечно, удивляет, что в предыдущей главе пан Клякса появился лишь на минутку, в самом начале, а потом надолго запропастился. И ваше недоумение вполне оправдано: правду говоря, будучи главным героем книги, пан Клякса не должен покидать ее страниц. Однако следует учитывать, что он отправился в весьма отдаленную Адакотураду — так что для встречи с ним нам пришлось отправиться в долгое путешествие.

Мы шли из порта всей компанией и встретили его совершенно случайно, когда пан Клякса на самокате выезжал из Запо-

ведника Сломанных Часов. Чуть позже я к этому вернусь, а сейчас хочу рассказать вам об Адакотураде.

Адакотурада — одна из теплых стран, куда на время холодов улетают некоторые наши птицы. И я сразу подумал, что с наступлением зимы сюда, глядишь, прилетит и мой отец.

Адакотурадцы — красивый народ. Кожа у них светлокофейная, волосы темные, а от остальных людей их отличает только наличие третьей ноги. Потому-то и передвигаются они с быстротой антилоп, но при этом на бегу одна нога всегда может отдохнуть. Так что

сказандцев мы узнали без труда: хоть они и загорели дочерна, но отрастить третью ногу так и не сумели. Зато дети, рожденные от них адакотурадками, вместо третьей ноги имели третью руку, чем и отличались от туземцев.

Вы, конечно, помните, что несколько лет назад коварные волны подхватили мужественный экипаж корабля “Аполлинарий Ворчун” и унесли к берегам Адакотурады, где капитан Кватерно был провозглашен королем и стал править как Кватерностер I.

С того времени сказандцы так расплодились, что на каждом шагу попадались трехрукие мальчики и девочки. Произошло также слияние языка адакотурадского со сказандским, в результате чего образовался новый язык — сказа-

котский, весьма похожий на наш. Разница состоит лишь в том, что по-сказакотски вместо “у” говорят “ор”, а вместо “о” говорят “ур”.

Так что “ухо” по-сказакотски звучит “орхур”, а “нога” — “нурга”. Слово “коллега” произносится как “курллега”, “бутылка” как “бортылка”, а “курица” как “коррица”.

Мне, знающему куда более трудные языки и говоры животных, говорить по-сказакотски — сущий пустяк, то есть порстяк.

Строили Адакотураду по спирали, вот главная улица и вилась улиткой от порта до самого центра города, где после захвата власти над туземцами сказандцы воздвигли памятник в честь Великого Сказителя Аполлинария Ворчуна. По-сказакотски его называли Апурллинарием Вурчорном. Впрочем, адакотурадцы сразу же приняли сказандцев довольно сердечно, охотно признали превосходство их сказок над своими и, отдали им в жены своих дочерей и зажили душа в душу под чутким руководством Кватерностера I, оказавшегося владыкой мудрым и притом необыкновенно милостивым.

Однако вернемся к пану Клякса. Наша встреча прошла весьма оригинально: увидев меня, он не выказал ни малейшего удивления, лишь невозмутимо спросил:

— Ты уже обедал?

— Пан профессор, — ответил я, — но ведь мы едва-едва успели высадиться в Адакотураде.

— Как это? — возмутился пан Клякса. — Всего час назад ты играл со мной в “три бельчонка” и выиграл самопевчую пуговицу!

— Я? — недоумевая, воскликнул я. — Пан профессор, это недоразумение!

→ Вы, наверно, шутите, — вставил Вероник.

Пан Клякса многозначительно встал на одну ногу, а дочери пана Левкойника окружили его и стали с интересом наблюдать за поведением его бороды.

— Постой... постой... — пробормотал пан Клякса. — А может, это был твой двойник? Ну да, теперь я начинаю понимать...

— Алойзи Пузырь! — поразился я.

— Да, Адашь, Алойзи Пузырь. Вот уже несколько дней, как он прикидывается тобой, а я и не узнал. Вот негодник!

Пан Левкойник, которого я посвятил во все свои дела, подошел к пану Кляксе и, столкнувшись своим животом с профессорским, сказал:

— Мы с ним справимся. У меня есть заграничная жидкость от насекомых. Безотказное средство.

— Алойзи Пузырь — не насекомое, милостивый государь! Не насекомое! Да будет вам известно, пан... пан...

— Анемон Левкойник, — поспешил представиться розовод. — А это мои дочери: Роза, Георгина, Гортензия, Резеда и Пиония. Все на выданье.

— Забавно... — насмешливо улыбнулся великий ученый. — Настоящий ботанический сад.

— Пан профессор, вы, должно быть, забыли, но мы встречались уже не однажды, — робко заметил пан Левкойник.

— Я? Забыл? — возмутился ученый муж. — Может, вы и видели меня во сне, а люди разумные снам не верят. Так что не будем об этом больше.

Тут вмешался старый привратник:

— Пан профессор, я тоже хотел бы выразить вам свое почтение. Меня зовут Вероником Чистюлей, улица Корсара Палемона, семь, вход со двора, дипломированный привратник, династия пошла с прадедов.

— Фью-фью! — присвистнул пан Клякса. — Такие люди мне нужны. Только достало бы вам силенок.

— Уважаемый профессор, мне всего лишь семьдесят лет! — сказал Вероник. — В прошлом году на соревнованиях по прыжкам с шестом я занял первое место, победив Пескарика, Фойдру и Укротителюка. Могу даже, простите, и марафон пробежать.

С этими словами он схватил пана Кляксу поперек талии и трижды подбросил его в воздух.

— Гип-гип-ура! Гип-гип-ура! — стройным хором кричало семейство пана Левкойника.

После такого обмена любезностями мы вместе двинулись во дворец, дабы представиться королю Кватерностеру I.

На улицах царил всеобщее оживление: праздновалась очередная годовщина высадки сказандцев, и девушки приносили отовсюду к памятнику Аполлинария Ворчуна охапки цветов. Мы последовали за толпой в сторону площади Адакотурадско-Сказандской Дружбы, а сокращенно площади А-С.

Весьма озабоченный пан Клякса шагал, задумчиво теребя бороду.

Вдруг он остановился, накрутил ус на палец и воскликнул с видом победителя:

— Эврика! Нашел! В Адакотураде проживает тринадцать сказандцев, включая короля Кватерностера. Нас здесь четверо. Плюс еще дочери пана Левкойника — всего двадцать две персоны отряда двуногих. Необходимо составить подробный перечень. Кто не войдет в это число, оказавшись вне списка, и будет признан Алойзи Пузырем. Узнаем его по ногам. Вот мой план, милостивые господа.

Слова пана Кляксы вызвали всеобщий восторг, а Вероник еще раз подбросил его в воздух. В тот самый момент мы были уже у дворцовых ворот.

О да! Пан Клякса действительно гений!

Мы уже входили во дворец и стража сделала “На-краул!”, как вдруг подлетел мой знакомый колибри и, усевшись на плечо, признался, что очень ко мне привязался и хочет остаться со мной до самых осенних дождей. Он изъяснялся на диалекте три-три, употребляемом южноафриканскими птицами, поэтому я для простоты стал называть его Три-Три. Даже пан Клякса признал, что имя выбрано весьма удачно.

Королевский дворец был выстроен из больших раковин, подобранных так по-мастерски, что стоило войти в тронный зал, как их шум складывался в мелодию государственного гимна Адакотурады. А поскольку раковины были нанизаны на вращавшиеся вокруг своей оси длинные стальные стержни, то придворный музыкант, поворачивая их так и эдак, мог соответственно обстоятельствам менять мелодию и исполнять тот или иной адакотурадский марш.

Под звуки государственного гимна мы приблизились к королевскому трону, имевшему вид фрегата со всеми парусами, со штурвалом и капитанским мостиком. С этого мостика король зачитывал свои обращения к народу. Не следует забывать, что Кватерностер I был старым моряком и когда-то даже прославился под именем капитана Кватерно.

— Приветствую тебя, король! — почтительно произнес пан Клякса. — Позволь представить тебе моих друзей: пан Левкойчик...

— Левкойник, — поправил розовод.

— Да, да... Прошу прощения... Пан Левкойник... А это его цветник, то есть пять дочерей... А это пан Вареник...

— Вероник, пан профессор, — перебил его старый при-
вратник.

— Извини, дорогой друг, но я не придаю значения именам, — сообщил пан Клякса. — Важен не человек, а его дело. Об Амброжи Кляксе мир может и забыть, но его творение, Алойзи Пузырь, войдет в историю — как войдут в историю деяния мужественных сказандских мореплавателей с королем Кватерностером I во главе. Да здравствует король!

— Да здравствует! — подхватили мы хором, а раковины повторили наши голоса многократным эхом. Придворные при том ударили часами об пол, и раздался такой грохот, что Три-Три в страхе вылетел за окно.

— Я еще не закончил! — воскликнул пан Клякса, призывая адакотурадцев к тишине. — А это мой собственный ученик Адам Несогласка, о котором я уже тебе говорил, король.

Все это время монарх был занят лихорадочными поисками своих очков, без которых не видел ничего. Вполне понятно, что

найти очки король никак не мог, потому что без них не мог их разглядеть.

Ситуация становилась все более неловкой. Всем было ясно, что поглощенный поисками король не слушал великого ученого. Однако никто из придворных не спешил помочь своему монарху — они в это время были заняты лишь собственными часами.

Пан Клякса прервал свою речь, а Роза и Георгина захихикали, а это могло оскорбить короля. К счастью, пан Левкойник увидел торчащие из монаршего сапога очки, с легкостью мячика подскочил к королю и учтивым жестом подал их Кватерностеру I. Все облегченно вздохнули.

Тогда король поднялся на капитанский мостик и обратился к нам по-сказачотски с такой речью:

— Прекрасные дамы, пан профессор, господа! — так она звучала в переводе на наш язык. Надо полагать, выражение

“прекрасные дамы” король заготовил заранее, до того как нашел очки, и потому не успел разглядеть дочерей пана Левкойника.

— Можете чувствовать себя на адакотурадской земле как дома, — продолжал Кватерностер I. — Наш народ занимается разведением кур. Ежегодно мы вывозим за границу пятьдесят миллионов яиц и на полученную валюту закупаем до ста тысяч часов. Как вы уже имели возможность заметить, мои верные подданные в соответствии с вековой традицией ударяют часами оземь. Увы, это не приносит механизму ничего хорошего. Именно поэтому адакотурадцы все свободное время уделяют

разборке своих часов, но собрать их вновь не удалось еще никому. К чему это ведет, вы увидите, посетив знаменитый Заповедник Сломанных Часов, главную достопримечательность нашего края...

В подтверждение слов монарха все находившиеся в зале адакотурадцы дважды ударили часами о паркет.

Пан Клякса однажды уже выслушал королевскую речь и потому, прервав монарха, поспешно предложил:

— Позволь мне, светлейший, взять на себя удовольствие ознакомить моих друзей с обычаями этого края. Что же до нас, то мы желаем лишь одного: встретить у тебя при дворе всех сказандцев, поселившимися в Адакотураде. Нам необходимо решить с ними один чрезвычайно важный вопрос.

— Прекрасно! — воскликнул Кватерностер I, обрадованный, что может прервать свою речь: как известно, истинные моряки не любят болтать попусту. — Приглашаю вас на вечерний прием, куртурый сурстурится сегурдня пур слорчаю нациурнальнургур праздника.

И король живо соскочил с капитанского мостика по случаю окончания официальной части, а министр двора приказал убрать паруса и спустить флаг.

Кватерностер I был статным и крепким мужчиной в расцвете лет с рыжеватой бородкой клинышком. По адакотурадскому обычаю он был обнажен до пояса, а на груди и на плечах у него было вытутаировано изображение победного морского боя, в котором он якобы участвовал и даже пал смертью храбрых, что было чистейшим вымыслом.

— Итак, дур встречи вечерурм, — любезно произнес монарх и, обмахиваясь пальмовой веткой, покинул тронный зал.

— Адасть, — шепнул мне на ухо пан Клякса, — все сказандцы как бывшие моряки имеют татуировки. Это нам поможет узнать Алойзи. Будь внимателен!

Впереди у нас был еще целый день, и мы отправились осматривать город.

Адакотурадцы нам показались весьма симпатичными. Как сообщил пан Клякса, они умывались соком фруктов гунго, содержащим способствующие красоте вещества. Из-за тропического зноя местные жители ходят по пояс голыми и, не имея куда

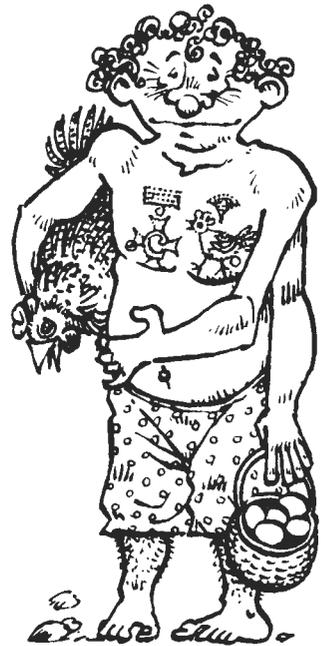
цеплять ордена, рисуют их прямо на груди. А наград в Адакотураде огромное множество. Особенно почетным считается Орден Большой Курицы, далее следует Крест Сказакотского Сосуществования, за ним — Орден Поющей Раковины, которым отмечают особо выдающиеся музыканты; Орден Третьей Ноги присваивают за забитый гол; Крест Третьей Руки — за самую вкусную яичницу. Кроме того, имеются медали “За Ловлю Комаров”, “За Езду на Самокате”, “За Пускание Пузырей” и множество других.

Вероник заглядывал во все подворотни и тут же давал привратникам ценные советы и указания и даже

показательные уроки подметания. Пан же Левкойник расспрашивал прохожих о местных цветоводах, огородниках и садовниках и записывал их адреса. Пан Клякса был погружен в раздумья, так что мои попытки затеять разговор о своих семейных проблемах ни к чему бы не привели. Так что я отложил беседу с ним до лучших времен, помогая до поры до времени дочерям Левкойника срывать плоды гунго: девушки выжимали из них сок и натирали им лица.

Адакотурадцы охотно вступали с нами в беседы, добродушно улыбались, а один юноша, по имени Зызык, даже взялся быть нашим проводником. У него было три руки, и мы

догадались, что он сын сказандца.

Зызык подтвердил, что в Адакотураде поселились двенадцать сказандцев, не считая короля, и что шестеро из них стали министрами.

— Все ли сказандцы украшены татуировкой? — как бы между

прочим поинтересовался пан Клякса.

— Все, кроме одного, — ответил юноша.

— Это он! — шепнул мне пан Клякса. — Но в таком случае их должно быть на одного больше. Вечером проверим. Я на тебя рассчитываю!

— Остальные, — продолжал юноша, — тоже занимают высокие государственные посты. Например, мой отец стал Управляющим Королевскими Садами и имеет в подчинении пятьдесят ученых садовников.

— Слышите, дочки? — воскликнул пан Левкойник. — Пятьдесят садовников! Это нам подходит! Да здравствует Адакотурада!

Прохожие удивленно на него оглянулись, а Резеда неуверенно произнесла:

— Ты забываешь, папа, что они о трех ногах. За такими мужьями нам не угнаться!

— Действительно, — вздохнула Георгина, — такого спринтера догнать очень трудно. Вполне может сбежать.

Бедная Георгина! Она знала, что на свою красоту ей рассчитывать не приходится! Мы все разом сочувственно на нее поглядели и — о чудо! — не поверили своим глазам. Сок плодов гунго явно начал действовать! Не только Георгина, но и остальные дочери пана Левкойника совершенно преобразились. Собственно говоря, овал лица, форма носа, рта и глаза остались прежними — исчезли лишь уродливые черты. Перед нами стояли пять красивых и удивительно обаятельных девушек.

Пан Левкойник трижды нажал на свою бородавку, желая удостовериться, что не спит. Вероник смотрел на Пионию с нескрываемым восторгом, словно напрочь позабыл о покойной жене и о своих семидесяти годах. И только пан Клякса рассудительно сказал:

— Однако же смотрите, мои милые, не переусердствуйте с красотой. Жена не должна быть слишком красивой.

Он собирался добавить еще что-то, но в бороде у него запуталась и стала жалобно чирикать какая-то птичка. Я начал осторожно разгребать шелковистые гущи знаменитой автоматической бороды. В результате мучительных усилий мне удалось с помощью Гортензии освободить несчастную птаху. Разумеется,

это оказался Три-Три. Устроившись у меня на плече, он принялся весело насвистывать, и мы дружно зашагали вслед за Зызиком.

Как я уже упоминал, главная улица шла по спирали от площади А-С к порту. Ее пересекало множество переулков и улочек. Красочные четырехэтажные домики утопали в цветах. Пан Левкойник со знанием дела произносил их латинские названия, но нас больше восхищали их запахи и краски.

— *Parawer orientale!* — восклицал розовод. — Какой великолепный экземпляр! А это *Rosa multiflora!* Моя специальность. Вы только поглядите, пан профессор, это *Dracaena fragrans!* Поливать ее следует умеренно, зато спрыскивать — часто.

Однако его никто не слушал: мы устали, нас мучили жажда и голод, поэтому мы зашли в первый же попавшийся пункт проката, взяли по адакотурадскому обычаю по самокату с моторчиком

и поехали по одной из боковых улочек в сторону пригородных куполообразных строений.

Это были куриные фермы, гордость Адакотурады. Они располагались вокруг города, занимая огромные площади и оглашаясь не смолкавшим ни на минуту петушиным пением. Среди кур сновали трехногие и трехрукие фигуры адакотурадцев, подбиравших яйца. Эти куры относятся к особому, неразговорчивому племени. Их речь крайне примитивна, сводясь по сути всего лишь к трем понятиям. Первое гласит “хочу есть и пить”, вто-

рое — “сейчас снесу яйцо” и, наконец, третье — “не пудри мне мозги”. В отличие от них петухи обладают значительно более широким кругом интересов — удачно предсказывают погоду, сообщают время и, сверх того, умеют петь на разные голоса военные марши. Это умение тем более удивительно, что в Адакотураде нет ни армии, ни военного оркестра.

Об этом нам рассказал — уже в другой раз — министр Мира, веселый и толстый Трубатрон. Так вот, адакотурадцы не имеют собственной армии, поскольку, следуя примеру своих легендарных предков, предпочитают просто удирать от врага, а не гибнуть, защищая своих кур. Именно для этого — при помощи соответствующих операций и инъекций — они и отрастили себе третью, скоростную, ногу.

Вероник, чей прадед служил в знаменитой бригаде репеллентов и погиб под Белой Мушкой в борьбе за освобождение зеленокожих цитрусов, сказал с отвращением:

— Лучше не иметь ни одной ноги, но идти вперед, чем драпать на трех.

Это замечание не имело никакого смысла, поскольку Адакотурада вообще не значится ни на одной карте мира. Потому-то у ней нет врагов, а значит — армия не нужна ни для наступления, ни для отступления. Министр же Мира проводит ежегодные петушиные бои, организует лагерь совершенствования бойцовых петухов и награждает владельца петуха-победителя Переходящим Кубком-рюмкой для Яиц. Обладатель этой награды имеет право в течение одного года каждое воскресенье съедать по одному яйцу. Это действительно большая награда, ведь остальные жители Адакотурады лишены этого лакомства. Все яйца продаются только за границу, а для их транспортировки служат специальные яйцевозы и корабли-подушечники. Плавают они под чужими флагами, чтобы соседние государства не могли понять, где находится Адакотурада.

Адакотурадские яйца отличаются от наших тем, что своими цветами не уступают нашим пасхальным крашенкам.

Когда мы оказались на территории фермы, нашему взору открылась впечатляющая картина. По огромным полям бродили тысячи кур, а на верандах куполообразных домов красовались посаженные на тонкие цепочки петухи в ошейниках. На восходе и закате солнца их спускали с цепочек на свидание с родными. Именно тогда они пели Марш Оловянных Солдатиков и тем самым задавали стране ритм жизни, а часы, как известно, служили адакотурадцам совершенно для других надобностей.

Куда ни кинь взор — огромные пространства были сплошь усеяны разноцветными яйцами, привлекавшими своей пестро-

той тучи бабочек и птиц. Три-Три порхал и парил над ними, не помня себя от радости, то и дело докладывая мне о свежеснесенных яйцах. Однако он никак не мог справиться с числами, захлебываясь от восторга собственным щебетом, и отстукивал счет клювом на моем носу, что не доставляло мне никакого удовольствия. В конце концов я дал ему такого щелчка, что он оставил меня в покое.

Пан Клякса посвятил нас в славные многовековые деяния куриного яйца и поведал такую историю:

— В стране Кукарекии в третьем веке до нашей эры король Шлепанец Кривоногий потребовал от кур, чтобы они несли яйца с плоским донцем, так как в те далекие времена рюмок для яиц еще не было. Куры взбунтовались и вместо цыплят высидели из яиц саранчу, которая с тех пор безжалостно опустошала страну.

Кукарекцы решили искать убежища в Кудахтии. Но пробираясь сквозь топи и болота, они подверглись

нападению пиявок. Уцелело только семеро кукарекцев. Долгие месяцы они блуждали в неведомых землях и в конце концов добрались до страны, где жили совершенно другие куры. Здесь они осели и таким образом стали основателями Адакотурады. Так гласит предание.

— Любопытно! — заметил Вероник. — Гуси спасли Рим, а куры способствовали падению Кукарекии. Теперь понятно, почему я всегда какой-то там вареной курятине предпочитал жареного гуся.

— Запоминайте, девочки! — обратился пан Левкойник к дочерям. — Мужья любят жареную гусятину. Это очень важный момент в супружеской жизни.

Пан Клякса облизнулся и воскликнул:

— Перестаньте! Я голоден, а вы своими разговорами лишь разжигаете аппетит! Зызык, ты не мог сообразить, что нам пора перекусить?

Зызык, одной рукой державший под локоть Резеду, а другой — Георгину, третьей рукой хлопнул себя по лбу и стыдливо сказал:

— Орважаемые чоржестранцы, пруршор прурщения! Сейчас бордет пурлдник! — и повел нас к большому круглому дому, откуда вышел элегантный седовласый адакотурадец.

— Сей нежданый визит — великая честь для меня, — сказал он, топчась вокруг нас на своих трех ногах. — Чужестранцы — большая редкость в нашей стране. Адакотурады нет на картах мира, и это спасло нас от нашествия колонизаторов. Однако не думаю, чтобы кто-либо обиделся на мои слова, ведь — насколько мне известно — передо мной не политик, а знаменитый ученый? Не так ли?

Пан Клякса встал на одну ногу, расчесал бороду пятерней правой руки и торжественно провозгласил:

— Я — Амброжи Клякса, доктор всеведения, магистр вымышленных проблем, основатель и профессор Академии моего имени, а также ассистент славного доктора Пай-Хи-Во. Теперь все. Хотелось бы знать, с кем имею честь?

— О, я — всего лишь министр Куроводства в правительстве Его Королевского Величества, — скромно ответил седовласый адакотурадец. — Меня зовут Парамонтроном. Окончание “трон” указывает на то, что я являюсь членом правительства, то есть — опорой трона. Следует считать его должностным атрибутом.

— Меня зовут Анемоном Левкойником, — с достоинством представился розовод. — А это мои дочери.

Парамонтрон подпрыгнул на одной из трех своих ног и учтиво поклонился девушкам.

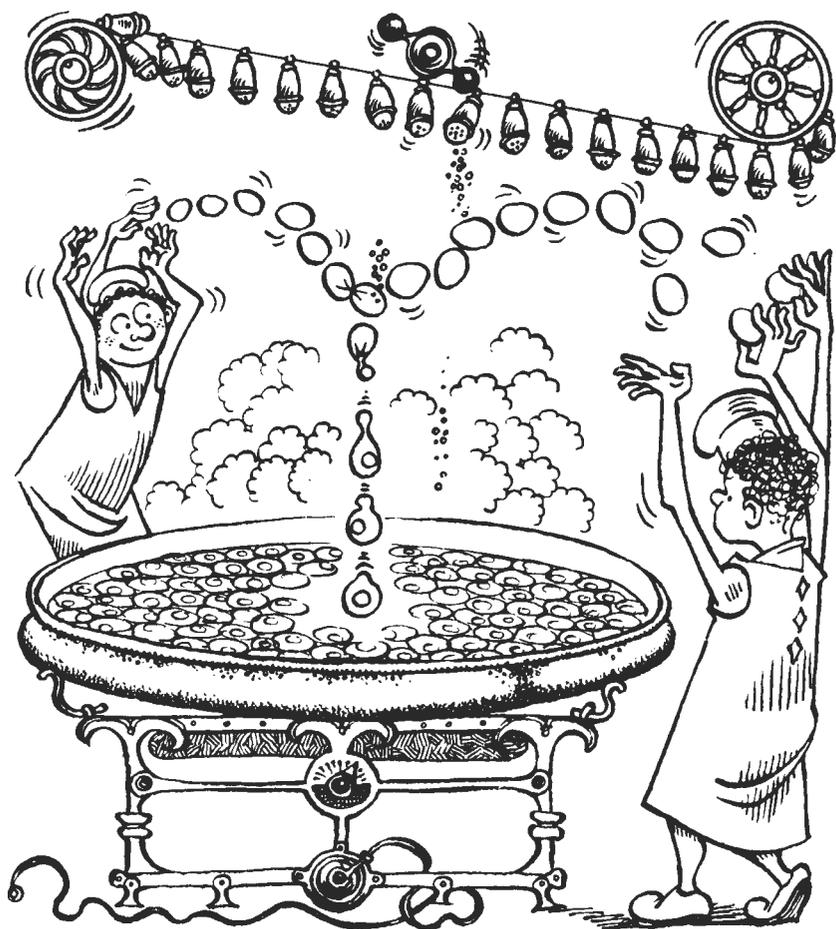
— А я — Вероник Чистюля... — начал было старый привратник, но пан Клякса его перебил:

— Хватит, хватит, пан Вареник, нет у нас времени на все эти церемонии.

— Рад вас приветствовать, господа, — продолжал министр. — Вы находитесь в Институте Яичницы. Коллектив моих ученых поваров разработал сто шестнадцать способов приготовления этого блюда. Разрешите пригласить вас на полдник в дегустационную.

— Наконец-то нам дадут поесть! — воскликнул пан Левкойник. — Я просто умираю с голоду!

Парамонтрон понимающе улыбнулся и ввел нас в зал, посреди которого стояла огромная сковорода.

— Это сковорода-гигант, — сказал министр. — С гордостью сообщаю, что перед вами — самая большая сковорода в мире. На ней можно зажарить яичницу из двух тысяч яиц сразу.

На ее дне вы видите несколько десятков углублений. Они позволяют готовить яичницы по сотне рецептов одновременно.

— Ну надо же! — воскликнул пораженный Вероник. — Это величайшее достижение адакотурадской науки и техники!

— Коллеги, — обратился министр Парамонтрон к своим помощникам в белых тужурках, — зажарьте, пожалуйста, для наших гостей яичницу по рецепту № 76.

Молодые адакотурадцы, большинство из которых были трехрукими, включили плиту в сеть и, с проворством жонглеров подбрасывая в воздух несколько десятков разноцветных яиц одновременно, начали разбивать их прямо на лету, по-обезьяньи ловко отбрасывая скорлупки в сторону. А на сковороде уже шипело масло, вращались автоматические мешалки, а из помещавшихся под потолком щепоткомеров сыпалась соль. Через пять минут мы сели за столики, чтобы отведать яичницы нескольких видов — с помидорами, со сладким перцем, с зеленым луком и с колбасой, — запивая их душистым соком гунго.

Пану Левкойнику, как всегда, мешал живот. Но добрая Гортензия держала тарелку у самого его подбородка, и на этот раз изголодавшийся розовод смог наесться досыта.

Поблагодарив министрона за роскошный полдник, мы поспешили в город, поскольку уже начинало смеркаться. В это самое время спущенные с цепочек петухи запели Марш Оловянных Солдатиков. попрощавшись с любезным хозяином, мы завели самокаты и покинули куриную ферму.

— Мы еще успеем посетить Заповедник Сломанных Часов, — сказал Зызык.

Но тут взял слово пан Левкойник:

— Простите... Ну что нам за дело до сломанных часов? Лично для меня и моих дочерей куда важнее королевский сад.

— А особенно королевские садовники, — буркнул Вероник.

— Понимаю, — смутился Зызык. — Однако я хотел бы предупредить отца о визите.

— Пан Анемон, — со своей обычной рассудительностью вмешался Вероник, — цветами любят заниматься днем, а не вечером, а уж садовниками — и подавно. Ночью все кошки серы!

— Прошу прощения, — сказал уже я. — Мы совсем забыли о своем багаже. Надо забрать его из порта. Пан Вероник, займитесь-ка этим.

— Багаж — моя специальность, — с готовностью ответил старый привратник, уже не раз вносивший и выносивший чемоданы моих родителей. — Только не знаю, куда его доставить. Простите, но у нас нет в Адакотураде никакого адреса...

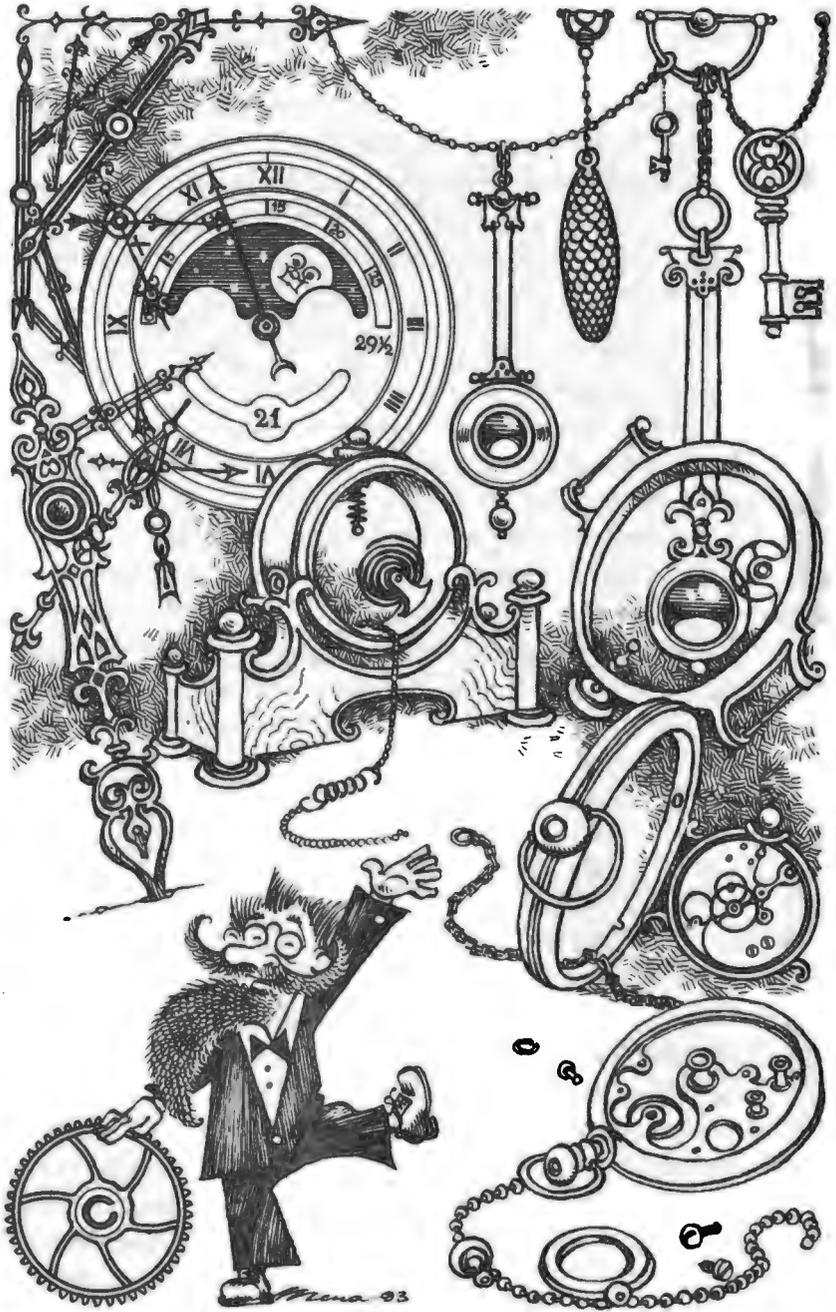
— Я живу во дворце министрона Лимпотрона, — сказал пан Клякса. — Там хватит места всем. Мой старый друг Лимпо, бывший во время экспедиции на плотах рулевым, стал здесь министроном Погоды и Четырех Ветров. Он очень гостеприимный человек, только чуток легкомысленный. Ему кажется, что он умеет предсказывать погоду, хотя всем известно, что за него это делают местные петухи.

— Я вас провожу. Я знаю, где находится этот дворец, — предложил Зызык, и они вместе с Вероником помчались на самокатах в порт.

Разумеется, вы заметили, что в Адакотураде не видно ни вьючных животных, ни общественного транспорта. Все передвигаются пешком либо на одно- или двухколесных самокатах. Лишь у сановников высокого ранга имеются четырехколесные самокаты, немного смахивающие на железнодорожные дрезины. Впрочем, я уже говорил, что трехногие адакотурадцы и пешком одолевают пространства со скоростью антилоп. А Квартерностер I во время служебных поездок пользуется фрегатами на колесиках, приводимыми в движение либо ветром, либо буксируемыми придворными самокатчиками.

Однако возвратимся к нашим делам, ведь мы под предводительством пана Кляксы как раз вошли на территорию Заповедника Сломанных Часов. Он служит одновременно государственным музеем, историческим памятником и парком культуры.

Заповедник окружен стеной, сложенной из циферблатов со светящимися цифрами. Они испускали приятный зеленоватый свет, и, хотя уже стемнело, в Заповеднике было от них светло, как в полнолуние.

Вдоль дорожек, выложенных металлическими штифтиками, возносились пирамиды из различных деталей часовых механизмов.

По четырем углам Заповедника, возвышаясь над остальными, виднелись пирамиды аккуратно уложенных никелированных, вороненых, серебряных и золотых корпусов.

Одна пирамида состояла только из маятников, другая — из пружинок, а следующая — из шестеренок. Рядом поблескивали озаренные зеленоватым светом стопки часовых стеклышек. Между ними виднелись призмы из часовых стрелок, причем секундные стрелки были собраны так, что напоминали собой какие-то колючие растения типа чертополоха.

Центральная пирамида сложена из рубинов, применяющихся в часах вместо подшипников. На вершине пирамиды установлен портрет Квартнеростера I, виртуозно собранный из заводных головок и инкрустированный шляпками стальных винтиков. Портрет неустанно вращается вокруг оси, что позволяет любоваться добрым ликом монарха с любой стороны.

По Заповеднику сновало несколько десятков зрителей, метлами из петушиных перьев на длинных рукоятках они обметали пыль с блестящих пирамид, но особенно старательно — с королевского портрета. Возле кучи рубинов дежурил специальный чиновник с брожированным сейфом, куда убирали на ночь драгоценные камни, а двое учетчиков пересчитывали их и делали запись в гроссбухе.

На дорожках заповедника толпились многочисленные школьные экскурсиды — ведь всем на свете детям страшно интересно, что у часов внутри.

Пан Клякса, умеющий безошибочно формулировать золотые мысли, воскликнул:

— У людей, как и у часов, самое ценное находится внутри!

Сказав это, он встал на одну ногу, задумался на несколько секунд и произнес с неподдельным восторгом:

— Взгляните! Разве это зрелище не прекраснее всех часов вместе взятых? Разве не справедливо, что блестящие колесики, пружинки и маятники, обычно заточенные внутри часов, очутились на свободе? Чтобы полюбоваться жемчужиной, надо

извлечь ее из раковины. Так и с часами. Если хочешь увидеть красоту их механизмов, выпотроши их! А чтобы знать время, достаточно и петуха! Впрочем, настоящий мудрец чувствует время сердцем и в часах не нуждается. Например, я знаю, что наступил вечер и что пора идти к королю на прием. Вперед, дамы и господа!

В тот же миг разнесся удар гонга, означающий, что пора уходить из Заповедника. Привратник тоже приглашал посетитель к выходу. Однако за воротами нас ожидал неприятный сюрприз. Когда мы встали на самокаты, все они оказались без колес! Только тогда я вспомнил, что один из зрителей показался мне подозрительно знакомым.

— Пан профессор! — воскликнул я. — Это дело рук Алойзи! Я видел его! Это наверняка он!

Издали до нас долетел характерный смех. Теперь не осталось никаких сомнений.

— Негодник! — вздохнул пан Клякса. — Делать нечего, пойдем пешком. Надо спешить — путь неблизок, а у нас нет быстрых адакотурадских ног.

И тут из темноты вынырнул запыхавшийся пан Левкойник. — Резеды нет! Пропала Резеда! — испуганно кричал он. — Гортензия здесь... Георгина тоже... Пиония... Роза... Все на месте! Только Резеды нет! Мы все обыскали... Все время была с нами... Доченька моя! Дитяtko! Моя Резеда! О, я несчастный! Пан профессор, что с ней случилось?

— Сохраняйте достойное звание розоведа спокойствие! — призвал его пан Клякса. — Все вижу, все слышу, пребываю начеку. Моя борода тоже начеку. Вашу Резеду похитили. Да! Ее украл сделанный мной механический человек по имени Алойзи Пузырь. Это его делишки.

И пока пан Левкойник продолжал издавать крики отчаяния, пан Клякса встал на одну ногу, раскинул бороду и погрузился в мысли глубоко как никогда.

ИСТОРИЯ АНЕМОНА ЛЕВКОЙНИКА

Не будем мешать пану Кляксе. Пусть он себе сосредоточенно размышляет в одиночестве. Я же воспользуюсь случаем и расскажу тем временем о семействе Левкойников. Вначале мне казалось, что можно обойтись и без этого, но теперь, когда пропала Резеда, я просто обязан сообщить вам некоторые сведения об этой необычайной семье.

По дороге в Адакотураду мы с паном Левкойником не раз сиживали вечерами на корме “Акульего Плавника”, наслаждаясь прохладным ветерком, таким приятным после дневного зноя. Когда остальные пассажиры спускались в каюты, мы вдвоем, устроившись на бухтах морских канатов, заводили длинные беседы, частенько затягивавшиеся за полночь.

Именно тогда рассказал я пану Левкойнику о пане Кляксе, об Алойзи и о том, что произошло с моими родителями.

Пан Левкойник в свою очередь посвятил меня во все дела своего семейства. Ничто так не сближает, как доверенные друг другу секреты. Поэтому очень скоро между нами завязалась дружба, и мы обо всем говорили вполне откровенно.

И вот что поведал мне розовод. Этот рассказ я запомнил очень хорошо.

“Зовут меня Анемоном Левкойником. Родителей я потерял еще в раннем детстве. Воспитывал меня дед, знаменитый специалист по выращиванию кактусов. С первых лет я интересовался ботаникой, собирал травы и цветы, заучивал их латинские названия. В возрасте семи лет я составил рифмованный словарь компасных растений, то есть таких, которые указывают стороны света. Я с удовольствием работал в саду и в теплицах деда и даже помог ему вывести кактус, который на закате свистит, как черный дрозд.

Со временем я приобрел столь обширные знания, что смог самостоятельно провести ряд любопытных опытов по скрещиванию цветов с насекомыми и птицами. Кроме того, я начал применять различные вещества, придававшие цветам особые свойства. Я вывел съедобный анемон со вкусом халвы, а также астры, летавшие подобно бабочкам. Не стану утомлять вас рассказами о менее значительных достижениях и перейду прямо к делу, определившему все мое дальнейшее существование.

Однажды, когда мне было девятнадцать лет, после многочисленных неудач я все-таки сумел довести до победного конца один из самых трудных замыслов. Посредством особой энергии, в свое время открытой профессором Кляксой и повсеместно известной под названием кляксической, мне удалось вырастить совершенно новый сорт левкоя, обладавший неведомыми доселе свойствами...”

В этот миг раздался зычный голос капитана “Акульего Плавника”, разгадывавшего очередной кроссворд:

— Растение из четырех букв! “Ю” в середине, эй?!

— Плющ, — крикнул пан Левкойник и продолжил свою повесть:

“Этот цветок, выращенный мной с таким трудом, называется Левкоем путеводным. Достаточно понюхать его, чтобы впасть в сон-путешествие и перенестись в чужие края как наяву. Погруженный в такой сон человек навещает неведомые города, и все, что он видит и слышит, вполне соответствует действительности и остается в его памяти на всю жизнь.

Я первый, кому удалось осуществить этот смелый замысел. Решив никого не допускать к своей тайне, я спрятал чудесный

цветок в самой гуще сада, куда еще никогда не ступала нога человека. И каждую ночь, тайком выйдя из дома, я нюхал свой левкой, погружался в сон и отправлялся в дальние странствия; а когда утром проверял по географическим атласам и учебникам маршруты своих снов, то все до йоты совпадало с действительностью.

Таким образом я смог посетить множество интересных стран, в том числе Палемонию, Абецию, Вермишелию, Грамматические острова, Патентонию и Невзаправдию. Сон-путешествие обычно заканчивался на рассвете, и я незаметно возвра-

шался через окно в свою комнату, пока дедушка не заметил моего отсутствия. Он лишь недоумевал, отчего это от меня вечно пахнет левкоями и потому частенько говаривал:

— В человеке обязательно есть что-то от его имени.

Однажды, понюхав свой левкой, я снова погрузился в сон и перенесся в страну, которой потом не обнаружил ни на одном глобусе и ни в одной энциклопедии. Это был небольшой остров, затерявшийся среди океана. Назывался он островом Двойников. Расскажу о нем только самое главное.

Общеизвестно, что есть страны, в которых одновременно живет несколько, а то и несколько десятков, разных племен, разговаривающих каждое на отдельном языке.

Но на острове Двойников это выходило за всякие рамки: каждый его житель говорил на своем собственном языке. На острове жило двадцать семь тысяч человек, так что нетрудно сосчитать, сколько там было языков. Поэтому люди могли

понимать друг друга только благодаря общим гласным, а переписывались при помощи азбуки Морзе, которую, как и у нас, знали даже дети.

Как можно догадаться по названию острова, там жили одни двойники. Это были вторые экземпляры различных знаменитостей, созданные, вероятно, на тот случай, когда кому-нибудь из них одна жизнь покажется слишком короткой.

Двойников избирали жеребьевкой из числа выдающихся ученых, изобретателей, художников и путешественников. Я рассмотрел среди них и двойника пана Кляксы, а также копии других известных деятелей.

Должен признаться, что был приятно удивлен, когда осматривая остров, возле одного дома я увидел человека, с которым мы были похожи, как два маковых зернышка. А удивился я потому, что был пока малоизвестным молодым цветоводом и не думал, что слава моя долетела в столь дальние края.

Мой двойник пригласил меня к себе в гости. Как вы уже догадались, мы говорили с ним на одном языке, и я без труда узнал, что имею дело с человеком, выращивающим те же цветы, что и я, и что самое значительное его достижение — ни много ни мало, Левкой путеводный! Кроме того, в силу исключительного стечения обстоятельств этот цветовод тоже звался Анемоном Левкойником. Тут уж я окончательно уверился, что встретил собственного двойника, что на этом острове было делом вполне естественным.

Сходство наше было просто потрясающим. Глядя на второго Левкойника, я был убежден, что разглядываю себя в зеркале: на носу у него была точно такая же бородавка, во рту — золотой зуб с правой стороны, и даже галстук у него на шее был копией моего — в мелкий горошек. Чтобы не путаться, мы договорились, что он станет зачесываться назад, а я — на пробор. Кроме того, я решил называть его Анемоном-Зеркальцем, чтобы показать, кто из нас тут двойник.

Мы сразу же полюбили друг друга как братья, и каждый без труда отгадывал даже самые сокровенные мысли другого.

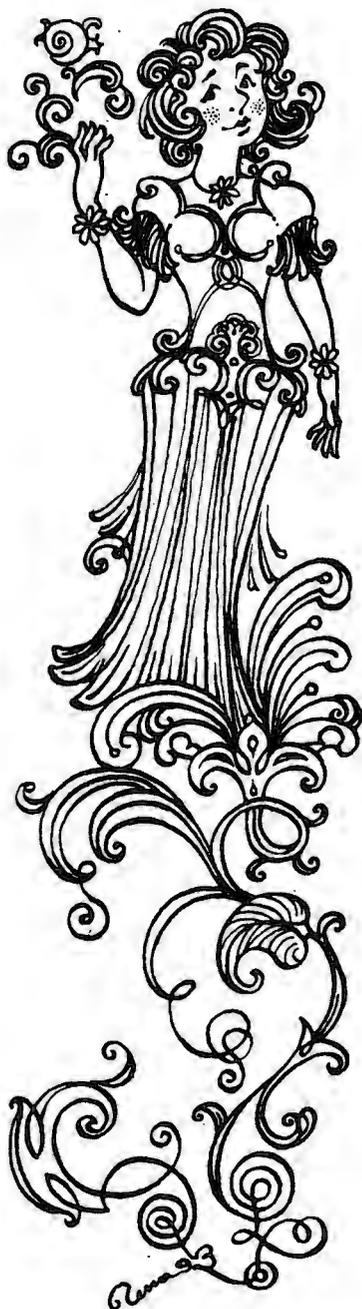
Но между нами было и одно отличие — у Анемона-Зеркальца имелась сестра.

Я готов был поклясться, что на всем белом свете нет другой такой красавицы, и потому не верил, что она может быть чьим-нибудь двойником. Кожа ее была нежна, словно лепесток георгина, глаза ее отливали золотом, будто резеда, губы были цвета пиона, голову она держала гордо, как гортензия, и источала аромат роз. Звали ее Мультифлорой, то есть Многоцветкой. Лучшего имени для нее и не подберешь.

До той поры я обычно просыпался на рассвете и незаметно возвращался в дом своего деда.

Но в тот раз я задержался. Вероятно, близость Левкоя путевого, выращенного Анемоном-Зеркальцем, уравновесило действие моего собственного левкоя. Возможно, понюхав двойник моего цветка, я бы погрузился в очередной сон-путешествие и вернулся домой, — но я этого не хотел. Я гнал всякую мысль о расставании с Мультифлорой.

Я влюбился в нее с первого же взгляда, и она ответила мне взаимностью. Самое удивительное в ее отношении ко мне заключалось в том, что она совершенно не замечала сходства между мной и моим двойником.

— Вся эту сказку о нашем острове, — не раз говорила она, — придумал пан Клякса. Он только и делает, что стоит на одной ноге и выдумывает всякие небылицы о несуществующих странах, о механических людях, о каком-то Алойзи Пузыре, за которым гоняется по всему свету, о двойниках. Все ласточки нам кажутся одинаковыми, но сами они знают, что это не так, и прекрасно различают друг друга... Вот так и вы — вбили себе в голову, что похожи друг на друга. А я не вижу между вами никакого сходства. В конце концов, тысячи людей имеют золотые зубы, бородавки на носу или галстуки в горошек.

Эти слова Мультифлоры меня очень радовали, ведь в отличие от моего двойника я совсем не чувствовал себя ее братом. Напротив, я был влюблен и хотел жениться на ней! Анемон-Зеркальце вскоре догадался о моих намерениях и однажды за обедом сказал:

— Сны могут сниться, а время не ждет. Не знаю, Мультифлора, по праву ли ты приписываешь кое-какие непонятные явления фантазии пана Кляксы, но раз уж ты не веришь в существование двойников, то почему бы тебе не выйти замуж за Анемона? Я же вижу, что вы влюблены друг в друга. Вряд ли ты найдешь себе лучшего мужа.

Вместо ответа Мультифлора бросилась мне на шею.

— Да! Да! — воскликнула она. — Я хочу быть твоей женой! Хочу вырваться из плена химер. Я знаю, ты сможешь дать мне настоящую жизнь, потому что любишь меня!

Вот какой была Мультифлора!"

Тут пан Левкойник прервал свой рассказ и с легкостью мячика поскакал в каюту. Вернувшись через минуту с лейкой, он принялся поливать свои цветы, расцветавшие в установленных вдоль бортов ящиках.

— Роза мультифлора требует особенного ухода. Это очень нежное растение, — вскоре пояснил он, а потом сел рядом со мной и продолжил свою повесть:

“Чем ближе подходил день нашей свадьбы, тем бледнее, даже прозрачнее и незаметнее делался Анемон-Зеркальце. Хотя он по-прежнему неутомимо хлопотал по дому и саду, но продолжал убывать, как убывает после полнолуния месяц. Он уже был не просто моим двойником, а как-то мало-помалу сливался со

мной, пока мы вовсе не перестали его замечать. Он прильнул ко мне как тень и с той поры являлся только в ее обличье.

А произошло это в самый день нашей с Мультифлорой свадьбы.

Супружество наше было чрезвычайно счастливым. Жили мы спокойно, вдали от городского шума, полностью отдавшись выращиванию растений. Своим дочерям-погодкам мы дали имена наших любимых цветов, окрестив их Розой, Георгиной, Гортензией, Пионией и Резедой. Но странное дело: дочери красавицы-матери, увы, родились дурнушками.

Дочки росли здоровыми, занимались у самых лучших учителей и одаривали нас горячей любовью.

Жили мы в благоденствии, потому что нам с Мультифлорой удалось получить скрещиванием множество невиданных пород цветов, обладавших волшебными запахами. Изобрели мы и стимулятор роста, то есть специальную питательную жидкость, благодаря которой развитие и цветение растений происходят гораздо раньше. Благодаря этому наша работа получила широкое признание на острове, и мы с трудом успевали выполнять бесчисленные заказы.

Девочки подрастали, делаясь настоящими помощницами, и моя любимая Мультифлора заявила, что мечтает выдать их за садовников, ибо общение с миром растений, вырабатывает в людях только благородные качества. Подумав еще немного, она добавила:

— Писатели думают лишь о выдуманных ими же героях; инженеры заняты исключительно машинами; путешественники охотно уезжают из дому, бросая жен одних; врачей больные интересуют больше, чем здоровые — и лишь любители растений и цветов могут оценить красоту человеческой души!

Сказав это, Мультифлора вздохнула, источая аромат роз. Со временем я обнаружил, что ее угловатые дочери пахнут теми цветами, имена которых носят. Лишь я, хоть меня и зовут Анемоном, а фамилия Левкойник, ничем не напоминаю цветок, скорее уж дыню — с той поры, как фигура моя округлилась.

Но это уже к делу не относится.

Однажды в конце июня на острове Двойников, как всегда, начался сезон дождей и гроз. Дождь лил, не переставая, по

несколько дней, и мы сидели дома, не навещая даже к своим цветам. На улице ревел ураганный ветер, грохотал гром, во многих местах от молнии вспыхивали пожары. В один из таких вечеров в нашу дверь вдруг постучали.

Я быстро оделся и пошел впустить неожиданного гостя — это оказался Амброжи Клякса. Он поставил свой мокрый зонтик в угол, стряхнул капли дождя с бороды и торжественно произнес:

— У меня к вам дело чрезвычайной важности. Безмерной важности.

Когда мы устроились в удобных креслах, а Мультифлора принесла нам по бокалу вина из роз, пан Клякса сразу же перешел к делу:

— Насколько мне известно, Левкой путеводный выращен вами при помощи открытой мною несколько лет назад кляксихической энергии. Должен вас предупредить, что действие этой энергии ограничено во времени, и я пока не придумал, как ее

усиливать или возобновлять. Мне было не до того, я был занят другими открытиями. На рассвете ваш левкой погибнет. Для нас троих, не являющихся двойниками, это очень важно. Советую вам покинуть этот остров, пока не поздно, а то потом возвратиться в реальный мир будет невозможно. Для себя я уже приготовил порцию необходимого средства и сегодня же возвращаюсь в свою Академию. Это все, что я хотел вам сказать. Да, вот еще что: пани Мультифлора вовсе не была сестрой вашего двойника. Это просто один из моих экспериментов, который, как видим, прекрасно удался. Ваше супружество придумал я, и, полагаю, вы оба благодарны мне за это. Желаю успеха.

Тут пан Клякса встал, попросился, но когда он уже взялся за зонтик, из его бездонных карманов выпал странный предмет в форме цилиндра, усеянного множеством различных стрелок и кнопок и с одного конца увенчанный метелочкой из тончайших платиновых проволочек.

Пан Клякса стремительно поднял этот предмет, покрутил в пальцах и с улыбкой сказал:

— Правда, странный аппарат? Это одно из моих лучших изобретений, я назвал его копилкой памяти. Сюда записывается все, что проходит через мой мозг: каждая мысль, каждый образ, каждое впечатление. Емкости его хватит на всю мою жизнь. Настроив его соответствующим образом, я могу с предельной точностью воспроизвести любой записанный в копилке памяти момент. Может быть, когда-нибудь в будущем я захочу вспомнить сегодняшние события. Как знать, как знать...

В этом месте пан Клякса многозначительно поднял палец и вышел, точнее, выплыл из нашего дома и растворился во мраке.

После ухода профессора мы с Мультифлорой стали думать, как нам быть. Жаль было расставаться с нашими цветами, жаль было покидать дом, в котором прожили столько счастливых лет. Однако мы сознавали, что остаться на острове Двойников — значит отрезать дочерям путь в нормальную жизнь, и мы решили вернуться в настоящий мир. Мультифлора разбудила девочек, велела им одеться, и мы под проливным дождем направились к дальней клумбе, где Анемон-Зеркальце вырастил свой Левкой путеводный. Склонившись к цветку, мы стали энергично вдыхать его пьянящий запах. Через минуту, когда нас

всех охватила сонливость, мы легли на принесенный мной из дома ковер. Девочки дышали ровно, только Мультифлора кашлянула раз-другой. Но кашель ее прозвучал как бы очень изда-лека — во всяком случае, мне так показалось...”

Здесь пан Левкойник в очередной раз прервал свой рассказ. Уже начинало светать, и нам пора было на покой. Следующие два дня розовода мучила сильная головная боль, и он почти не покидал каюты. Пару раз Гортензия заговаривала со мной о том же, о чем мы беседовали с ее отцом, и как-то раз заметила мимоходом:

— Некоторых людей запах цветов одурманивает. Розы семейства *Rosa multiflora* иногда вызывают кошмары и видения. Это любимые цветы моего отца. Посмотрите, как прекрасно они цветут. Весь корабль напоен ароматом наших роз.

Два дня спустя пан Левкойник снова пригласил меня на беседу. Выглядел он так, будто страдал морской болезнью, хотя море было спокойно и “Акулий Плавник” тихонько покачивался на волнах.

“Итак... На чем мы остановились?.. — сказал он после продолжительных раздумий. — Ага! Ночь, гроза, мы лежим на ковре возле клумбы. Я погружаюсь в глубокий сон-путешествие... На рассвете просыпаюсь — но не в саду моего деда, как бывало прежде. От сада ни следа, надо мной перешептываются колосья пшеницы. Вскакиваю на ноги, оглядываюсь, вижу мирно спящих дочерей. Вот Гортензия, вот Роза, вот Пиония, Георгина, Резеда. Нет только Мультифлоры.

— Мультифлора! — в отчаянии зову я. — Мультифлора! Где ты? Отзовись!

Бегаю по полю, раздвигая и топча пшеницу. Дочери зовут:

— Мама! Мама!

Мы кричим все громче и громче, но лишь эхо откликается издали:

— Мультифлора! Мультифлора!

Мы обыскали все. Заглянули под каждый кустик, в каждый закуток. Но все понапрасну — Мультифлоры нигде не было.

Из дома моего деда вышел высокий седой человек в шляпе с пером, с охотничьей собакой и двустволкой в руках. Взгляд его был полон негодования.

— Что вы тут разорались, черт вас побери! — закрипел он старческим голосом. — По какому праву вы нарушаете мой покой? Кто позволил этим девчонкам топтать мои посевы? Живо убирайтесь, а не то я перестреляю вас, как куропаток, провалиться мне на этом месте!

— Я — Анемон Левкойник, — ответил я, стараясь овладеть собой. — Это земля моего деда, этот дом был моим домом.

— Не знаю никаких Левкойников! — заорал старик, топоча ногами. — Ни Левкойников, ни левкоев, ни прочих отвратительных цветов. Терпеть их не могу! Кончилось царство анемонов и тому подобных веников. Я вымел эту мерзость поганой метлой! Земля моя родит пшеницу и рожь. А я охочусь. И промаха при стрельбе не дам, пан Левкойник. А теперь уматывайте отсюда подброду, а то терпение мое на исходе.

С этими словами он взвел курки и взял нас на прицел.

— Пойдемте, — сказал я дочерям. — Этот человек сумасшедший. Для нас тут места нет.

Перепуганные девочки наблюдали за этой огорчительной сценой с крайним недоумением. Они впервые столкнулись с действительностью и впервые выслушали столь злую и грубую речь.

Мы пешком двинулись в ближайшее местечко, где у меня было немало друзей среди садовников. Население местечка состояло в основном

из цветоводов, садоводов и огородников, поставлявших свою продукцию к королевским столам даже в весьма отдаленные страны.

Я решил зайти к старому Камилу Бергамоту, чей сад спускался террасами к самой реке. Начинал он с выращивания клякс — редкого гибридного сорта груш, привитого по методу профессора Кляксы; отсюда и название. Кляксы были необычайно соч-

ными и душистыми, а вместо косточек у них внутри были черешенки.

Нас встретила седая, но еще крепкая старушка, в которой я узнал пани Пепу Бергамот. Увидев меня, она весьма обрадовалась и сердечно расцеловала всех нас, а когда узнала о нашем несчастье, решительно заявила:

— Дорогой Анемон, мой муж уже три года как умер, и теперь я старая одинокая женщина. Отсюда я вас никуда не пушу. Я знала тебя еще мальчиком, и где же, как не у меня, твои дочери найдут подобающую опеку? Пусть все мое достояние

станет и вашим! Сама судьба послала мне вас на старости лет. Сбылись мои самые заветные мечты. Отныне, по крайней мере, мне есть ради кого жить.

Вот какой женщиной была пани Пепа.

И мы остались. Она выделила мне изрядную часть своих земель, и мы с дочерьми тут же приступили к работе, выращивая розы. С тех пор меня интересуют только розы мультифлора, напоминающие мне о возлюбленной жене.

А в один прекрасный день пани Пепа позвала меня к себе и сказала:

— Неудивительно, дорогой Анемон, что Мультифлоры с вами не оказалось. Совершенно очевидно, что из-за кашля ее дыхательные пути были перекрыты, и она не смогла в достаточной мере надыхаться запахом левкоя. Однако это вовсе не означает, что Мультифлора исполняла только роль двойника! Такому мудрому человеку, как профессор Клякса, вполне можно доверять. Я уверена, что ты отыщешь свою жену.

Милая старушка все время подбадривала меня, и со временем в моем сердце вновь поселилась надежда. А когда на корабле я узнал, что мы поплывем в Адакотураду и что там я смогу найти профессора Кляксу, я поверил в скорое исполнение моих стремлений. Надеюсь на вас, пан Несогласка. Может, вы поможете мне завоевать благосклонность профессора".

Я заверил пана Левкойника, что великий ученый несомненно окажет ему содействие в поисках Мультифлоры.

Некоторое время мы сидели молча. Но вот розовод вздохнул, помял свою бородавку, оживился и продолжил свой рассказ:

“Многие годы пани Пепа славилась в роли укротительницы диких зверей и, выступая в бродячих цирках, она сумела сколотить немалый капиталец. Постарев, она оставила арену, поселилась в нашем городке и страстно увлеклась выращиванием груш. Потом вышла замуж за собственного садовника Камила Бергамота, а тот несколько лет назад умер, обьевшись клякс.

Характер у пани Пепы был очень мягок, и она не раз подчеркивала, что мягкости она научилась у диких зверей. Людей же, наоборот, избегала из опасения перед их хищностью.

— Я, пожалуй, права, дорогой Анемон. Ведь тебе пришлось познакомиться с охотником, захватившим дом твоего деда и прогнавшим вас, угрожая двустволкой. Но у тебя доброе сердце, и ты не теряешь веры в людскую порядочность. Может, это и к лучшему.

Вот какой была пани Пепа.

В свободное время она обучала моих дочерей дрессировке, и со временем у нас в доме появилась белка, умевшая зажигать лампы, пес, каждое утро поливавший цветы, и умевший чистить башмаки еж. Кот Валерий ловко и быстро пришивал пуговицы, а белые мыши вытирали пыль и пололи грядки. Резеда особенно увлеклась дрессировкой птиц. Ее скворец через месяц научился говорить и даже сочинил несколько двустийший. Вот некоторые из них:

*Левкойник поскачет
И лопнет, как мячик.*

Или:

*Пуста башка у Анемона,
А его дочки — как вороны.*

А вот еще:

*Хоть ослепла Пена,
Но крепка, как репа.*

Под влиянием этого скворца Пиония тоже принялась рифмовать и теперь говорит только стихами. Хотя она несомненно обладает даром к поэзии, понять ее творения непросто.

Например, вчера она сказала так:

*Георгина малина мылом бела
И зеркально глядельно водою лила
Одеяло плескало мокрело беда
Капитана замену сюда.*

Это должно означать, что Георгина, умываясь перед сном, засмотрелась в зеркало и облила голубое одеяло, а я должен попросить капитана распорядиться постелить ей сухую постель.

Как видите, Пиония хорошо рифмует, зато Резеда не имеет себе равных в обучении птиц. Она научила плоских червей таблице умножения, и теперь любая птица, съевшая такого червяка, сможет умножать числа от единицы до ста.

Именно Резеда дрессировала вашего колибри и научила его указывать на северо-восток, благодаря чему мы с вами плывем в Адакотураду.

Пани Пепа окружила моих дочерей заботой и вниманием, стараясь угождать им во всем; каждый день она готовила им всевозможные лакомства, например, кляксы в шоколаде или с кремом. Но несмотря на это девочки худели, чахли, я бы даже сказал — увядали как цветы. Не помогали никакие лекарства и снадобья, никакие мази, настойки на розовой воде, не помогла даже анемоновая наливка. Их состояние ухудшалось с каждым днем. Видимо, после искусственного климата острова Двойников девочкам было трудно привыкнуть к новым условиям.

К счастью, пани Пепа, изучая путевые дневники пана Кляксы, наткнулась на описание Аптечного мыса и Обеих Рецептурий. Мы узнали, что там можно найти нужные лекарства.

Я не стал долго колебаться. Мы уложили чемоданы и пустились в путь. На дорогу пани Пепа снабдила нас двумя корзинами спелых клякс.

Путешествие наше прошло без приключений, и через неделю мы высадились в порту страны аптекарей. Правил там Провизор Микстурий II.

Уже сам климат Аптечного мыса оказался благотворным для моих до-

черей. Тамошние выдающиеся фармацевты занялись ими весьма заботливо. Мы получили ценные эликсиры из собственных сборов Микстурия II, которые быстро возвратили здоровье моим любимым дочерям. Не думайте, что я не пытался раздобыть для них и средство для достижения красоты ли-

ца, но ни мази, ни кремы, изготавливаемые в стране Обоих Рецептурий, не обладают такими свойствами.

Во время приема, данного в нашу честь удельным Провизором, этот добрейший правитель сказал мне доверительно:

— Насколько мне известно, в стране, называющейся Адакотурадой, вызревают плоды гунго. Сок этого фрукта является единственным эффективным средством от уродства. Рекомендую запомнить: фрукт гунго из Адакотурады”.

Здесь пан Левкойник тронул меня за рукав и, удостоверившись, что я не сплю, воскликнул:

“Понимаете, пан Несогласка, как я счастлив, что встретился с вами?! Понимаете, какое значение имеет для меня и моих дочерей эта поездка в Адакотураду? Просто не могу дождаться, когда же наконец мы доплывем до ее берегов. Но теперь давайте возвратимся к приему у Микстурия II.

Среди многочисленных сановников и представителей местной общественности находился и Первый Адмирал Флота.

Был он не слишком красив и, я сказал бы даже, несколько нескладен; да и вел он себя весьма странно. А звали его — внимание, пан Несогласка — Алойзи Пузырем”.

Эти слова пана Левкойника меня будто громом поразили, и я с еще более пристальным вниманием стал вслушиваться в его рассказ о дальнейших событиях. Перескажу я его чуть позже, а сейчас мне необходимо закончить главу и возвратиться туда, где мы расстались с паном Кляксой.

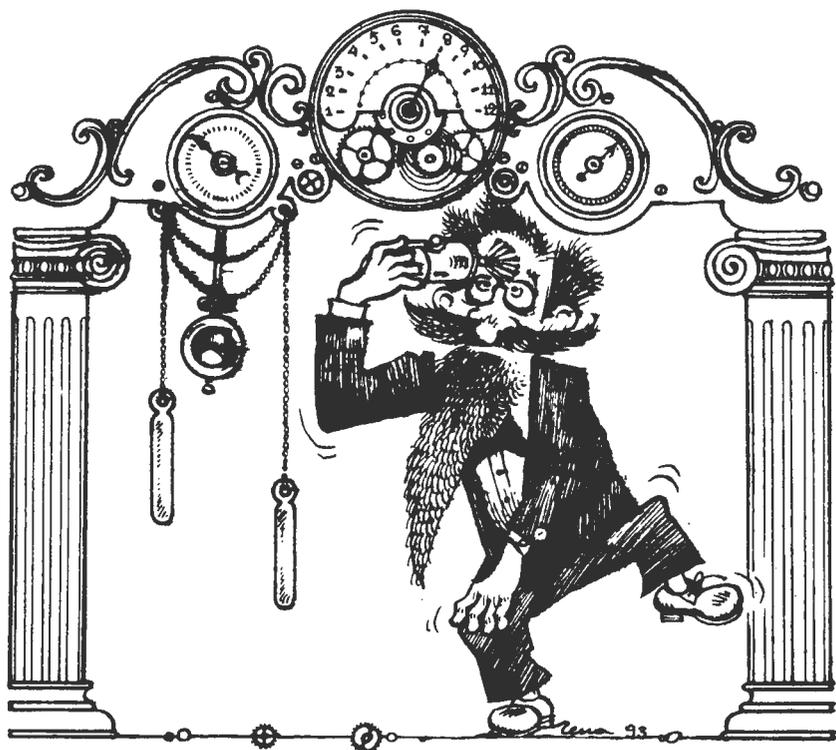
ГДЕ РЕЗЕДА?

Во второй главе мы оставили пана Кляксу у ворот Заповедника Сломанных Часов в позе, которую он обычно принимает, когда требуется что-нибудь хорошенько обдумать. На этот раз ученый муж задумался сильнее, чем когда-либо прежде — ведь речь шла о похищении Резеды Алойзи Пузырем.

Стоя на одной ноге, пан Клякса думал достаточно долго, чтобы я успел рассказать вам об острове Двойников и о делах семейства Левкойников.

Теперь по физиономии великого ученого было видно, что он уже все обдумал и вот-вот начнет действовать. Действительно, пан Клякса выпрямился, одернул сюртук и достал из кармана копилку памяти. Передвинув в приборе несколько стрелок, он настроил аппарат, нажал нужную кнопку, а затем прижал метелку из платиновых проволочек ко лбу.

— Разумеется, пан Анемон, — сказал он немного погодя, — вы правы, утверждая, что мы с вами встречались. Теперь я точно помню нашу последнюю беседу на острове Двойников. Мультифлора! Да, она не смогла как следует нанюхаться запаха

Левкоя путеводного и осталась на острове. Мы ее найдем, дорогой пан Левкойчик...

— Левкойник, — поправил розовод.

— Прошу прощения, у меня плохая память на имена, — опомнился пан Клякса. — Естественно: левкой — Левкойник. Это же так просто. Мы найдем вашу жену! Выше голову! Однако сегодня нас ждут дела поважнее. Надо разоблачить Алойзи Пузыря и найти Резеду. План действий я уже разработал. Надо быстренько переодеться, чтобы успеть к королю на прием. Времени в обрез. В путь, дорогие мои! Борода начеку!

Мы двинулись в сторону дворца министра Погоды и Четырех Ветров, где нам предстояло жить. Там, наверное, нас уже

ждал Вероник, который, как вы помните, отправился в порт за багажом.

Всю дорогу розовод крутился вокруг пана Кляксы, утыкаясь своим животом в профессорский и засыпая его градом вопросов:

— Пан профессор... моя жена... моя Мультифлора... Где ее искать? Умоляю вас... Что делать? Куда ехать? Как попасть на остров Двойников?

Дочери пана Левкойника вторили отцу, преграждали пану Кляксе путь. Георгина и Роза хватали его за локти, а Гортензия хныкала:

— Ну, скажите же, пан профессор!

— Почему вы молчите?! Почему? — повторяла Роза, хватая ученого за фалду сюртука.

На все эти вопросы у пана Кляксы был один ответ:

— Спех — уму помеха! Зарубите это себе на носу. Семь раз отмерь, потом отрежь. Я знаю, что и когда надо делать. Борода начеку! А вы, девушки, не мешайте мне идти к намеченной цели.

После этих строгих слов семейство Левкойников больше не докучало пану Кляксе. Мы все молчали, а он уверенно шагал впереди. Фалды его сюртука развевались, а борода безошибочно указывала направление.

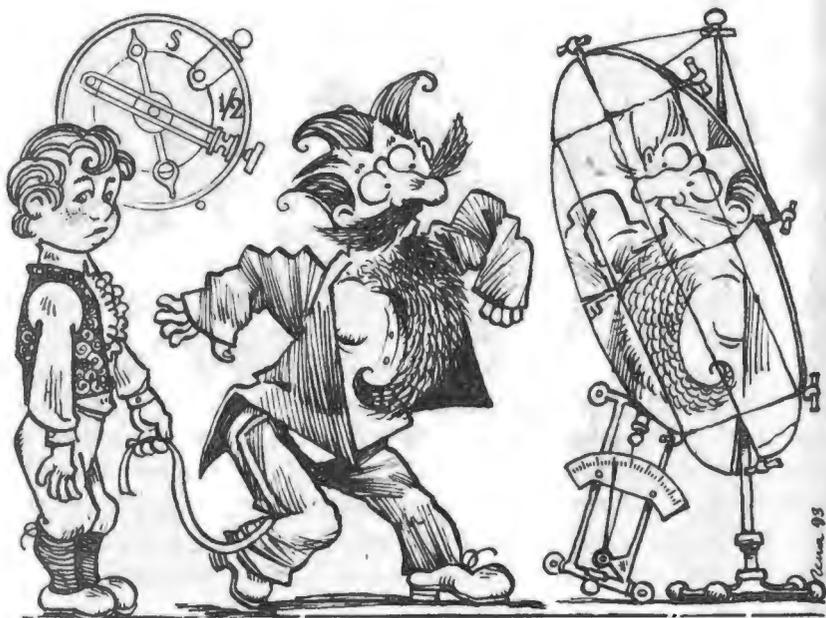
Мы прошли улицу Веселых Цыплят, а затем широкую Лактусовую Аллею, залитую светом разноцветных фонарей. Эта аллея обсажена лактусовыми деревьями, растущими только в Адакотураде. Их кроны украшены трубчатыми веточками, из которых сочится лактусовый сок. Адакотурадцы используют его как тонизирующий напиток. Тамошние садовники специальными молоточками выстукивают стволы деревьев, что значительно ускоряет выделение ценного сока, цветом и вкусом поразительно напоминающего коровье молоко. Доение лактусовых деревьев происходит ежедневно после захода солнца. Проходя по аллее, мы видели множество женщин, с ведерками в руках стоявших в очереди за свежим соком. У некоторых были даже сита для сцеживания пенки.

Пан Клякса шагал все более размашисто, и чтобы не отстать, нам приходилось бежать за ним трусцой. Еще издали мы увидели площадь А-С, откуда в небо взлетал великолепный салют. Никогда еще я не видывал столь интересных пиротехнических комбинаций. Многоцветные потоки фейерверков сливались то в петушиные хвосты, то в сражающихся драконов,

а то и целые картины: например, королевский фрегат, а на нем самого Кватерностера I в ореоле из разноцветных яиц. Зрелище было прямо-таки фантастическим. Толпа выкрикивала приветствия своему доброму монарху, тем более что сегодня по случаю национального праздника на всех площадях жарили для народа бесплатную яичницу. Как нам сообщили, Кватерностер I выделил для этого двести тысяч экспортных яиц.

На площади А-С мы с большим трудом протиснулись сквозь толпу, обступившую сковороду-гигант, и пробрались во дворец Лимпотрона. Вероник уже поджидал нас у входа.

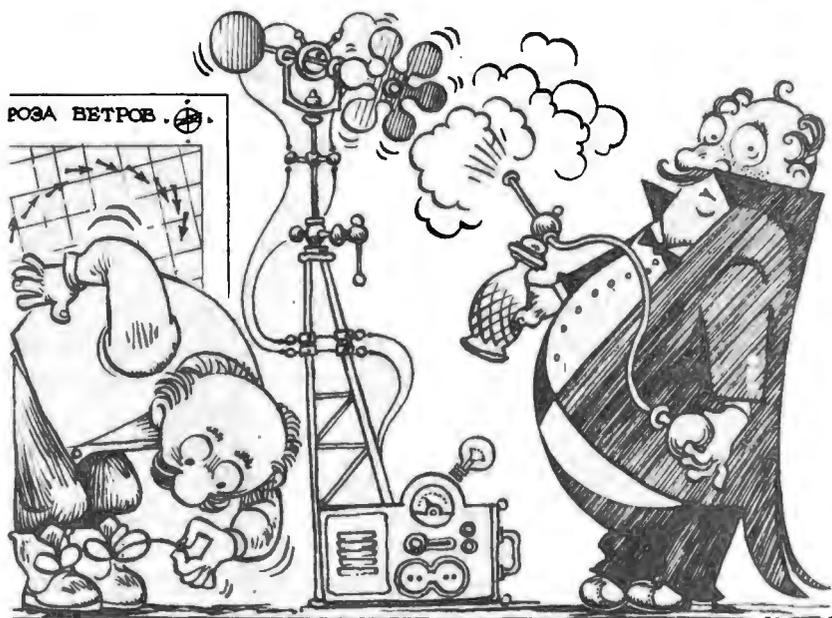
— Чемоданы распакованы, а одежду я велел погладить, — гордо доложил он. — В королевском дворце надо быть через полчаса.

Комнаты, отданные в распоряжение пана Кляксы, находились на втором этаже. Для сна там были развешаны корабельные койки, а обстановку составляли всевозможные компа-

сы, барометры, градусники, приборы для измерения скорости ветра и количества осадков. На стенах висели метеорологические карты, а на столах лежали схемы с отмеченными флажками кривыми низкого и высокого атмосферного давления. Скорее всего, здесь располагались министерские кабинеты, на время ставшие комнатами для гостей.

В одной из комнат стояло складное зеркало, обладавшее способностью делать фигуры смотревшегося в него человека более стройной. Пан Клякса очень следил за своим внешним видом и повсюду возил его с собой. Теперь эту комнату заняли девушки, пан Левкойник поселился с Вероником, а я — с паном Кляксой.

— Господа! — сказал ученый. — У нас имеется пятнадцать минут для приведения себя в порядок. Прошу одеться по-праздничному.

Когда мы с паном Кляксой остались одни, он, весело насвистывая, вывернул свой сюртук наизнанку, чтобы подклад-

ка из голубого атласа в золотую искру оказалась наверху, пристегнул к брюкам праздничные лампасы, а на шею повязал галстук в желтый горошек, предназначенный для торжественных случаев. Выглядел он в этом костюме необыкновенно элегантно.

— Двухсторонний сюртук — мое изобретение, — сказал он, с довольной миной разглядывая себя в зеркале. — В нем имеется восемь обычных карманов и четыре потайных. Столько в жилетке. Для того, кто много путешествует, такой универсальный костюм просто необходим. Но самое главное — это карманы. Их, как я сказал, дюжина в сюртуке, дюжина в жилете и полдюжины в брюках — всего тридцать штук, не считая двух карманов в кальсонах. Вот наряд, достойный ученого!

Я надел свой лучший костюм, прикрепив к брюкам лампасы. Мне казалось, что настал момент рассказать пану Кляксе о причине моего прибытия в Адакотураду. Но едва успел я открыть рот, как он заявил:

— Знаю, знаю, Адашь! Твои мысли написаны у тебя на лбу. Я ведь знаю тебя, как свои пять пальцев. Раз ты приехал за мной даже сюда, значит у тебя большие неприятности. После получения диплома ты должен был отправиться домой. Стало быть, твои неприятности связаны с домом, с родителями. Если бы кто-нибудь из них заболел, ты искал бы помощи не у меня, а у врачей. Если бы твои неприятности не были связаны с какими-то птичьими делами, и притом весьма важными, ты не связывался бы с колибри. Остальное ясно без слов. Не волнуйся, я помогу тебе разыскать отца. Я сказал “отца”, потому что за твою матушку я совершенно спокоен: с такими женщинами птички приключения не случаются. Выше голову, Адашь! Борода начеку!

Ну, скажите сами — разве он не гений?

Дочери пана Левкойника облачились в платья, цветом соответствовавшие их именам, и вместе составили настоящий букет.

Пан Левкойник надел фрак. Вечер был жарким, и пот ручьями бежал по лицу розовода.

Только Вероник не изменил своему обычному наряду, если не считать, что на этот раз он зашнуровал ботинки тонким зеленым проводом от электрического звонка.

Мы не смогли познакомиться с нашим хозяином, поскольку министрон Погоды и Четырех Ветров был занят приготовлением погоды для близящегося праздника.

Вероник тщательно запер двери, отдал ключи прислуге, и мы отправились к королю на прием. В тронный зал мы вошли как раз тогда, когда раковины исполняли государственный гимн Адакотурады.

Кватерностер I стоял на капитанском мостике фрегата. Чуть ниже выстроились государственные мужи. Премьер носил имя, у которого министерскими были не только окончание, но и приставка, и потому звался Трондодентроном. Гости толпились у стен, поскольку в центре зала были установлены сковороды, на которых придворные повара жарили яичницу цветов государственного знамени, то есть желто-красно-зеленую, чему соответствовали яйца, помидоры и зеленый лук.

Когда король в своей речи, слышанной нами накануне, дошел до слов: “Ежегодно мы вывозим за границу пятьдесят миллионов яиц и на полученную валюту покупаем до ста тысяч часов”, — я незаметно отделился от нашей группы, пытаясь отыскать среди гостей Алойзи Пузыря.

Как вы помните, все сказандцы, недавние моряки, имели татуировки, и пан Клякса справедливо надеялся, что отсутствие ее у механического человека поможет нам обнаружить его. Но произошла накладка. Дело в том, что гости, хотя и оставались обнаженными по пояс, по случаю торжеств посыпали себя праздничным серебряным порошком, совершенно скрывшим их кожу.

Не мог я распознать Алойзи и по лицу, потому что, как вам известно, этот мошенник умел маскироваться и принимать вид любого человека.

Так что остались лишь ноги. Сказандцев тринадцать человек, а остальное население состояло из коренных трехногих адакотурадцев и их детей, родившихся от смешанных браков со сказандцами; эти дети были двуногими, зато имели по три руки, и узнать их не составляло труда.

Пробираясь сквозь толпу с потупленным взором, я отмечал в памяти двуногих сказандцев.

Первым был король Кватерностер I, далее — премьер Трондодетрон, затем — министр Погоды и Четырех Ветров Лимпоторон и министр Мира Трубатрон, наконец — четыре меньших министра и пять сановников из окружения короля.

Я еще раз проверил свои подсчеты. Все сходилось. Двуногих сказандцев было тринадцать. Наша группа состояла из девяти

человек. У остальных было по три ноги, и, стало быть, они являлись адакотурадцами.

Вероник повел самостоятельное наблюдение. Сначала, правда, он ошибся в счете, не взяв в расчет короля, но в остальном наши данные совпадали.

— На арифметику полагаться нельзя, — шепнул мне на ухо старый привратник. — Порой пятью десять — пятьдесят, а порой — ползлотого. Столько пан Хризантемский дает, когда я открываю ему ворота.

Тем временем гости подкрепились яичницей, и прислуга убрала сковороды. Придворный музыкант исполнил на ракушках Марш Бойцовых Петушков, после чего начался концерт.

Трехрукие девушки исполнили на двойных скрипках Торжественный Гимн Яйцу. Каждая из них двумя руками держала две скрипки, а третьей — водила смычком. Музыка была так хороша, что мне захотелось ее воспроизвести. Послушайте:

“Пи-пи-взззз-ффф-фф-дли-дли-дли-мг-мг-рс-рс-тффф...”

Разумеется, это всего лишь небольшой фрагмент, но, надеюсь, он поможет представить себе все произведение целиком. Что же до исполнения, то могу заверить: благодаря проворству рук и пальцев скрипачек смычок вовсе не был виден, зато струны от трения раскалились докрасна.

Гости встряхивали в такт часами, и в сочетании с музыкой это производило столь ошеломляющее впечатление, что Квартнерстер I едва не расплакался.

Затем певицы исполнили сказадакотку о несущке на слова министрона Художественных Дел Трубатрона.

Этот знаменитый сказадакоточник трудился над текстом песни два года, так что она достойна быть переведенной на наш язык:

*Кво-кво-кво-квочка, поднатужься, дочка!
Кво-кво-кво-квочка, яичко нам дай!*

*Очень мы любим каждую квочку,
Ведь кво-кво-кво-квочки обогащают край!*

*Кво-кво-кво-квочка, не топай ножкой!
Своею нас милостью не оставляй!*

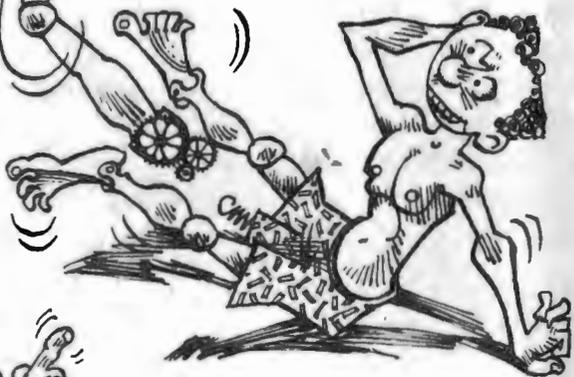
*Работай на совесть, кво-кво-кво-квочка,
Кво-кво-кво-квочка, яичко нам дай!*

За певцами на сцену вышел танцевальный ансамбль и лихо сплясал акробатический танец адакоточичу. Он состоял из быстрой чечетки на трех ногах с тройным притопом, затем шло двукратное приседание с одновременным выкидыванием средней ноги вперед.

Быстро вращались раковины, соединяя отдельные марши в одну нескончаемую мелодию, Квартнер I с удивительным чувством ритма бил в корабельный колокол своего фрегата. Зал гудел и гремел, а адакотурадцы ударяли часами об пол в такт адакоточиче.

Непривычные к такому гвалту дочери пана Левкойника позатыкали себе уши, зато пан Клякса следил за танцорами с нескрывае-

мым интересом и даже дирижировал одним пальцем, как заправский капельдинер.

Но вот, когда танцоры снова пошли вприсядку и стали выкидывать средние ноги вперед, у одного из них нога внезапно оторвалась, пролетела над головами сидевших в зале и со всего маху ударила Квартнер I по носу. Оглушенный король сполз на палубу. Музыка

сразу же прекратилась, и все в изумлении замерли. Один только пан Клякса не потерял самообладания и воскликнул:

— Адасть! Ты понимаешь что это такое? Эта нога была привязана! Алойзи притворялся адакотурадцем! Смотри... Вон он! Удирает! Господа, за мной!

С трудом протискиваясь сквозь толпу остолбеневших гостей, мы бросились к выходу. Пан Клякса с развевающейся по ветру бородой лез вперед, как танк, за ним я, за мной — Вероник, а позади всех, подпрыгивая, словно мяч, неся пан Левкойник.

Выскочив из зала, мы скатились с лестницы и бросились в погоню.

Если бы Алойзи не удирал, узнать его в толпе нам бы не удалось. Но он боялся, может, не столько нас, сколько

королевской стражи и грозящего наказания за оскорбление высочайшей персоны. Так что он мчался, не оглядываясь, будто за ним волки гнались. Проскочив Лактусовую Аллею, площадь Желтка и улицу Белка, он юркнул в один из боковых переулков. Тут он мгновение поколебался и нырнул в ближайший подъезд. Мы ринулись вслед за ним и, перепрыгивая через три ступеньки, помчались с этажа на этаж. И вот, в тот самый момент, когда беглец уже собирался выскочить из слухового окна на крышу, пан Клякса схватил его за ноги.

— Попался! — пропыхтел ученый. — Попался, Алойзи! Не бойся, я не сделаю тебе ничего плохого! Не вырывайся! Алойзи, дорогой, это же я, Амброжи.

Мы выгнали Алойзи с крыши. Вероник крепко держал его за руки, а я за голову. Пан Клякса достал из своих бездонных карманов отвертку и ловко открутил за ухом у Алойзи небольшой винтик.

— Я расстроил его двигательный механизм, — грустно признался он. — Теперь не убежит.

Алойзи застыл, как кукла, и только монотонно бормотал:

— Не убежит... Не убежит... Амброжи портач... Амброжи мухомор... Амброжи шляпа... Амброжи бракодел...

— Поттише, Алойзи, — сказал я. — Тут посторонние... Что они могут подумать? Нехорошо...

— Как дам пинка в зад! — процедил Алойзи сквозь зубы. К счастью, ноги его не работали. Пан Клякса внимательно оглядел его и наконец кивнул нам:

— Господа, надо его отнести домой. Нас ждет нелегкая работа.

Вероник молча подхватил Алойзи под мышки и стал спускаться по лестнице.

Мы вышли на улицу. Стояла поздняя ночь. Окна уже погасли, и лишь изредка навстречу попадались запоздавшие прохожие. Одним из них оказался Зызык, удивленно оглядевший Алойзи.

— Интересно... все время ходил на трех ногах, а теперь их только две... Я его знаю... Он мне говорил, что его отец превратился в птицу... А сегодня уверял, что приехала его невеста...

— А дальше? — вскричал пан Левкойник.

— Дальше? Просил дать ему ключ от Королевского Сада.

— Ну и, дальше-то что? — настойчиво допытывался розовод.

— Подарил мне золотые часы, вот я и дал ему ключ... Он обещал утром вернуть.

— Резеда! Моя Резеда! — воскликнул пан Левкойник. — Он спрятал ее в Саду... Пан Адасть, надо идти туда! Скорее!

Вероник положил Алойзи на газон и стал методично обшаривать его карманы. В одном из них он действительно нашел медный ключ и двойную платиновую пружину. В другом — большую круглую пуговицу.

— Понятно, — заявил пан Клякса. — У него выпала пружина правильного мышления... А может, сам ее нечаянно выковырял... Теперь мне все ясно. Адасть, сходи, пожалуйста, с паном Левкойником в Королевский Сад за Резедой. Зызык вас проводит. А мы с паном Вероником пойдем домой.

Вероник поднял Алойзи, забросил его на плечо и многозначительно произнес:

— Эту пуговицу я видел уже дважды. Интересно!

Ни слова не говоря, пан Клякса отобрал у привратника пуговицу и сунул ее в жилетный кармашек.

— Возвращайтесь с Резедой! Пан Вероник, в путь! Борода на чеку.

Сказав это, он зашагал вместе с привратником прочь, насвистывая на ходу Марш Оловянных Солдатиков, из чего я заключил, что ему в голову пришла чрезвычайно мудрая идея.

А мы трое, подгоняемые паном Левкойником, скорым шагом двинулись к Королевскому Саду, где, судя по всему, Алойзи спрятал Резеду.

Прокат самокатов в это время уже не работал, а Королевский Сад находился далеко за городом — так что шли мы очень долго и успели наговориться обо всем.

Зызык, который тоже побывал на приеме у Кватерностера I, сообщил, что хотя король и не пострадал, но страже отдан приказ найти злодея.

— Я видел эту ногу собственными глазами, — сказал он. — Она была набита опилками и куриными перьями. И хотя преступник использовал искусственную ногу, он будет отвечать за то, что дал королю пинок. У нас

пинать королей не разрешается. Ему грозит суровая кара.

Некоторое время мы шли молча. Меня очень беспокоила судьба Алойзи, хотя Зызык и не заметил в нем сходства с личностью разыскиваемого террориста.

Пан Левкойник то и дело забегал вперед, но тут же возвращался, боясь нас потерять. Этим он мне напоминал

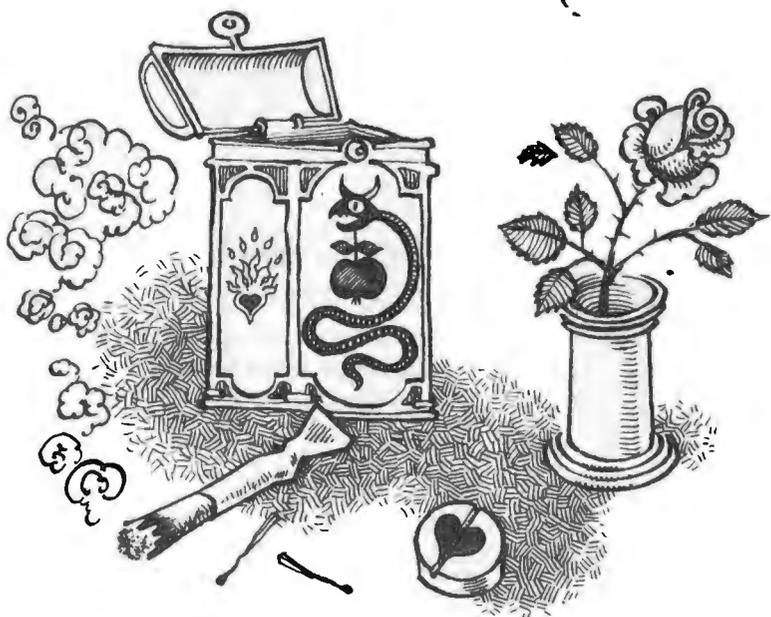
одного знакомого пуделя, который на прогулке с хозяином вел себя точно так же.

Полная луна освещала нам дорогу и заговорщицки подмигивала одним глазом, точь-в-точь как пан Клякса, когда хотел сказать что-нибудь гениальное. Мы шли по широкой эвкалиптовой аллее, по обе стороны которой тянулись небольшие фермы птицеводов-единоличников. То тут, то там запевали петухи. Известно, что

некоторые из них страдают бессонницей и потому приступают к работе раньше положенного. Петушиное пение привело Зызика в такой восторг, что он стал хлопать руками по бедрам и кричать звонким голосом, как взавправдашний петух.

Пользуясь тем, что внимание Зызика занято петухами, пан Левкойник взял меня под руку и доверительно сказал:

— Я рассказывал вам о пребывании на Аптечном Мысе. Теперь я вынужден вернуться к этой теме. Итак, там мы познакомились с Алойзи Пузырем, занимавшим в стране Обеих Рецептурий пост Первого Адмирала Флота. В этой должности он пользовался всеобщим уважением и слыл отличным мореходом. Впрочем, профессор Клякса подробно описал это в своих трудах. Адмирал оказывал мне и моим дочерям исключительное внимание, даже предоставил в наше распоряжение старинный корвет с пятью матросами и разрешил участвовать в сборе лекарственных водорослей, а девочкам подарил по горсти прекрасного жемчуга.

Однажды он устроил на палубе флагмана “Микстурия” пресвосходный бал в нашу честь.

В первой паре удельный Провизор Микстурий II танцевал с моей Гортензией, а во второй — Первый Адмирал Флота с Резедой. Что это был за танец! Играл морской духовой оркестр, а Резеда порхала с легкостью нашего колибри. Матросы влезали на мачты, чтобы полюбоваться моими дочерьми. Один из них так загляделся, что свалился с марса прямо на барабан, подскочив на нем семнадцать раз подряд, что прозвучало, как торжественный туш.

Именно тогда, во время пилбольного танца, Адмирал сделал Резеде предложение. И представьте себе, та согласилась стать женой Алойзи Пузыря. Но когда я узнал, что он не совсем человек, то решил сорвать обручение. Я честно сказал ему, что моя жена Мультифлора хотела, чтобы наши дочери вышли замуж за садовников. И только тут Адмирал показал свое истинное лицо. Он пригрозил, что бросит меня на растерзание акулам, а когда Резеда заплакала, заявил:

— Ну ладно. Не брошу. Жаль акул. Но запомните: Резеда — моя невеста, и я не собираюсь от нее отказываться. Я знаю, что завтра вы покидаете нашу страну. Как мне ни жаль, но я не хочу навлечь неприятности на достойного Микстурия II. Однако что бы ни произошло, я отыщу Резеду даже на краю света. Не люблю, когда мне перечат.

Резеда — ребенок очень послушный, но в тот раз она против моей воли бросилась Адмиралу на шею, крича, как в свое время ее мать:

— Да! Да! Я хочу быть твоей женой! Я буду тебя ждать. Только не сердись, не задирай нос, проси у отца прощения! Если любишь меня, сделай по-моему!

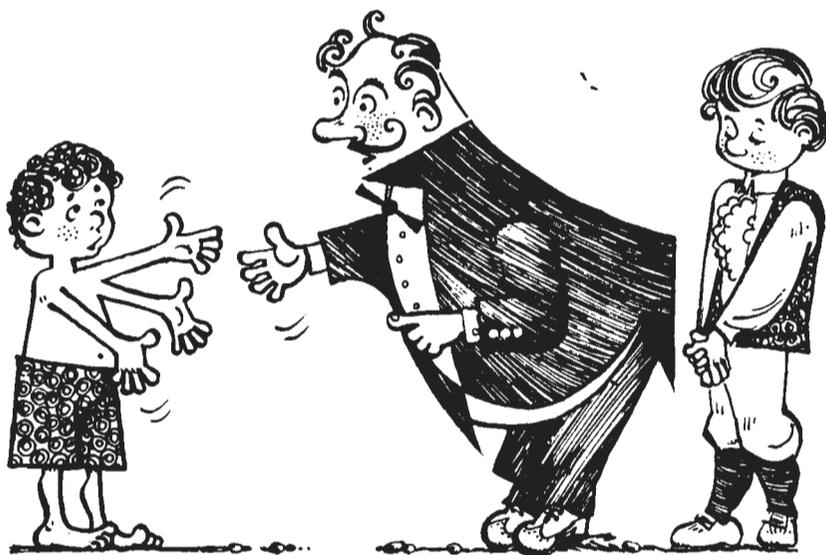
Тогда Первый Адмирал Флота, высокопоставленный сановник Обоих Рецептурий, кавалер Большой Ленты Пирамидона со звездой припал на одно колено и покорно сказал — уж и не знаю, притворной или искренней была его покорность:

— Я люблю Резеду и в доказательство своих чувств прошу у вас прощения.

Сказав это, он подскочил, как ошпаренный, выбежал из зала, и с тех пор мы не видели его до сегодняшнего дня. И что же

теперь, пан Адашь? Этот испорченный автомат должен стать мужем Резеды? Конечно, и у людей есть изъязны и пороки, и люди бывают злыми и упрямыми, их чувствам не всегда можно доверять. Но что ни говори, они все-таки люди. А этот Алойзи? Здесь — винтик, там — пружинка. Нет, пан Адашь! В зятя он никак не годится!

— Дорогой пан Анемон! — стал я его успокаивать. — Я знаю, что пан Клякса сделал ряд новых открытий, благодаря которым он сможет довести Алойзи до полного совершенства. Прежние механические дефекты вывели его из-под контроля пана Кляксы на целых два года, и Алойзи стал просто непредсказуемым. Я допускаю, что он мог подsunуть Резеде таблетку любвицилина, искусственно вызвав у нее чувство любви. Однако не сомневаюсь, что в конечном счете это дело примет совсем иной оборот.

Пан Левкойник слушал меня с недоверием; тем не менее он немного повеселел, и вместе со мной стал беспокоиться за судьбу разыскиваемого стражей Алойзи.

— Надо сохранять тайну... Пока что никто не должен знать об Алойзи всей правды... Постараюсь загнать Зызика в угол, чтобы он держал язык за зубами. — Тут он подозвал юношу и сказал ему, как ни в чем ни бывало: — Послушай парень... Не знаю, имел ли ты право давать ключи постороннему... Можешь нажать себе из-за этого большие неприятности.

Зызык растерялся и промямлил по-сказачески:

— Этур я доррака сваял... Как-тур не пурдормал... Нор, теперь уртец мне задаст трепкор.

— Не горюй, парень, — успокоил его пан Левкойник. — Мы об этом никому не скажем. Но и ты обещаешь не проболтаться. Выше голову. Все, что здесь произошло, останется между нами. И уверяю тебя — посторонний, которому ты дал ключи, тоже не проронит ни слова. По рукам?

— Пур роркам! — обрадовался Зызык и, сжав ладонь пана Левкойника сразу тремя своими руками, громко запел от радости.

Мы прошли уже немалый отрезок пути. Занимавшаяся заря осветила край неба. Позади остались фабрика по переработке куриного пуха, станция техобслуживания самокатов, фабрика по изготовлению шпор для петухов, склад музыкальных раковин, а также мастерская по производству искусственных и настоящих огней. На выпуклой линии горизонта серебрилось море. Наконец мы увидели блестящие в лучах утреннего солнца стеклянные постройки Королевского Сада. В воздухе разливались цветочные запахи, а плодородные холмы были покрыты густыми травами и кустами особенных зверотрав, например, мухоловок, кошачьих лапок и самострелов, острыми колючками выстреливавших в пролетающих поблизости насекомых.

Смотритель Королевского Сада, хорошо знавший Зызика, открыл нам ворота: Зызык не хотел пользоваться имевшимся ключом, а смотрителю сказал, что мы гости его отца; так что мы смогли спокойно заняться поисками Резеды.

В занимавшем огромную площадь Королевском Саду росли самые разнообразные деревья, от самых обычных до редчайших, таких, как исполинские эвкалипты, секвойи и баобабы, араукарии и сандафулы, тюльпанные деревья и корбикунды.

Одной из смоковниц было уже более пяти тысяч лет; она так разрослась, что во время Праздника Королевского Петуха в ее тени могли укрыться сразу восемь тысяч человек. Куда ни погляди, повсюду были клумбы, цветники и усыпанные цветами кустарники. Здесь были собраны растения со всего мира. В застекленных холодильниках размещались северные цветы и фрукты, а в теплицах — нежнейшие тропические растения, чувствительные к малейшему дуновению ветерка.

Мы заглядывали во все оранжереи, в каждый холодильник, в каждую теплицу и парник. Зашли даже на фабрику переработки плодов гунго.

Пан Левкойник, словно мячик, перескакивал через клумбы и арки. Однако все наши поиски были напрасными.

Вдруг мне на плечо сел Три-Три, отыскавший меня даже здесь. Он был так рад, что тут же принялся в упоении чистить свой клювик о мое ухо. Чирикая, он поведал, что облетел весь сад и увидел в нем очень много интересного, но уже забыл, что именно.

Тогда я решил оглядеться повнимательнее и тут же заметил небольшой стеклянный купол, укрытый среди кустов олеандра.

Я подозвал пана Левкойника, и мы вместе двинулись к куполу. Не успел я заглянуть внутрь, как розовод уже радостно закричал:

— Она! Доченька моя! Да посмотрите же сами!

Этим криком можно было бы разбудить мертвого, но Резеда даже не шелохнулась. Она мирно спала в холодильнике на подстилке из розовых лепестков. Дыхание девушки было ровным, а на лице ее блуждала блаженная улыбка.

Я уже собрался нажать на поднимающий купол рычаг, но пан Левкойник удержал меня:

— Оставим ее... Пусть поспит. Она не любит вставать так рано.

Мы постояли перед стеклянным колпаком, любуясь спящей Резедой. На щеках ее играл такой чудесный румянец, что сердце мое затрепетало от восторга. Потом Зызык заявил, что ему пора домой, чтобы незаметно положить ключ на место, который он взял тайком, и вприпрыжку побежал к выходу. Я же предложил пану Левкойнику прогуляться по саду.

Мы решили вернуться за Резедой через час.

Три-Три вместе с тучей других птиц гонялся за мошкаррой и даже попыгался сунуть одну букашку мне в рот, чтобы продемонстрировать свою симпатию.

Только теперь пан Левкойник спокойно и со знанием дела, как истый цветовод, принялся за изучение Королевского Сада, безошибочно узнавая даже растения, известные ему лишь по сказкам. Он ласково похлопывал деревья по стволам и опрыскивал цветы питательной смесью, отчего те распускались прямо на глазах. В холодильниках мой спутник упивался ароматом роз и левкоев, наверняка напоминавшим ему любимую Мультифлору.

Солнце стало пригревать, и в Саду появились королевские садовники, оказавшиеся необычайно образованными людьми. Пан Левкойник весьма оживился. На первый взгляд его занимал обмен сведениями с коллегами, уточнение названий некоторых растений, но на самом деле его больше интересовали сами садо-

воды как будущие зятя. Он внимательно приглядывался к ним, со знанием дела осматривая их с головы до пят. В конце концов отобрал пятерых и пригласил их навестить его вечером во дворце Лимпотрона.

Садовники и в самом деле были красивы и хорошо сложены, и притом держались просто и с достоинством. Мультифлора явно была права, утверждая, что общение с миром растений облагораживает.

Пан Левкойник рассказывал садовникам о своих дочерях и, воспользовавшись случаем, прочитал им одно из стихотворений Пионии:

*Корни дерева брызги слив
Плод заката семь полив
Лить садовник не жалеть
Груши уши зимой есть.*

Он тут же пересказал смысл своими словами: корни дерева, когда на нем появятся плоды, следует поливать в семь часов, после захода солнца. Садовник, который поливает дерево, не жалея воды, зимой ест груши так, что за ушами трещит.

Среди садовников особенно симпатичными были два рослых брата-близнеца, Бульпо и Пульбо. По-адакотурадски их имена звучали, как Борльпур и Порльбур. Едва отзвучали последние слоги стихотворения Пионии, как Бульпо, встав на среднюю ногу, замахал крайними и закружился со скоростью центрифуги, так что стали видны лишь вращавшиеся прозрачные полосы и круги. Я даже подумал, Бульпо свихнулся, но дело обстояло далеко не столь скверно. Просто от восторга перед смыслом четверостишья у него закружилась голова, и пан Левкойник счел это за признание таланта своей дочери.

После разговора с садовниками мы посетили плантацию съедобных бабочек и питомник лактусовых деревьев, где выпили по стакану тонизирующего сока. Затем пан Левкойник захотел осмотреть подземное хранилище семян.

Вернувшись оттуда, он взглянул на часы и сказал:

— Пора будить Резеду. Уже седьмой час. Как раз успеем вернуться к завтраку. Пойдемте, пан Адам.

После бессонной ночи я чувствовал себя совершенно разбитым, но, невзирая на это, поспешил за паном Левкойником.

Шли мы быстро и через четверть часа увидели кусты олеандров и среди них — стеклянный купол.

Подойдя к холодильнику, пан Левкойник заглянул туда и со стоном схватился за голову.

Холодильник был пуст.

ПАН КЛЯКСА ДЕЙСТВУЕТ

“Дело Резеды. Мультифлора. Алойзи Пузырь. Возвращение сказандцев на родину. Все это предстоит уладить, и пан Клякса не захочет уезжать из Адакотурады сейчас. Придется ждать. Уезжать без пана Кляксы бессмысленно, ведь только он может помочь мне найти родителей. Время идет, а мой отец порхает по лесам и рошам, непрерывно подвергая себя опасностям, а я вынужден сидеть в Адакотураде без дела и ждать пана Кляксу”, — рассуждал я, мчась на самокате из Королевского Сада в сторону города. Пан Левкойник летел, как ракета, и только время от времени кричал, даже не оглядываясь:

— По газам! Не тормозить! Справа чисто! Пружинить в коленях! Осторожно, поворот!

Моторчики самокатов выли и стонали, а придорожные деревья мелькали, будто в ускоренном кино. Мчавшийся над нами Три-Три то и дело садился мне на плечо и сообщал, сколько километров оставалось до города, но, от природы рассеянный, он давал приблизительно такую информацию:

— Семь... три... пять... семь... два... четыре...

А запыхавшийся пан Левкойник не переставал выкрикивать:

— Держать скорость! Вышли на прямую! Полный газ!

Эта бешеная гонка длилась не меньше часа, но в конце концов мы приехали. Три дочери пана Левкойника еще спали, и только Гортензия хлопотала в гидрометеорологической лаборатории. Вероник в одной руке держал метелку из петушиного хвоста, смахивая пыль с барометров и термометров, а в другой —

тряпку, которой протирал окна и мебель. Одновременно при-
вратник натирал пол, скользя по нему на суконках. Он так
увлекся работой, что, когда мы переступили порог, машинально
обмахнул нам лица петушиной метелкой, но, сообразив, что
наши щеки не мебель и не приборы, извинился и, приложив
палец к губам, загадочно прошептал:

— Тсс... Пан профессор заперся на ключ и никого к себе не
пускает... Сейчас подам завтрак.

Мы уехали и проголодались и потому с аппетитом выпили по
стакану горячего лактусового молока и съели по крутому яйцу,
что в Адакотураде позволялось лишь высокопоставленным са-
новникам и иностранным гостям.

Не желая мешать пану Кляксе, мы беседовали шепотом.
Одна Гортензия громко щебетала, не обращая внимания на
шиканье Вероника. На самом деле она беседовала сама с собой,
точнее, размышляла вслух, и сейчас оглашала следующий внут-
ренний монолог:

— Вернулись без Резеды... Значит, не нашли. Папа молчит,
пан Несогласка через замочную скважину заглядывает в комна-
ту профессора Кляксы. Все какие-то странные. Папа утвержда-
ет, что тот, кто хочет скрыть свою глупость, должен поменьше
говорить. А мне нечего скрывать. Я говорю то, что думаю, а
думаю то, что говорю.

Никто не обращал внимания на болтовню Гортензии. Я
тоже слушал ее лишь одним ухом, поскольку другим ловил
звуки, долетавшие из комнаты пана Кляксы. У Гортензии очень
своеобразная манера задавать вопросы, совершенно не интере-
суясь ответом, ведь она тут же отвечала себе сама.

На этот раз она обратилась к Веронику:

— Простите, а зачем вы, занимая почетный пост смотрителя
дома, оставили свой край и поехали в Адакотураду? Вы скажете,
что следует учиться у других народов. Что ж, разумно.

Все это делало присутствие Гортензии несколько утоми-
тельным. Однако сама она была так симпатична, что к ее болтов-
не мы относились весьма снисходительно.

Она собиралась вот-вот огласить очередной внутренний мо-
нолог, когда раздался стук в дверь и появился наш хозяин,

министрон Лимпотрон. Бывший кормчий сказандского корабля остался мужчиной крепким и обладал громовым голосом.

— Клянусь ранами петуха! — крикнул Лимпотрон, увидев Вероника. — Только подумать! Мой султан, мой трофей служит веником! Скандал! Этот хвост я добыл три года назад в петушиных боях. Мой петух побил две сотни соперников. А вы сделали из приза метелку для пыли!

Вероник стоял с видом школьника, застигнутого со шпаргалкой в руке. Стараясь спрятать султан за спину, он бестолково лепетал:

— Господин министрон... Тут нет никаких петухов! Это какое-то недоразумение... Мадемуазель Гортензия хотела посмотреть, идет ли ей это... Разве я позволю себе смахивать пыль с мадемуазель Гортензии? Отличная погода, господин министрон! Барометр падает... Петухи летают низко... Здесь никто не осмелится трогать петушиные хвосты...

Немного смягчившись, Лимпотрон гаркнул матросским басом:

— Ну ладно, ладно! Дареному коню в зубы, а гостю в руки не смотрят. Это мудрая мысль! Кроме того, я сам нечаянно до этого додумался! Чтобы не забыть, стоит записать ее в книгу золотых мыслей. Такие книги имеются у всех министронов, а под Новый год производится их публичная читка на заседании Тронного совета. Без золотых мыслей, господа, нет хорошего правления!

Последние слова Лимпотрон произнес так громко, что дверь комнаты пана Кляксы с треском распахнулась и на пороге появился сам ученый, в длинных кальсонах и в накинутом на плечи сюртуке. Борода пана Кляксы была всклокочена, глаза покраснели. Он оглядел зал и укоризненно произнес:

— Я ведь просил, а? Я просил не мешать. Мне необходимо сосредоточить мысли до высшего накала. Гортензия болтает монотонно, но не слишком громко. Это даже

помогает в работе. Ба, Лимпо! Что скажешь, дружище?

Министрон чуть скривился: люди его положения не любят фамильярности — но он слишком уважал пана Кляксу, чтобы признаться в этом, и потому любезно сказал:

— Его Королевское Величество Кватерностер I приглашает всех вас на лактусовое мороженое с финиками. Прием состоится в дворцовом саду в двенадцать часов тридцать минут.

— Bravo! — воскликнул пан Клякса. — Обожаю мороженое! Прошу заказать мне три порции!

С этими словами он по-приятельски помахал рукой Лимпотрону и вернулся в свою комнату. Но тут же снова открыл дверь и сказал:

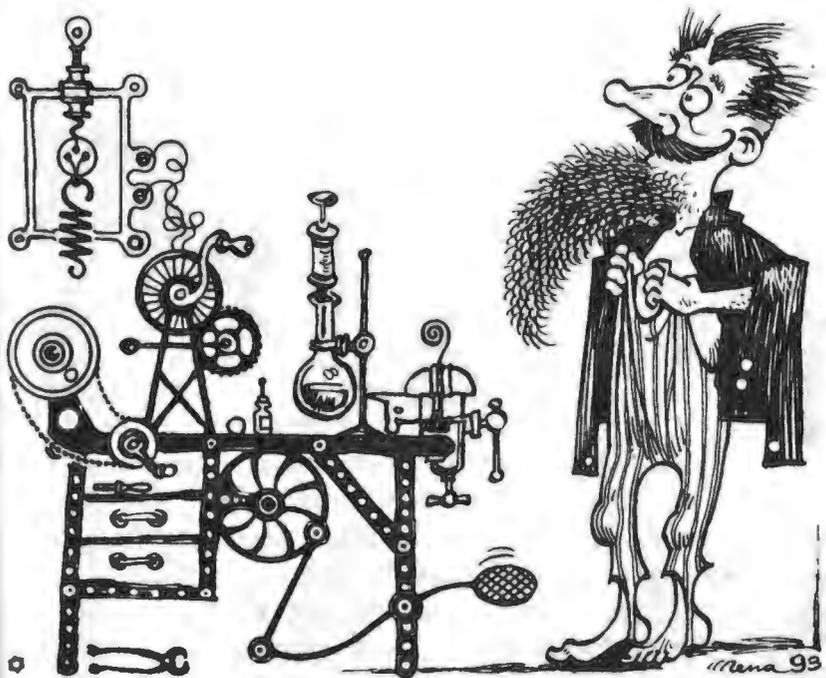
— Адасть, иди сюда... Ты мне нужен!

Я только этого и ждал. Я быстро вошел в комнату пана Кляксы, а он закрыл дверь на ключ, встал на одну ногу и торжественно объявил:

— Сегодняшний день войдет в историю человечества. Хорошенько запомни нынешнюю дату. Сегодня я довел свое эпохальное изобретение до совершенства. Алойзи Пузырь больше ничем не отличается от настоящего человека. Вот погляди!

Алойзи сидел на подоконнике и улетал яичницу с луком, а на его угловатом и обычно бледном лице играл румянец и вполне осмысленное выражение. Увидев меня, он дружески улыбнулся и чмокнул губами, будто посылая мне воздушный поцелуй.

— Мы не виделись уже целую вечность, правда, Адасть? — плутовато улыбнулся он. — Три года я в наказание пролежал

разобраным в чемодане пана Кляксы, три года скитался по белу свету, принимая вид то одного, то другого человека, три года был Первым Адмиралом Флота Микстурия II и вот уже год, как строю всяческие козни против пана Кляксы. Но с сегодняшнего дня начинаю жить заново. Надеюсь, что вам больше не придется краснеть за меня. Серые клетки, являющиеся пружинами правильного мышления, работают отлично. Ну что ты так уставился? Первый раз видишь нормального человека?

— Bravo, Алойзи! — одобрительно воскликнул пан Клякса. — Должен сказать тебе, Адашь, что, когда я запудрил ему мозги порошком почтения и послушания, то есть сухой смазкой Б+П, я решил было, что дело сделано. Однако я совсем не учел, что отдельные части механизма не имеют достаточной надежности. В результате Алойзи потерял несколько деталей и превратился в испорченный автомат. Однако за последние несколько лет мне удалось сделать открытие необычайной важности. С помощью чрезвычайно сложных химических реакций мне удалось получить материю, весьма близкую по своим свойствам к человеческой коже, которую я затем обработал омега-лучами. Кожа эта прижилась и покрыла тело Алойзи целиком. Отныне его механизмы надежно защищены. Не потеряется ни одна пружинка, ни один винтик!

Я слушал пана Кляксу и дивился его гениальности. На столе, где раньше лежала карта погоды, громоздились сложнейшие приборы, реторты, миниатюрные радиоактивные аппараты — вся научная лаборатория пана Кляксы, которую он носил в своих бездонных карманах. Это был изрядный багаж, поскольку даже из запасных карманов кальсон торчали металлические части инструментов, применявшихся для раскройки и соединения кожи, а также шприцы, наполненные телесным красителем.

По просьбе пана Кляксы Алойзи продемонстрировал мне работу своих мышц и разума; память его хранила неисчерпаемые запасы информации, так что он вполне мог сойти за живую энциклопедию. Объясняя свое устройство, Алойзи добавил:

— Как тебе известно, Адашь, человеческая кожа — самое совершенное творение. Ничто не может с ней сравниться. Она реагирует на прикосновение, она эластична и непромокаема,

устойчива к колебаниям температуры, мягка и гладка. В конце концов, искусственное сердце или искусственные легкие сможет смастерить первый попавшийся студент-медик — хитрость невелика. Но чтобы из обыкновенных веществ изготовить живую кожу, надо быть Амброжи Кляксой, великим Амброжи Кляксой.

При этих похвалах ученый муж потупил взор и жестом, преисполненным достоинства, подтянул кальсоны, а затем принялся натягивать брюки.

— Послушай, Алойзи, — сказал он после минутного раздумья. — Я рад, что король нас пригласил к себе. Мне надо с ним кое о чем переговорить. Но прежде всего я хочу представить ему тебя. И можешь быть уверен, не из мелочного тщеславия. Это недостойно ученого. Однако я намерен просить его, чтобы он простил тебя за недостойную выходку с поддельной ногой, а то в противном случае королевская стража арестует тебя и бросит в тюрьму.

— Меня? Ха-ха-ха! — рассмеялся Алойзи. — Да я одной рукой могу перебросить шестерых человек через дерево. Но вы правы, пан профессор. Настоящие люди не должны решать спорные вопросы силой.

Тем временем пан Клякса застегнул жилет, надел сюртук и обеими пятернями ловко расчесал себе бороду. Затем достал из кармана серебряную коробочку со своими знаменитыми укрепляющими таблетками, одну дал мне, а другую проглотил сам. Мы сразу же почувствовали себя свежими и отдохнувшими.

— Мы готовы! — сказал пан Клякса Пузырю. — Пойдемте к нашим друзьям. Надеюсь, никаких особых указаний делать тебе не придется. Я вложил в твой мозг все содержимое моей копилки памяти. Теперь ты знаешь столько же, сколько и я. Прошу следовать за мной.

В соседнем зале мы застали Вероника и розовода с его четырьмя дочерьми. При виде нас пораженный пан Левкойник нажал на свою бородавку, привратник подвергся приступу икоты, а четыре девицы в знак приветствия присели в книксене.

Пан Клякса оперся левой рукой о бедро, а правую простер вперед и сказал:

— Господа, разрешите представить вам Алойзи Пузыря, моего ученика и воспитанника, выпускника Института Вымышленных Проблем.

— Пан профессор, — заметил розовод, — мы уже имели случай познакомиться с вашим Пузырем в стране Обоих Рецептур. Кто же не помнит Первого Адмирала Флота, кавалера Большой ленты Пирамидона со звездой? Моя дочь Резеда...

— Уважаемый пан Анемон, — прервал его пан Клякса, — как утверждает наука, человеческое прошлое меняется по мере необходимости, а нередко и вовсе забывается. Пан Алойзи Пузырь теперь стал совершенно иным, чем прежде, и потому в расчет берется только то, что я сказал минуту назад.

— А я не согласен! — запротестовал Вероник. — Я дипломированный привратник и вот уже пятьдесят лет, как честно выполняю свои обязанности, за что жильцы обещали устроить мне юбилей, и мне вовсе не хочется, менять свое прошлое на другое.

— А что будет с Резедой? — воскликнула Георгина и чихнула семь раз подряд. Я забыл сообщить, что Георгина страдала дневным насморком, начинавшимся с восходом и кончавшимся с заходом солнца.

— Насколько мне известно, — вступил в разговор Алойзи, — мадемуазель Резеда в последнее время находилась в Королевском Саду.

— Ее там нет, — грустно произнес розовод. — Кто-то украл ее прямо у меня из-под носа и спрятал неведомо где. Злые люди играют моим ребенком, словно мячиком.

— Один-один, — многозначительно сказал Алойзи, а пан Клякса поднял палец и сказал:

— Мадемуазель Резедой мы займемся в свое время. Я уже говорил, что спех уму помеха.

— Я должен знать, где находится моя дочь! — потерял терпение пан Левкойник. — Я сыт этой неизвестностью по горло! Обстановка накалялась, но Алойзи быстро разрядил ее.

— А ведь мы приглашены на мороженое к королю! Да здравствует король! — весело крикнул он.

— Ты прав, Алойзи, — согласился пан Клякса. — Уже перевалило за полдень. Пора кончать пустые разговоры и это

бесконечное чихание. Король ждет. Я пойду впереди, а вы — парами за мной. Мадемуазель Резеда найдетца, будьте покойны. Борода начеку. Итак, в путь. Пан Левкойник подает руку панне Розе, а пан Вероник ведет панну Георгину, Адашь — панну Гортензию. Так, прекрасно. Последними идут Алойзи и мадемуазель Пиония.

Вы, конечно, догадались, что Пиония не упустила возможности сочинила коротенький стишок:

*Борода холода мороженое беда
Пузырь рубает ничего никогда*

Я уже научился разгадывать эти рифмованные головоломки и потому сразу сообразил, что хотела сказать поэтесса. Речь шла о человеке с бородой, то есть о пане Кляксе, которому от лишней порции мороженого грозит простуда, зато Алойзи может его “рубать” сколько угодно без всякого вреда для здоровья.

Пока я тут занимался стишком Пионии, судьба приготовила нам пренеприятный сюрприз. На площади А-С собралась толпа адакотурадцев, среди которых я узнал нескольких зрителей Заповедника Сломанных часов. Все были страшно возбуждены, оживленно рассуждали о чем-то, а увидев Алойзи, один из них крикнул:

— Это он!

— В чем дело? — спросил пан Клякса.

Самый старший зритель подошел и, указывая на Алойзи, заявил:

— Я узнал его! Он работал с нами в Заповеднике, но вчера вдруг исчез. А сегодня утром обнаружилась пропажа двухсот семнадцати рубинов. Никто другой взять их не мог.

— Господа! — спокойно произнес Алойзи. — Напрасно вы меня подозреваете. Можете убедиться сами.

С этими словами он вывернул один за другим все свои карманы. Разумеется, ничего в них не оказалось, даже носового платка, поскольку совершенство конструкции Алойзи исключало всякую возможность насморка.

Зритель удивленно взглянул на Алойзи: еще никогда ему не приходилось встречать человека, у которого карманы

были бы совершенно пусты. Даже дети держат в своих карманах кучу всякой всячины, такой, как блокнотики, ножички, коробочки, марки, перья, шпагат, камешки, ракушки и куски сахара. Но у Алойзи не было совсем ничего, потому что нормальным человеком он стал всего несколько часов назад.

Смотритель перестал интересоваться его особой, но с еще большим недоверием посмотрел на Вероника, на пана Левкойника и на меня. Пан Клякса выглядел столь почтенно, что находился выше всяких подозрений, хотя у него и имелось три десятка карманов, не считая двух запасных в кальсонах.

Группа адакотурядцев тем временем значительно увеличилась и окружила нас со всех сторон.

— Прошу пропустить, — сказал пан Клякса. — Мы гости короля и идем к нему на мороженое.

Но тут за зрителей вступился движимый чувством профессиональной солидарности Вероник:

— Пан профессор, на их месте я поступил бы точно так же. Вор украл, а зритель отвечает.

Сказав это, он вывернул свои карманы и показал их содержимое. Поколебавшись немного, пан Левкойник махнул рукой и сказал:

— Надо покончить с этим поскорее. Жаль времени. Вот, смотрите! Один карман... другой... третий... четвертый... А вот еще пятый... Это цветочные семена, это стимулирующая жидкость, а это семейные фотографии... Удовлетворены?

Я с отвращением разглядывал эту сцену, но после Вероника и розовода мне не оставалось ничего другого, как последовать их примеру. Я начал с внутреннего кармана пиджака. Запустив туда руку, я неожиданно ощутил под пальцами что-то сыпучее, похожее на крупу. Вывернув карман, я остолбенел — на землю посыпались рубины.

Можете легко представить себе и мое замешательство, и возмущение толпы. Двое зрителей схватили меня за руки, а остальные разбежались по площади, скликав городскую стражу. Кто-то из адакотурадцев крикнул:

— Вурр! На скурвуррудор егур!

— Бурсить негурдя петорхам на растерзание! — вторил ему другой.

Пан Клякса что-то говорил, размахивая руками, но никто его не слушал.

И в этот миг с крыши слетел Три-Три, сел мне на плечо, из его переполненного клювика на глазах у всех посыпались в мой карман рубины. Все сразу же стало ясно.

Я обиделся на колибри, щелкнул его по клюву, высыпал из кармана новую порцию рубинов и с достоинством заявил зрителям:

— Как видите, я к этому совершенно не причастен. Не нужны мне ваши рубины и не боюсь я ваших петухов. Я иду к королю на мороженое. Вот и все.

Тронутый моими речами, пан Клякса утер слезу, гордо выставил бороду и воскликнул:

— Вот поведение, достойное ученого!

Георгина чихнула одиннадцать раз, что в значительной степени смягчило раздражение зрителей. Те еще шушукались и советовались о чем-то вполголоса между собой, когда прибежал запыхавшийся министр Погоды и Четырех Ветров, и закричал издали:

— Господин, господа! Так не годится! Король ждет вас уже полчаса, министр Двора сходит с ума. Так нельзя!

Пан Клякса в нескольких словах изложил министру, что с нами приключилось.

— Так неуважительно отнестись к королевским гостям? — обрушился тот на зрителей. — Да за такую бестактность я прикажу уменьшить вам премию. Вместо пяти яиц на нос вы получите по три. Это отучит вас от бездушия.

АЛОЙЗИ ПУЗЫРЬ

День стоял необычайно жаркий. Солнце пекло немилосердно. Люди, по выражению адакотурадцев, поджаривались, как яйца на сковороде. От зноя плоды гунго лопались с громким треском, как петарды. С пана Левкойника пот тек ручьями, и каждый его шаг оставлял на тротуаре мокрое пятно. Все окна в городе были закрыты жалюзи, улицы опустели, и только дети гольшом играли в “яйцо в ямке” и в “адакотурадку”.

Пан Клякса не чувствовал жары, хотя на нем, как всегда, было теплое белье, жилет, сюртук и жесткий воротничок. Он как-то признался мне:

— У кого мозги на месте, Адашь, тот не потеет. Я сам управляю своими железками, у меня свой кондиционер с автоматическим терморегулятором. И все это здесь!

С этими словами он хлопнул себя по лбу.

Да, это был великий ум!

Впрочем, в гениальности пана Кляксы мог наглядно убедиться всякий, кому посчастливилось хотя бы раз увидеть Алойзи Пузыря.

Он был столь совершенен, что в тот знойный день, когда мы шли на мороженое к королю, со лба Алойзи стекали струйки

настоящего пота. Пан Клякса не забывал ни об одной мелочи. Достаточно сказать, что Алойзи спал как всякий смертный — с закрытыми глазами и вдобавок громко храпел, хотя его искусственный организм не требовал сна.

Но вернемся к нашему рассказу, поскольку Лимпотрон ждет и очень нервничает.

В дворцовый сад мы пришли с получасовым опозданием. В дверях нас встречал министр Двора Тромбонтрон.

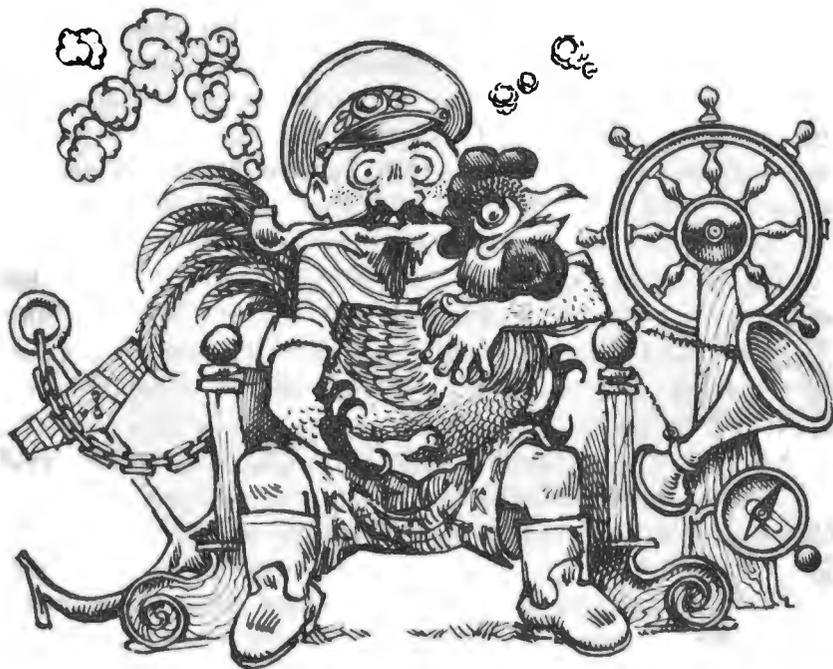
Я не в силах описать этот сад. Если вы читали о чем-нибудь подобном в сказках “Тысячи и одной ночи”, то имеете слабое представление об открывшихся нашим глазам великолепии, о феерии красок, о фантастической архитектуре цветников и куртин, об источаемом ими несказанном аромате. Накануне мы с паном Левкойником осматривали дело рук ученых садоводов, но этот сад был творением художника.

В центре его находилось небольшое озерцо, где плескались рыбы-фонтаны, пускавшие вверх золотые и серебряные струйки. На поверхности озера покачивалась модель сказандского корабля “Аполлинарий Ворчун”, собранная из музыкальных шкатулок. В гуще деревьев прятались тенистые беседки, оплетенные неведомыми цветами, чьи лепестки трепетали, словно крылья бабочек. Они ежечасно меняли свою окраску, звеня при этом, как стеклянные колокольчики. Даже пану Левкойнику еще не доводилось видеть ничего подобного.

Король Кватерностер I принял нас в правительственной беседке, оплетенной цветами под цвет национального флага. Две смуглые служанки обмахивали его пальмовыми ветками. Сбоку от короля стояло пустое кресло, предназначенное для будущей королевы. Кватерностер I пока не нашел себе подходящей жены и потому не имел наследника, что очень огорчало его подданных.

Монарх держал на коленях Королевского Петуха и гладил его, как у нас гладят любимую кошку. Петух был совершенно необыкновенный: у него был двойной гребень и исключительно красивый хвост. Звание Королевского Петуха присваивалось победителю ежегодного конкурса пения. Тот, кого король держал на коленях, пропел тридцать семь раз кряду, побив тем самым все прежние рекорды, и получил государственную премию первой степени.

Нынешний прием носил семейный характер и потому кроме нас на нем присутствовало только несколько министронов с женами.

Пан Клякса попросил у короля прощения за опоздание, а мы тут же склонились в почтительном поклоне, а дочери пана Левкойника сделали изящный реверанс. Пан Клякса представил Алойзи как своего ученика и добавил:

— Это необычный молодой человек. Если позволишь, король, я тебе о нем расскажу чуть позже.

Кватерностер I пристально посмотрел на Алойзи, как бы пытаясь что-то вспомнить, и наконец сказал:

— Клянусь, я его уже где-то видел... Впрочем, ладно... Тромбонtron! — крикнул он министрону Двора. — Займись гостями и прикажи подавать мороженое!

Во время этой короткой беседы Вероник успел достать из своего кармана фланельку и деликатно обмахнуть пыль с кресла будущей королевы.

Из дворца выбежало двенадцать пажей, несших на серебряных подносах мороженое и напитки.

Солнце припекало все сильнее, и министроны пригласили дочерей пана Левкоьника в беседки. Пан Левкойник галантно сопровождал жену премьера Трондодентрона и жену министрона Трубатрона, а Вероник излагал остальным дамам собственный метод подметания лестничных клеток.

Пан Клякса попросил короля выслушать его, сделав мне и Алойзи знак оставаться рядом.

— Король, — сказал он, когда остальная часть компании разбрелась по саду, — вот человек, который вчера пнул тебя искусственной ногой!

— Что? Это он?! — вскричал монарх. — Я сейчас же велю его схватить и бросить в курятник.

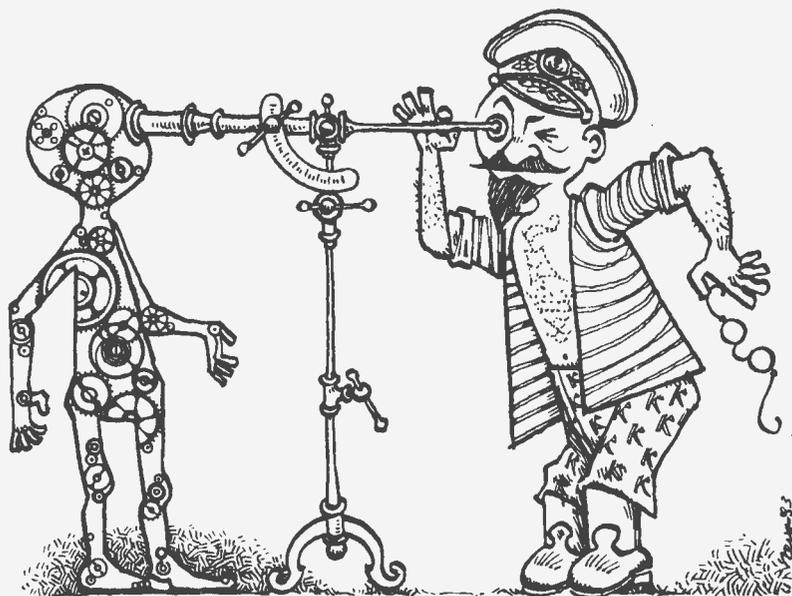
— Ты этого не сделаешь, король, — спокойно возразил великий ученый. — Раздумаешь, как только узнаешь, что Алойзи Пузырь — это сотворенный мной шедевр науки и техники, эпохальное открытие современности, высочайшее достижение человеческой мысли. Алойзи, подойди к Его Величеству!

Алойзи послушно выполнил приказание. Кватерностер I подозрительно осмотрел механического человека со всех сторон, потянул его за нос, потом за ухо. Вдруг он вскочил с кресла и завопил:

— Теперь я узнал его! И не говорите мне ничего. Ведь это он выловил нас из моря, когда мы плыли в бочке, и взял к себе на борт, а потом четверем нашим матросам дал молодильных табле-

ток и превратил их в грудных младенцев. Я прекрасно помню этого Первого Адмирала Флота! Он изрядно задал мне перцу! Я ему...

— Король, — перебил его пан Клякса, — сегодня утром я устранил мелкие конструктивные дефекты своего творения. Действительно, до сих пор Алойзи вел себя своевольно. Но отныне он стал абсолютным совершенством. Повторяю: совершенством! Теперь он функционирует безупречно.

— Профессор, — усаживаясь обратно в кресло, ответил король, — я не верю, что эта персона — автомат. Это такой же человек, как и вы да я!

Пан Клякса с торжествующим видом погладил себя по бороде, взял Алойзи за руку и подошел с ним к Кватерностеру I.

— Не спорю, в это трудно поверить, — с достоинством произнес он. — Алойзи сделан чрезвычайно тщательно, а кожа мешает понять его конструкцию. Но заглянуть туда все-таки можно... Вот, пожалуйста.

С этими словами он вынул из кармана электронную, а точнее сказать, электросовременнейшую микрокосмическую лупу и поднес ее к зрачку Алойзи. Король недоверчиво зажмурил один глаз, а другим прильнул к окуляру лупы и онемел от удивления. Через мгновение Кватерностер I, не отрывая глаза от лупы, начал восклицать:

— Невероятно! Поразительно! Вижу серебряные точки... Тысячи серебряных точек... Да!.. Это колесики! Они крутятся... Что за механизм!.. Теперь побежали ленточки с текстом... Ах, огоньки!.. Загораются и гаснут... Чудесно!.. А это что?.. Ого!.. Вижу серые клетки!.. Нет!.. Это миниатюрные экранчики! В них отражаются мысли Алойзи... Вижу в них себя... Наверно, он подумал обо мне... Просто невозможно поверить... Какая точность... Гениально!.. Наконец-то я узнал, как выглядит электронный мозг!..

Пан Клякса прервал показ и убрал лупу в карман.

Тут подошел Лимпотрон, а за ним паж с мороженым на подносе. Согласно церемониалу, король отведал по ложечке от каждой порции, а мы буквально набросились на остальное, так как жара стояла адская. Опасаясь новых осложнений для нас со стороны местных стражников, Лимпотрон изложил королю историю с рубинами.

Наше приключение позабавило Кватерностера I, и он, забыв о королевском достоинстве, расхохотался, как обыкновенный матрос.

— Отличная шутка! Неплохо вас подставила эта птичка, забодай ее петух! Вот бы мне такую в сад!

Едва король произнес эти слова, как с сандалового дерева слетел Три-Три, уселся ему на голову и несколько раз тукнул в нос.

— Что?! Опять покушение! — крикнул король. — Лимпотрон, изловить ее немедленно!

Министрон Погоды и Четырех Ветров бросился ловить колибри. Остальные министроны присоединились к нему с криками:

— Хватай его! Держи!

А Три-Три беззаботно порхал над их головами и наконец уселся на корабль “Аполлинарий Ворчун”, бросивший якорь

посреди пруда. Министроны встали на берегу пруда, беспомощно размахивая руками.

Когда уже все отказались от попытки его поймать, Три-Три добровольно покинул безопасное пристанище и, снова сев на плечо королю, нежно потерся клювом о монаршую щеку.

Министроны гурьбой бросились на птицу, но пришедший в доброе расположение духа Кватерностер I отмахнулся от них, сказав “Амнистия”, и позволил колибри летать у себя над головой.

На том компания опять разошлась по беседкам, а король и пан Клякса снова занялись Алойзи, спокойно стоявшим чуть поодаль.

— Что и говорить, — продолжил король прерванный разговор, — вы добились невероятного. Но что-то я сомневаюсь, чтобы Алойзи мог думать самостоятельно. Пожалуй, это просто невозможно.

— Король, ты недооцениваешь совершенство моего творения, — обиделся пан Клякса. — Если хочешь, можешь с ним поговорить.

Все еще не доверяя словам ученого, король усадил Алойзи возле себя и спросил:

— Скажи мне, любезный, сколько будет семью девять?

Тот снисходительно улыбнулся.

— Король, я не ребенок. Если хочешь, я в уме помножу число кур твоей страны на количество жителей, а произведение разделю на число петухов.

— Ого! — поразился монарх и принялся бойко экзаменовывать механического человека. Вопросы и ответы сыпались один за другим, как в игре “угадай-ка”.

— Какое расстояние между Адакотурадой и Патентонией?

— 753 километра, 126 метров и 70 сантиметров.

— Кто правит в Абеции?

— Королева Аба.

— Как называется самая большая река в Вермишелии?

— Заливайка.

— Сколько волос у меня на голове?

— 107 493.

— Верно! Точка в точку! А скажи-ка, братец, сколько островов в Нетихом океане?

— 1 749.

— Алойзи, ты гений! — воскликнул монарх с таким восторгом, что Королевский Петух захопал крыльями и запел во все горло.

— Я всего лишь жалкое отражение профессора Кляксы, — скромно отвечив Алойзи. — Он поделился со мной крупицей своих знаний и памяти.

После беседы короля с Алойзи пан Клякса гордо встал на одну ногу, прижав левую руку к жилету, а правую вытянул перед собой и сказал:

— Король! Я совершил переворот в науке, опроверг ошибочные представления химиков, физиков и биологов; я открыл кляксические законы природы и кляксические основы строения клеток; достиг невиданных высот познания, разработал собственные теории, благодаря которым сумел первым в мире создать искусственного человека. Мозговые автоматы патентонцев совершают до двухсот тысяч операций в секунду. Мой Алойзи действует со скоростью мысли. Поэтому он и стал почти что человеком. Я сказал “почти” потому, что ему недостает лишь одного: фантазии.

Пораженный услышанным, монарх сбросил Королевского Петуха с коленей, выбежал из беседки и закричал:

— Министроны, дамы и господа, идите сюда! Я желаю сообщить вам нечто чрезвычайное!

Первым примчался Трондодентрон, решивший, что произошло новое покушение на короля. Следом за ним, подпрыгивая со свойственной ему легкостью, прибежал пан Левкойник. Вскоре подтянулись остальные; последним явился Вероник, верный собственному правилу, согласно которому настоящий привратник никогда не спешит.

— Я вызову стражу? — с беспокойством предложил премьер.

— Нет, слушай меня! — торжественно произнес король, колесом выпячивая грудь с татуировкой выдуманных геройских его подвигов. — Профессор Клякса представил мне свое несравненное творение. Хочу, чтобы и вы увидели его. Вот Алойзи Пузырь, искусственный механический универсальный человек, собственноручно изготовленный нашим великим ученым. Алойзи, представься!

Алойзи галантно поклонился, а министроны тут же принялись его ощупывать, издавая удивленные восклицания.

— Я видел искусственные руки, искусственные ноги, — заметил Трубатрон, — но чтобы искусственным был целый человек, это, доложу я вам. Я хочу послушать, как он говорит.

— Господин министрон, — учтиво произнес Алойзи, — я мог бы произнести речь продолжительностью в двадцать четыре часа без передышки, но боюсь наскучить присутствующим здесь дамам.

— Поразительный экземпляр! — воскликнул Трубатрон. — Вот это механизм!

— Феноменально! Сенсационно! — подхватил Трондодентрон.

— Любопытно, а умеет он разводить кур? — спросил Парамонтрон.

— Я знаю семьдесят девять способов высидивания цыплят и сорок три способа скрещивания разных пород кур, — скромно заметил Алойзи.

Все были так взволнованы и ошеломлены, что Гортензия прервала свои монологи, Пиония перестала изрекать стихи, и даже Георгина на время перестала чихать. Один лишь Вероник не сумел совладать с икотой, однако в перерывах он сумел все-таки выдать из себя:

— Бедняга... Совсем без матери... Сиротка...

Услышав эти слова, Алойзи вдруг погрузился и заморгал, будто собираясь заплакать.

— Не горюй, Алойзи! — бодро воскликнул пан Клякса. — Я твой отец, я и твоя мать. Я придумаю тебе такую родословную, что ее не постыдился бы даже король Кватерностер I. Выше голову!

Королевский Петух снова захлопал крыльями и запел красивым звонким голосом. Ему ответило пение еще более красивое и громкое. Мы в недоумении огляделись: других петухов поблизости не было. И что же вы думаете? Это Алойзи блеснул еще одним своим талантом.

Адакотурадцы глядели на него с крайним изумлением, зато пан Клякса высоко поднял голову и торжественно произнес:

— Король, дамы и господа! Вы видите мое творение, а сейчас я поделюсь с вами замыслами на будущее. Если бы у меня имелись соответствующие условия, то всего за один год я подготовил бы документацию, необходимую для постройки крупной пузыряни. А через три года можно было бы наладить серийное производство Пузырей. Сегодняшний день — переломный в истории человечества. Пред моим мысленным взором предстает счастливое время, когда каждый министр, каждый бухгалтер, инженер, врач — чего там, даже простой школьник будет иметь в распоряжении собственного Пузыря! Мир вступит в пузырярную эпоху. В двухтысячном году уже не мы, а Пузыри будут строить самих себя. Человеческая жизнь запузырится в самих своих основах. Таковы мои замыслы!

Говорил пан Клякса вдохновенно, глаза его горели, а из бороды то и дело вылетали электрические искры.

Король выскочил из беседки, обнял великого ученого и воскликнул:

— Профессор! Я создам все условия для осуществления вашего гениального плана! Я отдам в ваше распоряжение всех кур и петухов королевства, все яйца и часы, все богатство Адакотурады. Приступим к строительству пузыряни завтра же.

Все взоры были устремлены на Алойзи; Вероник смахнул пыль с его башмаков, а дочери пана Левкойника любовались механическим человеком как зачарованные.

— Ваше Величество, — раздался вдруг зычный голос премьера, — прошу заметить: производство Пузырей сократит наши расходы на импорт и позволит отказаться от иностранных специалистов — их заменят Пузыри. Адакотурада станет одной из ведущих держав. Надо создать крупный пузырестроительный комбинат. Совет министров немедленно приступит к разработке принципов пузыризации народного хозяйства.

— Благодарю. Именно это я и имел в виду! — сказал пан Клякса, расчесывая пальцами бороду. — Честно говоря, я приехал в Адакотураду, чтобы забрать сказандцев и вернуть их на родину, но теперь сам готов остаться с вами.

— Забрать нас отсюда? — удивился король. — А как без нас быть адакотурадцам? Мы тут исполняем весьма ответственные должности, и никто из сказандцев не захочет отречься от этого. И вообще, мы стали тут людьми дела и больше не можем жить сказками. Нам надоело скучное сказописание. Мы останемся здесь, и вы вместе с нами.

Пан Клякса подумал немного и заявил:

— Не пренебрегайте сказками. Не пренебрегайте фантазией. Без фантазии не бывает величия. Алойзи лишен фантазии, и потому служить людям он может, но подчинить их себе не сумеет. Я все предусмотрел. Истинный ученый не сделает ничего человечеству во вред.

— Да здравствует пан Клякса! — хором закричало семейство Левкойников.

— Ну ладно, — наконец сообщил великий ученый, — король, я принимаю твое предложение и через две недели приступлю к работе. Но прежде мне необходимо уладить несколько очень важных дел. На это не уйдет много времени.

— Простите, — робко подал голос Алойзи, — а что будет со мной?

— Я предоставил тебе полную свободу действий, — ответил пан Клякса. — Можешь делать все что захочется. Ты свободен, как и любой из нас.

— Пан профессор, — рассудительно сказал Алойзи, — не забывайте, что я — прототип, и без меня серийное производство застрянет на месте.

— Дорогой мой! — воскликнул пан Клякса. — Ну конечно! Король, надо во что бы то ни стало оставить Алойзи здесь. Нам без него не обойтись!

— Нет ничего проще, — ответил Кватерностер I. — Я могу предложить ему высокий пост. Толковые руководители нам нужны.

— Ваше Величество, — заметил Алойзи, — профессор Клякса наделил меня разнообразными способностями, и я могу исполнять любую работу, занимать любые должности. Могу быть садовником, матросом, инженером, аптекарем, генералом, директором, министром. Я просто создан для того, чтобы служить каждому, кто в этом нуждается.

— Вот видишь, король, — вмешался пан Клякса. — Алойзи Пузырь умен, сообразителен, энергичен, учтив, старателен, безотказен, выдержан, спокоен, прилежен и надежен — ему недостает лишь воображения. То есть он обладает всеми качествами, необходимыми для хорошего чиновника.

Король на несколько минут ушел в раздумья, и все погрузилось в молчание, нарушавшееся только чихами Георгины. Наконец Кватерностер I обернулся к премьеру Тронодентрону и сказал:

— Друг мой, я назначаю пана Алойзи Пузыря на должность министра в адакотурадском правительстве. Какое нынче число? Тридцатое июня? Так вот, с первого июля он будет занимать пост министра Дальнего Плавания. И разумеется, получит звание Первого Адмирала Флота. Прошу подготовить соответствующие указы. Кроме того, необходимо предоставить ему министральное жилье и поставить на государственное яичное довольствие. С момента назначения на должность пан Алойзи Пузырь будет именоваться Алойзитроном. Все.

Королевский петух запел в третий раз.

— Аордиенция уркурнчена! — объявил министр Двора.

Мы поклонились королю, попрощались с членами правительства и после взаимного обмена любезностями воспользовались приглашением на обед, дававшийся министром Парамонтроном в Институте Яичницы.

Должен признаться, прием у Кватерностера I, хотя я и съел там несколько порций мороженого, нагнал на меня изрядную скуку. Я участвовал в работе пана Кляксы над созданием Алойзи с самого начала, еще в Академии. Научные теории великого ученого были мне известны, и ничего нового я не узнал. К тому же, по правде говоря, мне больше нравился прежний Алойзи, с его техническими недостатками, иногда выходявший из-под контроля пана Кляксы, строптивый и выкидывавший всевозможные неожиданные каверзы. На мой взгляд, тогда он больше напоминал подлинного человека, чем сейчас. Устранение конструктивных дефектов лишило Алойзи фантазии — впрочем, именно этого пан Клякса и добивался.

Чтобы сократить путь, мы пошли напрямик мимо стадиона, где как раз проходил футбольный матч. Можете себе представить, с какой скоростью протекала игра, в которой участвовали трехногие полевые игроки и трехрукие вратари! Особенность местной игры заключалась в том, что засчитывались только голы, забитые средней ногой. Установить же наверняка, какой ногой был забит в ворота мяч, адакотурадским судьям никак не удавалось, и почти все матчи в Адакотураде заканчивались ничьей.

Мы с любопытством наблюдали за интересной игрой, как вдруг выбитый в аут мяч полетел в нашу сторону. Тут Алойзи молниеносным ударом ноги отправил мяч под облака с такой силой, что и спустя десять минут тот еще не вернулся. Тогда мы пошли дальше, а игроки с болельщиками все еще ждали его возвращения, с раскрытыми ртами глядя в небо.

Оказавшись на улице, дочери пана Левкойника дали волю своим привычкам.

Гортензия говорила:

— Пан Адашь, объясните, пожалуйста, почему король до сих пор не женился? Вероятно, потому, что никто из заморских принцесс не соглашается питаться одной яичницей.

Георгина беспрестанно чихала, распугивая бабочек, а Пиония сочинила длинный стих об Алойзи, заканчивавшийся такими словами:

*Ой-злой Алойзлой плюх флот
А кашалот вмиг мозг жрет.*

Наша милая поэтесса, похоже, хотела сказать, что Алойзи утопит флот, а его мозг станет добычей кашалотов. Впрочем, я не уверен, что хорошо растолковал смысл двустишья; к сожалению, я не слишком силен в поэзии. Пан Левкойник наверняка сделал бы это лучше меня.

Роза литературой не интересовалась. Как и родители, она любила цветы. Роза была старшей из дочерей пана Левкойника, и судя по его словам, отличалась поразительным сходством со своей матерью Мультифлорой. Да я и сам заметил, что этой девушке постоянно сопутствует аромат роз. Нос у нее был чуточку курносый, говорила она мало, зато любила напевать под нос веселые песенки. Пан Клякса охотно ей вторил, перебирая пальцами по губам и напевая свое “па-рам-пам-пам”.

У этой очаровательной девушки был лишь один недостаток: вместо “р” она произносила “к”. Так что себя она называла Козой, а не Розой, Вероника — Векоником. Роса в ее устах становилась косой, руку она превращала в куку, а коридор — в кокидок. Короля она называла Кватекностеком Пеквьем, а моего колибри — Тки-Тки.

Вот и сейчас, входя на территорию Института Яичницы, она воскликнула:

— О, Тки-Тки пкилетел!

И в самом деле, колибри сел мне на плечо и шепнул на ухо кое-что важное. Я тут же дал ему несколько поручений и отправил обратно в город.

Вскоре мы сидели в дегустационном зале. Нам подали несколько сортов яичницы: с орехами, бананами, маком, горошком, морской капустой, рыбьей печенью и с креветками.

Я сидел между Алойзи и паном Кляксой, но в беседе участия не принимал, так как мной снова овладела тревога за родителей. Увидев мою озабоченность, пан Клякса извлек из кармана копилку памяти, приставил ее ко лбу и через некоторое время заявил:

— Дорогие друзья! Мы уже устроили дело Алойзи. Вопрос о репатриации сказандцев отпал сам собой. За Резеду можете не волноваться, я иду по ее следам. Остается только вызвать супругу пана Левкойника, Мультифлору, а также найти родителей Адама Несогласки. И наконец, надо принять решение относительно дальнейшей судьбы моей Академии. Остановимся на втором пункте. Алойзи, с завтрашнего дня ты будешь исполнять должность министра Дального Плавания и Первого Адмирала Флота. Пожалуйста, сделай так, чтобы завтра у нас имелся подходящий корабль и возглавь его команду. На остров Двойников поплывем втроем: я, Адашь и пан Вероник. А вам, пан Левкойник, придется остаться здесь, чтобы позаботиться о дочерях. Итак, решено! Второго июля в полдень поднимаем якоря!

Речь пана Кляксы вызвала в семействе розовода неопишемую радость. Пан Левкойник подлетел к великому ученому и поцеловал его в ухо, сияющие девушки хлопали в ладоши, Георгина чихала как заведенная, а Роза кричала:

— Бкаво! Бкаво! Да здкаствует пан пкофессок!

— А теперь ступайте все в сад, — сказал пан Клякса. — Нам с Алойзи и Адамом необходимо провести морской совет. Прошу не мешать.

Когда мы остались одни, великий ученый достал из кармана свою автоматическую складную карту мира, разложил ее на столе и сказал:

— Вот, Алойзи, единственная в мире карта, на которой обозначены Адакотурада и другие страны, которые всякие неучи считают несуществующими. Здесь, на северо-запад от Адакотурады лежат Кактусовые острова. Дальше находится пролив Святого Панталыка... Оттуда мы выйдем в Нетихий океан и, обогнув Мыс Вечного Пера, буквально уткнемся носом в остров Двойников. Как видишь, расстояние относительно невелико.

Если взять курс несколько севернее, то по прямой это составит около трехсот адакотурадских морских миль. Так что все путешествие продлится не более восьми часов.

— Совершенно верно, — со знанием дела подтвердил Алойзи. — Я даже возьмусь плыть быстрее, чем позволяют правила морского движения в этом районе Нетихого океана. Во время плавания на “Микстурии” я научился кое-каким пиратским штучкам.

— Только не переборщи, — предупредил его пан Клякса.

Тут Алойзи осмотрелся, явно желая удостовериться, что никто не подслушивает, и зашептал:

— Пан профессор, с завтрашнего дня я — министр... Если хотите, я свергну Кватерностера и объявлю вас королем Адакотурады.

Пан Клякса лишь рассмеялся от всей души.

— Алойзи, ты с ума сошел! — воскликнул он. — Тоже мне, придумал! Это все равно, что льву предложить стать тараканом! Я, свободный и независимый ученый, должен возложить на себя этот горшок, называемый короной? Я, Амброжи Клякса?!

Помолчав, он сурово добавил:

— Умоляю, Алойзи, без этих штучек. Я дал тебе самостоятельность, но ты ведь знаешь, что я постоянно держу с тобой связь на ультракороткой волне 0,000001 метра и в любой момент могу пустить в ход пульт дистанционного управления, и тогда плакала твоя самостоятельность. Понял? Намотай себе на ус!

При этом пан Клякса пригрозил ему большим пальцем правой руки, что означало весьма серьезное предупреждение.

Алойзи покраснел, ибо наш великий ученый позаботился при конструировании даже о такой мелочи.

— Я хотел сделать вам приятное, — огорченно сказал он, и поспешил переменить тему. — В указанный срок флагманский корабль будет готов к отплытию.

На том совет и закончился. Пан Клякса подошел к открытому окну и прислушался; из сада доносилось пение Розы. Она пела любимую песню профессора:

*Птичка села на сучок.
Как поймать ее, дружок?
На верхушку полезай!
Что? Не можешь? Ай-яй-яй!*

*Рак заполз под бережок.
Как схватить его, дружок?
За клешню его бери!
Если больно, то ори!*

*Мак подлез под колосок.
Как сорвать его, дружок?
Рви его! Ну что? Никак?
Это — бабочка, не мак!*

Хотя Роза вместо “рак” говорила “как”, а “рви” произносила, как “кви”, пан Клякса слушал пение с блаженной улыбкой на устах и пальцами выстукивал на подоконнике ритм, подпевая:

— Па-рам-пам-пам! Па-рам-пам-пам!

Тут я почувствовал, как под столом кто-то коснулся моей ноги. Наверняка не собака, ведь в Адакотураде собаки не водятся. Может, петух? Я сунул руку под стол, поймал кого-то за нос и вытащил Зызика.

— Ты?! — воскликнул я. — Подслушивал, негодяй!

— Подслушивал, — нахально согласился Зызык. — Но я никому ничего не скажу. Честное адакотурадское! Только возьмите меня на остров Двойников. Я вам пригожусь! А то, что тот господин говорил о короле, совершенно меня не касается. Я умею держать язык за зубами.

Алойзи схватил Зызика за плечо, да так сильно, что едва не переломал ему кости. Юноша вскрикнул от боли, но тут вмешался пан Клякса.

— Оставь его, Алойзи, — спокойно сказал он. — За подслушивание я мог бы превратить его в муху, есть у меня такое средство. Но я придумал кое-что получше. Надо вправить ему мозги. Возьмем его с собой. Малый любознателен, а любозна-

тельность — путь к знаниям. Я сделаю из него человека. Зызык, плывешь с нами!

Вот каким человеком был пан Клякса!

Тем временем порядочно стемнело. Издалека уже долетало дружное пение петухов, потому что настала пора спустить их с цепей.

Поблагодарив Парамонтрона за изысканное угощение, мы на одолженных самокатах помчались домой.

Бульпо и Пульбо, двое из пяти ученых садовников, приглашенных паном Левкойником на ужин, уже стояли у дверей с букетами приготовленных для дочерей розовода цветов. Оставшиеся трое дежурили сегодня в ночь.

Пан Левкойник нашел в королевских садовниках родственные души и тут же заговорил с ними об адакотурадской ботанике, описанной в последней работе пана Кляксы под названием “Адакотураданика”. Книга эта вышла в свет буквально перед нашим приездом сюда.

Их оживленную беседу прервал Вероник.

— Пан Анемон, по-моему, эти молодые люди не прочь сыграть во что-нибудь с вашими дочерьми. Ну, скажем, в “веселого зрителя”, или в “мытье лестницы”, или в “подметалки”.

— Давайте играть в “подметалки”! — закричал пан Клякса.

Вероник тут же принес метлу и начал гоняться за нами по всем комнатам. Тот, кого он “подметал”, должен был забрать у него метлу и в свою очередь гоняться за остальными. Самым ловким оказался пан Левкойник, скакавший под потолок как мячик. Розовод набрал очков больше всех и получил право назначить следующую игру.

— Прекрасно! — воскликнул разыгравшийся пан Клякса. — Может, сыграем в “три бельчонка”?

Пан Левкойник встал посреди комнаты, помял бородавку на носу и произнес, гордо выпятив живот:

— Есть идея. Предлагаю сыграть в брачные предложения. Мужчины выбирают.

— Ого, с этим не шутят, — заметил Вероник.

— Кто хочет, шутит, а кто хочет, делает предложение всерьез! — весело сказал пан Клякса, смешно поглаживая бороду сначала сверху вниз, а затем снизу вверх.

Алойзи даже не шелохнулся. Вероятно, он все еще считал себя женихом Резеды, хотя, к моему удивлению, до сих пор никак не отреагировал на ее исчезновение.

Вероник, не выпуская из рук метлы, присел и стал по привычке выметать пыль из углов.

Пан Клякса беззаботно напевал какую-то песенку, и только пан Левкойник суетился и приговаривал:

— Господа! Давайте же играть! Девушки ждут предложений!

Ученые садовники оказались на высоте: Бульпо подошел к Гортензии, а Пульбо — к Георгине; затем, галантно поклонившись избранницам, они в один голос произнесли:

— Учарурвательная пани, имею честь прурсить твурей рурки.

Близнецы были похожи друг на друга, как близнецы, и сделать выбор сестрам было нетрудно. Они вежливо присели в

реверансе и согласно желанию юношей подали им свои правые ручки.

— Bravo! — воскликнул пан Клякса. — Две пары уже есть. Что дальше, пан Анемон?

— Извините, — вмешался Вероник, — хотелось бы знать, эти предложения сделаны в шутку или всерьез?

Наступило неловкое молчание.

— Мадемуазель Гортензия! — наконец сказал Бульпо. — Я полюбил вас с первого взгляда... Это, может быть, смешно, но мы, выросшие среди цветов, говорим то, что чувствуем.

— А я говорю, что думаю, — ответила Гортензия. — Сестры смеются над моей привычкой думать вслух. Вот и теперь я раздумываю, почему вы избрали меня? Наверное, потому что жена, разговаривающая сама с собой, не досаждаёт мужу своей болтовней. Спросила, ответила, и все ясно.

— Теперь ваша очередь, — обратился к Пульбо Вероник, страдавший врожденной любовью к порядку и не терпевший неясных ситуаций.

Пульбо смутился и, с трудом сдерживая стыдливое хихиканье, заявил:

— Мадемуазель Георгина... хи-хи... извините... так мило чихает, что я... хи-хи... просто очарован... Я всегда мечтал о такой жене... хи-хи... прошу прощения... Честное слово.

Хихиканье его было так заразительно, что пан Клякса чуть не лопнул со смеху. Даже Алойзи криво усмехнулся, а Вероник от полноты чувств сгреб обоих братьев в охапку и подбросил вверх, как двух щенков.

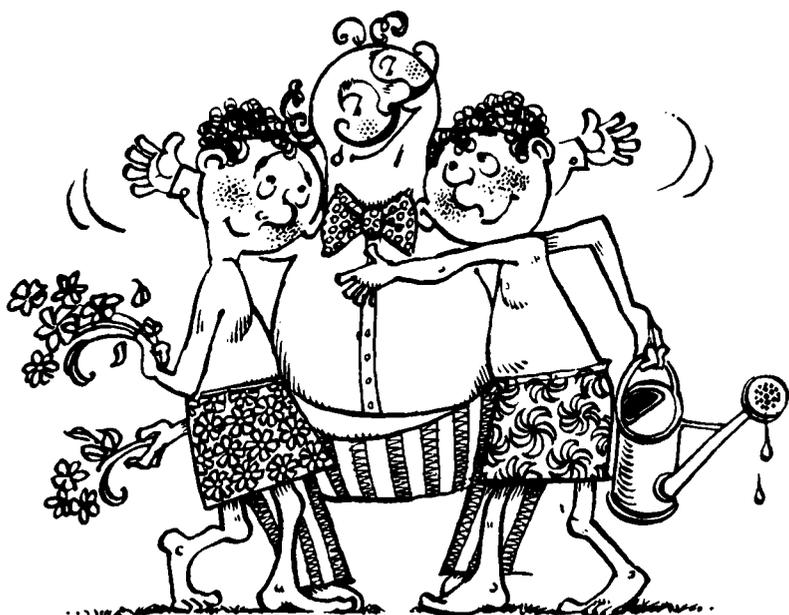
И только пан Левкойник сохранял надлежащую серьезность. Он обнял близнецов, прижал к отеческой груди Гортензию и Георгину и дрожащим голосом сказал:

— Вот и исполнилась мечта моей любимой Мультифлоры. По крайней мере, две дочери выйдут замуж за садовников.

— Па-рам-пам-пам! Па-рам-пам-пам! — воскликнул пан Клякса и, схватив пана Левкойника за руки, в течение нескольких минут кружил с ним в “мелком горохе”.

Это было поистине незабываемое зрелище.

Было решено, что официальное обручение состоится по прибытии Мультифлоры.

Назавтра из канцелярии Кватерностера I прибыли указы о назначениях Алойзи и о предоставлении ему министрональных апартаментов в здании Института Мнимых Открытий и Изобретений. Это старинное учебное заведение было основано одним из адакотурадских путешественников, который случайно открыл Америку прежде, чем она была открыта по-настоящему.

Вместе с паном Кляксой мы проводили Алойзи до его нового жилища. Состояло оно из восьми комнат, заботливо оборудованных всем необходимым для жизни и отдыха министрона Дальнего Плавания. В шкафах висели мундиры Первого Адмирала Флота, а в застекленной горке красовались его ордена и другие награды, заранее врученные Алойзи Кватерностером I.

Остаток дня мы провели за подготовкой к плаванию. Тем временем население Адакотурады готовилось к очередному национальному торжеству, к Празднику Королевского Петуха. Стоило бы пояснить в скобках, что подобные чествования совершались в этой стране через два дня на третий, так как адакотурадцы страшно любят праздники. Они торжественно отмечают День Сказакотской Дружбы, День Куровода, День Садовника, День Повара, День Дояра Лактусовых Деревьев, а также Годовщину Высадки Сказандцев, Праздник Самоката, Праздник Сломанных Часов, Праздник Яичницы и многие другие.

В День Королевского Петуха в Королевском Саду устраивались народные гулянья, во время которых Кватерностер I награждал наиболее отличившихся петуховодов золотыми часами. Но главным номером программы был конкурс петушиного пения и избрание нового Королевского Петуха.

Как я уже упоминал, всю вторую половину дня мы упаковывали вещи. Дочери пана Левкойника гадали на лепестках роз и других цветов, полученных вчера от братьев-близнецов. Пан Клякса нагружал свои тридцать карманов деталями составивших его дорожную лабораторию приборов, инструментов и других приспособлений. Вероник чистил и драил все, что попадало под руку, а я складывал в сундучок свой багаж, за исключением пробкового шлема, оказавшийся совершенно бесполезным. Кстати, ласты для подводного плавания и чучело сокола я подарил Зызику.

Уже сильно стемнело, когда вдруг в окно влетел озабоченный Три-Три; одновременно появился пан Левкойник.

— Министрон Лимпотрон просит всех спуститься в залу, — объявил он. — Прибыла делегация!

Пан Клякса что-то недовольно буркнул, но быстро оделся, расчесал бороду, забежал в комнату девушек посмотреть в складном зеркале и с гордым видом двинулся к лестнице. Семейство пана Левкойника, Вероник и я шли парами вслед за ним.

В зале мы увидели шестерых самых знаменитых адакотурадских дам, а также министрона Лимпотрона и министрона Двора.

Мы церемонно раскланялись.

Среди дам я узнал жен министронов, присутствовавших на приеме в саду у короля.

Министрон Тромбонтрон, припудренный парадным порошком и с петушиным пером за ухом, вышел вперед и заговорил:

— Наш король...

— Кватерностер, Кватерностер, Кватерностер, — хором произнесли дамы в соответствии с принятым этикетом, троекратно повторяя имя монарха, когда Тромбонтрон произносил слова “наш король”.

— ... поручил нам, — продолжал министрон, — обратиться к

глубокоуважаемому чужестранцу пану Анемону Левкойнику и изложить ему его королевскую просьбу. Наш король...

— Кватерностер, Кватерностер, Кватерностер...

— ... постановил покончить со своим холостым житьем и вступить в брачный союз, дабы осчастливить народ Адакотурады наследником трона. Наш король...

— Кватерностер, Кватерностер, Кватерностер...

—... направил сюда сию почетную депутацию, дабы мы от его имени просили руки присутствующей здесь панны Розы. Наш король...

— Кватерностер, Кватерностер, Кватерностер...

— ... желает взять ее в жены и сделать королевой Адакотурады. Вот и все.

Наступило молчание, а пан Левкойник упал на грудь пана Кляксы и от избытка чувств сомлел на его широкой груди.

ЭКСПЕДИЦИЯ ЗА МУЛЬТИФЛОРОЙ

Я вышел из дома очень рано, когда все еще спали, и побежал в порт. Там уже стоял готовый к отплытию флагманский корабль Первого Адмирала Флота “Кватерностер Первый”. На его мачте развевался трехцветный флаг Адакотурады с золотым петухом в центре.

Капитан Тыквот, несмотря на раннюю пору, был уже на посту, совал нос во все углы, покрикивал на матросов, проверял оснастку. Это был старый морской волк, избородивший все моря и океаны. Голова его, усы и козлиная бородка уже поседели, но его бодрое краснощекое лицо так и дышало здоровьем. Вы, наверное, думаете, что он попыхивал трубочкой? Ничего подобного! Капитан Тыквот по обычаю морских волков этого района Нетихого океана курил толстую сигару. А так как сигар он терпеть не мог, то поминутно с отвращением плевался. Но это уже его личное дело.

Я обсудил с ним некоторые подробности нашего плавания, мимоходом напомнив, что мы отправляемся за матерью будущей королевы, подарил ему свою книжечку “Амброжи Клякса, ученый и изобретатель”, чтобы он знал, с кем будет иметь дело и отправился обратно.

День обещал быть не таким знойным, как обычно, на небе даже появились кое-какие тучки, а облачность в этих широтах была редкостью.

“Быть шторму”, — подумал я, подходя к дворцу Лимпотрона.

Вся компания уже была на ногах. Пан Клякса перед складным зеркалом расчесывал щеткой бороду; девушки, как водится, о чем-то шептались, а Вероник на прощание наводил в комнате порядок, препираясь с паном Левкойником:

— Да, пан Левкойник, нельзя загадывать ни на день, ни на час. Жизнь состоит из

сплошных неожиданностей. Вот вы уже не разводите розы, а выводите заневестившихся дочерей. Роза розе рознь, а? Пустите корни в Адакотураде, как баобаб, станете тестем короля и дедом наследника трона,

будете кататься в яичнице, как сыр в масле. Век бы так жить!

— А вам завидно, — отрезал пан Левкойник. — Впрочем, могу взять вас в королевский дворец дворником. При дворе такой человек всегда пригодится.

Перестав натирать пол, Вероник подбоченился и гордо заявил:

— Я полвека работаю на одном месте, а сюда приехал, сопровождая пана Несогласку, потому что всякий порядочный привратник должен заботиться о жильцах. Я знаю свои обязанности, и даже если бы вы мне пообещали трон и корону, свой пост я нипочем не брошу! Мне дороже метла дома, чем скипетр в Адакотураде. Это говорю вам я, Вероник Чистюля, потомственный дипломированный привратник.

— Довольно, господа, довольно! — крикнул пан Клякса. — Род Левкойников имеет

право взбираться в верха, а род Чистюль может сохранять верность семейным традициям. Кто от кого, тот и в того. Только Пузыри будут одинаковыми. Пан Вероник, Адашь, в путь. Адмирал ждет.

Лимпотрон и розовод проводили нас до порта. На “Кватерностере Первом” у трапа нас поджидал Алойзи. Он был одет в красивый белый мундир и подпоясан большой лентой Петуха со звездой. Грудь его была увешана многочисленными орденами и медалями. Он отдал нам честь, приложив ладонь к адмиральской

треуголке. Капитан Тыквот отдал пану Кляксе рапорт, пока почетный караул тянулся перед ним во фрунт.

Флагманский корабль величественно отходил от причала, когда прилетел Три-Три и уселся мне на плечо. Лимпотрон махал носовым платком, а пан Левкойник этого сделать не мог, потому что должен был вытирать им ручьями сбегавшие по щекам слезы — как-никак, мы отправлялись за Мультифлорой.

Судно быстро удалялось от берегов Адакотурады. Флаг трепетал на ветру, самонаводящиеся двигатели работали почти бесшумно.

Мы удобно расположились в шезлонгах, и только Вероник принялся драить и без того натертые до блеска бортовые поручни.

Стоарды разносили фрукты и прохладительные напитки.

Стоя на мостике, капитан Тыквот отдавал приказы вахтенным офицерам.

— Слушай, Алойзи, — обратился я к нашему Адмиралу, когда выдался удобный момент. — Хотелось бы спросить тебя вот о чем...

Алойзи встал с шезлонга и ледяным тоном произнес:

— Прошу обращаться ко мне как положено. У меня есть звание.

Пан Клякса хлопнул ладонью о подлокотник шезлонга.

— Вы только на него посмотрите! Пружина правильного мышления действует! Он ведет себя как нормальный человек. Едва надел мундир, как сразу же возомнил о себе Бог весть что. Довольно, Алойзи, довольно! С нами этот номер не пройдет. Порошок, которым я запудрил тебе мозги — не сахарная пудра! Адашь тебе не подчиняется. Прежде всего он мой ученик, а вторых, он твой однокашник. Садись и слушай!

Смущенный Алойзи козырнул и присел на край шезлонга.

— Прошу прощения... зарепортовался... — сказал он кротко. И чтобы хоть как-то подчеркнуть важность своей персоны, крикнул: — Эй, капитан! Что такое, сто пар петухов тебе в глотку! Почему мы тащимся, как сонные черепахи? Так вас учили управлять флагманским кораблем Первого Адмирала Флота? Может, мне самому встать на мостик и наддать экипажу жару?

— Слушаюсь, господин Адмирал! — отвечал капитан. — Эй, на вахте! Полный вперед! Два румба вправо! Шевелись, сто пар жареных цыплят тебе в печенку!

Отдав такой приказ, Алойзи величаво разлегся на шезлонге и обратился ко мне:

— Ты хотел о чем-то спросить. Пожалуйста, говори, я слушаю. Стараясь совладать с беспокойством, я спросил:

— Ответь мне, Алойзи, честно и откровенно — как обстоят твои дела с Резедой? Ты все еще считаешь ее своей невестой? Ответь, это очень важно для меня.

Пан Клякса нахохлился, поправил на носу очки и внимательно уставился на Алойзи.

Скроив лукавую мину, тот с минуту поиграл своими орденами, затем смахнул с кителя пылинку и наконец неохотно отвечал:

— Резеда, говоришь? Ха-ха-ха... Разве ты не знаешь, что потеряв пружину правильного мышления, я откальвал разные коленца назло пану Кляксе? Резеда? Нет, дорогой мой, Резеда меня абсолютно не интересует. Мое предназначение куда выше. Алойзитрон, министр, Первый Адмирал Флота, Пузырь-прототип — вот мое истинное призвание!

— Тогда зачем ты ее похитил? — спросил пан Клякса.

— Ну, вам, господин профессор, должно быть ведомо лучше, чем кому-либо, что прошлое меняется и даже забывается, и в расчет берется только то, что я сказал минуту назад.

Тут я вскочил с шезлонга, обнял механического человека и помчался вниз, в каюты. Через минуту я возвратился, ведя за руку... Резеду.

— Господа! — воскликнул я дрожащим от волнения голосом. — Пан Вероник, подойдите сюда! Слушайте! Мы с Резедой полюбили друг друга еще по пути в Адакотураду, на “Акульем Плавнике”. Она рассказала мне о своем злополучном обручении с Алойзи, когда он обманым путем дал ей таблетку любвицилина, о том, как она ее проглотила, а когда опомнилась, то было уже поздно. Она не знала, как выкрутиться из создавшегося положения, и я решил освободить ее от Алойзи. Это я выкрал ее из-под стеклянного колпака. Бульбо и Пульбо по моей просьбе взяли Резеду под свою опеку и укрыли ее в надеж-

ном месте. Мы переговаривались друг с другом через Три-Три, которого Резеда выдрессировала соответствующим образом. Сегодня утром я посвятил в наши планы капитана Тыквота и провел ее на корабль. Теперь нас уже ничто не разлучит. Резеда, я правильно говорю?

Девушка стояла ни жива ни мертва. Взяв меня за руку, она прижалась к моему плечу и лишь кивала в знак согласия. Наконец, она еле слышно прошептала:

— Да... Все так и есть...

— Пан Адасть, — с упреком заметил Вероник, — и вы это скрыли от меня? От своего привратника? Нехорошо. Ну да ладно... Внесем Резеду в списки. С вашего позволения, вы будете тридцатой жительницей нашего дома. Красивое, круглое число.

Алойзи галантно пододвинул Резеде шезлонг.

— В последний раз мы с вами виделись в Заповеднике Сломанных Часов, — плутовски прищурился глазом, сказал он. — Кажется, я даже перенес вас оттуда в Королевские Сады. Прошу не смотреть на меня с таким ужасом. Того Алойзи Пузыря больше

нет. Сегодня мы начинаем новую жизнь. Три ваших сестры уже обручены. Очередь за вами. Что касается меня, то вы совершенно свободны от каких-либо обязательств!

Сказав это, Алойзи хлопнул в ладоши и приказал стюарду принести бутылку лактусового вина.

Пан Клякса с улыбкой следил за происходящим, поглаживая свою окладистую бороду и весело насвистывая. Наконец он сказал:

— Я же говорил пану Левкойнику, что напал на след Резеды. А я слов на ветер не бросаю. Я все это знал, знал и то, что ее провели на корабль и что она спрятана в каюте. Не считайте, что я ясновидец. Я не

стал бы использовать кляксическую энергию для занятия, столь малонаучного. Просто Три-Три все мне выболтал. Дрессируя его, Резеда не догадывалась о птичьей болтливости. Поздравляю тебя, Адашь! Ты сделал отличный выбор. Я рад, что уже четвертая сестра нашла себе спутника жизни.

Пробка полетела в небо, в бокалах запенилось вино. Вероник, как самый старший из присутствующих, произнес тост в стихах:

*Пан Несогласка панну Левкойник любит сердечно,
А Вероник Чистюля рад бесконечно,
Как два голубка, они вместе порхают,
Старый привратник им счастья желает.*

Мы подняли бокалы. Даже Три-Три опустил свой клювик в один из них и принялся пить с такой жадностью, что отогнать его было просто невозможно, зато потом он долго выписывал в воздухе крендели, не в силах лететь по прямой.

По окончании короткого торжества мы с Резедой пошли на корму, чтобы спокойно поговорить. Последние дни девушка жила у родителей Бульбо и Пульбо, окруживших ее заботой и

вниманием. Это были очень достойные и трудолюбивые люди, державшие мастерскую по пошиву подушек-думок. Я тайком отвел Резеду в их дом, но навещал ее лишь изредка, когда удавалось забежать на несколько минут. Так что у нас накопилось много недосказанного, да и планы на будущее нуждались в обсуждении.

— Расставаться с семьей мне будет очень грустно, — сказала Резеда, — но я тебя люблю и хочу быть с тобой. У нас так много общего! Займемся птицеводством, я усовершенствую свой метод дрессировки и помогу тебе в составлении словаря пернатых...

Я обнял ее за плечи. Мы стояли, прижавшись друг к другу, как вдруг долетел крик впередсмотрящего:

— Внимание, внимание! Прямо по курсу циклон!

Я взглянул вверх и на верхушке мачты увидел знакомую фигуру с подозрительной трубой у глаз. Это был Зызык. Пан Клякса выполнил обещание и велел Алойзи взять юношу на корабль.

Мы с Резедой поспешили присоединиться к остальной компании. Первый Адмирал Флота стоял возле пана Кляксы и своим острым невооруженным глазом всматривался в глаз циклона.

— Вот так всегда, стоит на военном судне появиться юбке, — проворчал он, полностью войдя в роль моряка, а моряки, как известно, народ весьма суеверный.

Потом побурчал себе под нос еще немного и вслух добавил:

— Да... Разумеется... Приближается циклон "Резеда". Наш корабль может разлететься в щепки.

— Слушай, Алойзи, я сам этим займусь, — вмешался пан Клякса. — Моя борода значит больше, чем все твои навигационные приборы вместе взятые.

С этими словами он встал на одну ногу и пустил бороду в свободный полет. Заряженная атмосферным электричеством борода сложилась клином и нацелилась на северо-запад.

— Право руля на две угловые минуты. Стоп машины. Все орудия на правый борт, — распорядился пан Клякса.

— Право руля на две угловые минуты! Стоп машины! Орудия на правый борт! — крикнул Адмирал капитану.

— Есть! — выплюнув сигару, гаркнул в ответ капитан Тывот и отдал соответствующие приказы команде.

— Циклон “Резеда” — ужас Нетихого океана, — сообщил нам Алойзи. — В свое время много шума наделала история гибели флота Фарфории, когда ко дну пошли все суда до единого, включая даже водонепроницаемые соусники.

— Черт меня дернул уехать из дому на старости лет, — буркнул Вероник.

— Выше голову! Я с вами! — воскликнул пан Клякса. — Циклоны — моя специальность.

“Кватерностер Первый” развернулся правым бортом к циклону и под скрежет тормозов остановился как вкопанный.

— Наводчики — к орудиям! Расчетам пусковых установок по местам стоять! — командовал капитан Тьквот.

— Огонь! — приказал пан Клякса.

Грянул залп. Самонаводящиеся ракеты с блеском и свистом вонзились в глаз циклона.

— Еще — огонь!

— Ладно, достаточно, — пан Клякса, поднес к губам кончик бороды и от души ее расцеловал. — Хорошая борода! Любимая борода!

— Клево! — крикнул сверху Зызык, когда рассеялся дым. — Циклон разбит вдребезги!

Я одолжил у капитана подозрную трубу, чтобы взглянуть на результаты стрельбы. Обломки циклона разлетелись по поверхности океана, как осколки зеркала. Его продырявленный снарядами глаз напоминал ситечко, сквозь которое просачивался красный свет солнца.

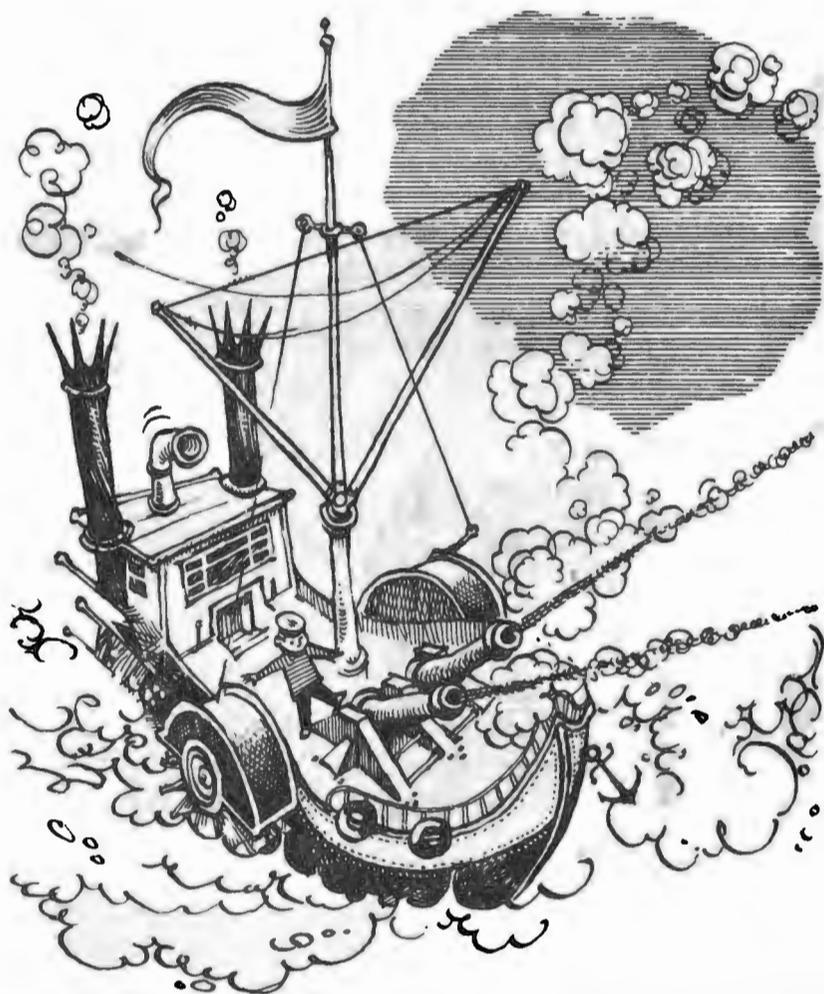
— Итак, мы спасены, — сказал пан Клякса Алойзи, — хотя на военном судне и находится “юбка”.

С этими словами он галантно поклонился Резеде и поцеловал ей руку, чем доставил мне огромное удовольствие. Резеда сделала реверанс и кинулась пану Кляксе на шею, благодаря за заступничество перед Алойзи.

Первый Адмирал Флота иронически кивнул, взглянул на барометр и заметил:

— Что ж, с циклоном мы справились, но сумеем ли уйти от надвигающегося шторма? Не забывайте, мы вступаем в зону субтропических депрессий.

Я ожидал шторма с самого утра, еще тогда заметив на горизонте предвещающие бурю тучки.

И теперь, когда наш корабль снова набрал полный ход, небо прочертили огненные зигзаги молний, раздался гром, и разряды с шипением посыпались в море, подымая густые облака пара в местах падения. Вода закипела. На поверхность стали всплывать косяки вареной рыбы, которую матросы ловко вылавливали сачками для ловли бабочек. Полил дождь, тут же перешедший в

ливень. Все произошло так быстро, что не успели мы покинуть палубу, как промокли до нитки.

На пане Кляксе был костюм из герметических, непромокаемых веществ, и ему достаточно было лишь стряхнуть с себя капли, чтобы принять свой обычный

вид. Не пострадала от дождя и его борода, покрытая метеокляксической мазью. Вероник же отжал свои одежды в ванной, надел их снова и с молодежатым видом заявил:

— Суровая жизнь привратника приучила меня к любым испытаниям. Насморка у меня не бывает! Я закален, как гвоздь!

Тут он напряг бицепсы, встал на руки, выполнил несколько гимнастических упражнений и гордо добавил:

— Я не я, если вру. Мне семьдесят лет, но я за пояс заткну еще не одного молодца!

Этот камень был брошен в мой огород, поскольку мы с Резедой воспользовались любезностью первого офицера, предложившего нам переодеться в морскую форму, пока не высохнут наши собственные вещи. Надо отметить, моряк из Резеды вышел очаровательный.

Шторм все еще бушевал. Перепуганные летающие рыбы то и дело ударялись в стекла иллюминаторов. “Кватерностер Первый” переваливался с боку на бок, вставал на дыбы и глухо стонал под ударами волн.

Адмирал не покидал своего поста. В репродукторах гремел хриплый голос капитана Тыквота. Вдруг в адмиральском салоне, где мы попивали горячий лактусовый сок, появился Зызык. От усталости он тяжело дышал и едва держался на ногах, но при том едва не лопался от гордости.

— Пан профессор... — пропыхтел он. — Я вас не подвел, верно?.. Попросите Адмирала взять меня на службу... Профессулик, родненький, ну что вам стоит, ради меня, а?!

— Сядь и отдохни, — сказал пан Клякса. — Ты славный мальчуган! Как я вижу, тебе и море по колено. Через пять лет быть тебе знаменитым капитаном, ручаюсь. Ты за мной, как за

каменной стеной, а я слов на ветер не бросаю.

Едва пан Клякса выговорил это, как сила урагана возросла на пять баллов по шкале Бжехворта, и судно заскакало по океану, как теннисный шарик.

Стюарды привязали нас к креслам, чтобы мы не разбили головы о потолок.

Наступила ночь. Об ужине не могло быть и речи. Графины с лактусовым соком и стаканы давно уже превратились в стеклянную пыль. Мы молча грызли сухари и выжидательно поглядывали на пана Кляксу.

Великий ученый был погружен в изучение своей автоматической карты. Он водил по ней пальцем и беззаботно напевал неизменное “па-рам-пам-пам”.

Когда часы пробили полночь, пан Клякса попросил стюарда пригласить в салон Адмирала.

Алойзи был, как всегда, спокоен, не выказывая никаких признаков утомления. В этом и состояло его механическое превосходство над обычными адмиралами.

— Приближаемся к цели, — сказал пан Клякса. — По прямой до острова Двойников не более пятнадцати миль. Точный курс укажет борода. Идемте на палубу.

— Сейчас отдам необходимые указания. — Алойзи козырнул и взбежал по трапу наверх.

Мы последовали за ним, связавшись веревкой, как альпинисты, чтобы нас не унесло ветром. Я шел в связке последним, и моя морская форма то и дело привлекала внимание боцманов.

— Ты что тут болтаешься, недотепа? — шпынял меня то один, то другой. — Шевелись, болван! За работу, бездельник!

Резеда сочувственно сжимала мою руку, но благоразумно помалкивала: ведь и на ней была форма.

На палубе ревел ветер, дыхание перехватывало, но дождь вроде бы прекратился. Капитан Тыквот, давясь сигарным дымом и с отвращением плюясь, неумоимо раздавал приказания. Наша компания перебралась на нос корабля. Пан Клякса выставил бороду вперед, положил подозрную трубу на плечо Алойзи и пристально взгляделся вдаль. Сначала он бормотал что-то невра-

зумительное, а потом стал произносить короткие, обрывистые фразы:

— Любопытно... Ничего не понимаю... Острова Двойников нет, просто нет. Но моя карта не может ошибаться. Произошло что-то невероятное. Сейчас, сейчас... Глазам своим не верю! Вон плавает верхушка острова. Одна верхушка и больше ничего! Похоже, циклон разломил остров по горизонтали. Верхушка с домом уцелела и теперь плавает на поверхности, словно блюдец. Алойзи, прикажи усилить свет прожекторов... Ага! Вижу! Вижу! Дом и сад! Надо пустить ракеты! Быстрее, быстрее!

Алойзи послал Зылика к капитану с приказом, и вскоре в небо взлетели три ослепительно яркие ракеты государственных цветов Адакотурады: желтая, красная и зеленая.

Пан Клякса протер стекло подзорной трубы и всмотрелся еще пристальнее:

— Есть! Есть! — радостно закричал он. — Перед домом женщина. Это Мультифлора! Рядом две черные собаки. Честное слово! Это пуделя!

Алойзи не стал слушать продолжение репортажа пана Кляксы и длинными скачками помчался к капитану.

Мы подошли к качавшейся на волнах вершине острова так близко, что освещенный прожекторами четырехугольник дома можно было разглядеть даже без бинокля.

Корабль развернулся левым бортом, затрясся, задрожал и встал на месте, отважно сражаясь с ураганом и налетавшими один за другим взбесившимися валами.

Не прошло и двух минут, как на воду была спущена шлюпка, в которой отправились за Мультифлорой двенадцать матросов — и Зылик в том числе. Но несмотря на их сверхчеловеческие старания, борьба со стихией оказалась бесплодной. Из ревущей пучины взлетали горы воды, обрушиваясь на лодку бесчисленными водопадами и стремясь уничтожить ее вместе с ее отважным экипажем.

Капитан дал команду возвращаться, но тут внезапный порыв ветра швырнул шлюпку о корпус корабля и раздробил ее в щепки.

Раздался сигнал тревоги “Человек за бортом!”, в море посыпались спасательные круги. Матросы суетились, как муравьи,

пытаясь помочь попавшим в беду товарищам. И тут приплыли привлеченные легкой поживой акулы. Положение с каждой минутой становилось все более угрожающим. Экипаж удвоил свои усилия. Наконец удалось выловить всех матросов, и только Зызика волны отбросили слишком далеко от корабля.

— Он погибнет! — ломая руки, восклицала Резеда. — Спасите его! Там акулы!

Но даже пан Клякса беспомощно опустил руки, и в глазах его застыл ужас.

Броситься на помощь Зызику не отважился ни один матрос, и тогда Первый Адмирал Флота одним прыжком перескочил через поручни и в чем был — в белом кителе, подпоясанном большой лентой Петуха со звездой — в том и бросился в пенящуюся пучину океана. Его механические конечности работали с молниеносной быстротой и идеальной четкостью. За десяток гребков добравшись до Зызика он несколькими ударами кулака, словно железной булавой, оглушил нападавших акул, и не успели мы опомниться, как Алойзи уже поднимался по веревочной лестнице, держа в руках едва живого юношу.

Мы устроили Алойзи громкую овацию, а пан Клякса обнял его со слезами на глазах и сказал:

— Милый Алойзи! Ты истинное творение рук моих. Дамы и господа! Да здравствует министр Алойзитрон, Первый Адмирал Флота!

— Ура! — крикнул вместе с нами экипаж корабля, а Вероник громче всех.

Зызык быстро пришел в себя и тут же обратился к Алойзи:

— Господин Адмирал, я обязан вам жизнью, и отныне вы можете располагать мной по своему усмотрению.

Алойзи взглянул на юношу с одобрением и прикрепил к его груди один из собственных орденов.

— Ты заслужил эту награду, парень. Ты далеко пойдешь. Назначаю тебя боцманом-старпомом Флота Его Королевского Величества.

Зызык покраснел как рак и не мог выговорить ни слова. Я поздравил его с назначением, а пан Клякса заговорщицки подмигнул и шепнул ему через мою голову:

— Ну, что я говорил? Па-рам-пам-пам!

В моем описании эта сцена выглядит довольно затянутой, но на самом деле она длилась не более минуты. Все это время Резеда не отходила от пана Кляксы ни на шаг, горестно причитая:

— Пан профессор, умоляю вас! Сделайте что-нибудь! Спасите маму! Нельзя терять ни минуты! Боже мой, Боже мой, что за люди! Вы что, не понимаете?! Там моя мама!

— Шторм затих, опасность миновала, — ответил пан Клякса. — Сохраняйте спокойствие. Пожалуйста, дайте подумать.

Тут он встал на одну ногу, пустил бороду по ветру и с помощью своего всевидящего ока еще раз изучил обстановку.

— Адмирал! — немного погодя, сказал он, потому что в присутствии членов экипажа всегда обращался к Алойзи только по званию. — Адмирал, мои прогнозы оправдались. Мы не можем приблизиться к острову, поскольку это вынудит Мультифлору подойти к краю и нарушить равновесие, и тогда достаточно малейшего наклона, чтобы весь этот плавающий холмик перевернулся вверх дном. Это во-первых. А во-вторых, не следует забывать, что находящийся там дом представляет собой единственное достояние пана Левкойника. Поэтому я предлагаю взять на буксир остатки острова вместе со всем, что на нем находится, и оттащить к Адакотураде.

Алойзи, который уже успел улучшить минуту и переодеться в сухое, козырнул и после недолгих раздумий заявил:

— Пан профессор, мой мозг проанализировал заданную ему программу. Переходим к исполнению. Капитан, прикажите перенести все корабельные канаты на левый борт. Пусть экипаж свяжет их двойными узлами в одно целое. Во время исполнения маневра взятия на буксир фейерверкерам последовательно выпустить пятнадцать ракет. Выполняйте!

— Есть, господин Адмирал! — крикнул капитан Тыквот и передал приказ старшему офицеру.

— Трос надо выстрелить из катапульты, иначе не долетит, — рассудительно заметил Зызык.

Чтобы не мешать экипажу, мы перебрались на нос корабля. Гора канатов росла с каждой минутой. Механики связывали их концы и скрепляли стыки стальными зажимами. Получился трос длиной более километра.

Ветер стих, волнение стало менее опасным, и капитан подвел судно на расстояние, соответствующее длине каната.

Когда все было готово, Алойзи собственноручно сделал на конце каната огромную петлю. Помогавшие ему матросы — а было их больше десятка — едва управились с тяжестью этой пеньковой змеи.

И тут Алойзи с блеском продемонстрировал кляксическую силу своих мышц. Когда ракеты взмыли в небо, он правой рукой схватил петлю и жестом дискобола бросил канат в сторону темневшей вдали верхушки острова.

Выхватив из рук старшего офицера призматическую подзорную трубу, я посмотрел вслед улетающей петле. Здесь, на палубе, бухта брошенного с нечеловеческой силой каната разматывалась с бешеной скоростью, а там, вдали, колоссальное лассо с невероятной точностью охватило четырехугольник дома.

Растроганный пан Клякса смотрел на Первого Адмирала Флота, на эпохальное творение своего гения: то, что совершил Алойзи, превосходило даже самые смелые ожидания его творца.

От удивления матросы буквально остолбенели. В их взглядах читалось преклонение перед своим Адмиралом.

Вероник, уже не раз хваставшийся своей необыкновенной силой, был совершенно ошарашен поступком Алойзи. Однако при этом он не утратил здравого смысла, и потому, поплевав на ладони, он потер их друг о дружку, сгреб Адмирала в охапку и трижды подбросил его в воздух. К чествованию присоединился экипаж, так что еще чуть-чуть и от адмиральского мундира остались бы одни лохмотья. Во всяком случае, потом пришлось целый час собирать разлетевшиеся по всему кораблю ордена Алойзи.

Резеда не спускала с острова беспокойного взгляда, потому что послала туда Три-Три с письмом к матери.

Капитан дал новый курс, и судно медленно пошло в обратном направлении — из-за плившей на буксире верхушки острова Двойников приходилось проявлять предельную осторожность.

Мы уже покинули зону дождя и бурь. Ветер окончательно стих, небо прояснилось и показалась полная луна.

Свободные от вахты члены экипажа покинули палубу. Капитан Тыквот с омерзением выплюнул сигару в море и тоже

удалился на отдых. Алойзи самолично встал к штурвалу. Впрочем, он всегда находил в стоячем положении, поскольку его искусственный организм не требовал ни сна, ни покоя. Этому можно было только позавидовать, ведь нашей четверке то и дело приходилось глотать тонизирующие таблетки пана Кляксы,

чтобы не рухнуть от усталости.

Вероник с жаром бросился драить навигационные приборы, из-за дождя потерявшие надлежащий блеск. Это умилило боцмана, и он сказал по-сказачески:

— Пан Верурник так любит чистуртор, что егур надур звать Чистюлей.

— Господин боцман, — с достоинством ответил Вероник, — ваша шутка неуместна. Когда ваших предков жрали пиявки, мой прадед под Белой Мушкой воевал за освобождение зеленокожих цитрусов. Я действительно за-

бочусь о чистоте, но пыли не поднимаю.

Не уловив намека, боцман лишь буркнул под нос:

— Крыса сухопутная — ни словечка путного!

Пан Клякса взошел на капитанский мостик. Я тут же догадался, что он послал в космос свое всевидящее око, а теперь застыл с опущенной головой в выжидательной позе, не обращая внимания на старшего помощника, сменившего капитана Тыквота.

Видимость установилась превосходная, и Резеда могла без труда созерцать родной дом.

— Что-то никаких признаков жизни, — озабоченно заметила она. — И Три-Три не возвращается... Свет в окнах погас. Бедная мамочка...

Я старался утешить Резеду и рассеять ее тревогу. На помощь мне пришел пан Клякса, как раз в тот момент ловко спустившийся с мостика.

— Я осмотрел поверхность Луны вблизи. Мое всевидящее око только что вернулось. Космическая пересадочная станция работает отлично. Однако я торжественно заявляю: в этом участвовать я не буду. Пока что я не собираюсь бороздить межпланетные пространства, ведь нерешенных проблем хватает и на Земле. Пока здесь существуют болезни, бедность и несчастья, мой долг — думать о людях. Да, дорогие мои! Люди на Земле для меня важнее всего.

Тут он взглянул на Резеду, ощутил ее беспокойство и потеплевшим голосом, присущим лишь ему, добавил:

— Не беспокойтесь, мадемуазель Резеда. Все в полном порядке, борода начеку. Можете на меня положиться.

Едва он это сказал, как прилетел Три-Три с письмом от Мультифлоры в клове. Резеда стала его читать вслух, а мы слушали ее с предельной сосредоточенностью:

“Дорогая моя деточка, — писала мать Резеды, — помощь пришла вовремя. Теперь, когда шторм миновал, вершина холма, на которой чудом уцелел наш дом, плывет за кораблем ровно, будто плот. Катастрофа произошла позавчера ночью. Послышался подземный гул, земля содрогалась и раскалывалась глубокими трещинами. Последствия бедствия я увидела утром. Весь остров, кроме куска земли с нашим домом, погрузился в океан.

Потом корова сорвалась в море и утонула; козу унес кондор. Уцелели только двое наших пуделей. Мы питаемся фруктами и пьем дождевую воду. На прошлой неделе меня навещил профессор Клякса...”

— Что?! — воскликнул ученый, удивленно приподняв брови. — Я навещил Мультифлору? Неслыханно! Снова какая-то выходка этого негодника! Адмирал! Адмирал, подойдите к нам!

Алойзи подошел пружинистым шагом и вежливо козырнул.

— Послушай, Алойзи, — сурово сказал пан Клякса, — выплыла на свет еще одна твоя проделка. Ты мне не говорил, что побывал на острове Двойников, да еще и нагло выступил в моем обличи! Как это прикажешь понимать?

— Пан профессор, — кротко ответил Алойзи, — я действительно подслушал разговор о Мультифлоре и решил ее навещить...

— Как ты мог подслушать разговор, находясь совсем в другом месте? — удивленно воскликнул я.

— Адашь, у тебя полная потеря памяти, — с сочувствием ответил Алойзи. — Пан Клякса установил у меня в правом ухе барабанную перепонку дальнего прослушивания. Ты ведь сам помогал ему привинчивать платиновые пластинки. Благодаря этому устройству я на расстоянии пятисот метров могу слышать самый тихий шепот, от меня не укроется ничто. Узнав все о пани Мультифлоре, я сел на корабль, шедший на Рабарбарский архипелаг, в полуградусе от острова Двойников. Остальную часть пути я проделал вплавь, вам ведь известно, пан профессор,

я непромокаемый, в воде не тону, а усталость мне незнакома. Но прошу учесть и то, что все это происходило до установки пружины правильного мышления на место. Теперь, когда я совершенен, ничего подобного случиться уже не может.

Признание Алойзи разоружило пана Кляксу. Он похлопал Адмирала по плечу, понимающе кивая головой.

— И все же — что ты там нагородил от моего имени?

— Ничего страшного. Я только сказал, что господин Левкойник от тоски иссох... А еще я ей обещал, что она станет королевой Адакотурады.

— Экий ты, однако, шутник! — воскликнул пан Клякса. — Но ты оказался почти прав. Королевой Мультифлора, уж извини, не станет, зато тещей короля будет. Тоже недурно. Что до пана Левкойника, то это счастье, что он не похудел, а то потерял бы все свое очарование. Он так хорош с брюшком!

— Это еще не все, — продолжил Алойзи. — Еще я сказал ей, что мне удалось найти кляксический стимулятор для растений и благодаря ему пан Левкойник вырастил в Адакотураде кусты роз высотой с пальму. Собственно, это и заинтересовало ее сильнее всего. Вот смеху-то будет!

Пан Клякса рассмеялся и произнес с нескрываемой иронией:

— С таким же успехом ты мог сказать, чтобы меня окончательно скомпрометировать, что пан Левкойник вырос с баобаб и стал раскидистым, как смоковница, или что ее дочери стали жирафами. Но твоему фанфаронству пришел конец, дорогой Алойзитрон. Ушло — не воротишь.

— К вашим услугам, пан профессор, — с улыбкой ответил Алойзи. — Можете на меня положиться, как на собственную бороду!

— А теперь идемте спать! — подвел итог пан Клякса и браво зашагал вдоль судна. Резеда, более не беспокоясь за судьбу матери, тоже согласилась спуститься в каюту.

— Нас ждет пять часов сна, — заметил Вероник. — Привратник, вынужденный каждую ночь открывать ворота, никогда не спит больше.

На своем посту остался лишь неутомимый Первый Адмирал Флота.

Да, творение пана Кляксы было в самом деле величайшим достижением человеческой мысли!

ПРАЗДНИК КОРОЛЕВСКОГО ПЕТУХА

Адакотурада исповедовала мирную политику и не имела ни армии, ни авиации, зато обладала мощными военно-морскими силами, к каковым относились: флагман “Кватерностер Первый”, двенадцать сказакотов на адакотурадской тяге, двадцать четыре быстрокочетов дальнего плавания, шесть курометов и тридцать бронированных кукареков. Все корабли, за исключением флагманского, ходили под вымышленными флагами, чтобы утаить Адакотураду от захватчиков.

Чтобы министр Мира в приступе плохого настроения не втянул страну в какой-нибудь международный конфликт, флот ему подчинен не был. Океанский флот служил лишь для конвоирования торговых караванов яйцевозов и подушечников.

Адакотурадские подушечники назывались так оттого, что походили на набитые пером подушки. Во время перехода в их тепле из яиц вылуплялись цыплята. Один подушечник мог принять на борт до ста тысяч яиц, а в порту назначения получали столько же желтых пищащих цыплят. Зрелище, должно быть, просто захватывающее!

Когда “Кватерностер Первый” ранним утром подплывал к родным берегам, все корабли флота подняли флаги, а курометы произвели залп из всех орудий. На берег высыпали толпы людей, кричавших здравицы в честь Адмирала, пана Кляксы и, конечно же, Мультифлоры, матери будущей королевы. Оказалось, что весть о намерении короля жениться уже разнеслась, как на крыльях колибри, на всю страну!

На рейде я заметил “Акулий Плавник”, только что пришедший в Адакотураду с грузом вороненых часов, и тут же шепнул Зызику, чтобы тот заглянул к своему знакомому капитану, и попросил забронировать четыре какоты на обратный рейс.

В порту нас поджидали министрон Двора Тромбонтрон, наш друг Лимпотрон, пан Левкойник с четырьмя дочерьми, Бульпо, Пульбо, а также представители высшей администрации страны.

Стоял погожий, безоблачный июльский денек.

После краткого приветствия Алойзи отдал распоряжения насчет плавучего острова, мирно покачивавшегося в отдалении.

Матросы набросили конец каната на барабан лебедки и не без труда начали подтягивать остров к берегу.

Когда этот обломок острова Двойников наконец оказался в назначенном месте, механики укрепили его края железной окантовкой, приладили якорь и бросили его на дно по всем законам морского искусства.

Только теперь мы смогли сойти по трапу на землю, которую уже успели окрестить “Анемоновой Горбушкой” — своей формой она и в самом деле напоминала горбушку каравая.

Дом Левкойников пребывал в полной сохранности, и я не без удивления увидел, что во время катастрофы стены не потрескались и даже стекла не повывлетали. Росшие в саду деревья сгибались под тяжестью фруктов, а воздух был напоен сладостным ароматом роз.

Как видите, я умышленно откладываю описание трогательной встречи Мультифлоры с семьей. Просто я лишен поэтического дара Пионии, и мне недостает слов, чтобы надлежащим образом описать эту трогательную сцену. Вполне достаточно сказать, что Вероник лил слезы в три ручья, наверно, вспоминая покойную Веронику, а пан Клякса шмыгал носом, с трудом сдерживая слезы.

Розовод действительно не преувеличивал, когда говорил о необычайной красоте Мультифлоры. Рядом со своими дочерьми она выглядела как старшая сестра. Невзирая на страдания в разлуке и тяжкие переживания последних дней, она так и лучилась безмятежностью, была полна неотразимого обаяния, будто эта минута счастья стерла с ее лица все следы забот и усталости.

“Анемонова Горбушка” была обставлена с большим вкусом и оснащена всеми современными приспособлениями, необходимыми для комфорта.

Итак, пан Левкойник с дочерьми мог сразу же перебраться в собственный дом. Вероник согласился немного пожить у них, чтобы навести порядок и помочь уладить кое-какие формальности, как-то: завести домовую книгу, прикрепить табличку с названием улицы, подключить дом к электросети и канализации, получить разрешение на постройку постоянного моста и на приобретение собственного якоря, зарегистрировать семейную фирму по выращиванию цветов, выяснить номер дома, поставить Левкойников на яичное довольствие, и прочая, и прочая.

Старый привратник живо взялся за дело, поскольку здесь он чувствовал себя как рыба в воде.

Поскольку семейство розвода с Вероником заодно покинули гостеприимные апартаменты Лимпотрона, мы с паном Кляксой остались там одни. И хотя великий ученый благодаря своей необыкновенной проницательности был уже более-менее в курсе моих семейных проблем, но, пользуясь случаем, я попытался изложить ему случившееся по порядку.

Пан Клякса внимательно выслушал меня, подумал и укоризненно сказал:

— Дорогой Адашь, я столько сил потратил на твоё образование, я потратил на промывание твоих мозгов целый ящик мыла, научил тебя правильно мыслить, с огромным трудом осветил закоулки твоего сознания, а ты несешь тут какую-то несусветную чушь. Как ты, человек образованный, мог поверить, что твой отец превратился в птицу? Вероник все это высосал из пальца, а ты позволил навешать себе на уши столько лапши! Как тебе не стыдно?! Что касается Алойзи, то до твоего приезда он все время крутился здесь, в Адакотураде, изображая тебя, и играл со мной в “три бельчонка”, так что изображать еще и почтальона он просто не мог. Словом, я ценю фантазию, но и она должна быть осмысленной.

Речь пана Кляксы подействовала на меня, как холодный душ, и я вдруг осознал всю несуразность басни о превращении моего отца в птицу. Надо же, чтоб как раз у меня произошло такое помутнение в мозгах! Я стоял перед любимым профессором красный как рак и от стыда был готов провалиться сквозь землю. Но в то же время меня раширало от радости, что с родителями ничего плохого не приключилось и никакая опасность им не угрожает.

Из затруднительного положения меня выручило появление запыхавшегося Зызика.

— Прошу прощения... Пожалуйста... — крикнул он с порога. — Я все устроил... “Акулий Плавник” уходит в море послезавтра в восемь часов утра. Капитан очень обрадовался, и четыре каюты будут готовы!

— Да никак это славный боцман-старпом, — подбоченясь, сказал пан Клякса. — Я готов подтвердить то, что сказал ночью. Не пройдет и пяти лет, как ты станешь капитаном.

До отплытия оставалось еще два дня, чему я был даже рад, так как Праздник Королевского Петуха, объединенный с обручением короля, обещал быть необычайно интересным. К тому же и мое обручение с Резедой требовало согласия ее родителей. Поэтому я оставил пана Кляксу и отправился на “Анемонову Горбушку”.

Вас, наверно, удивляет, что в столь просвещенной стране, как Адакотурада, не было телефонов, и каждое дело приходилось устраивать лично. Так вот, раньше соответствующая техника здесь имелаась, но телефоны постоянно ломались, и люди половину времени тратили на тщетные попытки установить связь. Дошло до того, что работа в учреждениях почты встала, так как служащие только и делали, что впустую накручивали диски телефонов. Так что в конце концов министром Погоды и Четырех Ветров, в чьем ведении находилась телефонная служба, решил ради блага общества ликвидировать телефоны раз и навсегда.

Вот так, без телефонного звонка, я и появился на “Анемоновой Горбушке”. Перед домом толпилась молодежь, привлеченная не столько самим жилищем Левкойников, сколько двумя их собаками, ставшими в Адакотураде диковинкой. “Анемонова Горбушка” сыграла в данном случае роль Ноева Ковчега, в котором спаслась пара представителей собачьего племени. Я уже говорил, что это были два черных пуделя, мать и сын, по кличке Негри и Негрифон соответственно. Собачки стояли на подоконнике распахнутого окна, радостно виляли хвостами и время от времени тявкали со свойственной пуделям приветливостью.

Резеда уже сообщила родителям о своем решении. Пан Левкойник, успевший за проведенное вместе время вполне узнать и оценить меня как любимого ученика знаменитого профессора Кляксы, был согласен отдать за меня свою дочь при условии, что все отпуска мы будем проводить в Адакотураде. Зато Мультифлора была явно разочарована тем, что я не садовод.

— Я всегда мечтала, что мои дочери посвятят себя цветоводству. Увы, только Георгина и Гортензия оправдали мои надежды. Вы, пан Адам, изучаете птичьи наречия и говоры. Достойное ли это занятие для ученого? Для зятя розоведа? Но раз уж Резеда вас любит, то и в моем сердце для вас найдется теплый уголок.

Тут она расцеловала меня в обе щеки, а пан Левкойник радостно воскликнул:

— Это событие надо отметить! Пиония, придумай, пожалуйста, в честь молодых какой-нибудь стишок!

Пиония встала между мной и Резедой и продекламировала своим звонким голоском:

*Левкодочек квочек пять
Резеда куда забрать
Папа цап Адама зять
Чик-чирика мама взять.*

Пан Левкойник подскочил от восторга и тут же объяснил смысл четверостишия. Речь шла о том, что я, то есть Адам, из всех пяти дочерей пана Левкойника выбрал Резеду и добиваюсь ее руки. Отец этому очень рад и даже мама согласна иметь зятем специалиста по птичьим наречиям.

Все были потрясены тонкостью этого произведения, только посетовали, что Георгина несколько заглушила его конец очередной серией чихов. Мы наградили автора бурными аплодисментами, а Резеда горячо обняла зарумянившуюся сестру, и та сказала:

— Я просто создана для поэзии. И поэтому никогда не выйду замуж. Ни за садовника, ни за короля! Истинный поэт должен быть свободен, чтобы отдаться творчеству целиком.

Пан Левкойник смотрел на нее с гордостью, а Мультифлора с грустью: ей ближе были розы, а не стихи.

И тут появились Бульпо и Пульбо. Эти двое женихов наверняка радовали сердце матери больше, чем я, однако она оказывала им ровно столько же внимания, что и мне, хотя я и был всего лишь скромным кляксикологом и исследователем птичьих языков. Уверяю вас, я сумел оценить ее деликатность и такт по достоинству.

Обручение двух следующих пар прошло так же торжественно, как и наше, то есть Пиония экспромтом сочинила в их честь несколько путанный, но прекрасно звучащий стихок. На этот раз Георгина воздержалась от чихания, а Гортензия, шевеля губами, вела сама с собой беззвучную беседу, хотя выглядело это как беззвучное повторение стихов Пионии.

Пан Левкойник пригласил всех нас в сад и угостил редкими сортами фруктов, выращенных Мультифлорой.

Улучив момент, я незаметно улизнул, чтобы поговорить с Вероником. Тот как раз сидел на стремянке, приколачивая табличку с надписью «Анемонова Горбушка». Спустившись на землю, он прищурил один глаз, еще раз полюбовался результатами своих трудов и наконец сказал:

— Уезжаем, пан Несогласка. Пора

домой! Интересно, что там новенького?

— Пан Вероник, — сухо начал я, — я пришел к вам кое-что выяснить. С чего это вам взбрело в голову талдычить, что мой отец превратился в птицу? Да еще и утверждать, что видели это собственными глазами? Зачем вы меня запутали? И что это за комедия с почтальоном? Разве так поступают уважающие себя привратники? Как теперь будут доверять такому беспардонному вралю жильцы? И это теперь, когда близится ваш юбилей, вы своим поведением свели на нет все, что заслужили безупречной пятидесятилетней службой! Стыд вам и позор, пан Чистюля!

Я впервые в жизни произнес столь длинную речь, и пот градом катился по моему лбу.

Мои упреки и особенно тон, каким они были высказаны, так сильно подействовали на Вероника, что им овладел длительный приступ икоты. Я несколько раз стукнул его по спине. Это подействовало, и

бледный как полотно Вероник сказал:

— Это ужасно! Это кошмар! Пан Хризантемский обвел меня вокруг пальца. Это его рук дело! Клянусь светлой памятью покойной Вероники, это его рук дело! Я сам никогда бы до этого не додумался! И я поверил этому шалопаю! Так это все неправда? От начала и до конца? Стало быть, моя репутация привратника обратилась в прах?

— Да, пан Чистюля, — сердито ответил я, — славно вы меня подвели. И нечего прятаться за какого-то там пана Хризантемского. Я его видел всего один раз в жизни. Знать не знаю, ведать не ведаю, что это за тип.

— Как? — поразился Вероник. — Вы не знаете? Вы не слышали, кто такой Модест Хризантемский? Знаменитый Модест Хризантемский? Да ведь это первый муж Пепы Бергамот, известной под псевдонимом Пепда-Папда. Они вместе выступали во всех цирках мира. Она — знаменитая дрессировщица, а он — не знающий себе равных иллюзионист и фокусник. Кое-кто даже считал его магом. Превосходит его, простите, лишь один человек — Амброжи Клякса. Теперь пан Хризантемский уже старик, давно на пенсии, но для тренировки подчас вытворяет разные фокусы. Например, может из пустой шляпы достать пятнадцать живых кроликов или выпустить из уха коноплянку, жаворонка или скворца. Именно этот фокус он и показал мне, когда мы находились в квартире пана Несогласки. А я попался на крючок. Видать, поглупел на старости лет. Позволить так обвести себя вокруг пальца! Как теперь смотреть в глаза жильцам? Особенно вашим родителям, пан Адашь? Не остается мне ничего другого, как отказаться от места и пойти в дворники.

Мне стало жаль старого привратника. Да и мог ли я упрекать его за то, что он поверил своим глазам, если я, человек обширных познаний, оказался таким же легковерным, как и он? Я долго успокаивал Вероника и даже уверял, что все оказалось к лучшему, потому что благодаря этой истории мне посчастливилось повидать Адакотураду и, что более важно, познакомиться с моей любимой Резедой.

Этот довод убедил старого привратника. Он немного успокоился, вздохнул раз-другой и вернулся к своей работе, которую спешил окончить до отъезда.

Остаток дня я провел в компании Резеды. Мы гуляли по улицам, наблюдая, как рабочие развешивали транспаранты, флаги и иллюминацию. Все население Адакотурады готовилось к Празднику Королевского Петуха.

Вечером, когда мы вернулись домой, пан Клякса уже спал, посвистывая и похрапывая. Скорее всего ему снились весьма важные дела. Этот великий ученый умел даже во сне делать открытия эпохального значения.

На столе я нашел приглашение следующего содержания:

“Министрон Двора Тромбонтрон имеет честь пригласить пана доктора Адама Несогласку для участия в свадебном кортеже Его Величества, каковой отправится на торжества по случаю обручения короля в день Праздника Королевского Петуха, в восемнадцать часов. Сбор на дворцовой площади. Просьба строго соблюдать протокол церемониала. Форма одежды — праздничная”.

Утром меня разбудил Три-Три, принесший записку от Резеды. Пан Клякса уже не спал. Он сидел на полу и в толстой тетради делал наброски плана будущей пузырярни. Раньше в таких случаях он летал под потолком, но в последнее время оставил эту привычку, потому что, по его словам, повредил себе воздушный пузырь.

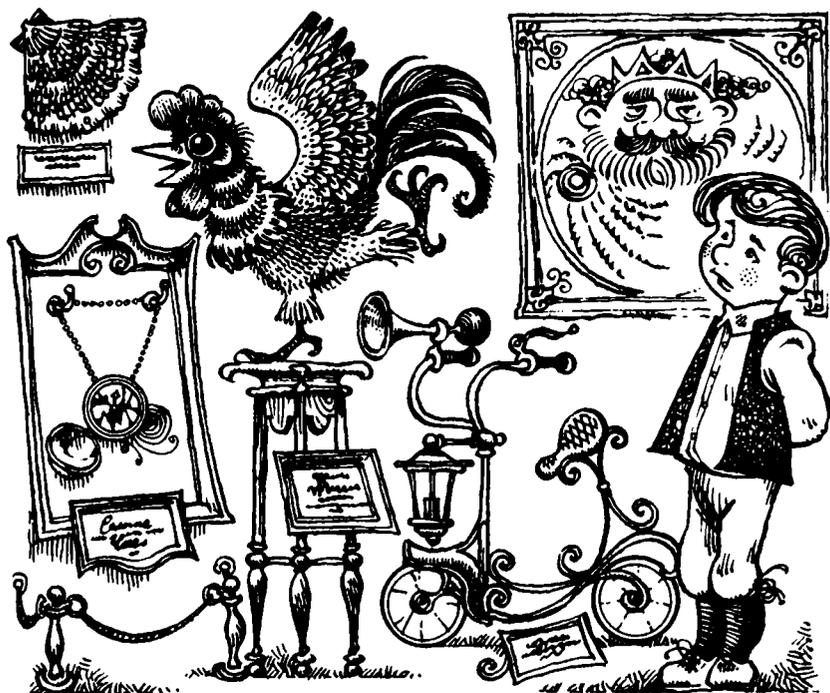
— Впрочем, — заявил он как-то, — теперь у меня появились другие возможности. Прежде я умел превращаться только в предметы неодушевленные, в такие как путовица от шапки богдыхана или чернильница. Но с открытием кляксической энергии и усовершенствованием превращалок мои возможности значительно возросли. Но это секрет, который я ни за что не открою, а то люди по своему обыкновению обратят это себе же во вред.

Резеда от себя лично и от имени всего семейства Левкойников пригласила меня и пана Кляксу к ним на обед.

Первая половина дня у меня была свободна, и я отправился в город. Мне хотелось осмотреть адакотурадские достопримечательности, а главное — музеи, которых я так еще и не видел. Особенно меня заинтересовал Исторический музей. Там были выставлены коллекция пиявок болотной эпохи, чучела Королевских Петухов прошлых лет, первые сломанные часы, старинные рюмки для яиц, плот, на котором сказандцы прибыли в Адакотураду, модели самокатов всех веков, гипсовый слепок с ноги неизвестного спортсмена, портреты бывших королей от Шлепанца Кривоногого до Кватерностера I, а также много других весьма любопытных экспонатов.

Кроме того, я посетил Акустическую Мастерскую Поющих Раковин, Фабрику Парадного Порошка, Надувальню Рыбьих Пузырей, Завод Государственных Транспарантов, Протирач-

ную Королевских Очков, Адакотеку, где были выставлены картины, изображавшие жития домашней птицы, написанные выдающимися птицеведами. Еще я зашел в несколько научных учреждений, в том числе в Школу Фортепьянных Педалей для трех ног, а также в Институт Знаков Препинания.

Я вернулся домой, переполненный незабываемыми впечатлениями, и мы с паном Кляксой отправились к пану Левкойнику. Улица, к которой примыкала “Анемонова Горбушка”, благодаря стараниям Вероника получила собственное название. С одного конца она стала называться Старопроектной, с другого — Новопроектной, а посередке — Среднепроектной.

Семейство Левкойников было в полном сборе, кроме Розы, которую вызвали в секретариат министра Двора для написания автобиографии, заполнения анкеты и брачного листа, а

также для ознакомления с обязанностями будущей королевы. Пока что нам было известно лишь то, что она должна будет принять историческое имя Квакваностры.

Весь дом был сплошь уставлен букетами роз, потому что пан Левкойник сразу же занялся садом и с помощью стимулирующей жидкости быстро улучшил то, над чем долго трудилась Мультифлора.

— Когда в доме живет поэтесса, — заявил он, едва мы переступили порог, — приходится думать о розах. Розы поддерживают вдохновение. Не так ли, Пиония?

Девушка мечтательным взором глянула на отца и как бы в подтверждение его слов меланхолично произнесла:

— Роза, береза, заноза, страж грозен...

— Извините, — спросил Вероник, — нельзя ли вместо “страж” сказать “привратник”?

— Не будет рифмы, — ответила Пиония, глядя на родителя, единственного здесь человека, разбиравшегося в ее поэзии.

Резеда тоже не теряла времени даром. Она так выдрессировала обоих пуделей, что те, наряженные в розовые фартуки, во время обеда ходили на задних лапах и подавали на стол.

Аппетит у пана Кляксы был отменный, и накладывая себе в тарелку огромные порции, он при каждой смене блюда весело восклицал:

— Сколько живу, а так вкусно еще не едал! Эти тефтели просто чудо!

— Это фаршированная рыба, — робко поправила Мультифлора.

— Разумеется рыба! Тефтелеванная рыба! Именно это я и имел в виду. Сегодня же напишу новую поваренную книгу на базе кляксической гастрономии. Как это я раньше не додумался? Пани Мультифлора, я непременно посвящу ее вам, слово чести.

Мы уже перешли к кофе, когда Негрифон троекратным лаем возвестил о прибытии новых гостей. И действительно, в тот же миг на пороге появился Алойзи в адмиральском мундире и в орденах, лишь малая часть которых украшала его грудь. Остальные нес на атласной подушке его адъютант. Третьим гостем был капитан Тыквот, жаждавший увидеть, как выглядит “Анемонова

Горбушка”, которую он притащил на буксире из столь дальних мест.

Мультифлора горячо поблагодарила доблестных моряков за их героические труды, а пан Левкойник не сдержался и через весь стол шепнул Пионии:

— Скажи стишок... Непременно...

Та встала, оперлась о подлокотники кресла и продекламировала свое новое творение:

*Моряку восторг реку
Браво слава кофейку
Кватерностер сестра честь
Анемона жена тесть.*

На сей раз стихотворение разъяснений не требует, все ясно и так.

Не желая оставаться у юной поэтессы в долгу, Первый Адмирал Флота почти не задумываясь ответил в рифму, используя почти те же слова, что и она:

*Ту моряк благодарит,
Кто восторгами дарит.
А она того же теста,
Что монархова невеста.*

— Тебе нет равных! — воскликнул пан Клякса. — Ты станешь гордостью Адакотурады! Адмирал, прими мои поздравления!

Капитан Тыквот в стихах ничего не смыслил и не понимал, о чем речь, так что молча прихлебывал кофе и с привычным отвращением курил сигару.

Разговор за столом касался в основном будущего дочерей четы Левкойников.

— Жаль, что мне не придется присутствовать на свадьбе Резеды, — сказала Мультифлора, — но я понимаю, что пан Адам должен сначала представить ее родителям. Было бы не тактично поступить иначе.

Как бы желая исправить свою вину передо мной, Вероник принялся расхваливать моих родителей:

— Это такие люди, Боже мой! Я знаю их с того самого дня, как они въехали в наш дом. Ни разу не задержали квартплату, не соряют на лестнице, не пачкают стен, не шумят. Золото, а не жильцы! Старший пан Несогласка сам себе пишет книги и делает птичьи чучела. Но чтобы самому когда-нибудь превратиться в птицу — никогда! Я врать не буду! Пани Несогласка этого ни за что бы не допустила! Вот, господа, какие это квартиросъемщики!

— А любят ли они цветы? — внезапно спросила Мультифлора.

— Еще как! Пани Несогласка каждый день прикрепляет к шляпке свежий букетик. Хоть и искусственные, но все ж таки цветы. То васильки, то фиалки, а по воскресеньям и праздникам — только розы! Клянусь! Красивее настоящих!

Тут Георгина страшно расчихалась. Капитан Тыквот сказал: “Будьте здоровы!”, Вероник прервал свои излияния, зато Алойзи услужливо сообщил:

— Покидая страну Обеих Рецептурий, я прихватил с собой образцы безотказных лекарств. Тут у меня флакончик “Античихалина”. После его употребления самый застарелый насморк моментально как рукой снимает.

Георгина протянула было руку за лекарством, но быстро отдернула ее и тихо сказала:

— Нет... Нет... Что скажет мой жених, если я перестану чихать? Ведь больше всего ему во мне нравится именно это. Нет, Адмирал, извините, вашей любезностью я воспользоваться не могу.

После обеда мы с паном Кляксой поблагодарили хозяев, погладили собачек и отправились восвояси. Вероник, завершивший свои дела на “Анемоновой Горбушке”, пошел с нами. Он уже смахнул пыль с мебели, а заодно вымыл окна, как и положено хорошему привратнику.

В метеорологической лаборатории мы застали Лимпотрона. Он как раз устанавливал силу ветра и настраивал погоду на время торжеств по случаю королевского обручения. Мы уже направлялись в свои апартаменты, когда Лимпотрон нас окликнул:

— Тут у меня есть кое-что для вас, господа! Это награды, которыми король решил отметить ваши заслуги. Для пана профессора — Командорский Крест Золотого Петуха со звездой, для пана Несогласки — орден Куриного Пера, для пана Чистюли — медаль Экспортного Яйца. Будет лучше, если вы нынче наденете их. Еще я принес три банки парадного порошка. Посыпьтесь им согласно протоколу церемониала. А вот три золотых хронометра. Они, правда, сломаны, зато самой лучшей марки. Они взяты из королевской коллекции и сбладают исключительной ценностью, поскольку их собственноручно сломал сам король Кватерностер I.

Мы поблагодарили министрона за высокие награды и удалились к себе.

— Времени остается немного, — сказал пан Клякса. — Надо переодеться для сегодняшних торжеств.

— Надо ли нам, как адакотурадцам, раздеться по пояс и посыпаться серебряным порошком? — с тревогой в голосе спросил Вероник.

— Пойдем по пути компромисса, — ответил пан Клякса. — Мирное сосуществование обязывает. Мы посыплемся этим порошком, но поверх наденем собственную одежду. И волки будут сыты, и овцы целы.

Не переставая радоваться и удивляться гениальности пана Кляксы, мы приняли его предложение, быстро переоделись в праздничное платье и украсили себя пожалованными орденами и медалями. Стоя перед зеркалом, великий ученый разглаживал свои усы, брови и бороду, как вдруг рядом с собой заметил отражение Вероника и закричал:

— Пан Вероник! Как это понимать? Уж не собираетесь ли вы явиться к королю в рабочей одежде?

— Другой у меня нет, пан профессор. Но по случаю сегодняшних торжеств я зашнуровал ботинки парадным красным проводом. Вот, посмотрите.

С этими словами он поднял ногу и продемонстрировал пану Кляксе ботинок.

— Фью-фью! — буркнул профессор. — Откуда у вас этот новенький провод? Умереть — не встать! Адакотурадки с ума посходят от восторга при виде ваших ботинок. Что поделаешь. У какого Веронька нет своего конька?

— Вы хотели сказать “Вероника”, — вырвалось у меня.

— Неужто ты не понимаешь, Адашь, что неладно, зато складно? — пожурил меня пан Клякса. — Если так поступает поэт такой величины, как Пиония, то мне сам Бог велел. Пойдемте, господа. За мной!

На площади уже стоял королевский фрегат во всем своем великолепии. Кордон стражников с трудом удерживал напиравшую толпу. Ровно в шесть часов адакотурадские сановники взшли на борт фрегата. Премьер Трондодентрон занял место на носу. За ним в шеренгу выстроились министроны Тромбонтрон, Лимпотрон, Тубатрон, Парамонтрон и Трубатрон. Место у штурвала занял министрон Алойзитрон, Первый Адмирал Флота в парадном мундире, шитом золотом. В отличие от остальных министронов, Алойзи не был обнажен по пояс, но эполеты его были щедро осыпаны парадным серебряным порошком. У пра-

— Не протерли спинку трона, лодыри, — проворчал Вероник.

На голове у короля была малая дорожная корона, в правой руке он держал скипетр из золотых часов. С плеч монарха до самой земли ниспадал плащ, окаймленный разноцветными яйцами, вероятно, сваренными вкрутую, чтобы не побились. Рыжая борода короля золотилась в лучах солнца, его крупный нос чутко улавливал настроение масс, а милостивый

вого борта расселось семейство Левкойников, а у левого — жены министронов.

Последним, сопровождаемый бурными и продолжительными аплодисментами, появился король Кватерностер I, ведя под руку зарумянившуюся Розу. Он величаво ступил на капитанский мостик, а Роза села в позолоченное кресло у его ног.

взгляд, устремленный поверх голов подданных, различал будущее. Словом, он был мужчиной видным, крепким, осанистым и весьма красивым. Несмотря на свои сорок лет, выглядел король необычайно молодо.

Но все взгляды были обращены на будущую королеву. Обсуждали ее красоту, шепотом пересказывали друг другу сведения о семействе Левкойников и сплетничали почему зря, как всегда бывает в подобных случаях.

Роза улыбкой и взмахом руки приветствовала толпу, а личико ее светилось счастьем и доброжелательностью. Именно о такой королеве и мечтали адакотурадцы, так что неудивительно, что она стала их любимицей с первого же дня.

Роза была облачена в красивое золотистое платье, а плечи ее, как и плечи остальных дам, покрывала пелерина из пугиновых перьев.

Королевский фрегат на резиновом ходу был готов к отъезду.

По знаку Адмирала спрятанный под палубой Зызык ударил в корабельный колокол, и процессия медленно тронулась с места. Фрегат тянули сто королевских самокатчиков. Из-за штиля на корме установили механические вентиляторы, наполнявшие паруса ветром не хуже морского бриза. Приглашенные следовали за фрегатом на казенных самокатах, раскрашенных в полосу национальными красками.

Кортеж следовал между двумя рядами заполнивших улицы горожан, наполнявших воздух приветственными криками. Зрелище было поистине захватывающим. На мачте фрегата развевалось королевское знамя, корабельные снасти были украшены трепетавшими на механическом ветру разноцветными флажками. Улицы тонули в трехцветных флагах, с балконов и окон свисали гирлянды цветов. На перекинутых поперек улиц бесчисленных транспарантах были начертаны патриотические лозунги. Вот некоторые из особо запомнившихся:

Пусть звенит наш хор бодрей:

Больше перьев и курей!

*Все разрядники-спортсмены
Кур растяг себе на смену!*

*Будь то август, будь то май —
Яйцеэкспорт, процветай!*

*Пьет кто лактусовый сок,
Тот здоров, силен, высок!*

*Не ударим в грязь лицом—
Крепим родину яйцом!*

Министрон Тромбонтрон периодически провозглашал призывы, которые народ охотно подхватывал:

- Да здравствует третья нурга!
- Орра!
- Да здравствует яичница!
- Орра!
- Да здравствует таблица ормнуржения!
- Орра!

К быстро продвигавшейся процессии присоединялись все новые и новые толпы — трехногие адакотурадцы попевали за фрегатом даже без самокатов.

Едва начало смеркаться, как в небе вспыхнули первые огни праздничного салюта, а молодежь по местному обычаю непрестанно стреляла из надутых воздухом рыбьих пузырей.

К исходу второго часа процессия оказалась у ворот Королевского Сада. На его обширной территории собралось огромное множество адакотурадцев, пришедших сюда с женами и детьми не только школьного, но и ясельного возраста, и даже с грудными младенцами.

Всех тянуло посмотреть на обручение короля, на пегушиный турнир, принять участие в народных гуляньях и щедром угощении.

На газонах виднелись красочные карусели, горки, игровые площадки, ярмарки яиц, стадион для куриных бегов и множество разнообразных праздничных аттракционов.

Под деревьями выстроились длинные столы, уставленные кувшинами с лактусовым вином, подносами с фруктами, лакомствами и яйцами, сваренными вкрутую.

Король и его свита покинули фрегат и направились к смоковнице. Там стояло два вызолоченных кресла для короля и будущей королевы, а за ними находились посеребренные парадным порошком скамьи для почетных гостей.

Кватерностер I сменил дорожную корону на праздничную. Ее украшали мастерски выгравированные сцены из героического прошлого Адакотурады. Затем, отложив свой часовой скипетр, король принял из рук Тромбонтрона роскошные счеты, в которых вместо деревянных кругляшков на спицы были нанизаны куриные яйца, покрытые золотом и серебром.

Но все это выглядело пустяком в сравнении с самой смоковницей. Это дерево, в простонародье называемое фиговым, считалось древнейшим в мире. Ей было 5789 лет, и она хранила в памяти все события древности, понять которые силятся археологи, постоянно роясь в земле в поисках следов давно не существующих селений и людей.

— У меня идея, — вполголоса сказал мне пан Клякса. — И как это не пришло мне в голову раньше? Я выясню историю мира за последние пятьдесят веков. Я заставлю это дерево заговорить! Понимаешь? Просветив его кляксическими лучами, я узнаю древесный алфавит, составлю кляксикон фиговых выражений и получу историю древнего мира на блюдечке с голубой каемочкой. Дерево поведаст мне о деяниях человечества. Это станет началом новой отрасли знаний — кляксической археологии. Не пройдет и года, как наука обогатится еще одним достижением эпохальной значимости. Да! Я заставлю дерево заговорить! Непременно заставлю!

В этот момент в небо взлетели огни салюта, заиграли укрытые в кустах поющие раковины, и раздались звуки государст-

венного гимна. Король взмахнул рукой — и министр Тромбонтрон свистом объявил об открытии петушиного турнира.

На двенадцати тысячах веток смоковницы сидело двенадцать тысяч петухов, посаженных на цепочки — не то они непременно затеяли бы драку.

Петухов тренировали в течение целого года, а в последнее время по просьбе Бульпо и Пульбо этим занялась и Резеда,

которая благодаря пани Пепе Бергамот овладела трудным мастерством коллективной дрессуры.

За ходом конкурса следил Парамонтрон, который был не только министром Куроводства, но и всемирно известным петухологом.

Многие петухи отказались от участия в соревнованиях из-за хрипоты или иных болезней горла. Значительная часть конкурсантов отсеялась уже в самом начале вследствие низкой квалификации или плохого состояния хвоста. Те же, кто пребывал в хорошей форме, приступили к состязанию, следуя определенной их хозяевами очередности. С помощью министра Тубатрона и счетов король лично регистрировал результаты выступлений.

Конкурс, как вы догадываетесь, тянулся очень долго. Не стану описывать его подробно. Достаточно сказать, что петухи орали во всю глотку, и от их пронзительного пения голова у меня едва не лопнула.

Пан Левкойник тяжело пыхтел, Гортензия бормотала под нос свои монологи, Георгина чихала, Вероник протирал тряпкой подлокотники скамеек, и только пан Клякса, умевший отключаться при необходимости, беспечно дремал, насвистывая носом Марш Чернильных Клякс.

Итоги конкурса в этом году оказались потрясающими. Петухи продемонстрировали отличную подготовку; большинство находилось в превосходной форме и имело отлично поставленные голоса. Сто семьдесят участников побили рекорды предыдущих лет, двадцать четыре пропели, делая предписанные пятисекундные паузы, свыше тридцати раз кряду. Но победителем в конце концов стал тот самый петух, с которым мы познакомились на приеме у Кватерностера I. Он спел сорок один раз, заткнув за пояс всех соперников, и таким образом оставил почетный титул за собой.

Многотысячная толпа болельщиков встретила победителя бурными аплодисментами, переходящими в овацию, и криками "Орра!", а король по традиции снял с головы корону и

пропихнул триумфатора сквозь нее, сообщив ему этим жестом достоинство Королевского Петуха.

В сумеречном небе вспыхнули фонтаны фейерверков, ослепивших петухов-конкурсантов. Когда салют погас, по контрасту показалось, что стало еще темнее. Петухи поверили этому впечатлению, тут же затихли и уснули. Бодрствовал только королевский помазанник. Он уселся на подлокотник кресла монарха и гордо тряхнул гребнем.

Из-за вершин деревьев показался рожок месяца. Это послужило сигналом к началу торжественного обручения.

Министрон Тромбонтрон взобрался по лестнице на верхушку смоковницы и своим зычным голосом, усиленным сотнями громкоговорителей, возвестил народу, что король Адакотурады Кватерностер I решил вступить в законный брак, в подтверждение чего сегодня принародно состоится его обручение с присутствующей здесь Розой Левкойник, дочерью Анемона и Мультифлоры. В ответ на сообщение из десятков тысяч грудей вырвался оглушительный вопль радости, многократно повторенный эхом и ураганом пронесшийся по вершинам деревьев.

— Бравотурада! Бравотурада! — во весь голос орали школьники и сосунки в колясках.

Разбуженные этим всенародным воплем петухи пропели стройным хором и снова впали в дремоту. И тут неожиданно для всех раздалось еще одно “кукареку”, на сей раз исполненное мастерским дуэтом Алойзи и самого пана Кляксы. Когда все наконец утихло, началась церемония обручения.

К паре высоких влюбленных сторон приблизился министр Тубатрон и подал на серебряном блюде обручальное яйцо. Оно было снесено специально вскормленной золотым просом курицей породы “брамапутра”, облагороженной путем скрещивания с породой адакотурадских бойцовых петухов.

Затем премьер Трондодентрон доисторическим мечом легендарного короля Шлепанца Кривоногого рассек яйцо надвое. Вместо желтка из него выпали два золотых кольца, которые министр Тромбонтрон надел на пальцы короля и Розы, произнеся по-сказачески формулу обручения:

*Жизни две — сордѣба урдна.
Дурбрьї морж, дурбра жена.*

И снова взметнулся в небо фейерверк, на этот раз изобразивший на фоне неба портреты влюбленных, и опять запели хором разбуженные петухи, а сводный оркестр раковин исполнил государственный гимн.

Торжественная часть на этом закончилась, в свете иллюминации и фейерверков начались народные гулянья, а король с невестой и почетными гостями пустились в обратный путь. Фрегат быстро покатился по опустевшим улицам, а мы мчались за ним на своих самокатах.

— Завтра можем со спокойной совестью отправляться домой! — опережая меня, воскликнул пан Клякса. — Нам удалось поставить Адакотураду на новые рельсы, и перед ней теперь открылись блестящие перспективы. Сегодня же ночью я напишу на эту тему двухтомник под названием “Кляксотурада”.

Как видите, в гениальной голове ученого неустанно роились великие, плодотворные мысли.

ПРОЩАНИЕ С ПРИКЛЮЧЕНИЕМ

“Акулий Плавник” вышел в открытое море. Издали махали нам платочками едва различимые теперь сановники Адакотурады, семейство Левкойников и наши друзья. Только Алойзи, провожавший нас до границы территориальных вод, недвижно стоял на палубе кукарека, взяв под козырек. Но вот и он исчез из виду.

Хоть Резеда и обещала родителям ближайший отпуск провести в Адакотураде, ей все же было грустно во время первого в жизни расставания с родными, и она глядела вдаль подернутыми влагой глазами. Но печаль ее длилась недолго, и скоро к ней вернулась обычная веселость. Подсев к капитану корабля, она принялась вместе с ним разгадывать кроссворды.

“Акулий Плавник” был попросту допотопной моторной лайбой. Скорость его была невелика, и первый же шторм мог оказаться для него последним. К счастью, наш капитан обладал

исключительным чутьем и умел с необычайной ловкостью лавировать между своенравными ветрами, предпочитая сделать лишний крюк, чем бороться со стихией. Так что нас ожидало длительное путешествие, и никто не знал, когда же мы доберемся до места.

Подстать капитану была и команда — нерасторопная и ленивая. Погрузившийся по самую макушку в кроссворды капитан ни о чем не думал, а уж о порядке на судне — и подавно. Поэтому стоит ли удивляться, что Вероник тут же, закатав штанины, принес ведра, щетки и мыло и взялся яростно скрести и скоблить палубу. Пан Клякса беззаботно насвистывал, а когда старый дворник окатывал доски водой, принимался кататься по ним как школьник, утверждая, что это помогает ему сосредоточиться. Надо признать, великий ученый проделывал это с необычайной ловкостью и мастерством, каким мог бы позавидовать всякий фигурист.

Как и во время прошлого плавания, с погодой нам повезло. Небо было чистым, а волны ласково пошлепывали судно по его деревянным бокам.

Верный Три-Три сопровождал нас. Желая продемонстрировать перед неизбежной разлукой свою любовь, он то и дело подсовывал мне жирных мошек. Я не хотел выказывать отвращение к его дарам и украдкой выплевывал эти лакомства в море только тогда, когда колибри снова улетал на охоту.

Понаблюдав за нами, пан Клякса не преминул съязвить:

— Смотрю я на твою дружбу с Три-Три и у меня в голове не укладывается, как человек вроде тебя мог поверить во все эти бредни. Отец превратился в птицу! Ничего глупее этого даже курица не выдумает. Никому больше об этом не говори, а то дети засмеют! А может, ты думаешь, что твой колибри тоже бывший человек?

И пан Клякса разразился неудержимым хохотом. Голова, борода и живот великого ученого затряслись, с носа свалились очки. Пан Клякса фыркал и прыскал, захлебываясь собственным хохотом, одолеть который не мог, и на самом деле едва не умер со смеху.

Привлеченная странными звуками команда окружила ученого, капитан оторвался от кроссворда, Вероник прервал свою работу, а пан Клякса только что не лопался от смеха, держался за живот и стонал, утирая слезы:

— Ой, не могу! Ой, лопну! Будто кто меня щекочет... Никогда я так не смеялся... Адашь, уйди с глаз долой, не смейши, а то у меня все пуговицы поотлетают...

Смех пана Кляксы был так заразителен, что собравшиеся тоже принялись хохотать. Штурвальный зычно грохотал, Вероник пищал фальцетом, Резеда тонюсенько по-комариному хихикала. Решив, что мы походили с ума, Три-Три сунул мне на прощанье еще одну букашку, погладил меня клювом по уху и помчался обратно в Адакотураду. Больше я его не видел.

Я чувствовал себя как оплеванный. В самом деле, как это я брякнул такую чушь? Но знакомство с Резедой и ее любовь вознаградили меня за перенесенный позор.

Я взял ее за руку и повел к правому борту, где все еще цвели высаженные ее отцом розовые кусты.

— Твоя матушка права, — сказал я. — Лучше иметь дело с цветами, чем с людьми.

Сказал я это не слишком уверенно, но с огромной обидой на пана Кляксу.

Не помню точно, сколько длилось наше путешествие, но по-моему недели две. За это время неутомимый пан Клякса успел провести множество наблюдений и исследований, из которых родился новый труд о совершенствовании человеческого ума посредством прививки к нему дельфиньего мозга.

Мы с Резедой внимательно прислушивались к говору чаек и смогли довести словарь чаек до буквы “й”.

И только Вероник становился все беспокойнее. “Ах, пан Хризантемский, пан Хризантемский! — то и дело ворчал он под нос. Или: — Нет, пан Модест... Нет уж!”

На пятый день плавания мы выловили из моря лодку с тремя потерпевшими кораблекрушение сказандцами. Циклон подхватил их корабль и подбросил так высоко, что из всего экипажа только эти трое и сумели спастись, выпрыгнув вместе с лодкой

на парашютах. Плотно пообедав, верные себе сказандцы, принялись сказывать сказки. Рассказали нам о двух братьях (о богатом и бедном), о двух сестрах (о доброй и злой) и под конец — о трудолюбивой падчерице и злой мачехе. Однако после пережитого нами на Адакотураде эти сказки показались нам пресными и скучными, и мы предпочли вернуться к своим занятиям. Уйдя на корму, мы с Резедой стали бросать чайкам кусочки хлеба, надеясь немного разговорить их. Мы старательно

занимались птичьим словарем, и только время от времени до нас долетали стоны старого привратника: “Нет, пан Модест... Нет уж!”

Наконец в один прекрасный солнечный день впередсмотрящий крикнул: “Земля!”, а час спустя пред нашими взорами предстали башни родного города, и сердце мое забилося сильнее.

“Акулий Плавник”, вышедший из Адакотурады под флагом вымышленного государства Ландринконии, поднял свой настоящий флаг.

Мы высадились на сушу с чувством радости и облегчения, знакомым всякому путешественнику, после долгих странствий вернувшемуся в отчий край.

Пан Клякса отправился прямиком в Академию, условившись со мной о встрече на следующий день; а мы, то есть Резеда, Вероник и я, поспешили домой. Я испытывал и радость, и беспокойство одновременно — впрочем, все мы испытывали эти смешанные чувства.

Вы не можете себе представить, что со мной стало, когда еще издали я увидел стоявших на балконе родителей! Похоже, они все время так и стояли там в ожидании моего возвращения.

Я летел по улице как на крыльях, таща за собой Резеду. Через минуту мы уже были дома. Наверное, каждому из вас доводилось встречаться со своими близкими после долгой разлуки, и потому нет необходимости описывать, как проходят подобные встречи.

Плача от радости, матушка бросилась меня обнимать, да так бурно, что шляпка, которую она всегда надевала, выходя на балкон, слетела с ее головы.

— Пан Хризантемский сказал нам, что ты отправился в путешествие, но он не знал, куда, — голосом, напоминающим чириканье, сказал отец. — А кто эта милая девушка? — спросил он, взглянув на Резеду.

— Это моя невеста, Резеда Левкойник... Аргонавты искали золотое руно, конкистадоры — сокровища индейцев, а я нашел самую большую ценность в мире: мою дорогую Резеду! Полюбите ее, как свою дочь!

— Красивое имя — Резеда! — воскликнула матушка. — У меня как раз новая шляпка с букетиком резеды. Добро пожаловать, детка, в наш дом! Я всегда мечтала о такой очаровательной жене для Адася. Я как чувствовала, и даже поставила для тебя прибор. Идемте же к столу, а то суп стынет. И так у нас суп стыл каждый день с той поры, как ты уехал.

На первое был рисовый суп с помидорами, потом подали моих любимых цыплят и салат из огурцов со сметаной, а на десерт — три сорта мороженого: лимонное, малиновое и фисташковое. Мне сразу же вспомнились цвета государственного флага Адакотурады.

Мы с Резедой наперебой рассказывали родителям об этой удивительной стране. Отца больше всего заинтересовало устройство Алойзи, тем более что в его библиотеке была книжка пана Кляксы о кляксичес-

кой энергии. Разумеется, это был только переплет, но я не сомневался, что после обеда отец тут же напишет новый вариант этого труда и перечитает его.

Родители с интересом разглядывали привезенные из Адакотурады диковинки. Матушка тотчас же испробовала на себе действие сока гунго, а отец, хотя и не любил молока, напился лактусового сока, и с грандиозным любопытством стал изучать фотографии Заповедника Сломанных Часов, королевского фрегата, “Анемоновой Горбушки”, но особо пристально он разглядывал Кватерностера I, Алойзи, трехногих и трехруких адакотурадцев.

Тем временем матушка занялась Резедой. Я заметил, что и ей мои родители пришлись по сердцу, и Резеда весело щебетала, рассказывая о пане Левкойнике, о Мультифлоре, о будущей королеве Адакотурады.

В отлично убранной квартире для меня был приготовлен кабинет, а Резеде отец отдал чучельную мастерскую. Впрочем, чучела, как обычно, проветривались на балконе, и как только мы с мамой переставили в мастерской мебель, из нее получилась вполне уютная комнатка.

Когда Резеда ушла к себе распаковывать вещи, я остался с родителями наедине и как бы между прочим спросил:

— А как это получилось, что придя из Академии, я никого не застал дома, и пришлось мне уехать, даже не попрощавшись? Мне было очень грустно...

— Во всем виновата твоя мать, — заявил отец. — Мы сняли дачу в Ванильной роще на берегу Вкрбрды, чтобы ты после Академии отдохнул. Мама решила навести там порядок. Мы взяли пылесос и рано утром поехали. А потом опоздали на поезд и вернулись только вечером.

— Не вали все на меня, — запротестовала матушка. — Ведь пан Хризантемский должен был предупредить Адася. Я его просила. Ты что, забыл? В тот день Вероник должен был ехать за птицами для чучел, а пан Хризантемский сидел на лавке перед домом и грелся на солнце. А он ничего тебе не передал, Адась?

Наверно, забыл. Я давно замечала, что он на старости лет стал терять память.

Не успел я ответить, как раздался звонок в дверь. Открыв, я увидел Вероника. На нем снова была его форменная безрукавка и ботинки, зашнурованные проводом от электрического утюга. Из-за плеча старого привратника робко выглядывал пан Хризантемский.

— Пан Вероник, — прошептал я, — ни слова о пуговице и вообще о превращениях, птицах, о почталъонах... Гроб,могила, крест. Ни-ни!

Старый привратник кивнул головой и пошел поздороваться с моими родителями. За ним неуверенно семенил пан Хризантемский.

— Пан Модест, — с упреком сказала матушка, — как же вы забыли сказать сыну, о чем я вас просила?

— А я и забыл, что забыл, — со вздохом ответил пан Хризантемский. Похоже, что у них с Вероником только что был серьезный разговор, и пану Хризантемскому порядочно досталось.

— Нет, пан Модест... Нет уж! — гневно буркнул Вероник.

— Честно говоря, уважаемая пани, — тянул фокусник в отставке, — в последнее время память у меня совсем никудышная. Да и с головой что-то неладно. Вот, прошу взглянуть...

При этом пан Хризантемский щелкнул пальцами возле уха и в тот же миг из этого уха вылетело несколько щебечущих ласточек. Они выпорхнули в окно, присели на перила балкона, а затем взмахнули крыльями и — только мы их и видели.

Привлеченный щебетом, из-под дивана вылез сонный кот Иероним. Он мяукнул, почесался и лениво проследовал в комнату Резеды.

— А может, кот тоже вылез из вашего уха, пан Модест? — съязвил старый привратник.

— Кот? — удивился фокусник. — Никакого кота я не видел. Но если вам так хочется, то пожалуйста...

И с этими словами он из своих широченных брюк вытянул за хвост отчаянно оравшего Иеронима.

Представление пана Хризантемского меня просто поразило.

— Резеда! — крикнул я. — Иди скорей сюда! Увидишь кое-что интересное.

Резеда прибежала из своей комнаты, а Вероник подбоченился и насмешливо спросил:

— Ну, пан Модест, может теперь пана Несогласку превратите в ппицу?

— Нет! — закричал я. — Только не это! Попрошу без этих шуток!

Пан Хризантемский встал перед Вероником и сказал, прищурив один глаз:

— Пан Чистюля, какая это вас ~~мынче~~ муха укусила? Надо поглядеть.

С этими словами фокусник потянул Вероника за нос, и тут же у привратника из носа вылетел целый рой мух. В комнате

стало темно, как ночью. Отец убежал на балкон, а мама, всегда отчаянно борющаяся с мухами, подняла невероятный шум:

— Что это вы тут вытворяете?! Сейчас же уберете своих мух! Или я вызову пожарных.

Пан Модест достал из кармана носовой платок, встряхнул им и подбросил его вверх. Мухи тут же сбились в черный ком, а старый фокусник ловким движением рук завернул его в платок и выбросил за окно.

Едва мы пришли в себя от странной проделки пана Хризантемского, как тот попрощался и поспешно удалился.

Когда дверь за ним закрылась, Вероник тяжело вздохнул и произнес:

— Вот видите! А я еще просил этого человека подменить меня. Кто бы мог подумать? Знаете, что он натворил? Однажды

ночью разбудил жильцов, выпнал их на улицу неодетыми и так бедняг околдовал, что те плавали в фонтане, как золотые рыбки. Что будет, что будет? Как оправдаться перед людьми? Моя честь растоптана...

— Успокойтесь, — стал я утешать Вероника. — Все уладится. Можете спать спокойно. Я все устрою так, что никто не будет предьявлять вам никаких претензий. И юбилей ваш отпразднуем. Мы с Резедой берем это на себя.

На глазах у старого привратника стояли слезы. Не сказав ни слова, он механически протер засиженный мухами пана Хризантемского буфет, попрощался и ушел.

— Можете на меня положиться, — повторил я ему на прощанье. — Ничто так не сближает, как совместное путешествие. А ведь мы только что возвратились из Адакотурады. Я вас в беде не оставлю.

Вернувшись в комнату, я увидел, что кот Иероним лежит у Резеды на коленях.

— Уж не собираешься ли ты его дрессировать? — улыбнулся я ей.

— Да вот хочу попробовать поработать с его характером и научить кота собачьей преданности. Чем целыми днями сидеть под диваном, пусть лучше выбегает навстречу, когда ты будешь возвращаться домой, а я вместе с ним. Хорошо?

— Послушай, Адашь, — сказала матушка. — Это, конечно, очень благородно, что ты помнишь о юбилее Вероника, но не мешало бы подумать и о собственной свадьбе, и о том, куда мы отправимся в свадебное путешествие.

— Только не все вместе! — прервал ее отец. — Старикам незачем таскаться за молодыми. А свадьбу можно сыграть, например, через месяц, восьмого августа. Мне очень нравятся круглые даты.

У моего отца есть свои странности, и числа 3, 7, 8 и 13 он считает круглыми.

— А теперь — всем спать, — сказала мама. — Вы, наверное, устали с дороги. Спокойной ночи.

Рано утром меня разбудил Иероним, ластившийся ко мне как собака. Без Резеды тут, конечно, не обошлось.

Я быстро оделся и, не дожидаясь завтрака, поспешил на Шоколадную улицу, в Академию пана Кляксы.

Подняв хвост трубой, кот Иероним неотступно шествовал за мной.

Пана Кляксу я нашел в кабинете. Хоть на его двери и висела табличка, воспрещающая вход посторонним, она касалась только слушателей Академии, разносчиков и назойливого парикмахера Филиппа.

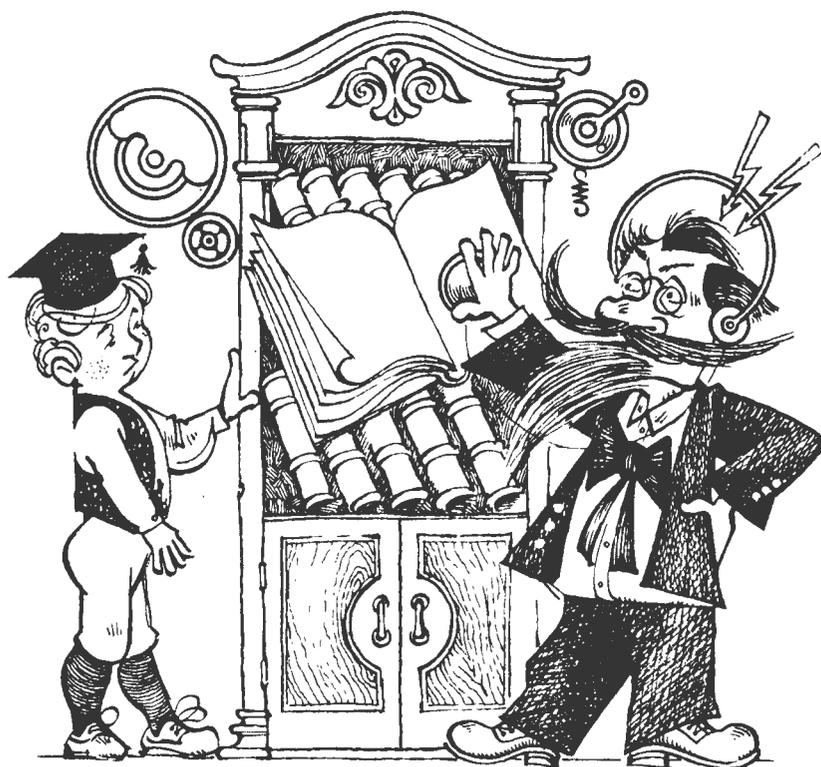
Кабинет профессора больше напоминал лабораторию сказочного чернокнижника, чем рабочее место ученого. В центре стояла знаменитая элелемелетэлектрическая платформа, на стенах висели лампы, рефлекторы, радары и лазеры; по углам размещались реакторы и электронные мозги, а на столах у стен лежали аппараты, придуманные и построенные самим паном Кляксой. Среди них я увидел комбайн, применявшийся для лечения больного оборудования, запасные барабанные перепонки дальнего подслушивания, сонные зеркальца или подматриватели снов, мыслеотгадчик, конденсатор кляксической энергии, батареи для превращалок, копилки памяти, реторты и центрифуги для изготовления миндалин, орехов и прочих желез, прокатные станы для обработки искусственной человеческой кожи и многое, многое другое.

Пан Клякса обнял меня, встал на одну ногу и торжественно произнес:

— Доктор Адам Несогласка! Сегодня я возвращаюсь в Адакотураду, где меня ждет работа, которая должна сделать человечество счастливым. Свою Академию я передаю тебе. Назначаю тебя ее директором. Будешь моим заместителем, или вторым Амброжи Кляксой. Сей храм науки и мудрости я отдаю в твои руки, Адашь! Надеюсь, ты оправдаешь мое доверие. Здесь, в шкафу, хранятся все ключи, в том числе золотой ключ от соседних сказок, ключ от моих секретов и ключ от библиотеки, где собраны все мои труды, плюс полная документация, касающаяся-

ся моих открытий. Пойдем, я ознакомлю тебя с содержанием этого шкафа.

С этими словами пан Клякса открыл бронированную дверь библиотеки. В ней рядами стояли толстенные тома в кожаных переплетах, среди которых были “Кляксотомия”, “Кляксопедия”, “Кляксография”, “Кляксонавтика”, “Кляксометрия”, “Кляксология”, “Кляксософия”, “Кляксоматика”, “Кляксосведение”, “Кляксохимия”, “Основы кляксической энергии”, “Кляксотроника”, “Кляксокология”, “Кляксотфония и кляксосвидение” и тому подобное.

— А это — мои самые последние труды, — гордо заявил великий ученый. — Взгляни! Это — “Адакотаконика”, а рядом

рукопись “Кляксотурады”. Тебе надо отдать их в печать. Там ты найдешь описание нашего путешествия и несколько лестных упоминаний о себе. Думаю, это доставит тебе удовольствие. Да, вот еще что. Должен тебе передать и это мое самое-самое последнее открытие.

Тут пан Клякса извлек из шкафчика аппаратик величиной всего-навсего с консервную банку.

— Отгадай, для чего это?

Я осмотрел аппаратик со всех сторон, постучал по нему пальцем, приложил к уху, но так и не понял его назначения.

— Ладно, скажу, — пожалел меня профессор. — Это — кляксический мозгопитатель. Гляди. Берется какой-нибудь учебник, к нему подключается вот эта рубиновая линза; провода от другого конца присоединяются к медному обручу, который ночью надевается на голову обучающегося; после нажатия вот этой кнопки пучки лучей начинают переносить содержание учебника прямо в мозг спящего. Можешь мне поверить, это самый надежный способ обучения во сне. Благодаря ему я всего за двадцать ночей выучил двадцать новых языков. Сохрани тайну этого открытия и используй его только для обучения наших слушателей. Успех гарантирован!

Кляксический мозгопитатель оказался удивительно простым и удобным в употреблении, и я поспешил испытать его действие на себе.

Взяв учебник китайского языка, я уже через четверть часа объяснялся с паном Кляксой по-китайски, но только-наполовину, так как за столь короткий срок успел овладеть лишь половиной этого языка.

— Ну, кажется, все! — сказал мне ученый. — Теперь можно выйти на террасу и попить кофейку. Кофе — моя специальность. Я угощу тебя отличным кофе.

Пан Клякса пил кофе мелкими глоточками, поглаживая бороду и время от времени прикладывая ее конец к уху, как бы прислушиваясь.

Он выглядел рассеянным и говорил сразу о нескольких предметах. Но вот, словно очнувшись, он спросил:

— Вот что, Адашь, как ты находишь своих родителей? Они в порядке?

— В полном, профессор, спасибо.

— Вот видишь! А как легко ты попался! Человек не может превратиться в птицу, это было бы противоестественно. Ты понимаешь меня?

— Прекрасно, профессор!

— Но дело в том, что со мной дело обстоит совсем иначе. Со-вер-шен-но иначе, Адашь. Видишь ли, у меня имеется кляксическая превращалка, и недавно я ее усовершенствовал. В свое время мне удалось открыть пятое состояние материи — кляксоплазму. Это дало мне возможность превращаться в птицу. И вот сейчас, прямо у тебя на глазах, я проделаю это, поскольку мне необходимо срочно лететь в Адакотураду.

Сказав это, пан Клякса вынул из жилетного кармана крошечный пузырек, поднес его ко рту и залпом выпил все его содержимое.

Дальше началось нечто удивительное: пан Клякса стал как-то съеживаться, ноги его делались все короче и тоньше, подбородок постепенно соединился с носом и превратился в клюв, плечи стали крыльями, а фалды сюртука — хвостом.

Преображение протекало столь быстро, что не успел я опомниться, как вместо великого ученого передо мной уже скакала, весело посверкивая глазками, настоящая птица.

— Пан профессор! — воскликнул я, не в силах опомниться. — Пан профессор, что все это значит?

— А-да-ко-ту-ра-да! А-да-ко-ту-ра-да! — прощebetал бывший пан Клякса и поточил клюв о камни террасы.

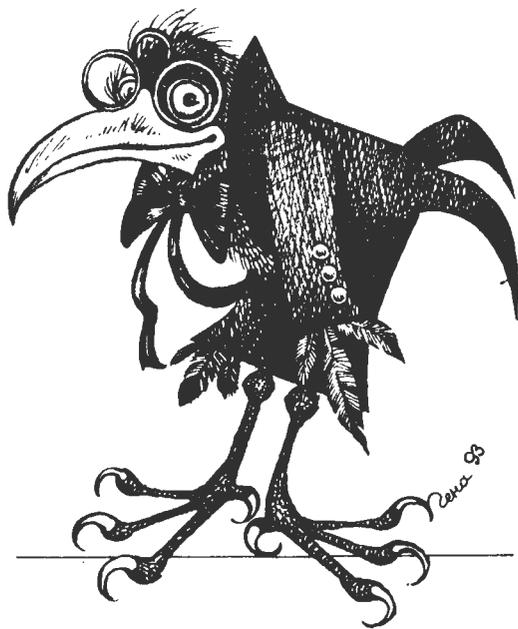
Мой кот выгнул спину коромыслом, плотоядно облизнулся и уже изготовился к прыжку, как вдруг пан Клякса взмахнул крыльями и был таков!

Сделав над Академией круг, он развернулся, взял курс на юго-восток и вскоре исчез из виду. За ним, как за реактивным самолетом, тянулся белый след.

Какое-то время след недвижно висел в небе, затем стал распадаться на части, которые в свою очередь превратились в буквы.

— Па-рам-пам-пам, — вслух прочитал я растлывающиеся в синеве слоги.

Этой незатейливой песенкой пан Клякса возвещал миру о триумфе своего гения и о своей победе над считавшимися неизблемыми законами природы.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

АКАДЕМИЯ ПАНА КЛЯКСЫ

Перевод М. Ландмана

Эта и другие сказки	7
История Матеуша	14
Причуды пана Кляксы	24
Занятия в академии	37
Кухня пана Кляксы	49
Моё удивительное приключение	58
Завод дыр и дырочек	69
Сон про семь стаканов	80
Анатоль и Алойзи	96
Сказка про лунных жителей	104
Тайны пана Кляксы	113
Прощание со сказкой	124

Часть вторая

ПУТЕШЕСТВИЯ ПАНА КЛЯКСЫ

*Перевод Р. Пуришинской и Л. Хайкиной
под редакцией М. Ландмана*

Сказандия	131
Штиль на море	139
Абеция	153
К острову Изобретателей	165
Патентония	172
Гроссмеханик	179
Битва с саранчой	188

Главмакарон	193
Чудесные бороды	198
Путешествие в бочке	203
Аптечный полуостров	213
Катастрофа	229
Невзаправдия	243

Часть третья

ТРИУМФ ПАНА КЛЯКСЫ

*Перевод Е. Соколова
под редакцией А. Филонова*

Птичья история	255
Адакотурада	279
История Анемона Левкойника	305
Где Резеда?	324
Пан Клякса действует	347
Алойзи Пузырь	358
Экспедиция за Мультифлорой	381
Праздник Королевского Петуха	403
Прощание с приключением	427

Семейная библиотека

Уважаемый читатель!

В 1992 году Издательство ТПО «Интерфейс» начало выпуск книг серии «Семейная библиотека» — в твердой обложке, в цветном красочном супере.

В первую книгу вошли лучшие произведения Э. Успенского: «Вниз по Волшебной реке», «Дядя Фёдор, пёс и кот», «Следствие ведут колобки» (пять выпусков), «Крокодил Гена и его друзья» и новая сказка «Бизнес крокодила Гены», к которым молодой талантливый художник Г. Кундоус сделал 160 иллюстраций.

Во вторую книгу включены лучшие произведения В. Губарева: «Королевство кривых зеркал», «Трое на острове», «Путешествие на Утреннюю Звезду», «В тридевятом царстве» и «Преданье старины глубокой», иллюстрированные также молодой и талантливой художницей Е. Малышенковой.

В третью книгу вошли впервые изданные в нашей стране волшебные сказки Александра Дюма, иллюстрации к которым выполнила известная художница Т. Нарская.

В четвертую книгу вошли лучшие произведения Яна. Бжехвы: «Академия Пана Кляксы», «Путешествие Пана Кляксы» и «Триумф Пана Кляксы» с иллюстрациями художника Г. Кундоуса.

Семейная библиотека

В пятую и последующие книги серии войдут следующие произведения: Эно Рауд „Муфта, Полботинка и Моховая борода” и другие его произведения; Е. Велтистов „Миллион и один день каникул”, „Гум-Гам”, „Классные и внеклассные приключения необыкновенных первоклассников”; Л. Гераскина „В стране невыученных уроков”; Т. Гнедина „Последний день тутотронов” и „Острова на кристаллах воображения”; Ю. Дружков „Волшебная школа”, „Приключения Карандаша и Самоделкина”; В. Коржиков „Мореплавание Солнышкина”; А. Алексин „В стране вечных каникул”; П. Амадуни „Чао — победитель волшебников”; А. Некрасов „Приключения капитана Врунгеля”; В. Мелентьев „33 марта”, „Голубые люди Розовой земли” и „Чёрный свет”; Е. Велтистов „Электроник — мальчик из чемодана”, „Рэсси — неуловимый друг”, „Победитель невозможного” и „Новые приключения электроника”; Ю. Сотник „Весёлые рассказы”; Л. Пантелеев „Шкидские рассказы”; В. Драгунский „Денискины рассказы”; А. Мошковский „Пятеро в звездолёте”; С. Прокофьева „Лоскутик и облако”; В. Нестайко „В стране солнечных зайчиков”; А. Якубенко „Волшебные перья Арахиса”; Е. Чеповедский „Непоседа, Мякиш и Нетак” и „Приключения шах-

Семейная библиотека

матного солдата Пешкина"; В. Муравьев „Приключения Кольки Кочерыжкина"; С. Сахарнов „Гак и Буртик в стране бездельников"; Н. Поливин „Солнечный мальчик"; А. Кириносков „Страна Мудрецов"; Г. Балл „Сказки" (10 повестей); Е. Шварц „Сказка о потерянии времени" и многие другие не менее интересные произведения для детей. Все книги будут богато иллюстрированы известными художниками.

Благодарим за внимание к нашим изданиям.

По всем вопросам оптовой реализации
обращаться по адресу:

109033, Москва, ул. Волочаевская, 18,

тел. 273-36-84

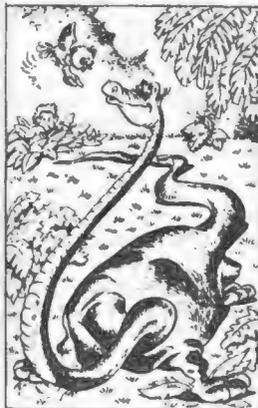
ТПО «ИНТЕРФЕЙС»

или

150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

АООТ «Ярославский полиграфкомбинат».

Тел. 21-63-13

ЛР № 060729 от 18.02.92.
Подписано в печать 02.02.94. Формат 60×90/16. Объем 28 п. л. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 2. Тираж 30 000 экз. Зак. № 855.

109033, Москва, ул. Волочаевская, д. 18.
ГПО «Интерфейс»

АООТ «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

